

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

*ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО*

БЛАГОДАРИТ ПАО «ТРАНСНЕФТЬ»,

ЛИЧНО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ИППО

Н.П. ТОКАРЕВА

ЗА ПОМОЩЬ

В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ОБЩЕСТВА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ
ОБЩЕСТВО»

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
115

К 100-ЛЕТИЮ
МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИППО
ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ

Издательство «ИНДРИК» 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редакционная коллегия:

С.В. Степашин (председатель),
А.И. Долинин, С.Ю. Житенёв, С.П. Карпов, О.А. Колобов,
Н.Н. Лисовой (ответственный редактор),
Марк (Головков), митрополит Рязанский и Михайловский,
Е.Н. Мещерская, А.В. Назаренко, О.Г. Пересыпкин,
М.Б. Пиотровский, М.В. Рождественская

Тексты статей публикуются в авторской редакции

Православный Палестинский сборник. Выпуск 115.
К 100-летию мученической кончины Председателя ИППО
Великой Княгини Елизаветы Федоровны /
Отв. ред. Н.Н. Лисовой. — М.: Индрик, 2018. — 436 с.

ISBN 978-5-91674-520-7

ISBN 978-5-91674-520-7

© Авторы статей, текст, 2018
© Императорское Православное
Палестинское Общество, 2018
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2018

ТРАГИЧЕСКИЕ ГОДОВЩИНЫ

Степашин С.В. К 100-летию мученической гибели
Председателя ИППО Великой Княгини Елизаветы Федоровны 11

Громова А.В. Основные направления общественной
деятельности Великой Княгини Елизаветы Федоровны 21

Лисовой Н.Н. Сергей Александрович (орфоэпический этюд) 31

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ НА ПРАВОСЛАВНОМ ВОСТОКЕ

Смирнова И.Ю. Русские Духовные Миссии
в Пекине и Иерусалиме: особенности реформирования
после Крымской войны (1850-е — 1860-е гг.) 49

Вах К.А. Из истории русской светописы:
архимандрит Антонин и его фотографические опыты
в Греции (1856–1860 гг.) 61

Житенёв С.Ю. Паломнические и творческие путешествия
Василия Васильевича Верещагина на Ближний Восток
в 1870 и 1883–1884 гг. 101

Хаурова В.Ш. Помощник при постройках
русских богоугодных заведений в Иерусалиме М.Ф. Грановский:
неизвестные страницы биографии 107

<i>Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б.</i> Под знаком Тавифы: к 125-летию освящения Русской церкви в Яффе	125
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ИЕРУСАЛИМСКИХ СВЯЗЕЙ

<i>Бутова Р.Б.</i> Храмостроительница и благотворительница: к 220-летию со дня рождения Марии Михайловны Киселёвой	159
---	-----

<i>Протоиерей Алексей Марченко.</i> «Староста Елеонский» — соликамский купец А.В. Рязанцев и его отношения с архимандритом Антонином (Капустиным)	173
---	-----

<i>Кутова Е.В.</i> Из истории Вятского отдела Императорского Православного Палестинского Общества.	183
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Петрунина О.Е.</i> Записка посланника в Константинополе А.П. Бутенева об избрании Салоникского митрополита Каллиника Александрийским Патриархом (1858 г.)	233
---	-----

<i>Соломина О.Л.</i> Афонская экспедиция 1859–1860 гг. в документах и письмах её участников	249
--	-----

<i>Вах К.А.</i> Письма русских афонских монахов к П.И. Севастьянову	281
--	-----

<i>Герд Л.А.</i> Письма архимандрита Антонина (Капустина) к профессору И.В. Помяловскому	368
---	-----

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЕКТА

<i>Кобищанов Ю.М.</i> Христианство и цивилизации Сирии, Месопотамии и Аравии в I — первой трети VII в. (продолжение)	387
--	-----

<i>Муравьёв А.В.</i> Сирия и Месопотамия в III–V вв.	389
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лисовой Н.Н.</i> С Шулхан-Арухом к Святому Гробу. (Рецензия на книгу: Король М. Храм Гроба Господня. М., 2013) . . .	399
--	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

70-летний юбилей академика Сергея Павловича Карпова	406
---	-----

Профессору Олегу Алексеевичу Колобову — 70 лет.	408
---	-----

К 70-летию Александра Васильевича Назаренко.	411
--	-----

К 100-летию Василия Григорьевича Солодовникова	414
--	-----

ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ

<i>Вах К.А.</i> Памяти Ольги Андреевны Белобровой	421
---	-----

<i>Житенёв С.Ю.</i> Академик РАН Сергей Леонидович Тихвинский (1918–2018)	426
--	-----

<i>Гинцбург С.Ю.</i> Анна Аркадьевна Долинина (1923–2017)	429
---	-----

<i>Лисовой Н.Н.</i> Памяти Оли Лосевой	431
--	-----

ТРАГИЧЕСКИЕ ГОДОВЩИНЫ

СВЕТЛАЯ ЖИЗНЬ И ТРАГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ: к 100-летию мученической кончины ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИППО Великой Княгини Елисаветы Феодоровны

Председатель ИППО
С. В. Степашин

Принцесса Елизавета Александра Луиза Алиса (в семье ее называли Элла) родилась в протестантской семье великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории. Имя Елизаветы было дано ей в крещении в память о святой Елизавете Тюрингской — почитаемой прародительнице династии. После смерти матери (в 1878 г.) Элла воспитывалась в Англии у бабушки-королевы. В 1884 г. принцесса Элла вышла замуж за великого князя Сергея Александровича, младшего брата императора Александра III.

Ко времени, когда Элла приехала в Россию, великий князь уже два года возглавлял Палестинское Общество. Со времени первого своего паломничества в Иерусалим в 1881 г. он принял близко к сердцу русское дело в Палестине, заботу о русских паломниках и о поддержании православия в Святой Земле, в ранние годы ИППО он особенно деятельно и ревностно исполнял свои председательские функции.

Думаю, не будет преувеличением предположить, что и Елизавета Федоровна с самого начала своей петербургской жизни была в курсе того, что делалось в Палестинском Обществе, интересами которого жил ее муж, близко общалась с руководящими деятелями Общества и его покровителями среди высшей имперской бюрократии.

По законам Российской империи Элла имела право не принимать православия, могла остаться в отеческой протестантской вере. Но она хотела во всем, до гроба и за гробом, быть вместе со своим мужем. И совсем неслучайно проблема выбора и постепенного вхождения, укоренения в православие для Елизаветы Федоровны облегчалась именно участием в жизни Православного Палестинского Общества. Во-первых, потому что оно не по имени только было Православное, во-вторых, — было Палестинское, ставило задачей возрождение и укрепление духовного единства Святой Земли и Святой Руси.

С этой точки зрения, паломничество в сентябре-октябре 1888 г., когда Сергей Александрович с супругой и братом, великим князем Павлом Александровичем, прибыли в Иерусалим для участия в освящении церкви Марии Магдалины, построенной в память императрицы-матери Марии Александровны, стало для Елизаветы Федоровны важной вехой, ничем не заменимым духовным опытом.

Строительство храма (его закладка состоялась 21 января 1885 г.) стало первым архитектурным проектом Палестинского Общества в Святой Земле. Храм был построен за три года. В его создании участвовала вся царская семья. Половину денег на строительство — 100 000 рублей — пожертвовал Александр III, по 15 000 выделил каждый из четырех его братьев (Алексей, Владимир, Сергей, Павел), еще 5 000 — их сестра Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская. Представители придворной аристократии участвовали в украшении и обустройстве храма. Великая княгиня Елизавета Федоровна собственноручно вышила ковер для жертвенника храма.

Хочу сказать об одной распространенной легенде. Многие авторы указывают, будто бы Елизавета Федоровна высказывала желание быть погребенной именно там, в Гефсимании. Это Мария Александровна высказывала такое желание перед смертью. Не принцессе Элле, которой было 24 года, могло придти в голову умирать и быть погребенной в этом храме. Известно, что императрица Мария Александровна, которая мечтала о паломничестве в Святую Землю, но по болезни не могла его совершить, перед смертью высказывала как несбыточное пожелание быть хотя бы погребенной там.

Другое дело, что есть высокий смысл в том, что мощи святой Елизаветы Федоровны почивают ныне в том самом храме, который был воздвигнут как храм-памятник в память другой подвижницы из той же царственной семьи — императрицы Марии Александровны.

По воспоминаниям помощника великого князя Сергея Александровича М.П. Степанова, на Елизавету Федоровну произвело особо сильное впечатление посещение Гроба Господня. «Когда она, войдя в Кувуклию и поклонившись Гробу Господню, спустя некоторое время вышла оттуда, то была вся в слезах. Присутствовавший при этом турецкий паша (губернатор Иерусалима), подойдя к Степанову, пожал ему руку и, указывая на слезы княгини, сказал: «Поздравляю». «Он все понял», — заключил Степанов.

И когда Сергей Александрович был назначен генерал-губернатором Москвы, Элла решила больше не откладывать. В церковную столицу России она должна была въехать с мужем уже православной. В 1891 г., в Лазареву субботу, над Великой Княгиней было совершено Таинство Миропомазания, причем ей было оставлено прежнее имя, но уже в честь святой праведной Елисаветы — матери святого Иоанна Предтечи.

... 4 февраля 1905 г. трагически погиб великий князь Сергей Александрович, убитый террористом. Оплавав горячо любимого мужа, Елисавета

Федоровна изъявила готовность стать на его место — Председателя Императорского Православного Палестинского Общества. Два дня спустя Император Николай II Александрович принял вице-председателя ИППО Н.М. Аничкова с всеподданнейшим докладом о желании Великой Княгини Елизаветы Федоровны принять на себя звание Председателя Общества. Государь начертал на докладе резолюцию: «Вполне согласен». «Знаете, — милостиво на словах прибавил Государь Император, — лучшего Общества не могло бы и желать. Очень хорошо, что Великая Княгиня согласилась поддерживать прекрасное Общество, которое с такою заботливостью основал и берег Великий Князь».

Извещенная о высочайшем соизволении, Великая Княгиня Елизавета Федоровна 14 февраля 1905 г., телеграфировала в Совет ИППО: «Сердечно утешена милостью Государя поручить мне председательствовать в Императорском Православном Палестинском Обществе. Сподобившись великого счастья поклониться Гробу Господню, я с тех пор сохраняю крепкую любовь и уважение к деятельности Общества. Уповаю, что молитвами моего незабвенного дорогого мужа Господь вразумит меня и поможет в совместной работе с достойными деятелями Общества служить на благо Его высоко-святым целям».

Новое поприще общественного служения оказалось для Великой Княгини понятным и органичным потому, что многие деятели ИППО были близки ей и по духу, и по интересам.

Сложнейшим вопросом, которым пришлось заниматься второму Председателю ИППО, был поиск источников финансирования для расширяющейся деятельности Общества на Православном Востоке. Финансовые проблемы Общества были настолько серьезными, что высказывались предложения о закрытии школ ИППО в Сирии. В ответ на эти опасения, которые произвели на Елизавету Федоровну удручающее впечатление, она заявила о своей готовности «поддержать в крайности Общество». Великая Княгиня Елизавета Федоровна, как Председатель Общества, обратилась за помощью Императору Николаю II, который разрешил выделить Обществу субсидию в 150 тыс. руб. до 1912 г. включительно. Елизавете Федоровне удалось также решить деликатный вопрос об освобождении Общества от обязательства ежегодно выделять 10 350 руб. на содержание Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и 5 тыс. руб. на ремонт и содержание храма святой Марии Магдалины в Гефсимании. Поскольку, как отмечалось в отчете за 1908 год, эти средства черпались из пожертвований в церковные кружки, было бы желательно, чтобы они шли по прямому назначению — на улучшение быта русских паломников в Святой Земле, в чем ощущалась острая нужда. Император согласился с доводами Великой Княгини.

В 1907 г. в Петербурге и Иерусалиме торжественно праздновали 25-летний юбилей ИППО. Государь-император почтил Елизавету Федоровну

рескриптом, в котором говорилось: «В деле этом Ваше Высочество нашли новое поприще для проявления Вашей всегдашней отзывчивости на все доброе и любви к России. Под попечительным председательством Вашим Общество сохранило, при помощи Божией, приобретенное им доверие населения и свое значение в Святой Земле. Ныне, обладая в Палестине владениями ценностью почти в два миллиона рублей, ИППО имеет 8 подворий, где находят приют до 10 тысяч паломников, больницу, шесть лечебниц для приходящих больных и 101 учебное заведение с 10400 учащихся; за 25 лет им выпущено в свет 347 изданий по палестиноведению».

Важнейшим проектом ИППО во время его возглавления Елизаветой Федоровной стало создание Никольского храма и подворья ИППО в итальянском городе Бари. В 1910 г. было принято решение приступить к строительству там нового подворья Палестинского Общества.

Великая Княгиня 2 февраля 1911 г. обратилась к Императору Николаю II с просьбой произвести в 1911 г. во всех храмах и монастырях Российской Империи тарелочный сбор на сооружаемый храм, приурочив это к 9 мая — празднику перенесения мощей Святителя Николая из Мир Ликийских в Бари. Доклад Председателя ИППО удостоился высочайшего одобрения и собственноручной приписки Государя: «и в 1912 году». Император Николай II учредил 12 мая 1911 г. Барградский комитет и стал первым жертвователем, внеся от своего имени и от имени Императрицы Александры Федоровны на Барградский проект 10 тыс. руб.

Великой Княгине Елизавете Федоровне принадлежала инициатива поручить проект архитектору А.В. Щусеву, который только что закончил строительство собора для Марфо-Мариинской обители в Москве. Первая мировая война помешала, но не отменила русского строительства в Барграде, которое было закончено в 1915 г. Но убранство храма и подготовка его к освящению были отложены надолго. Нижний храм был освящен в 1921 г., верхний Никольский храм — лишь 21 мая 1955 г., в канун престольного праздника. 9 мая 1998 г., согласно соглашению Московской Патриархии с муниципалитетом г. Бари, храм, дом в саду и часть странноприимного дома (так называемые «царские покои») были возвращены Русской Православной Церкви Московского Патриархата. В 2008 г. состоялась полная передача всего комплекса подворья в Бари. Так, более чем через 100 лет был окончательно завершен Барградский проект, задуманный и начатый Великой Княгиней Елизаветой Федоровной.

Предметом особой заботы Великой Княгини Елизаветы Федоровны как Председателя ИППО была школьная сеть Общества в Палестине и Сирии. По данным за 1909 г., в 25 русских учебных заведениях Палестины обучалось 1576 человек, в 77 школах Сирии и Ливана — 9974 учеников. Для руководства таким большим количеством школ было образовано 3 инспекторских округа: Северно-Сирийский (в него входили школы Триполийской,

Хомской и Аккарской епархий), Южно-Сирийский (школы Южной Сирии, от Дамаска до Бейрута — в Селевкийской (Захлийской), Тиро-Сидонской и Бейрутской митрополиях) и Галилейский (Назарет, Хайфа и окрестности). Отдельно, вне инспекторских округов, функционировали два педагогических «анклава»: школы в Иудеи (их было всего 4, подчиненных начальнице Бет-Джалльской женской учительской семинарии) и школы Бейрута, подчиненные знаменитому русскому педагогу М.А. Черкасовой.

Понимая значение русских школ в регионе как важнейшего фактора духовного и политического присутствия России, правительство Российской Империи шло навстречу Обществу. 5 июля 1912 г. Император Николай II утвердил одобренный Государственной Думой России закон о бюджетном финансировании учебных заведений ИППО в Сирии (включая территорию современного Ливана). В первой статье закона говорилось: «Отпустить из

средств государственного казначейства в пособие Императорскому Православному Палестинскому Обществу на содержание русских учебных заведений в Сирии в 1912 году сто двадцать шесть тысяч семьсот девяносто девять рублей, в 1913 году — сто сорок восемь тысяч четыреста шестьдесят пять рублей и в 1914 году — сто пятьдесят три тысячи четыреста шестьдесят пять рублей, а начиная с 1915 года отпускать на ту же надобность по сто пятьдесят восемь тысяч четыреста шестьдесят пять рублей в год». Аналогичная мера планировалась и для школ Палестины.

После Февральской революции и отречения от престола Императора Николая II в 1917 г. Елизавета

Федоровна сочла необходимым сложить с себя звание Председателя ИППО, чтобы ни в чем не повредить в сложившейся ситуации дальнейшей деятельности Палестинского Общества. 6 апреля 1917 г. Совет, уже не «Императорского», а просто Православного Палестинского Общества, принял отставку Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

В апреле 1918 г. Великая Княгиня была арестована в своей обители, вывезена из Москвы на Урал. В ночь на 18 июля 1918 г., на следующий день после расстрела царской семьи, члены Императорского Дома и близкие к ним люди, содержащиеся в Алапаевске, были убиты и сброшены в Синячихинскую шахту, в 18 км от города.

28 сентября 1918 года Алапаевск заняла армия адмирала А.В. Колчака.

...Пальцы правых рук Елисаветы Феодоровны, инокини Варвары и князя Иоанна Константиновича были сложены для крестного знамения, на груди Великой Княгини был обнаружен образок Иисуса Христа, а в кармане пальто князя Иоанна Константиновича лежала икона, полученная в дар

от святого Иоанна Кронштадтского. После вскрытия тела омыли, одели в чистые белые одежды и поместили в деревянных гробах, внутри которых были футляры из кровельного железа. Гробы были поставлены в Кладбищенском храме Алапаевска, затем тела поместили в склеп, устроенный в южной стороне алтаря Свято-Троицкого собора.

С наступлением Красной Армии в июне 1919 г. решено было вывезти останки из города. По ходатайству находившегося в Екатеринбурге игумена Серафима (Кузнецова), настоятеля Серафимо-Алексеевского скита Белогорского Свято-Николаевского монастыря, генерал М.К. Дитерихс получил от адмирала А.В. Колчака разрешение на перевозку гробов. 14 июля 1919 г. восемь гробов поместили в товарный вагон для отправки в Читу. Сопровождал тела игумен Серафим с двумя послушниками. В Читу состав пришёл 30 августа. Гробы при содействии атамана Г.М. Семенова перевезли в Богородицкий женский монастырь, где поместили под полом кельи, в которой поселился игумен Серафим. 5 марта 1920 г. гробы были вывезены из Читы и отправлены в Китай.

В начале марта 1920 г. останки прибыли в Харбин, где их встретил епископ Камчатский Нестор (Анисимов), а позднее в город прибыл князь Николай Кудашев, последний императорский посланник в Китае. При нём гробы были вскрыты для опознания и был составлен протокол. 8 апреля 1920 г. поезд выехал из Харбина в Мукден, откуда 13 апреля направился в Пекин. 16 апреля 1920 г. на вокзале Пекина гробы были встречены крестным ходом и перенесены в храм Серафима Саровского на кладбище, располагавшемся к северу от территории Русской Духовной Миссии в Пекине за Аньдинмыньскими воротами в 2 км от города. В коммунистическом Китае храм был снесен, а на его месте разбит парк, в настоящий момент останки мучеников считаются утраченными.

В ноябре 1920 г. по желанию сестры Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, принцессы Виктории Баттенбергской, из Пекина останки Елисаветы Феодоровны и сестры Варвары (Яковлевой) были отправлены в Тяньцзинь, затем в Шанхай, а оттуда морем, через Суэцкий канал в Порт-Саид (Египет) и затем в Иерусалим. Их сопровождал игумен Серафим (Кузнецов), в Порт-Саиде к нему присоединились принцесса Виктория с супругом Людвигом и дочерью Луизой. 28 января 1921 г. в Иерусалиме гробы с телами мучениц были торжественно встречены греческим и русским духовенством, а также многочисленными русскими эмигрантами.

Мощи были привезены в храм святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании. Два дня при них служились панихиды, а 30 января 1921 г. Иерусалимский Патриарх Дамиан совершил заупокойную литургию и на великом входе прочёл разрешительную молитву по погибшим, а затем после панихиды гробы поместили в склеп, устроенный в крипте храма.

После прославления РПЦЗ Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и

инокини Варвары (Яковлевой) в лике святых 1 мая 1982 г., в день празднования Недели святых жен-мироносиц, мощи были перенесены из крипты в храм. Русская Православная Церковь Заграницей канонизировала всех убитых под Алапаевском (кроме Ф. Ремеза) в лике мучеников. Русская Православная Церковь Московского Патриархата причислила к лику святых Великую Княгиню Елисавету Феодоровну и инокиню Варвару (в лике преподобномучениц).

Решением Совета Императорского Православного Палестинского Общества 2018 год был объявлен Годом преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. В 2018 г. была подготовлена и осуществляется региональными и зарубежными отделениями нашего Общества большая и насыщенная программа мероприятий, посвящённая 100-летию трагической кончины преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Весной этого года была издана замечательная книга В.И. Мельника «Летопись жизни Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны Романовых». В конце апреля сего года в городе Бари (Италия) делегация Общества приняла участие в торжественной церемонии открытия выставки «Русская икона. Молитва и Милосердие», посвящённой православным святым и преподобномученице Великой Княгине Елисавете Феодоровне.

11 мая 2018 г. в Москве прошла торжественная церемония вручения Премий памяти первых Председателей ИППО в Доме Союзов. Премия имени Великого Князя Сергея Александровича под девизом «Патриоты России» учреждена в память о военных и государственных заслугах первого Председателя Общества и присуждается в номинации «Военно-патриотическое воспитание молодого поколения». Премия имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны под девизом «Доброе сердце» учреждена в память о делах милосердия второго Председателя ИППО и присуждается в номинации «Бескорыстное служение делу милосердия, благотворительности и гуманитарного образования молодого поколения».

26 мая 2018 г. в Орловской области состоялось проведение X Всероссийского семинара руководителей региональных отделений ИППО, посвящённого 100-летию мученической гибели императорской семьи Романовых и трагической кончины преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны, второго Председателя ИППО. Участники семинара посетили женский монастырь во имя святой Ксении Петербургской в селе Долбенкино, бывшее великокняжеское имение Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны, в ходе которого членами ИППО была высказана идея о желательности восстановления имения и создания на его базе Музейно-просветительского центра ИППО.

В июле 2018 г. члены Екатеринбургского отделения ИППО и многих других региональных отделений Общества приняли участие в освящении храма во имя преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны в обители Новомучеников Российских в городе Алапаевске и открытии

памятной доски в благодарность ИППО за оказанную помощь при строительстве храма. После чего состоялась паломническая поездка членов Общества в Святую Землю, где прошли поминальные мероприятия в Иерусалиме, посвящённые 100-летию гибели императорской семьи Романовых и преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

В конце октября 2018 г. в Москве состоится большая Всероссийская научно-общественная конференция ИППО, посвящённая 100-летию трагической кончины преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. А в начале ноября наше Общество проведёт в городе Дармштадт (Германия) Дни памяти преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. В рамках этих мероприятий будет установлена Памятная доска в честь преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны в г. Дармштадте. В настоящее время проходят и будут проходить во многих региональных и зарубежных отделениях ИППО мероприятия, посвящённые 100-летию трагической кончины преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ

А. В. Громова

Гессен-Дармштадтская принцесса Елизавета Александра Луиза Алиса (Элла) приехала в Россию в 1884 году в качестве невесты великого князя Сергея Александровича (1857–1905), пятого сына императора Александра II. После венчания она получила титул «Ее Императорского Высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны».

Принцесса Элла, воспитанная в традициях благотворительности и христианского милосердия Гессенского Великогерцогского Дома, продолжила свое общественное служение в России. Высоким нравственным ориентиром всегда была для нее ее небесная покровительница св. Елисавета Венгерская (Тюрингенская), прославленная за дела милосердия в 1235 году. Вдохновлял также ее на подвиги милосердия в течение всей жизни пример самоотверженной помощи ближним ее матери — принцессы Гессен-Дармштадтской и Прирейнской Алисы, дочери королевы Виктории.

Уже в первый год своего пребывания в России великая княгиня Елизавета активно включается в работу основанного в 1867 году императором Александром II (1818–1881) Российского общества попечения о больных и раненых воинах (с 1879 г. — Российское общество Красного Креста — РОКК). Великая Княгиня следует примеру покровительницы РОКК императрицы Марии Александровны (1824–1880), (также Гессенской принцессы), матери своего супруга.

В некрологах на смерть императрицы в 1880 году российские газеты называли ее «духовной погодой царствования», «олицетворением России при государе», «матерью сирот и родительницей вдов», отмечают ее «великие заслуги» и «незабвенное наследство, оставленное усопшей русскому государству и народу — в первую очередь это Красный Крест, с этим учреждением имя покойной императрицы будет переходить из рода в род»¹ [Пономарев 1880: 23; Фриндман 1881: 9, 25].

В 1884 г. Елизавета приняла на себя руководство Санкт-Петербургским Дамским Комитетом РОКК, находившимся под покровительством императрицы Марии Федоровны. Непосредственное участие в выполнении благотворительных обязанностей, принятых Императорским Домом Романовых, знакомство с традициями и укладом русской жизни, изучение русского языка и литературы постепенно приводят великую княгиню к пониманию особого значения христианской веры, Православной Церкви в жизни каждого в России, в прошлом и настоящем ее новой Родины.

Незабываемое паломничество 1888 года в Святую Землю, сила духа и христианская убежденность великого князя Сергея, его практическое следование Евангелию и бесконечное терпение подтолкнули великую княгиню к решению, которое давно назрело. В апреле 1909 года она вспоминает: «Когда я была протестанткой, Сергей с его большим сердцем и тактом никогда не навязывал мне своей религии... Сергей, который знал свою веру и жил по ней настолько истинно, насколько может настоящий православный христианин, и меня так возрастил...» [Материалы по житию ...1996: 25].

В Лазареву субботу 13 апреля 1891 года великая княгиня присоединилась к Православной Церкви через обряд миропомазания в домовый церковь Сергиевского дворца в Санкт-Петербурге. Своей небесной покровительницей она избрала святую праведную Елисавету, мать Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, о чем сообщила своему отцу: «Я чувствую себя такой безгранично счастливой в моей новой вере» [Миллер 1994: 72].

Назначение великого князя Сергея Александровича московским генерал-губернатором 26 февраля 1891 года резко меняет весь уклад жизни великокняжеской четы. Преданный Преображенскому полку, которым он командовал, более склонный к частной жизни, великий князь принимает на себя ответственное административное и общественное служение. В этой должности он осуществлял непосредственное управление Москвой и Московской губернией. В 1896 году Сергей Александрович был утвержден также в должности командующего войсками Московского военного округа.

Одной из самых масштабных проблем, с которой столкнулся новый московский генерал-губернатор в первый год своего управления, стал голод в 25 губерниях в Центральной России, наступивший в 1891 году из-за неурожая. Великая княгиня Елизавета Федоровна возглавила Московский Комитет помощи голодающим. К январю 1892 года общая сумма пожертвований достигла более полумиллиона рублей [Максимова 1998: 110]. Основной взнос в Комитет поступил от Рождественского благотворительного базара, организованного 14 декабря великой княгиней в фойе Большого театра с помощью РОКК, председателем Московского местного отделения которого был великий князь Сергей Александрович. Отныне проведение благотворительных базаров, выставок, спектаклей, цветочных праздников стали для москвичей привычной формой помощи нуждающимся.

Великокняжеская чета взяла под свое покровительство более 100 благотворительных, научных, художественных, театральных и музыкальных обществ и организаций в Москве.

Своим активным участием в событиях художественного мира Москвы великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна пробуждали интерес москвичей к искусству. К ним восходит традиция благотворительных художественных выставок. Так, в 1901 г. экспонаты из личной коллекции великокняжеской семьи в благотворительных целях с успехом демонстрировались на выставке произведений старины в Строгановском училище, покровительницей которого в тот год стала великая княгиня. Сергей Александрович представил на благотворительной выставке портреты русских царей и цариц второй половины XVIII — первой половины XIX вв., Елизавета Федоровна — старинные кружева европейской работы, княгиня Зинаида Юсупова — уникальные изделия из серебра [Москва — Святая Земля... 2017: 175]².

Одним из значительных событий европейской общественной жизни тех лет стала Всемирная выставка в Париже 1900 г., приуроченная к началу нового столетия. Она превзошла все предыдущие международные выставки по обширности, содержанию и количеству посетителей, число которых превысило 47 000 000 человек [Участие России... 1901: 74]. Одним из активных участников стала Российская империя — ближайший тогда союзник Франции. 8 января 1899 г. великая княгиня Елизавета официально была назначена покровительницей кустарного отдела выставки³. Именно этот отдел пользовался особым вниманием и спросом среди посетителей выставки на всем ее протяжении — с апреля до самого закрытия в ноябре 1900 г.: всего было продано кустарных изделий на сумму 70 000 франков в количестве 343 ящиков (всего же на выставку прибыло 380 ящиков) [Участие России... 1901: 52].

В разделах церковного, а также исторического искусства, добавленных по инициативе великой княгини, были широко представлены изделия воспитанниц Елисаветинского благотворительного общества, а также Домов трудолюбия и Работных домов, состоявших под августейшим покровительством императрицы Александры Федоровны [Участие России... 1901: 51, 53].

По инициативе великой княгини на выставке было устроено справочное бюро при Главном Комитете Кустарного отдела [Отчет состоявшего... 1901: 12]. Кустарным отделом было получено 119 медалей — два Гран При, 19 золотых медалей, 33 серебряных, 31 бронзовая и 34 почетных отзыва. Причем Гран При получили изделия Домов трудолюбия и Работных домов, а также работы монастырей, собранные под личным наблюдением Елизаветы Федоровны [Отчет состоявшего... 1901: 15]. Так, благодаря труду многих талантливых художников, архитекторов, народных умельцев и кустарей, а также благодаря высокому художественному вкусу, практичности и

организаторским способностям великой княгини Елизаветы Федоровны, кустарный отдел Русского павильона имел огромный успех на Всемирной Парижской выставке 1900 года.

Одним из масштабных общественных начинаний в Москве и Московской губернии было созданное великой княгиней Елисаветинское благотворительное общество (1892–1917). Цель его, согласно Уставу, состояла в «попечении о вскармлении и воспитании законных младенцев, которые по бедности и беспомощности их родителей, могли бы остаться, за отсутствием такого попечения, без приюта и призрения». Общество способствовало взаимодействию церковных приходов, обеспеченных граждан-благотворителей, представителей местной власти и различных общественных деятелей. В Москве было образовано 224 Елисаветинских комитета⁴.

Елизавета Федоровна стала крупнейшим жертвователем в пользу общества, с ее разрешения открывались детские учреждения, назначались члены Совета, она же награждала дипломами со своей подписью почетных членов общества. В общей сложности Елисаветинское благотворительное общество за двадцать лет своей деятельности на 1 января 1912 года имело капитал в 1 026 516 рублей 74 коп. За 25 лет существования учреждениями общества было воспитано, получило образование и профессию 9 000 детей.

Не случайно Елисаветинское благотворительное общество называли не только «украшением Москвы», но и «цветом христианского милосердия и просвещения». При открытии очередных яслей Елисаветинского благотворительного общества священник Храма Рождества Богородицы в Столешниковым переулке благодарил августейшую председательницу общества, которая «проникла в эту непроницаемую темь столичной бедности и нищеты — усмотрела в ней те бедствия, какие несут несчастные дети неимущих родителей...призывая и нас всех поспешить на помощь»⁵.

В конце 1895 года Елизавета Федоровна, хорошо осведомленная о нуждах беднейших жителей не только Москвы, но и имперской столицы, предлагает учредить новую общину сестер милосердия РОКК в Санкт-Петербурге для оказания медицинской и духовной помощи населению рабочих окраин, в частности жителям Большой и Малой Охты в Выборгской части. В ознаменование своей коронации в 1896 года Император Николай II пожаловал великой княгине Елизавете Федоровне 150 000 рублей. На эти деньги ею была куплена дача на Полюстровской набережной, в которой и разместилась Елисаветинская община. Для усиления средств общины великая княгиня организовала комитет, куда стекались денежные и вещевые пожертвования, доходы от лотерей, балов и др. В апреле 1910 г. на счет комитета великая княгиня Елизавета Федоровна внесла 9 000 рублей. В том же году ею в Сергиевском дворце были проведены чтения о Святителе Иоасафе Белгородском, благодаря которым для Елисаветинской общины собрали более 1, 5 тыс. рублей.

При общине была открыта лечебница с терапевтическим, хирургическим и детским отделениями, а также гинекологический барак. Елисаветинская община стала одним из первых медицинских учреждений Петербурга, в котором оказывалась скорая помощь и организовывались дежурства сестер на дому. За 1900 год амбулаторию Общины посетило 33 146 человек, а в 1906 году было зарегистрировано 38 959 посещений [Волошун 2010: 21–22].

В 1894 году при Московском Дамском комитете Российского Общества Красного Креста была основана Иверская община сестер милосердия. Ее попечителями стали великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна. В общине работали аптека и несколько лечебных заведений: хирургическая (с 1897 года) и терапевтическая клиники, амбулатория, прием в которых вели лучшие врачи города.

При Иверской общине было организовано обучение сестер милосердия. Оно длилось три года, выпускницы отличались высоким уровнем медицинского образования. Лучшие из них оставались в общине. За неполных шесть лет Иверская община оказала помощь более чем 40 000 больных [Громова 2014: 35]. Прекрасная профессиональная подготовка, высокие нравственные качества — самопожертвование, терпение и сострадание, приобретенные и воспитанные в общине, позволили иверским сестрам выполнять сложнейшие задачи медицинской и духовной помощи раненым и инвалидам во время русско-японской и Великой войны.

Согласно Уставу РОКК, в отличие от подобных организаций в других странах, задачей российской организации была не только помощь раненым на театре военных действий, но и попечение об их семьях, вдовах и сиротах, долечивание воинов и инвалидов в тылу. Одним из важных направлений деятельности была помощь населению во время стихийных бедствий, эпидемий, неурожаев и других чрезвычайных ситуаций. Так, великая княгиня Елизавета Федоровна, «входя в нужды беднейшего населения г. Москвы и Московской губернии, изволила основать под своим августейшим председательством Общество помощи погорельцам г. Москвы и Московской губернии ... Почти во всех уездах при отзывчивом участии местного населения, удалось учредить свои отделы, в организации коих всегда принимали участие выдающиеся лица уезда и пользующиеся в уезде известным положением» [Максимова 1998: 105].

Немалые усилия предпринимала великая княгиня для помощи пострадавшим от наводнения в Москве и Московской губернии в 1908 г.⁶. Убыток понесли до 50 000 человек, принадлежавших к малоимущему населению. В дни бедствия Елизавета Федоровна пожалавала 1000 рублей в распоряжение городского управления в пользу пострадавших от наводнения, в Губернский комитет помощи пострадавшим — 10 000 рублей, для крестьян Московского уезда — 1000 рублей.⁷

В первый же месяц русско-японской войны в феврале 1904 года великая княгиня Елизавета Федоровна основала «Особый комитет Ее Императорского Высочества для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке». Особый комитет объявил о сборе пожертвований в пользу Красного Креста как денежных, так и вещевых. Имена всех жертвователей записывались в специальные книги и публиковались в московских газетах. Всего за время войны Особым комитетом было собрано 9 039 313 рублей 95 копеек. Все залы Большого Кремлевского Дворца в Москве были отданы Елизаветой Федоровной под склады и пошивочные мастерские, где трудились над выполнением заказов для фронта женщины разных сословий.

Великая княгиня взяла на себя заботу о прибывающих в Москву эвакуированных с театра военных действий больных и раненых воинах. Ее Императорское Высочество предложила организовать долечивание в семьях. Москвичи сердечно откликнулись на этот призыв. На частных квартирах за годы войны было размещено свыше 27 000 человек [Москва — Святая Земля... 2017: 231].

Особый комитет Елизаветы Федоровны распространял свою деятельность на всю территорию Российской империи. К концу войны в его ведении было 807 лазаретов от Москвы до Владивостока, его попечением было охвачено 25 535 нижних чинов и 1 350 офицеров [Отчет состоящей... 1907].

О благотворительной деятельности Великой Княгини Елизаветы Федоровны в период военных действий точнее всех, пожалуй, высказалась одна из ее сподвижниц — графиня А.А. Олсуфьева, отметив, что ее Императорское Высочество «была хорошо подготовлена к лидерству в большом патриотическом движении, которое развернулось по всей России...» [Olsoufieff 1923: 5].

После трагической гибели от бомбы террориста великого князя Сергея Александровича 4 февраля 1905 года, управление Московским отделением РОКК взяла на себя Елизавета Федоровна. Она становится также приемницей супруга на посту Председателя Императорского Православного Палестинского Общества.

В годы ее руководства совершились многие выдающиеся события в жизни Русской Палестины и Палестинского общества. 21 мая 1907 года в Санкт-Петербурге и Иерусалиме торжественно праздновали 25-летний юбилей ИППО. Подводя итог четверти века работы общества, Император Николай II указывал: «Ныне, обладая в Палестине владениями ценностью почти в два миллиона рублей, ИППО имеет 8 подворий, где находят приют до 10 тысяч паломников, больницу, шесть лечебниц для приходящих больных и 101 учебное заведение с 10 400 учащихся; за 25 лет им выпущено в свет 347 изданий по палестиноведению» [Лисовой 2006: 193–194].

По инициативе председателя ИППО Великой Княгини Елизаветы Федоровны было принято решение купить участок земли в Италии, в Бари, для

строительства там подворья Палестинского Общества, предназначенного для русских паломников, стремившихся к мироточивым мощам Святителя Николая Чудотворца.

В 1911 году участок был приобретен, решено было построить там храм во имя Св. Николая [Лисовой 2006: 289]. Храм и подворье ИППО в Бари были построены в 1913–1915 годах по проекту академика архитектуры А.В. Щусева, привлеченного к этому строительству Барградским комитетом также по инициативе великой княгини.

Масштабы благотворительной деятельности и годы работы в руководстве РОКК позволили великой княгине критически переосмыслить вопросы о перспективах женского социального служения. По глубокому ее убеждению, тогдашнее русское общество нуждалось не только в исцелении физических язв — нищеты, невежества, пьянства, но — в духовном врачевании — укреплении нравственности и христианской веры, в умножении сострадательного и милосердного отношения друг к другу. Поэтому духовная помощь и христианская любовь сестер милосердия была еще более востребована, чем их профессиональная медицинская подготовка.

В своем стремлении принести пользу страждущим великая княгиня Елизавета пыталась обратиться не только к современным формам европейской благотворительности, но и к опыту раннехристианского института диаконисс, которые являлись бы, по ее словам, «как бы живым связующим звеном между Церковью и народом — это именно то, что сейчас так нужно... В такой организации Церковь сейчас остро нуждается»⁸. В 1908 г. Елизавета Федоровна на собственные средства приобрела усадьбу на улице Большая Ордынка в Москве. Четыре дома с большим садом стали первоначальной основой комплекса зданий обители милосердия. Со временем здесь устроили столовую для бедных, открыли храм и больницу, а рядом заработала амбулатория для приходящих больных. Больничный храм освятили во имя святых Марфы и Марии, сестер св. праведного Лазаря. В 1909 году началось строительство собора Покрова Пресвятой Богородицы, а в 1912 году он был освящен.

Марфо-Мариинская обитель начала свою деятельность 10 февраля 1909 года. Постепенно собирались сестры. Им предстояло дать обет послушания, нестяжания, целомудрия, причем, без монашеского пострига. Они обещали творить добрые дела в духе христианской любви и помощи всем нуждающимся [Громова 2014: 38]. В 1911 г. Елизавета Федоровна подала прошение в Синод с просьбой рассмотреть вопрос о возрождении института диаконисс и предоставить возможность присваивать его старшим сестрам Марфо-Мариинской обители. Дело было слишком серьезным и его отложили до соборного суждения Церкви. Впрочем, и Поместный Собор, состоявшийся в 1917–1918 гг., не принял решения по данному вопросу.

В это время великая княгиня Елизавета Федоровна возглавляла в России (по большей части в Москве) более 150 благотворительных и просветительских организаций и учреждений. Неслучайно в своих воспоминаниях графиня П.С. Уварова отметила, что вся Москва почитала великую княгиню «святой..., жизнь которой протекала в молитве, добрых делах и помощи, оказываемой ею беднейшим слоям населения» [Уварова 2005]⁹.

В первые дни Первой мировой войны — 11 августа 1914 года — в России был создан Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, под председательством императрицы Александры Федоровны. Вице-председательницами Верховного совета были назначены великая княгиня Елизавета Федоровна и великая княжна Ольга Николаевна. Руководящая деятельность Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны распространилась на всю Россию, за исключением Петрограда, Кавказа и Финляндии. В период с августа 1914 по октябрь 1916 года Комитетом было открыто 85 губернских и областных отделений. Общее число подведомственных Комитету организаций и учреждений достигло 6 000 к концу 1916 года¹⁰.

Комитет делает миллионные обороты. Приход одних его провинциальных отделений на 1 марта 1916 г выражается цифрой, близкой к 20 млн рублей. Большая часть этой суммы — пожертвования, поступающие на нужды семейств запасных, на помощь увечным воинам. От Верховного Совета и его особой комиссии было получено свыше 4 млн рублей субсидии. За 1915 г. отделения комитета израсходовали на трудовую помощь 75-ти тысячам семейств запасных до 4 000 000 руб., а семьи запасных изготовили за это время в мастерских комитета и на дому 25 миллионов необходимейших предметов солдатского обмундирования. Комитет, кроме того, оказывал солдаткам агрономическую помощь по обработке полей, питал их в своих столовых, из которых выдано 6 500 000 обедов. 45 тысяч детей призываются в яслях и постоянных приютах комитета. 25 тыс. семейств призванных имели за счет комитета дешевые или даже бесплатные квартиры¹¹.

Предметом особой заботы Елизаветы Федоровны стало попечение о мальчиках-добровольцах 10–17 лет, ушедших без ведома близких на фронт, получивших там ранения и контузии. По ее инициативе в Москве было создано для них общежитие. Почти все преподаватели и медики работали безвозмездно. Первоначально заведение было рассчитано на тридцать человек, а после реорганизации здесь могли находиться свыше шестисот детей. Общежитие содержалось за счет средств великой княгини, министерств, благотворительных сборов, а также частных пожертвований. В 1916 г. его покровителем был объявлен наследник цесаревич Алексей Николаевич¹².

По инициативе Елизаветы Федоровны и при ее личном участии был приобретен участок земли в селе Всехсвятское для организации воинского кладбища. Открытие Братского кладбища и временной часовни состоялось 15 февраля 1915 года, в тот же день было совершено первое погребение.

В течение 1915–1917 годов Братское кладбище создавалось как один величественный Всероссийский памятник-пантеон, центром которого должен был стать храм. Известный архитектор А.В. Щусев разработал проект храма — пятиглавого, в стиле московских церквей XVII в. с элементами новгородско-псковской архитектуры. На торжественной церемонии закладки храма 6 августа 1915 года собралось огромное множество народа. Присутствовала и великая княгиня Елизавета Федоровна.

Храм был освящен в декабре 1918 года. В цокольном этаже храма предполагалось устроить музей-усыпальницу. По обеим сторонам будущего храма должны были появиться два музея, в которых предполагалось «собрать все, что относилось бы к событиям Первой мировой войны». Всего в годы Первой мировой войны на Братском кладбище было погребено 17 340 солдат, 580 офицеров, 38 общественных деятелей, 23 сестры милосердия и 14 врачей [Москва — Святая Земля... 2017: 312].

Общественная деятельность принцессы Гессенской великой княгини Елизаветы Федоровны, супруги московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, русской святой преподобномученицы, представляет собой действительно энциклопедию российской благотворительности. Соединяя в своем служении ближнему лучшие европейские и российские традиции милосердия, она успешно и результативно действовала в рамках благотворительных обязанностей, установленных для августейших особ Российского Императорского Дома. Великая княгиня возглавляла важнейшие направления государственной благотворительной деятельности в Москве — Московское отделение Красного Креста, общегосударственные комитеты во время Русско-японской и Великой войны, Императорское Православное Палестинское Общество и другие, являлась попечительницей более чем 150 благотворительных учреждений. Многогранная общественная деятельность великой княгини неотделима от ее миссионерских и просветительских трудов, масштабной работы по организации благотворительности в России.

Под ее покровительством находилось Строгановское училище, Филармоническое общество, Синодальный хор и другие творческие объединения Москвы. Широко применяя в своей работе европейские принципы индивидуального подхода к нуждающимся, поощрение благотворителей, привлечение к участию в благотворительности всех слоев российского общества, она получала широкую поддержку всех своих начинаний, поднимая на новый нравственный уровень не только нуждающихся в помощи, но и самих жертвователей, и, в целом, духовную жизнь Москвы.

Уникальные организаторские способности сочетались в общественном служении великой княгини с деятельной христианской любовью к ближнему, личным участием всеми своими силами и финансовыми возможностями в делах благотворения. Великая княгиня Елизавета Федоровна

пользовалась глубоким уважением и любовью москвичей, при жизни ее называли «Белым ангелом» и «Московской матушкой».

Святая жизнь великой христианки окончилась мученически 18 июля 1918 года в Алапаевской шахте в числе других представителей Императорского Дома Романовых. В 1981 году великая княгиня Елизавета Федоровна была канонизирована РПЦЗ. В 1992 году Архиерейский собор РПЦ также причислил ее к лику святых.

Список литературы

- Волошун П.В. 2010. Блаженны милостивые. Благотворительная деятельность Великой Княгини Елизаветы Федоровны. М.: Белый город, Дар. — 480 с.
- Громова А.В. 2014. Из истории общин сестер милосердия в Москве. — Милосердие в истории. Русский вклад от Крымской войны до Великой. М.: ЕСПО. С. 34–41.
- Иванова Е.В. 2013. О реконструкции комплекса архивных материалов о благотворительной деятельности Великой Княгини Елизаветы Федоровны. — Вестник архивиста. №3. С. 101–112.
- Лисовой Н.Н. 2006. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: Индрик. — 512 с.
- Максимова Л.Б. 1998. Вклад Великой Княгини Елизаветы Федоровны в благотворительное движение России конца XIX-начала XX века. Дисс. канд.ист.наук. М. — 229 с.
- Материалы к житию Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы (сост. и перевод Т. Коршуновой). 1996. М. — 256 с.
- Миллер Л. 1994. Святая мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Федоровна. М.: Столица. — 239 с.
- Москва — Святая Земля Великого Князя Сергея Александровича и Великой княгини Елизаветы Федоровны. Каталог выставки М.: 2017. — 336 с.
- Отчет состоявшего под Августейшим Председательством Ее Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Елизаветы Федоровны Главного Комитета по устройству отдела кустарных изделий и рукоделий России на всемирной выставке 1900 года в Париже о деятельности его в период времени с 8 января 1899 по 12 марта 1901 года. М.
- Отчет состоящей при «Особом комитете Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны» Исполнительной комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов, эвакуированных с Дальнего Востока в русско-японскую войну. С 14 июня 1904. по 1 апреля 1906 года. М., 1907.

Пономарев В.В. 1880. Кончина и погребение в Бозе почившей Государыни Императрицы Марии Александровны, великой матери русской земли. М. Участие России на Всемирной Парижской выставке 1900 г. Отчет Генерального комиссара Русского Отдела. 1901. СПб.

Уварова П.С. 2005. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Издательство им. Сабашниковых. — 295 с.

Фриндман Э.Е. 1881. Монумент Марии, или в Бозе почившей Государыне Императрице... Вильно.

Olsooufieff A., Countess. 1923. The Grande Duchess Elisabeth Feodorovna. London.

- ¹ Церковно-общественный вестник. 1880. № 61; Неделя. 1880. № 21.
- ² Московские ведомости. 1901 № 90. 3 апреля. С. 4.
- ³ РГИА. Ф. 40. Всеподданнейшие доклады по части торговли и промышленности. Оп. 1. Д. 51. Утвержденные всеподданнейшие доклады Министра финансов. Л.8
- ⁴ ЦИАМ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–5 об.
- ⁵ Московские церковные ведомости. 1892. № 3. С. 358–359.
- ⁶ Итоги разлива // Голос Москвы. 1908. № 91. 19 апреля. С.4.
- ⁷ Московские ведомости. 1908. № 92. 22 апреля. С. 3.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 60. Д. 1254. Л. 145–148 об.
- ⁹ Уварова Прасковья Сергеевна (1840–1924) — графиня, статс-дама Их Величеств. Была близким другом великой княгини Елизаветы Федоровны, помощницей в работе председательницы Московского Дамского комитета РОКК, в Мариинском убежище для престарелых сестёр милосердия в Сергиевом Посаде. Археолог, председатель Комиссии по охране древних памятников Москвы, председатель Московского Археологического общества, почетный член Академии наук.
- ¹⁰ Известия Верховного Совета по призрению лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Вып.15. Петроград, 1916. С. 38.
- ¹¹ «Московские ведомости». Двухлетний юбилей Комитета Великой Княгини Елисаветы Феодоровны
- ¹² НИОР РГБ. Ф. 278. П. 14. Ед. хр. 18. Л. 1.

СЕРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (ОРФОЭПИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

Н. Н. Лисовой

На протяжении многих лет — уже почти четверть века, занимаясь историей Православного Палестинского Общества и Русской Палестины, я в своих статьях, докладах, книгах, а также при публикации документов употребляю исключительно форму имени нашего основателя и первого Председателя великого князя — Сергей Александрович. Это написание приняли за мной мои друзья и ученики (Р.Б. Бутова, И.Ю. Смирнова, и некоторые другие). Но подавляющее большинство исследователей и публикаторов продолжают использовать традиционное светское написание: Сергѣй Александрович. С недавнего времени так стали называть великого князя и глава Русской Православной Церкви, и президент нашего государства. В связи со сказанным стоит объясниться.

Моя бабушка, Евдокия Васильевна Таланцева — дореволюционная москвичка. Я никогда не слышал из ее уст другого варианта имени, кроме *Сергий Александрович*. Точно так же говорила моя мать. Другие старые москвички, с которыми мне довелось встречаться и общаться, тоже не знали другого произношения. Таким образом, первый мой аргумент — культурологический: в среде, в которой я жил и работал, принято было говорить *Сергий Александрович*.

За этой нормой стоит многовековая традиция. Во-первых, за ней аргумент от этимологического ударения: лат. Sergius. Во-вторых, за ней долгая история бытования канонической формы собственных имен в церковнославянском и русском литературном языке. Как писал Б.А. Успенский в своей книге «Из истории русских канонических имен», «канонические формы собственных имен относятся по преимуществу к церковнославянскому языку. С другой стороны, они имеют прямое касательство и к собственно русскому языку — постольку, поскольку в отношении определенного круга лиц (титованные особы, духовные лица) принято употреблять именно каноническую

форму имени (ср. «князь Сергей», «Анна Иоанновна», «отец Иоанн» и т.п.). Если в отношении титулованных особ данное явление можно понимать как реликт высокого стиля, то в отношении лиц духовного звания здесь можно видеть непосредственное влияние церковнославянского языка»¹.

Что касается происхождения литературной формы *Сергей*, Успенский ссылался на добротную дореволюционную публикацию Л. Васильева², который в свое время «обращал внимание на несоответствие ударения в разговорных (просторечных) и литературных вариантах имен на *-ий*, приводя в числе примеров: Амплий — Амплэй, Гордий — Гордэй, Сергей — Сергэй... Феодосий — Федосей. При этом Васильев рассматривал эти случаи, как примеры переноса ударения с предпоследнего слога на последний в *народных формах личных имен*, т.е. как случаи разговорного видоизменения этих имен в народном языке»³.

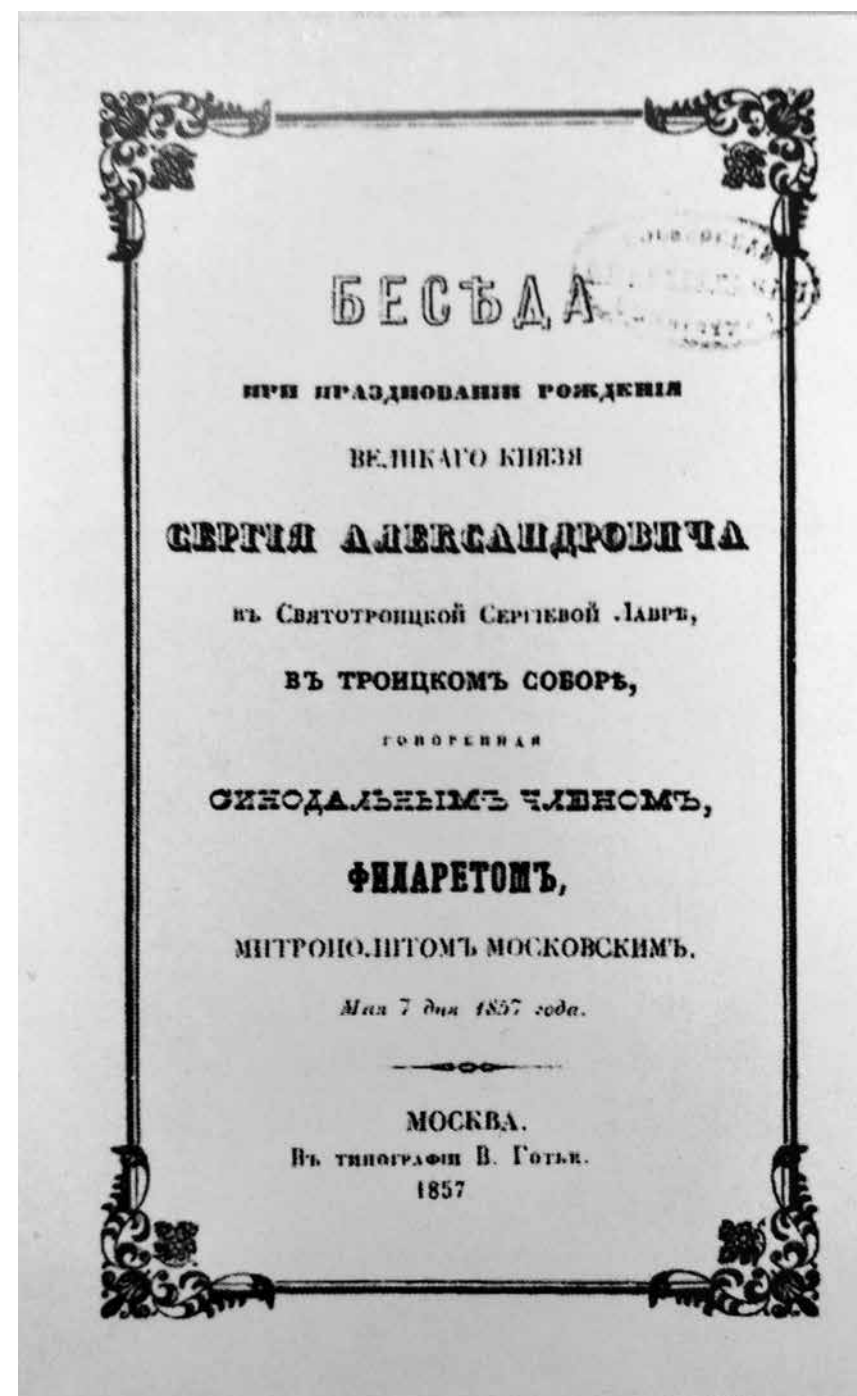
Не менее важный фактор, поддерживавший норму — принятое именование великого князя в официальных (и неофициальных, но авторитетных для нас) церковных источниках, связанных с его рождением.

Редкий случай: мы имеем надежное историческое свидетельство о том, как, с какой мыслью, при каких обстоятельствах принималось решение о выборе имени. Это свидетельство принадлежит митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету (Дроздову), ныне прославленному Церковью в святительском лике. Вскоре после коронации, 19 сентября 1856 года, пишет святитель Филарет, император Александр II с супругой, императрицей Марией Александровной, посетил Троице-Сергиеву Лавру, где возложил на главу Преподобного новоустроенный покров, и «с глубоким утешением и умилением были мы свидетелями молитвы, но не знали тайны, которая с нею была соединена. Теперь мы ее знаем. Благочестивейшие, у гроба молитвенника и заступника России, пред нетленными его останками, дали тайный обет, что если Бог дарует им сына, то нарекут его Сергием — в память и благодарность великому угоднику Божию. И благочестивейшие исполнили свой обет, дав новорожденному имя Сергия»⁴.

Это имя, подчеркнем, впервые было введено тогда в русский династический именовослов, что отметил не только московский святитель. Архимандрит Антонин (Капустин), тогда настоятель русской посольской церкви в Афинах, записывает 15 мая 1857 г. в дневнике: «Указ о рождении великого князя Сергия Александровича. Новое и небывалое в царском роде имя. Быть новорожденному преподобным»⁵. В этом варианте встречается великий князь в дневниках Антонина и во все последующие годы. Аналогично 16 ноября 1869 г. в дневнике отмечен «манифест о рождении великого князя Сергия Михайловича».

Великие князья не являются исключительными случаями подобного именования. Как отмечалось выше, для круга «сановных» лиц церковнославянская форма имени нередко воспринималась как элемент элитарного языка. Так, хорошо известна в эпиграмме А.С. Пушкина:

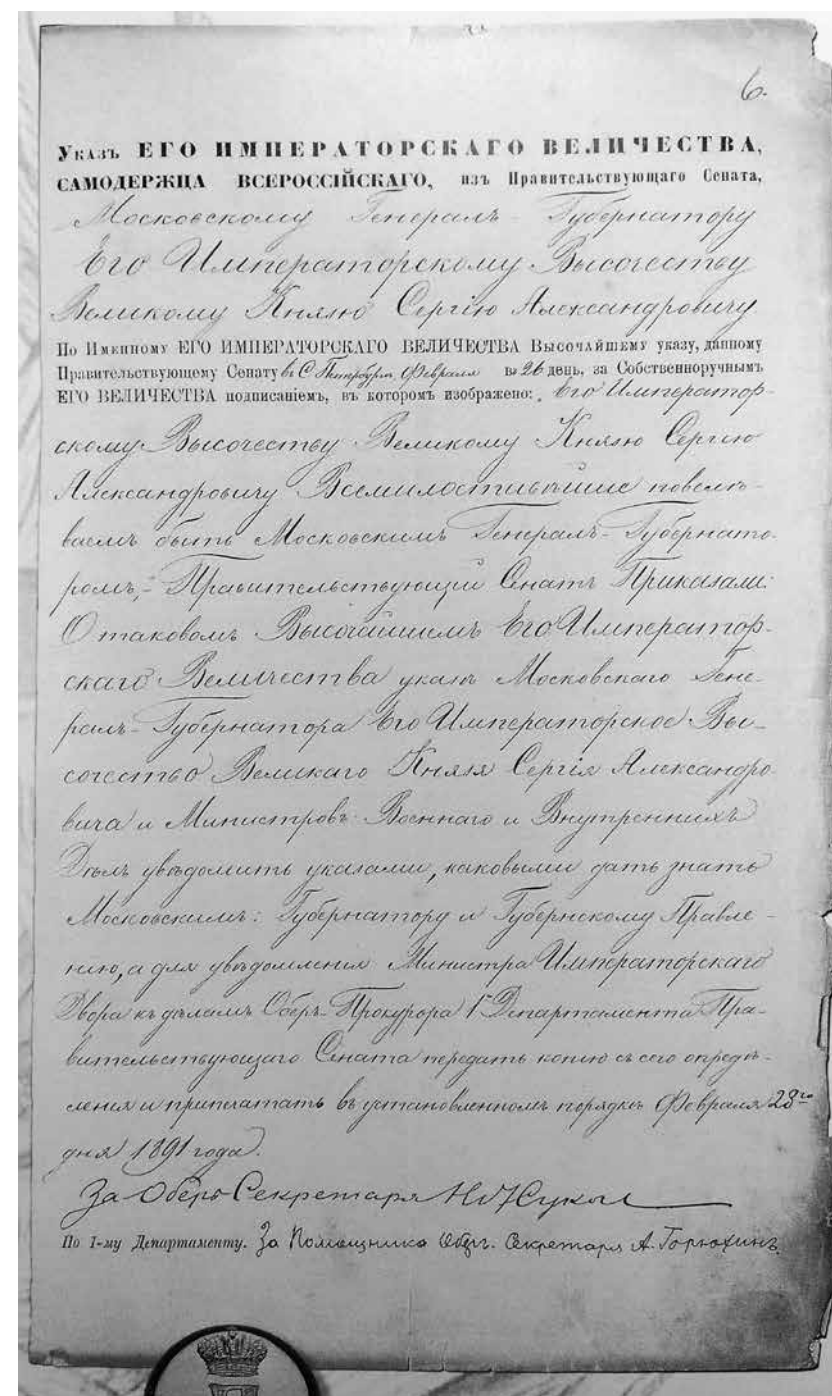
Князь Сергей жив еще — утешьтесь, господа.⁶

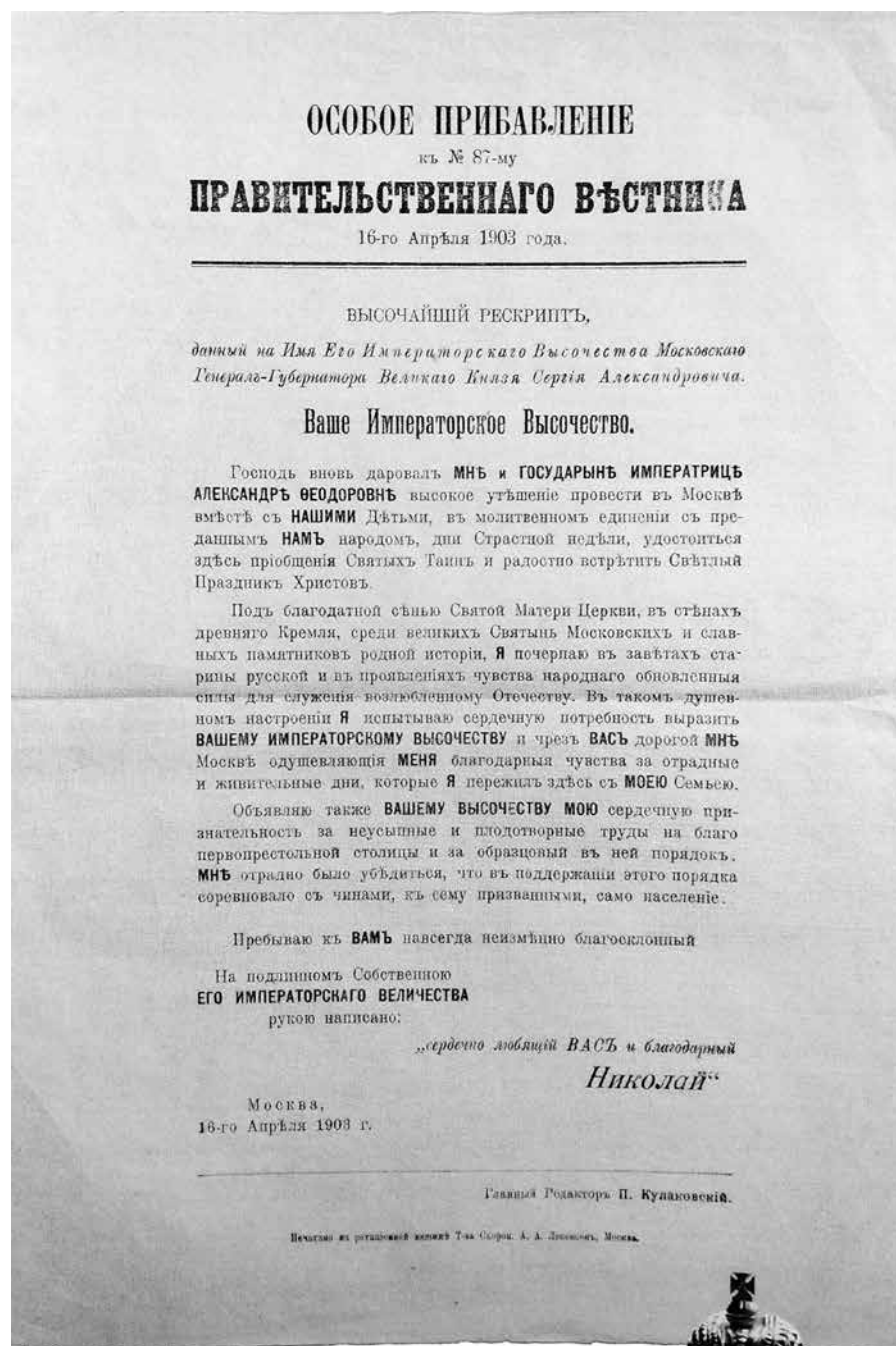
Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Беседа 7 мая 1857 г. при праздновании рождения великого князя Сергия Александровича. Москва, 1857.

Высочайшій манифест о бракосочетании великого князя Сергия Александровича с принцессой Гессенской Елисаветой. С.-Петербург, 4 июня 1884 г.

Указ императора Александра III о назначении великого князя Сергия Александровича Московским генерал-губернатором. С.-Петербург, 26 февраля 1891 г.

Пасхальный рескрипт императора Николая II на имя великого князя Сергея Александровича. Москва, 16 апреля 1903 г.

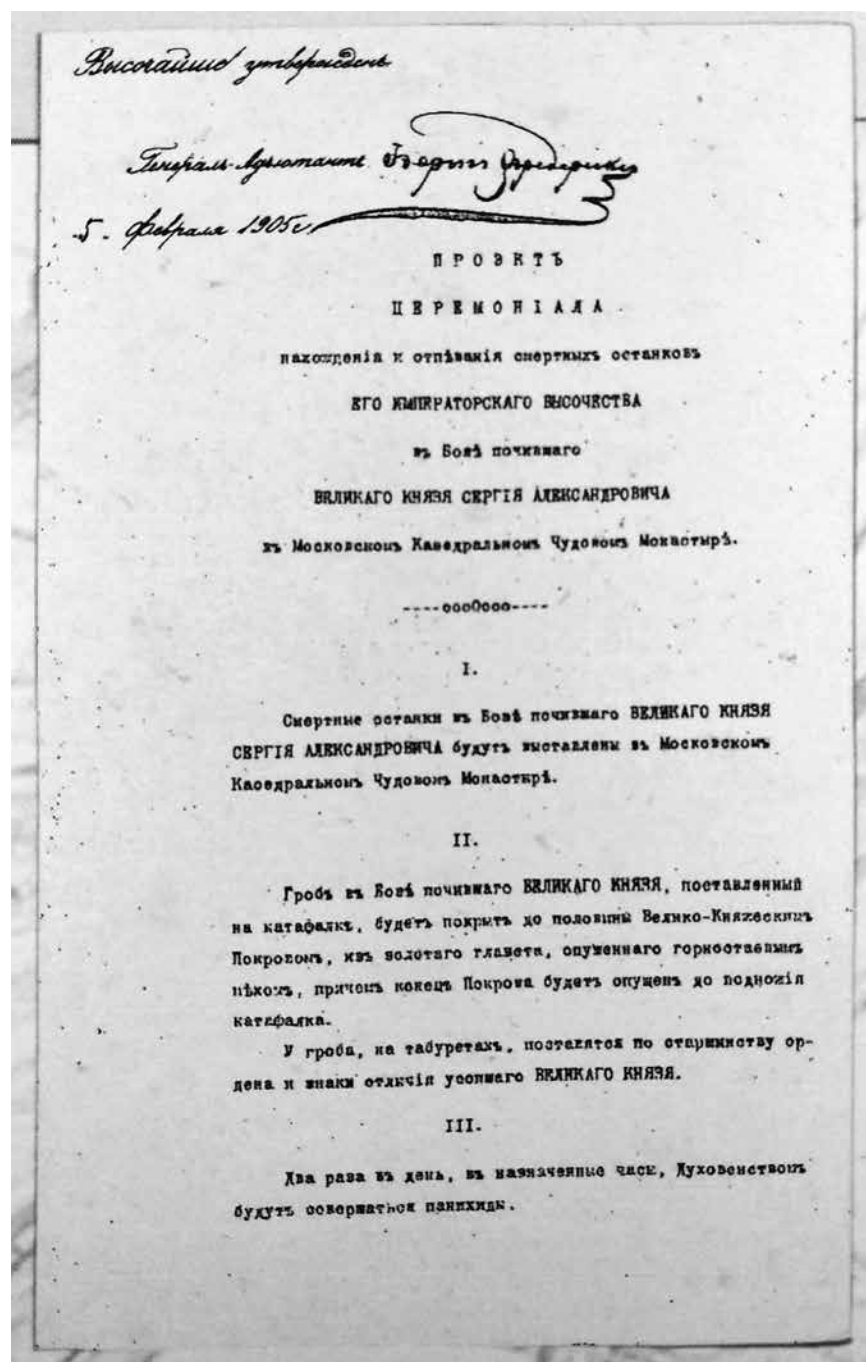
речь идет об известном вельможе — благотворителе, попечителе Московского учебного округа и председателе Московского опекунского совета князе С.М. Голицыне, главном директоре Голицынской больницы. Князем Сергием Михайловичем называет его не только Пушкин. В переписке митрополита Филарета князь постоянно именуется только каноническим церковнославянским именем. В одном из писем митрополит Филарет сообщал А.Н. Муравьеву: «Князь Сергей Михайлович переехал в город: но я еще не был с ним в свободном сношении»⁷. И 21 февраля 1845 г. тому же корреспонденту: «Князю Сергию Михайловичу поклон Ваш я отдал, и он, приняв сие с любовью, посылает Вам чрез меня усердный поклон». См. также в письме от 28 декабря 1854 г.: «Мы очень озабочены болезнью Князя Сергея Михайловича». 15 февраля 1859 г., узнав о смерти князя, Филарет писал: «Если о каком преставльшемся, то о князе Сергии Михайловиче, мне приятно было бы размышлять и беседовать: размышление со мной, а беседовать не дано. Воля Господня да будет». Равным образом, Муравьев, издавший и комментировавший письма владыки, называет князя «Сергий Михайлович Голицын».

Аналогично в своих воспоминаниях 1853–1861 гг. С.Д. Шереметев рассказывал: «Вот вправо от Вязовки прекрасная дорога в Мельницы, роскошное имение князя Сергея Михайловича Голицына, одно из лучших, живописнейших, подмосковных поместий»⁸.

Что касается написания имени великого князя Сергея Александровича в прижизненных документах и печатных источниках, его писали по-разному. В царских указах и рескриптах и Александр III, и Николай II писали исключительно: Сергей Александрович. Очевидно, под влиянием «высочайшей» орфографии в министерских документах часто

Высочайший манифест императора Николая II по случаю гибели великого князя Сергея Александровича. Царское Село, 4 февраля 1905 г.

Размещение особ в Московском Чудовом монастыре (в церкви св. Алексия митрополита) во время панихид по в Бозе почившем великом князе Сергее Александровиче. (Проект церемониала). Москва, 5 февраля 1905 г.

тоже писали «Сергий», в т.ч. в переписке МИД. В неофициальной светской литературе и периодике писали как хотели — чаще «Сергей». В документах и изданиях ИППО предпочтительным было именование «Сергий Александрович». Так и сегодня именует своего первого председателя Императорское Православное Палестинское Общество. Один из решающих аргументов — название Сергиевского подворья в Иерусалиме.

Но перейдем непосредственно к Сергиевскому подворью. Начну с того, что название подворья никоим образом не связано ни с памятью преподобного Сергия Радонежского, ни с каким другим церковным контекстом. На официальных листовках ИППО о Сергиевском подворье читаем: «Изображенное на рисунке здание расположено рядом с так называемыми «Старыми Русскими постройками». Оно построено Палестинским Обществом и именовано «Сергиевским» — в память основателя и первого Председателя Общества великого князя Сергия Александровича».

Первоначально, когда подворье только еще проектировалось и начинало строиться (1886), оно называлось *Новое* (по-арабски оно и сейчас называется Москобийе-эль-Джедиде — 'новое')⁹. В качестве такового оно было воздвигнуто, освящено (20 октября 1889 г.) и вступило в строй.

Ни сам великий князь Сергей Александрович, ни кто-либо другой никогда не считал подворье его личной собственностью. В 1895 г. планировалось перевести подворье, в ряду других владений ИППО, в российскую государственную собственность. В заседании Совета ИППО 27 ноября 1895 г. было принято решение: «Просить императорское посольство в Константинополе присоединить для перевода на имя императорского правительства к земельным участкам бывшей Палестинской Комиссии те из земельных участков ИППО, которые составляют владение мюльк и по которым владенные документы в требуемом виде будут доставлены в посольство до дня представления этим последним ходатайства в Порту о переводе земельных участков Палестинской Комиссии»¹⁰.

Однако, к моменту подписания султанского ираде (указа) о признании иерусалимских участков российской государственной собственностью документы о Сергиевском подворье и других новоприобретенных и построенных объектах ИППО посольство в Константинополе не успело включить в пакет представленной Порте документации¹¹. Таким образом, Сергиевское подворье не было юридически оформлено как собственность русского правительства. Само Палестинское Общество как частное по турецким законам не имело прав юридического лица и, соответственно, права земельной собственности. Перевод подворья на имя великого князя оказался единственным выходом из сложившейся ситуации. Поэтому в мае 1899 г. подворье было записано — исключительно по причине удобства оформления — на имя Председателя ИППО великого князя Сергия Александровича. В переписке русского МИДа фигурирует формулировка:

ВИА, въ Чудовъ монастырь архіерейскимъ служеніемъ панихиды.

Находящиеся въ Москвѣ военные и гражданскіе чины, дворяне и должностныя лица городского сословія симъ приглашаются въ Чудовъ монастырь къ панихидѣ, въ обыкновенной формѣ, генералы — въ лентахъ, при траурѣ на лѣвомъ рукавѣ.

И. д. Московскаго Губернскаго Предводителя Дворянства

приглашаетъ гг. дворянъ Московской губерніи (въ ихъ семьяхъ) помолиться въ Російское Благородное Собраніе 5-го февраля, въ 4 часа дня, на панихиду по ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

СЕРГІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

МОСКОВСКОЕ ФИЛАРМОНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО,

состоявшее подъ Августѣйшимъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ покровительствомъ.

Правленіе Общества симъ вывѣсть честь довести до свѣдѣнія гг. почетныхъ и действительныхъ членовъ, членовъ почетнаго совета, преподающихъ и учащихся, что сегодня, 5 февраля, въ 11 часовъ утра, въ помѣщеніи Музыкально-Драматическаго Училища (М. Киселова, д. Соловьевова), имѣетъ быть отслужена панихида по въ Бога почившему почетному члену Московскаго Филармоническаго Общества ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

СЕРГІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

Общество распространія практическихъ знаній между образованными женщинами

(Выхитская Ворота, домъ Остроуменко).

5-го февраля, въ 1 ч. дня, въ помѣщеніи Общества имѣетъ быть отслужена панихида по въ Бога почившему ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

СЕРГІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,

къ коей приглашаются гг. члены Общества.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Московское Археологическое Общество

проситъ гг. членовъ Общества помолиться въ субботу, 4-го февраля, въ домъ ночнымъ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

СЕРГІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,

на панихиду въ домъ Общества.

Газетные объявления о панихидах по великом князе Сергее Александровиче от Московского губернского предводителя дворянства, Московского филармонического общества и Общества распространения практических знаний между образованными женщинами. Москва, 1905.

— 2 —

Великій Князь СЕРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.
Убитъ въ Москвѣ 4 февраля 1905 года.

Въ самомъ сердцѣ Россіи, въ Московскомъ Кремлѣ, недалеко отъ Никольскихъ воротъ высоко поднимается осмысленный крестъ. На немъ изображено распятіе Спасителя, у ногъ Его — скорбящая фигура Богородицы. На крестѣ надпись: «Отче, прости насъ, не вѣдай бо, что творить». Передъ крестомъ горитъ неугасимая лампада.

Крестъ этотъ воздвигнутъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пролита была кровь русскаго князя, родного Дяди императора, на стѣнахъ Государя, крови Великаго Князя Сергія Александровича. Имѣническая рука сразила его въ мѣстѣ священномъ для каждаго русскаго человека, въ виду Кремлевскихъ соборовъ, гдѣ почиваютъ предки мученика. Съ сего раннего утра и до поздняго вечера, въ теченіи вотъ уже почти трехъ лѣтъ, со времени убійства Великаго Князя, волею мѣста гдѣ онъ умеръ — толпится народъ. Никто не пройдетъ черезъ Кремль безъ того, чтобы не подойти къ маленькой оградѣ и не сотворить краткой молитвы: «Упокой, Господи, душу раба Твоего Сергія».

Эта неустанная, непрерывная молитва, точно неугасимая лампада передъ крестомъ, ясно говоритъ о чувствѣ, съ какими народъ отнесся къ Великому Князю, и съ какими смотритъ теперь на памятникъ, воздвигнутый на его крови. На лицахъ пришедшихъ поклониться кресту и памяти убійца ясно читается: «За что? За что убили его? Не за то ли, что онъ былъ неутомимымъ, бесстрашнымъ борцомъ за исконныя начала и идеалы своей родины, которую искренно любилъ и по отношенію къ которой долгу свой исполнялъ свято? Что былъ крѣпкой защитой Царскаго неограниченнаго Самодержавія? Не за то ли, что къ нему имѣлъ свободный доступъ всякій обиженный и нуждающійся? Или можетъ быть за то, что онъ, глубоко-вѣрующій и благочестивый-ревностно заботился о процвѣтаніи храмовъ Божіихъ? Что зная, какъ любить и какъ стремиться просто русскій народъ поклониться Святымъ Палестинскимъ мѣстамъ, онъ горячо откликнулся на это стремленіе народное и, устроивъ Палестинское Общество, далъ возможность самому блдному человѣку поклониться Гробу Господню? Не за то ли убили Царскаго Дядю люди, дерзко называющие себя «друзьями и защитниками народа», что онъ не на словахъ, а на дѣлѣ, всю свою жизнь былъ настоящимъ другомъ и защитникомъ блдныхъ и трудящихся? Кому не извѣстно какой ропотъ, въ свое время, навлекъ на себя покойный Великій Князь со стороны московскихъ фабрикантовъ-инородцевъ за то, что обратилъ вниманіе на положеніе фабричныхъ рабочихъ и дѣятельно занялся улучшеніемъ ихъ быта? Или какую ненависть возбудилъ онъ къ себѣ со стороны евреевъ за то, что выселилъ ихъ изъ Москвы, не желая чтобы они отбивали хлѣбъ и притѣсняли русскіхъ?»

Около трехъ лѣтъ прошло съ того дня, когда погибъ ужасной смертью, или вѣрнѣе сказать — былъ растерзанъ на

Статья о великом князе Сергее Александровиче, открывающая документально-литературный сборник, посвященный памяти жертв революционного террора // Книга русской скорби. Вып. 1. Изд. Русского Народного Союза имени Михаила Архангела. СПб., 1908.

«номинальная собственность вел. кн. Сергия Александровича»¹².

С 1900 г. Новое подворье стало называться Сергиевским — в честь Председателя Императорского Православного Палестинского Общества. Это переименование положило начало «романовским» названиям и других наших иерусалимских подворий: Елизаветинское — в честь великой княгини Елизаветы Федоровны, Мариинское — в память императрицы Марии Александровны, Александровское — в память императора Александра III, Николаевское — в честь императора Николая II.

Таким образом, и с точки зрения топонимики Романовского Иерусалима нет никаких причин переименовывать «Сергия Александровича», имя и память которого живут в традиции Сергиевского подворья, в «Сергея Романова».

В порядке иллюстрации предлагаем ряд образцов написания имени великого князя в прижизненных и дореволюционных документах:

1. Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Беседа 7 мая 1857 г. при праздновании рождения великого князя Сергия Александровича. Москва, 1857.

Прощание с великим князем Сергием Александровичем в Чудовом монастыре. Москва, 1905. Фот. К.К. Булла.

2. Высочайший манифест о бракосочетании великого князя Сергея Александровича с принцессой Гессенской Елисаветой. С.-Петербург, 4 июня 1884 г.
3. Указ императора Александра III о назначении великого князя Сергея Александровича Московским генерал-губернатором. С.-Петербург, 26 февраля 1891 г.
4. Листовка, изданная ИППО для бесплатной раздачи паломникам и слушателям духовных чтений.
5. Пасхальный рескрипт императора Николая II на имя великого князя Сергея Александровича. Москва, 16 апреля 1903 г.
6. Высочайший манифест императора Николая II по случаю гибели великого князя Сергея Александровича. Царское Село, 4 февраля 1905 г.
7. Размещение особ в Московском Чудовом монастыре (в церкви св. Алексия митрополита) во время панихид по в Бозе почившем великом князе Сергие Александровиче. (Проект церемониала). Москва, 5 февраля 1905 г.
8. Газетные объявления о панихидах по великом князе Сергие Александровиче от Московского губернского предводителя дворянства, Московского филармонического общества и Общества распространения практических знаний между образованными женщинами. Москва, 1905.
9. Статья о великом князе Сергие Александровиче, открывающая документально-литературный сборник, посвященный памяти жертв революционного террора // Книга русской скорби. Вып. 1. Изд. Русского

Васнецов В.М. Эскиз оборотной стороны креста-памятника великому князю Сергию Александровичу. М., 1907.

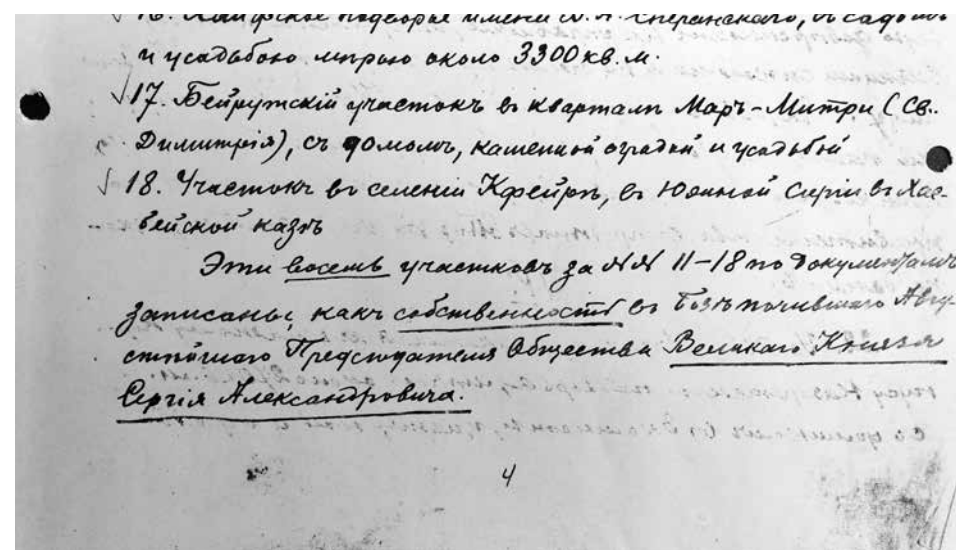
Сергиевское подворье на Русскихъ постройкахъ въ Іерусалимѣ.

Изображенное на рисункѣ зданіе подворья расположено рядомъ съ такъ наз. „Старыми Русскими постройками“ (ихъ соединяютъ видимыя на рисункѣ ворота). Оно построено Палестинскимъ Обществомъ и наименовано „Сергиевскимъ“—въ память Основателя и перваго Предсѣдателя Общества Великаго Князя Сергія Александровича. Подворье было открыто для пріема паломниковъ 20 Октября 1889 г. Въ немъ находятся: Контора всѣхъ Русскихъ подворій, комнаты I и II класса, столовая, народная трапезная, водогрѣйная, хлѣбопекарня, кухня, баня, прачешная и др. хозяйственныя учрежденія для обслуживанія потребностей паломниковъ. Общія палаты для паломниковъ и отдѣльныя комнаты III класса находятся на „Старыхъ русскихъ подворьяхъ“. Всѣ русскія подворья, больницу, соборъ Св. Троицы, зданія духовной миссіи, вообще все, что находится на площади Русскаго мѣста, наши паломники называютъ однимъ общимъ именемъ „Русская Палестина“.

Съ верхней площадки башни открывается великолѣпный видъ. На востокъ видна вся Елеонская гора съ находящеюся на самой вершинѣ ея Русскою церковью Вознесенія, съ юга раскинулся древній городъ Іерусалимъ съ храмомъ Гроба Господня и мечетью Омара на первомъ планѣ, а за ними виднѣются, какъ-бы въ лазурной дымкѣ, Заіорданскія горы. По направленію къ западу тянется легкая дорога въ Виллеетъ—мимо Сіонскаго холма, монастыря Катамонасъ и колодезя вождь вѣлѣтъ до Ильинскаго монастыря.

Такъ какъ число паломниковъ ежегодно возрастаетъ, то многія изъ хозяйственныхъ учрежденій подворья, особенно трапезная и баня, стали тѣсны и настоятельно требуютъ расширенія. Къ сожалѣнію, Палестинское Общество, не имѣя средствъ на эти перестройки, принуждено мириться съ тѣсною и неудобствами и ожидать благопріятнаго случая для осуществленія своего намѣренія.

Сергиевское подворье. Листовка, изданная ИППО для бесплатной раздачи паломникам и слушателямъ духовныхъ чтеній.

Доклад управляющего подворьями ИППО в Иерусалиме П.И. Ряжского по вопросу об укреплении недвижимыхъ имуществъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества в Сирии и Палестине. Петроград, 9 июня 1915 г. // АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 733, л. 3, 6.

Народного Союза имени Михаила Архангела. СПб., 1908.

10. Васнецов В.М. Эскиз оборотной стороны креста-памятника великому князю Сергію Александровичу. М., 1907.
11. Прощаніе с великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ в Чудовомъ монастыре. Москва, 1905. Фот. К.К. Булла.
12. Доклад управляющего подворьями ИППО в Иерусалиме П.И. Ряжского по вопросу об укреплении недвижимыхъ имуществъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества в Сирии и Палестине. Петроград, 9 июня 1915 г. // АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 733, л. 3, 6.

- ¹ Успенскій Б.А. Из исторіи русскихъ каноническихъ имен. М., 1969. С. 7.
- ² Васильевъ Л. К вопросу о народныхъ формахъ личныхъ именъ // Известія ОРЯС. Т. II. 1897, № 4. С. 1138–1140.
- ³ Успенскій Б.А. Из исторіи... С. 66. Не входимъ въ специальное рассмотрениеъ случая имени Сергій въ старинныхъ акцентуированныхъ памятникахъ съ удареніемъ на второй слогъ: Сергій. См.: Успенскій Б.А. Там же. С. 295, 296.
- ⁴ Святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій. Беседа при празднованіи рожденія великаго князя Сергія Александровича // Слова и речи. Т. 4. 1851–1867. СТСЛ, 2009. С. 257.

- ⁵ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Годы 1856–1860. М., 2017. С. 140.
- ⁶ Пушкин А.С. ПСС в 10 томах. Т. 3. Стихотворения. 1827–1836. М., 1957. С. 102.
- ⁷ Филарет (Дроздов), митрополит. Письма к А.Н.М^уравьеву>. 1832–1867 / Публ. и комм. А.Н. Муравьева. Киев, 1869. Письмо от 8 ноября 1844 г.
- ⁸ Шереметев С.Д., граф. Мемуары. Т. 2. М., 2005. С. 233.
- ⁹ Лисовой Н.Н. Святая Земля: история и наследие. Православный путеводитель. Изд. 2. М.-СПб., 2017. С. 66.
- ¹⁰ Лисовой Н.Н. Подворья ИППО в Иерусалиме. М., 2012. С. 39.
- ¹¹ 14 декабря 1895 г. третий драгоман русского посольства в Константинополе, будущий иерусалимский консул А.Г.Яковлев писал Секретарю ИППО В.Н.Хитрово: «До сих пор от <Уполномоченного ИППО в Иерусалиме> Н.Г.Михайлова не получено никаких планов. Досадно. Но Посольство подаст ноту о переводе земель Палестинской Комиссии, не дожидаясь документов на недвижимость, купленных ИППОобществом. Синод до сих пор нам также ничего не прислал. Что за медлители!» (АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 540. Л. 97об.-98). Есть основания думать что руководство Палестинского Общества, со своей стороны, не торопилось переводить «свою» недвижимость на государство, предпочитая держать ее особняком — в условной собственности великого князя Сергея Александровича или за другими физическими лицами.
- ¹² АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/11. Д. 4. Л. 3 об.

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ НА ПРАВОСЛАВНОМ ВОСТОКЕ

РУССКИЕ ДУХОВНЫЕ МИССИИ В ПЕКИНЕ И ИЕРУСАЛИМЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1850-Е — 1860-Е ГГ.)

И. Ю. Смирнова

Военное противостояние с Великобританией и Францией во время Крымской войны обнаружило ошибочность довоенного внешнеполитического курса России и уязвимость российских позиций как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке¹. Соперничество великих держав, пройдя фазу вооруженного конфликта, в условиях мирного времени перешло в экономическую и гуманитарную сферу. В Святой Земле, где в 1840-е гг. были учреждены англо-прусская протестантская епископия (1841), Латинский Иерусалимский Патриархат (1848) и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме (1848), протестантские миссионеры под руководством епископа Самуила Гобата при финансовой поддержке различных фондов основывали школы, сиротские приюты, ремесленные училища, строили храмы²; аналогичную работу осуществляли католические миссионеры во главе с Патриархом Джузеппе Валергой³.

Основной целью, которой руководствовалось британское правительство при учреждении в 1841 г. протестантской епископии в Иерусалиме, было создание «английской нации посредством перемены религии жителей»⁴. Не менее глобальные задачи имел в виду и Патриарх Валерга. «Когда Иерусалим будет заключен в тесный круг латинских общин, — утверждал он, — когда эти общины, постепенно расширяясь, будут стеснять этот круг, тогда Иерусалим должен будет, в конце концов, сделаться латинским»⁵. Аналогичных целей западные миссионеры придерживались и в других регионах, в том числе в Китае. Так, по признанию французских миссионеров, трудившихся в Китае, их усилия были направлены на то, «чтобы обратить когда-либо в католицизм самого богдыхана»⁶. Таким образом, цели, которые преследовали западные миссионеры, имели прежде всего политический характер — установление влияния держав на правительства и нации государств, представлявших для них геополитический интерес.

Опыт Великобритании, Франции, а также Соединенных Штатов Америки на Ближнем и на Дальнем Востоке показывал, что работа миссионеров является одним из эффективных инструментов политического влияния, а активизация западного миссионерского движения ставила перед Россией после Крымской войны новые задачи, в том числе в сфере торгового и церковно-гуманитарного присутствия за рубежом.

В 1856 г. при Морском министерстве было создано Российское общество пароходства и торговли, а вслед за этим был поставлен вопрос о возобновлении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме как учреждении еще до войны получившем признание на Православном Востоке. Отметим, что Иерусалимская РДМ была основана в 1847 г. в ответ на учреждение в 1841 г. протестантской епископии, хотя еще в 1838 г. с такой инициативой выступил А.Н. Муравьев, когда в связи с усилением католической, протестантской и греко-католической пропаганды остро встал вопрос об ответных мерах на западный прозелитизм. Муравьев предлагал взять за образец Русскую Духовную Миссию в Пекине, находившуюся в подчинении Министерства иностранных дел и выполнявшую преимущественно дипломатические функции. Он полагал, что «учреждение русской обители в Палестине по примеру прочих исповеданий всех народов могло бы принести пользу не только духовную, но и политическую. Русский архимандрит в Иерусалиме, подобно как в Пекине, мог бы заменить [дипломатическую] миссию и мог бы наблюдать за ходом дел в Сирии вместе с консулами Яффы и Бейрута»⁷. (В полной мере осуществить в Иерусалиме предложения Муравьева не довелось, так как в 1840-е - 1850-е гг. «дипломатические» функции, наряду с церковными, практически целиком взял на себя генеральный консул в Бейруте М.К. Базили, в сферу деятельности которого входил и Иерусалим, так что первому составу Иерусалимской РДМ инструкцией не прописывалось ничего кроме чисто церковных дел)⁸.

В дальнейшем, как будет показано в настоящей статье, при реорганизации работы Пекинской РДМ в первой половине 1860-х гг. принимался во внимание опыт Иерусалимской Миссии, возобновленной Министерством иностранных дел после подписания Парижского мира.

Как отмечал во всеподданнейшем докладе вице-канцлер князь А.М. Горчаков, «на стороне Запада — благолепная иерархическая представительность их клира, поддерживаемого сильными консулами в Иерусалиме, образованность их миссионеров, пышность церковных обрядов, училища, госпитали, сестры милосердия; все это быстро развилось и преуспевает»⁹. Руководство МИД по примеру западных миссий, во главе которых стояли представители высшей иерархии, приняло решение назначить начальником РДМ в Иерусалиме не архимандрита, как было принято в Пекинской и довоенной Иерусалимской Миссиях, а епископа. «Нам необходима представительность на Востоке, — отмечалось в докладе вице-канцлера,

— разумеется, не политическая, а церковная, в которой нам не могут отказать ни турки, ни франки, имеющие своих патриархов и епископов в Святом Граде»¹⁰. 23 марта 1857 г. доклад был утвержден императором Александром II, отметившим в резолюции: «После всего, что делают прочие христианские исповедания, стыдно будет нам отставать от них»¹¹.

Назначение начальника Духовной Миссии в сане епископа, как и возобновление деятельности РДМ в Иерусалиме, было инициативой Министерства иностранных дел, руководство которого действовало без учета специфики работы на Православном Востоке, используя схему, принятую в отношении к Пекинской Миссии. Между тем, Иерусалимская Миссия находилась на территории Палестины, на которую распространялась юрисдикция Иерусалимского Патриарха, паствой которых были преимущественно православные арабы. Назначение начальником Миссии епископа не соответствовало церковным правилам, определявшим взаимные отношения Православных Церквей и иерархий. Поскольку русское церковное учреждение могло находиться в Иерусалиме лишь в качестве «церковного представительства» на тех же основаниях, что и подворья Восточных Церквей в России, зачастую управляемые иерархами, никакой «миссионерской работы» со стороны членов РДМ не предполагалось.

Начальником РДМ в сентябре 1857 г. был назначен инспектор С.-Петербургской духовной академии архимандрит Кирилл (Наумов), в октябре того же года рукоположенный во епископа Мелитопольского. Но после учреждения в 1858 г. русского консульства в Иерусалиме (о чем настаивали многие церковные представители на Православном Востоке, в том числе и преосвященный Кирилл), между епископом и консулом возникли трения, следствием которых стал пересмотр в 1860 г. статуса Миссии, удаление епископа Кирилла из Иерусалима в 1864 г. и назначение на его место архимандрита, о чем будет сказано ниже¹². Параллельно, на фоне этих событий, на протяжении 1858–1864 гг. Министерство иностранных дел и Св. Синод работали над формированием новой концепции православного миссионерства на Дальнем Востоке и в Китае, и как показывают архивные документы, на окончательное решение о штате Пекинской Духовной Миссии повлияла ситуация в Иерусалиме.

Практически одновременно с решением МИД о возобновлении РДМ в Иерусалиме был поставлен вопрос об активизации православного миссионерского присутствия в цинском Китае. Граф Е.В. Путятин, командированный в 1857 г. в Китай во главе дипломатической миссии, ознакомившись с деятельностью католических и протестантских миссионеров в ряде провинций Китая, пришел к убеждению, что Россия не должна оставаться в стороне от участия в миссионерской работе. Донесения вице-адмирала¹³ и условия подписанного им Тяньцзиньского трактата, расширявшего права христианских миссионеров, привлекли внимание правительства к

состоянию миссионерского дела в Китае и на Дальнем Востоке, выявив необходимость пересмотра задач и обязанностей Пекинской РДМ¹⁴.

Стратегическую значимость российского православного присутствия в дальневосточном регионе отмечали и такие авторитетные церковные дипломаты как Иннокентий (Вениаминов) и Филарет (Дроздов). Еще в 1853 г., до Крымской войны и Петропавловской обороны, архиепископ Иннокентий указывал на опасность промедления в решении вопроса о границе с Китаем по Амуру, предупреждая, что «американцы или англичане немедленно завладеют им и уже не будут так вежливы с соседями нашими»¹⁵. Это мнение разделял и митрополит Филарет, предсказывая вероятность проникновения иностранных миссионеров в Приамурье с целью «распространения здесь своих действий, которые, конечно, будут не в пользу наших и религиозных и государственных видов»¹⁶. В отзыве на донесение Путятина митрополит Филарет предлагал начать миссионерское дело с сухопутной границы, «не оставляя в бездействии и находящуюся в Китае нашу Миссию». Архипастырь выражал уверенность, что «российское правительство обратит внимание на то, чтобы не пришли действовать с нашей границы иностранные миссионеры, от которых наши могли бы ожидать не содействия, а столкновения»¹⁷.

Мнения Путятина и митрополита Филарета привели к пересмотру назначения РДМ в Пекине. К марту 1859 г. были выработаны дополнения к действующей инструкции РДМ, переданные в Миссию с посланником Н.П. Игнатьевым, с тем, чтобы Пекинская Духовная Миссия, руководствуясь новыми распоряжениями, могла начать миссионерскую работу среди китайцев. После подписания Пекинского договора, открывшего новые возможности для церковного и дипломатического присутствия в Китае, МИД вплотную приступил к составлению проекта преобразования Пекинской РДМ как сугубо церковного учреждения.

Центральным пунктом проекта МИД, составленного с учетом предложений Игнатьева, был вопрос о штате РДМ и статусе ее начальника. Предполагалось назначить начальника Миссии в сане епископа в расчете, что «мера эта имела бы сильное влияние на успешное распространение Православия». В том убеждал опыт католических миссионеров, работа которых осуществлялась под руководством епископов. «Посвящая албазинцев или китайцев в священников, — говорилось в проекте, — епископ, по сану своему и житейской опытности, имел бы благодетельное влияние на своих сотрудников по проповеди, привлекал бы к себе сердца новообращенных христиан, в глазах же язычников возвысил бы понятие о нашем духовенстве, не имевшем до сих пор своего представителя в Китае выше архимандрит»¹⁸.

Предложение поставить во главе Пекинской Духовной Миссии епископа вновь исходило от дипломатического ведомства — опыт Иерусалимской Миссии предполагалось применить в Китае как пример русского церковного учреждения за рубежом, уже имевшего практику взаимодействия с дипломатическим

представительством. Правда, на этот раз МИД оставлял право решающего голоса за Синодом, «полагаясь на его благоусмотрение». Опыт ведения церковно-дипломатических дел на Ближнем Востоке вынуждал поступать более взвешенно: в проекте Игнатьева-Горчакова синодальному обер-прокурору предлагалось «командировать в Азиатский департамент доверенное от себя лицо для окончательного рассмотрения сего предмета и предварительного составления инструкции и всеподданнейшего доклада»¹⁹.

В октябре 1861 г. проект за подписью князя Горчакова был представлен на рассмотрение двух митрополитов — Филарета Московского и Исидора Санкт-Петербургского. Такая практика установилась с апреля 1860 г., когда Палестинский Комитет признал ошибочным назначение епископа в Иерусалим без участия Синода и рекомендовал «испрашивать предварительно мнения митрополитов, если не всех, то для сокращения времени Московского и С.-Петербургского»²⁰. Тот же порядок соблюдался и в отношении Пекинской Миссии. В сопроводительном письме от 24 октября 1861 г. вице-канцлер просил митрополита Московского ознакомиться с проектом и «не оставить благосклонным отзывом, дабы с архипастырским благословением Вашим Министерство могло приступить к окончательному обсуждению мер, относящихся до устройства Духовной Миссии в Китае»²¹. К сожалению, филаретовский отзыв нам не известен. Что касается отзыва из Синода, известно, что прежде чем сообщить его в министерство митрополит Исидор вступил в переписку с архимандритами Гурием (Карповым) и Палладием (Кафаровым), занимавшими в разные периоды пост начальника Пекинской РДМ и хорошо знакомыми с конфессиональной ситуацией в Китае.

Палладий, в целом одобрительно отзывавшийся на предположение учредить епископию в Пекине, заметил, что при настоящем положении в Пекине в назначении епископа нет особой необходимости, которая возникнет лишь «когда малое стадо наше в Китае умножится и расширится»²². Гурий, напротив, полагал, что повышение статуса Пекинской Миссии будет полезно как «для более правильного и успешного хода дел Миссии», так и «для того, чтобы наша Миссия не отставала, в глазах китайцев, от Миссии католической, имеющей в одном Пекине двух епископов»²³. Митрополит Исидор также признавал назначение епископа «не только полезным, но и нужным», предложив учредить штат Миссии «в самых ограниченных размерах» из 24 человек²⁴. Позиция первоприсутствовавшего в Синоде Исидора была обусловлена спецификой конфессиональной ситуации в Китае, где в отличие от Святой Земли не было православного населения и после подписания трактатов 1858–1860 гг. христианским миссионерам была предоставлена большая свобода. Иным, по сравнению с РДМ в Иерусалиме, был и статус Пекинской Духовной Миссии — в языческом Китае после подписания Пекинского трактата представители всех христианских конфессий оказывались в равных условиях, и каких-либо претензий к сану начальника РДМ не предвиделось.

Руководство Азиатского департамента, в ведении которого находились церковно-дипломатические дела Дальнего и Ближнего Востока, признавало, со своей стороны, что «епископ необходим для посвящения священнослужителей на месте и для предотвращения трудных путешествий ставленников из Китая в Россию», однако в высоком сане начальника РДМ виделись «немалые неудобства», и прежде всего требовалось прояснить вопрос об «отношении высшего духовного лица с посольством»²⁵. Не случайно этому пункту инструкции было уделено преимущественное внимание в многолетней переписке между МИД и Св. Синодом.

С учреждением в Пекине российской дипломатической миссии и назначением министра-резидента Министерство иностранных дел, предоставляя миссионеров «в духовном отношении совершенно ведомству Святейшего Синода» и предписывая им «чисто духовно-учебные занятия», поручало их «ближайшему наблюдению нашего посланника в Пекине как лица, находящегося в прямых сношениях с китайским правительством»²⁶. Прежние отношения, сложившиеся у начальников Пекинской РДМ с китайскими властями, прекращались. Руководство МИД, традиционно считавшее себя ответственным за российские духовные представительства за рубежом, в качестве одной из главных задач реорганизации Пекинской РДМ видело в разделении ее функций между духовной и дипломатической миссиями «на тех же основаниях, какие существуют для Духовной Миссии нашей в Иерусалиме»²⁷.

При этом в Азиатском департаменте не исключали вероятности возникновения сложностей в отношениях между дипломатическими и церковными представителями, особенно в случае, если начальником РДМ будет епископ. На вероятность такого развития событий указывали проблемы, возникшие в Иерусалиме в отношениях между епископом Кириллом и российскими консулами²⁸. Невнятное разделение полномочий привело к продолжительному конфликту между консулом В.И. Доргобужинным, бывшим одновременно агентом РОПИТ и Морского министерства, и епископом, и уже в апреле 1860 г. Палестинский комитет признал неудачной идею назначения в Иерусалим архиерея, предложив впредь избирать архимандритов²⁹. И хотя МИД до последнего старался продлить пребывание преосвященного Кирилла в Иерусалиме, интриги очередного консула, А.Н. Карцова, привели к удалению епископа (есть свидетельства, что Карцов был решительно настроен низвести роль начальника РДМ до иеромонаха, разделяя умонастроения тех, кто считал, что «в Иерусалиме тогда только пойдет хорошо дело, когда на месте начальника будет пешка»³⁰). Не удивительно, что при подготовке инструкции для РДМ и консульства в Пекине взаимодействию начальника РДМ и российского посланника уделялось особое внимание.

В отзыве митрополита Санкт-Петербургского Исидора не только признавалось целесообразным назначение епископа, но и было высказано мнение,

что члены Миссии, при назначении епископа, должны находиться в его непосредственном подчинении и обращаться в посольство исключительно через начальника РДМ; посланник, в свою очередь, по всем вопросам, имевшим отношение к Духовной Миссии, должен связываться непосредственно с епископом. Для избежания столкновений с китайскими властями и ограждения миссионеров от каких-либо притязаний или противодействий, епископ должен «при каждом командировании миссионеров на дело проповеди предварительно входить в сношение с министром-резидентом, словесное или письменное, и по взаимному соглашению направлять действия миссионеров»³¹. В отзыве подчеркивалось: «Мысль о подчинении епископа министру-резиденту несообразна с достоинством его сана. Отношения их одного к другому должны быть такие же, как епархиального архиерея к губернатору»³². Эти положения предполагалось внести в синодальную инструкцию для начальника РДМ.

В ответ Азиатский департамент выступил с разъяснением, что Министерство иностранных дел в проекте по поводу служебных отношений между посланником в Пекине и начальником Духовной Миссии вовсе не имело в виду подчинения епископа министру-резиденту в том значении, как его понял митрополит, а имело в виду «подчинение в политическом смысле слова, на общем основании, по которому всякий епископ находится в некоторой зависимости от высшей административной гражданской власти»³³.

Руководство министерства отмечало, что действия членов Духовной Миссии, согласно общим для всех русских подданных, находящихся за рубежом, законам, «должны иметь направление согласное с нашей политикой в Китае». Это необходимое условие, как подчеркивалось в записке МИД, «только в том случае может быть выполнено, когда начальник Духовной Миссии при важных обстоятельствах будет поставлять в известность о своих распоряжениях нашего посланника в Пекине и будет располагать свои действия по взаимному с ним соглашению». Оставляя дела церковного характера в ведении Духовной Миссии, авторы записки отстаивали приоритеты дипломатического учреждения в лице министра-резидента, который, «по самому существу возложенных на него обязанностей, не может оставаться безучастным наблюдателем действий или образа жизни русского подданного, какого бы класса он ни был». В целом же, полагали в МИД, «некоторого рода зависимость от главного дипломатического агента в Китае не может быть ни в каком случае стеснительной или обидной для наших миссионеров»³⁴.

К сожалению, иерусалимский опыт, который принимался во внимание при составлении инструкции, оказался далеко не идеальным. Определением от 19–21 июня 1863 г. Св. Синод постановил «епископа Кирилла от занимаемой им должности начальника Духовной Миссии нашей в Иерусалиме уволить; ... избрать в звание начальника иерусалимской Духовной Миссии

лицо в сане архимандрита»³⁵. А спустя несколько месяцев, 5 ноября 1863 г., было высочайше утверждено мнение Государственного Совета о новом штате РДМ в Пекине под управлением архимандрита. Духовной Миссии предписывалось устраниться от какого-либо политического или дипломатического вмешательства. Во всех случаях, где действия Духовной Миссии могут затрагивать законы Китая или русско-китайские политические отношения, а также при необходимости «оградить права, безопасность и спокойствие Миссии от китайских властей или китайских подданных», начальник РДМ обязывался обращаться к главе дипломатической миссии «как единственному представителю русских интересов, имеющему ближайшие сношения с китайским правительством»³⁶.

Таким образом, продолжительные усилия Министерства иностранных дел и Святейшего Синода свелись к составлению новой инструкции с учетом изменившегося состава и назначения Пекинской Миссии. Начальником РДМ был оставлен архимандрит с предоставлением всех дел политического характера российскому посольству в Пекине. Очевидно, что окончательное решение о сане начальника РДМ было принято из опасений дипломатов, что в случае высокого ранга духовного лица в Пекине могут возникнуть те же проблемы, что и в Иерусалиме. Была также принята во внимание позиция митрополита Санкт-Петербургского, не считавшего приличным подчинение начальника РДМ в сане епископа министру-резиденту. Исход дела устраивал и Министерство финансов, для которого «при настоящих политических обстоятельствах, требующих из Государственного Казначейства весьма значительных издержек, желательно было бы не обременять оное новыми расходами»³⁷.

Разделял точку зрения тех, кто предпочитал назначить во главе Пекинской Миссии архимандрита, и митрополит Филарет, который писал в мае 1864 г.: «Учредить православное епископство в Китае, по моему мнению, неудобно. Для 200 христиан открывать епархию — много. ... В Иерусалим поставлен епископ и потом уничтожен. Что если тоже потребуется в Китае? Лучше не восходить, чтобы не падать»³⁸. Но если Министерство финансов не желало иметь дополнительные издержки на содержание епископа из соображений экономии, а дипломаты опасались возможных проблем с субординацией и невольного соперничества между посланником и начальником Миссии из ведомственных интересов, то у московского архипастыря было свое видение русского православного присутствия за рубежом.

Дело было даже не в том, что не доставало численности православных китайцев для учреждения епархии, так как к этому времени митрополит Филарет, как, впрочем, МИД и иерусалимский епископат во главе с Патриархом Кириллом уже вполне допускали присутствие епископа в Иерусалиме, где у Русской Церкви не было другой паствы, кроме паломников из России. Тем менее болезненно, казалось бы, это могло быть устроено в Пекине,

где назначение епископа произвело бы хорошее впечатление на китайцев, имевших перед собой пример католических миссий. Митрополит Филарет, придерживаясь правила «лучше не восходить, чтобы не падать», склонялся к постепенному повышению статуса Духовной Миссии по мере успеха православной проповеди. Незадолго до «пекинского» отзыва, в феврале 1864 г., Филарет писал о том же в связи с настойчивыми требованиями со стороны деятелей Палестинского Комитета заменить русского епископа в Иерусалиме архимандритом: «Лучше было бы вначале поставить во главе Миссии архимандрита, которого после нетрудно было бы возвести в сан архиерея, при обстоятельствах, того требующих и тому благоприятствующих, нежели придти к необходимости заменить архиерея архимандритом. Первое было бы восхождением силы в силу, а последнее имеет вид падения»³⁹.

Заметим, что митрополиту Филарету принадлежала заслуга в сохранении обеих Миссий. Так, когда граф Путятин в 1858 г. высказал озабоченность, что России, возможно, придется «навсегда отказаться» от миссионерской работы в Китае, Филарет заметил: «Для чего произнесено даже отчаянное слово “навсегда”? Если бы не нашлось для сего средств теперь, почему не стараться найти оных и не надеяться, что оные будут изысканы и употреблены?»⁴⁰ Мнение митрополита, не оставлявшего надежду «видеть православную Россию, деятельно участвующую в сем подвиге», позволило сохранить дело православия в Китае, придав ему новый, миссионерский, характер. Похожая ситуация возникла в 1866 г. в связи с Иерусалимской РДМ, когда обер-прокурор Св. Синода граф Д.А. Толстой предложил ее «совершенное уничтожение» из-за непрерывных трений с МИД, вызванных активным вмешательством консульства в дела Миссии⁴¹. И снова Филарет, ставя во главу угла достоинство Русской Церкви, выступил против закрытия РДМ, указав на нежелательные последствия этой меры для русского церковного присутствия на Православном Востоке.

«Иное дело, — писал Филарет обер-прокурору, — не учреждать Миссии, а иное — учрежденную уничтожить. Первое пред неблагоприятным воззрением может подвергнуть не тяжкому упреку в недостатке деятельности; второе имело бы неприятный вид падения». Нельзя было не считаться и с тем, какое впечатление окажет закрытие Миссии на инославных миссионеров. «Западная зависть к России, которая не оставляет в покое и Православной Церкви, в уничтожении Российской Духовной Миссии в Иерусалиме нашла бы для сего счастливый случай к неблагоприятным для православия оскорбительным и вредным толкам»⁴². Аналогичных принципов митрополит Московский придерживался и в случае Пекинской Миссии.

Помимо митрополита Филарета, видную роль в формировании курса церковной политики на Дальнем Востоке и в Святой Земле играли и другие русские иерархи — Иннокентий (Попов-Вениаминов), Григорий (Постников) и Исидор (Никольский), а также начальники Иерусалимской Духовной

Миссии архимандриты Порфирий (Успенский) и Антонин (Капустин). В Китае на дипломатическом поприще достойно проявили себя начальники РДМ в Пекине архимандриты Аввакум (Честной), Палладий (Кафаров), Гурий (Карпов). Со стороны светских ведомств — Министерства иностранных дел и Морского министерства — заметная роль принадлежала известным российским дипломатам — князю А.М. Горчакову, графу Е.В. Путятину, графу Н.П. Игнатьеву, А.Г. Влангали, придававшим большое значение конфессиональному фактору во внешней политике великих держав. Так совместными усилиями Министерства иностранных дел и Св. Синода разрабатывалась и корректировалась стратегия церковного присутствия России в ближне- и дальневосточном регионах.

- ¹ Записка барона Н.Е. Торнау. Август, 1854 г. // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 587. Л. 1–10об.; Влангали А.Г. Православие и Россия на Востоке // ППС. Вып. 110. 2014. С. 109–128.
- ² Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле // Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле. Т. 1. Изд-во Олега Абышко: СПб., 2011. С. 218; Иноземная пропаганда на Востоке // Сообщения Имп. Прав. Палест. Общ. Т. XXI. СПб., 1910. № 4. С. 558.
- ³ Письмо Дж. Валерги викарию. Иерусалим, 25 июля 1852 г. // Архив министерства иностранных дел Австрии (Константинополь). VII/10. Д. 158. Л. 3; Попов А.П., *протоиерей*. Европейские учреждения в Иерусалиме и его ближайших окрестностях // Христианское чтение. 1890. № 5–6. С. 742; Дмитриевский Д.С. Латинская уния в Палестине. Из Полт. Еп. Вед. 1898, 18, 668–669; Аничкова В.Н. Французские католические миссии на Востоке. II. Палестина // Сообщения ИППО. 1906. Т. XVII. Вып. 3. С. 354.
- ⁴ Барталь И. Иерусалим в конце османской эпохи: между обновлением и застоем // Иерусалим в веках. Ч. 9. Иерусалим, 1998. С. 41.
- ⁵ Титов Ф.И., *прот.* Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский, бывший настоятель русской духовной миссии в Иерусалиме. Очерк из истории русской духовной миссии в Иерусалиме. Киев, 1902. С. 40.
- ⁶ [Игнатьев Н.П.] Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент генерал-адъютантом Н.П. Игнатьевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 г. СПб., 1895. С. 290.
- ⁷ Цит. по: Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. СПб., 2015. С. 487–488.
- ⁸ Всеподданнейший доклад вице-канцлера графа К. В. Нессельроде Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю I. 13 июня, 1842 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2000. Т. 2. С. 12–13.
- ⁹ Всеподданнейший доклад министра иностранных дел князя А. М. Горчакова. С.-Петербург, 23 марта 1857 г. // ИР НБУ. Ф. XIII. Д. 6343. Л. 7–7об.
- ¹⁰ Ямилинец Б. Ф. Россия и Палестина. М., 2003. С. 244.

- ¹¹ Отношение генерального консула в Бейруте Н.Е. Мухина к А.П. Бутеневу. Бейрут, 30 апреля 1857 г. // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее — ИР НБУ). Ф. XIII. Д. 6343. Л. 20.
- ¹² См. подробнее: Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М.: РОССПЭН, 2014.
- ¹³ [Путятин Е.В., *граф*] Письмо к обер-прокурору Св. Синода графу А.П. Толстому. Гонконг, 2/14 ноября 1857 г. // Китайский благовестник. 1916. Вып. 7–8. С. 10–12; Его же. Рапорт на имя великого князя Константина Николаевича [Тяньцзинь, июнь, 1858 г.] // Китайский благовестник. 1916. Вып. 7–8. С. 13–16.
- ¹⁴ См. подробнее: Смирнова И.Ю. К истории преобразования РДМ в Пекине в 1860–1864 гг. (по материалам российских архивов) // Отечественные архивы. № 4. 2016. — Нах. в печ.
- ¹⁵ Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М.: Фирма Аалеса, 1997. С. 322.
- ¹⁶ Мнение митрополита Филарета относительно проекта устава Общества восстановления православия на Кавказе. Москва, декабрь 1858 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1886. Т. 4. С. 376.
- ¹⁷ Филарет, митрополит Московский. Записка «О распространении православной веры в Китае». Москва, б.д. [1858] // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 5. Ч. 2. СПб., 1888. 647–648.
- ¹⁸ Горчаков А.М., князь. Проект о преобразовании Русской Духовной Миссии в Пекине. С.-Петербург, 21 октября 1861 г. // НИОР РГБ. Ф. 316. К. 20. Ед. хр. 44. Л. 7 – 7об.
- ¹⁹ Там же. Л. 11об.
- ²⁰ Записка, представленная в Палестинский Комитет. С.-Петербург, апрель 1860 г. // ОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 33.
- ²¹ Письмо князя А.М. Горчакова к Филарету, митрополиту Московскому. С.-Петербург, 24 октября 1861 г. // НИОР РГБ. Ф. 316. К. 20. Ед. хр. 44. Л. 1 – 11об.
- ²² Письмо архимандрита Палладия к обер-прокурору Св. Синоду А.П. Ахматову. Б.д. [конец 1861 г.] // РГИА. Ф. 797. Оп. 31. Отд. II. Стол 2. Раздел 12. Ед. хр. 318. Л. 97 об.
- ²³ Замечания архимандрита Гурия об устройстве Духовной Миссии в Китае. Пекин, б.д. [1862] // Там же. Л. 188–188об.
- ²⁴ Мнение митрополита Новгородского и С.-Петербургского Исидора. С.-Петербург, б.д. [июль 1862 г.] // Там же. Л. 19–19об.
- ²⁵ Мнение МИД на отзыв митрополита Исидора. С.-Петербург, 1862 // РГИА. Ф. 797. Оп. 31. Отд. II. Стол 2. Раздел 12. Ед. хр. 318. Л. 23.
- ²⁶ Горчаков А.М., князь. Проект о преобразовании Русской Духовной Миссии в Пекине. С.-Петербург, 21 октября 1861 г. // НИОР РГБ. Ф. 316. К. 20. Ед. хр. 44. Л. 5об. – 6.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См. подробнее: Смирнова И.Ю. К истории становления российского церковного присутствия в Святой Земле: миссия епископа Кирилла (Наумова) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. Вып. 4. С. 365–387.

- ²⁹ Записка, представленная в Палестинский Комитет. С.-Петербург, апрель 1860 г. // НИОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 30–31об.
- ³⁰ Письмо архимандрита Леониды (Кавелина) к митрополиту Московскому Филарету. Константинополь, 20 августа 1866 г. // Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (1812–1867), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А. Н. Львовым. СПб., 1900. С. 645.
- ³¹ Мнение митрополита Новгородского и С.-Петербургского Исидора. С.-Петербург, б.д. [июль 1862 г.] // РГИА. Ф. 797. Оп. 31. Отд. II. Ст. 2. Разд. 12. Ед. хр. 318. Л. 22об.
- ³² Там же. Л. 22–22об.
- ³³ Отношение товарища министра иностранных дел Н.А. Муханова и директора Азиатского департамента Н.П. Игнатъева к обер-прокурору Св. Синоду. С.-Петербург, 22 августа 1862 г. // Там же. Л. 32–32об.
- ³⁴ Там же. Л. 32об.-34.
- ³⁵ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1888. С. 406–407.
- ³⁶ Инструкция РДМ в Пекине // РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Отд. II. Ст. 3. Ед. хр. 77. Л. 151–152.
- ³⁷ Отношение министра финансов М.Х. Рейтерна к вице-канцлеру А.М. Горчакову. 26 июля 1863 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 31. Отд. II. Ст. 12. Ед. хр. 318. Л. 137–137об.
- ³⁸ Письмо митрополита Московского Филарета к обер-прокурору Св. Синода А.П. Ахматову. Москва, 16 мая 1864 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1888. Т. 5/2. С. 571.
- ³⁹ Мнение митрополита Филарета о «Российской Духовной Миссии по письму 3 января 1864 года». Москва, 4 февраля 1864 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 420.
- ⁴⁰ Собр. мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1887. Т. 5. Ч. 2. С. 647.
- ⁴¹ Письмо обер-прокурора графа Д.А.Толстого к митрополиту Московскому Филарету от 4 октября 1866 г. / Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 463–464.
- ⁴² Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому с мнением на предложение о закрытии Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Москва, 21 октября 1866 г. // Там же. С. 464–465.

Из истории русской светописы: архимандрит Антонин и его фотографические опыты в Греции (1856–1860 гг.)*

К.А. Вах

Архимандрит Антонин и фотография

Практически каждый, кто рассказывает об Антонине (Капустине), упоминает о нем как о фотографе. Однако как именно он стал фотографом, о его мотивациях, о первых опытах до настоящего времени было сказано очень немного¹, впрочем, как и вообще о фотографической деятельности о. Антонина. Материал, собранный в нашем очерке, позволит частично восполнить этот пробел.

Интерес архимандрита Антонина к искусству светописы нельзя назвать неожиданным. Распространение фотографии с начала 1850-х гг. становится повсеместным в самых разных слоях общества, делается чем-то обязательным для повседневной жизни. Научная среда не является исключением. В воздухе витают идеи, сформулированные в 1858 г. П.И. Севастьяновым: светопись — это новый и притом необходимый инструмент для изучения христианских древностей и археологии². В Афинах Антонин должен был ощутить справедливость этого тезиса как никто другой. Затрачивая много сил на рисование памятников древности и копирование надписей, он прекрасно понимал преимущества фотографии.

Кроме этого, не стоит упускать из вида и научный патриотизм, распространенный в те годы в ученой среде. Патриоты от науки понимали, что их работа послужит к чести их собственной страны. А Антонин несомненно был патриотом. На Христианском Востоке, по его мнению, русским ученым была предоставлена уникальная возможность для исследования памятников древнего византийского православного христианства. И возможности светописы могли способствовать распространению сведений о результатах российских исследований в Европе.

* Исследование и публикация подготовлены в рамках гранта РФФИ № 17-04-00555-ОГН.

Портрет Андрея Капустина.
1844 г.

Наконец, его любовь к оптике, оптической механике, проявившаяся в постоянных занятиях по проверке, тестированию, улучшению имевшихся в его распоряжении устройств труб и телескопов, не могла оставить его равнодушным и к оптике фотографической. Можно сказать, что фотография, как и астрономия, стала одним из проявлений интеллектуальной стороны его натуры, и шаг от окуляра телескопа к объективу фотографа был закономерен. Коммерческая сторона фотографии, а светопись в те годы в первую очередь была коммерческим занятием, его не интересовала. Нам неизвестны случаи, когда Антонин продавал свои снимки. Ему важно было разбираться в принципах происходивших процессов, понимать, как это новое искусство устроено. Дополнительным стимулом был и успех других фотографов, и

снимки родных, которые присылали ему в Афины из Москвы, Киева и Зауралья. В общем, оказавшись на Христианском Востоке, он рано или поздно должен был взять в руки фотографическую машину.

Непосредственное знакомство Андрея Капустина с фотографией, а точнее с дагеротипией, произошло еще до его пострижения в монашество. Однажды небольшая компания семинаристов решила провести свободное от учебы время в Одессе. Там молодым людям и пришла в голову идея посетить фотографа-дагеротиписта. Из трех друзей снять портрет решились только двое. Возможно, на отказ одного из спутников повлияла стоимость самой услуги. Было это 29 июля 1844 г. «Вышли оттуда уже во втором часу и вынесли с собою два образчика дагеротипного дела, на которых поместилась, между прочим, и моя жалкая рожа», — записал о. Антонин в дневнике³. К счастью, фотография эта сохранилась, каким-то чудом оказавшись в архиве Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне среди писем о. Антонина. Можно предположить, что эту часть переписки, поскольку она состоит из писем к бывшим афонским монахам Виссариону и Мартирию, отправленных в Афины с Афона, из Константинополя и из Иерусалима, передал в архив Пантелеимонова монастыря его бывший насельник архимандрит Рафаил (Трухин), возглавивший Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме после кончины о. Антонина. В дневнике самого о. Антонина сохранилась запись о каком-то «своедельном» портрете 1843 года. Возможно, речь идет об одном и том же снимке, просто автор за давностью лет немного перепутал дату⁴.

Афины: первые шаги в светописы

После первого личного знакомства о. Антонина со светописью прошло еще 10 лет, прежде чем он решил самостоятельно изучить это искусство. Толчком, вероятно, послужило простое обстоятельство. Воспитанник о. Антонин Петр Нищинский, который жил вместе с ним в Афинах, задумал жениться. Избранницей Петра стала дочь близкого друга о. Антонина Димитрия Мангеля. С этой семьей Антонин поддерживал постоянные и близкие отношения. Димитрий Мангель был разносторонне одаренным человеком с инженерным мышлением, разбирался в механике и оптике.

Зайдя как-то «по обычаю» в дом Мангелей, Антонин отметил две новинки, появившиеся в интерьере: «дагеротипный портрет жениха и невесты и брачный шлафрок первого»⁵. Мы не знаем наверняка, что именно в данном случае о. Антонин называет дагеротипией. В 1856 году на смену этой технике уже пришла и получила повсеместное признание другая, более дешевая коллоидная технология получения отпечатков. Однако именно дагеротипия начиная с 1840 года стала аналогом слова «портрет». Весьма вероятно, что даже при смене технологии дагеротипистами какое-то время по-прежнему называли фотографов-портретистов. А таких фотографов было большинство, поскольку именно этот вид коммерческой фотографии был наиболее

Г. Бек. Групповой портрет. Начало 1850-х гг. Дагеротип

востребован. Однако в середине XIX столетия дагеротипия еще не исчезла окончательно. Техника дагеротипии была достаточно хорошо отработана, но требовала создания определенных условий для портретной съемки⁶.

Через некоторое время Антонин навестил афинское фотоателье дагеротиписта Бека⁷ и договорился с ним об изготовлении собственного портрета. За одним сеансом последовал другой, поскольку фотограф не был удовлетворен первыми результатами. Эти рабочие встречи сопровождались обсуждением техники фотосъемки за стаканом пива. «Часов в 10 отправились со стереоскопом к немцу Беку дагеротиписту по сделанному вчера условию. Два раза он снимал с меня портреты с правого и левого глаза. Последняя снимка оказалась удачной. Наведши лорнет, мы к общему удовольствию нашли вместо изображения живое лицо. На радости выпили пива по немецкому заведению и раскланялись до субботы, в которую опять будем иметь свидание, ибо Herr Beck недоволен снятыми портретами с художественной стороны и хочет сделать ein Wunder»⁸. Но и в субботу результат фотосъемки, по-видимому, оказался неидеальным. «В восемь часов, по условию, отправились к Беку и оставили его, не уверившись в том, удачно или нет сняты нынешние портреты. Затем я до 5 часов сидел у станка с кир Мангелем. Дома обедали с филоникей⁹ по поводу принесенных портретов»¹⁰. Филоникей, или попросту спор возник, вероятно, между фотографом и заказчиком по поводу необходимости выкупить не вполне удавшиеся портреты.

Нет сомнения, что это общение в июне 1855 года стало первым практическим знакомством о. Антонина с искусством светописа. Тогда же могла появиться и идея освоить это искусство самому.

Дополнительным стимулом для освоения фотографии было, как уже отмечалось, ее быстрое и повсеместное распространение, в особенности занятия светописью брата Антонина Платона. Антонин получал письма от него из Москвы, в которые нередко были вложены фотокарточки. Нужно было отвечать, и Антонин посылал свои портреты, возможно, дагеротипы работы Бека. «Счастлив я на этой неделе. Письмо от братца. Картинка представляет фотографически снятые лица о. Платона, матушки Марьи Яковлевны, Ивана, Якова и Марии Капустиных. Разблажился я душой, смотря на эти лица, точно так как умилился прошлый раз, смотря на портрет (тоже фотографический) блаженной памяти незабвенного батюшки о. Парфения. Ходил с о. Амвросием в миссию, сдал ему для перевоза в Киев шубу лисью, портрет свой и крест архимандричий. Утром опять письмо из России большое, в три драхмы весом и опять с картинкою»¹¹.

Последующая история первых личных фотографических опытов о. Антонина кратко была изложена издателем его дневника Л.А. Герд. «Первые его фотографические опыты относятся к 1856 году. 12 июля Антонин записывает в дневнике, что фотограф Маргаритис принес ему снимки Никодима. А в сентябре того же года он приобрел у французского архитектора Ф. Буланже за

250 франков фотографический аппарат и начал под руководством фотографа сам учиться делать снимки. После нескольких неудачных попыток наконец 19 октября Антонин отмечает, что им был успешно сделан вид Акрополя. «Хорошее начало», — записывает он в дневнике. Впоследствии Антонин вклеит некоторые из фотографий в тетрадь дневника. Несмотря на то что фотографии долгое время Антонину удавались плохо, он упорно продолжал учиться этому искусству. В самом начале 1858 г. Антонин познакомился с профессиональным фотографом Димитрием Константином, который научил Антонина не бумажному, а гораздо более эффективному коллоидному способу фотографирования. Радости от успеха не было конца. А вскоре Антонин начал самостоятельно снимать на стереоскопический аппарат. Много часов он провел за этим занятием при помощи главы близкой ему семьи Мангелей Димитрия. Впереди были и удачные снимки церкви Никодима в разных ракурсах, и групповые фотографии поездки в Кесариани 13 мая 1858 г., впоследствии вклеенные в тетрадь дневника. Настоящего единомышленника нашел Антонин в лице П.И. Севастьянова, одного из первых фотографов памятников Афона, человека страстно увлеченного фотографией. Несомненно, участие в афонской экспедиции Севастьянова в 1859 году, помимо прочего, способствовало усвоению Антонином новейших методов и техники фотографирования»¹².

Действительно, Бек был не единственным фотографом в Афинах. Но позднее имя его уже не упоминалось в дневнике, хотя интерес о. Антонина к фотографии не угас. Возможно, Бек покинул Грецию или его возможности были ограничены собственной студией, а натурная фотосъемка была для о. Антонина куда важнее портретной. Близилось завершение реставрации церкви Никодима (русской посольской церкви Св. Троицы), восстановлением которой о. Антонин занимался практически с момента своего появления в Афинах. Освящение воссозданного им храма состоялось 6 декабря 1855 года¹³, и Антонин хотел использовать это событие, чтобы привлечь внимание петербургского начальства к проблемам и нуждам русского церковного представительства в Греции.

О возобновлении древнего византийского храма в Афинах в качестве русской посольской церкви о. Антонин писал не раз и в Синод, и в МИД, и в научные журналы, и своим многочисленным знакомым в России. Результатом своих трудов он был доволен, гордился и за себя, и за отечество, и за Православную Церковь в целом. Теперь он хотел продемонстрировать результат воочию, используя фотографию. Естественно, дагеротипия не подходила для этой задачи. Но в начале 1850-х годов параллельно с дагеротипией повсеместное распространение получает другая технология светописа — калотипия, сочетавшая в себе две техники: бумажный негатив и скрытое изображение, или собственно фотографию¹⁴. Калотипия была открыта и разработана Уильямом Генри Фокса Тальботом. Она была и проще и дешевле дагеротипии и позволяла получать несколько отпечатков одного снимка. Однако калотипия была очень капризна и непостоянна.

Ф. Маргаритис. Акрополь. Пропилеи.
1855 г. Калотипия

он преподавал до 1863 года. Фотографии учился у французского фотографа Филиберта Перро, когда последний работал в Греции в 1846–1847 гг. В 1848 г. школа искусств приобрела фотоаппарат для съемки дагеротипов, и Маргаритис смог закончить свое обучение, экспериментируя и добиваясь результатов самостоятельно. В 1849 году он открыл первую в Греции фотостудию, устроенную в саду собственного дома на площади Клафмоннос. Среди сохранившихся ранних работ Маргаритиса были античные памятники, портреты королевской фамилии и героев войны за независимость Греции и др.¹⁵

С Маргаритисом о. Антонин познакомился, когда ему потребовалось снять церковь св. Никодима. 12 июля 1856 года он делает запись в дневнике: «фотограф Маргаритис известил, что вид церкви нашей уже снят им и, кажется, удачно...»¹⁶. Правда Антонин не был доволен результатом, отметив, что нашел «удачное но не отличное изображение своего любезного Никодима»¹⁷. Однако отпечатки с видом церкви были куплены, один из них отправлен в Синод. Год спустя о. Антонин получил благодарность за присланный снимок, однако «благодарность не такого рода, чтобы внести ее в формуляр...»¹⁸.

Возможно, постоянно «удачное, но не отличное» качество получаемых другими фотографами изображений того, что очень хотелось иметь в отличном качестве, подтолкнуло о. Антонина к решению безотлагательно заняться фотографией самому. Но для этого необходимо было завести собственную фотографическую машину.¹⁹ И случай для этого скоро представился. В Афинах обнаружилась машина, которую хозяин готов был уступить за приличное вознаграждение.

Посредником по приобретению машины выступил доморощенный афинский архитектор итальянского происхождения «мастро Филиппо», который исполнял небольшие строительные контракты для российского посольства в Афинах. Судя по дневнику о. Антонина, он был, как говорят, «всегда под рукой», готовый по сходной цене выполнить любые

В Афинах натурную съемку с использованием способа калотипии практиковал фотограф Филипп Маргаритис (1810–1892), которого многие историки фотографии называют первым греческим фотографом. Он и стал в недалеком будущем учителем светописы русского архимандрита в Афинах.

Маргаритис родился в Смирне, учился живописи в Италии, в 1842 году был назначен учителем в Афинской школе изящных искусств по классу Основного рисунка, где

строительные или ремонтные работы для русского архимандрита. Этот ита-ло-грек быстро стал своим человеком и действительно оказал о. Антонину множество полезных услуг. Авантюрист в душе, позднее попавшийся на распространении фальшивых денег, мастро Филиппо не упускал случая заработать на чем угодно. Именно он и выступил посредником при продаже Антонину фотографической машины другого афинского архитектора Ф. Буланже²⁰.

Для о. Антонина, все жалование которого, как правило, было уже израсходовано на два месяца вперед, предложение о покупке стало своего рода искушением. «Затем злодей мастро Филиппо приходил с злодейским предложением купить у Буланже фотографический прибор. Мне захотелось если не купить, то по крайней мере посмотреть машину, особенно же ее стекла. Через час тот же искуситель пришел с образчиком дагеротипного снимка, произведенного оной машиною... искушение овладело мною. Я пошел с рисунком к о. диакону и нашел его, сверх чаяния, весьма не прочь или самому купить прибор, или дать мне для покупки денег. Цена же ей объявлена 450 драхм, а стоила же машина якобы 800 франков»²¹.

Прежде чем принять решение, Антонин попросил принести машину к нему на дом для осмотра, что и было исполнено. 21 сентября фотоаппарат уже стоял на его столе. На следующий день в качестве эксперта был призван фотограф Маргаритис, который после осмотра рекомендовал не давать за машину более 290 драхм²². Попутно днем раньше Антонин опять купил у Маргаритиса три фотографии церкви Никодима «для себя, Москвы и Батурины»²³. Это вновь напомнило ему о выгодах, могущих произойти от освоения им искусства светописы. Наконец 24 сентября после раздумий и совещаний со стороны покупателя была объявлена цена в 250 франков. Столь значительное снижение стоимости объяснялось отсутствием «полного прибора фотографического». При этом о. Антонин самому себе выражал надежду, что Ф. Буланже («почтенный Рыжик») не согласится на продажу по заниженной цене и тем избавит его от необходимости вновь залезать в долги²⁴. Но продавец согласился²⁵, более того, обещал обучить обращению с фотоаппаратом.

Испытание оптики купленной машины показало, что она оставляет желать лучшего²⁶. Прежний хозяин хотел избавиться от не очень качественного и, вероятно, старого аппарата и согласился на предложенную цену, в которую, вероятно, вошли и комиссионные для мастро Филиппо. Первое фотографическое приобретение о. Антонина было явно неудачным. Свои

Ф. Маргаритис. Парфенон. 1855 г.
Калотипия

сомнения он высказал Маргаритису²⁷ и следом посреднику в сделке маэстро Филиппо, зашедшему на дармовой обед на квартиру к архимандриту. В ответ на сделанные упреки маэстро Филиппо заявил, что Ф. Буланже сам покажет о. Антонину «весь дагеротипизм»²⁸.

По иронии судьбы о. Антонину за небольшой отрезок времени пришлось познакомиться сразу с тремя главными направлениями в раннем фотоискусстве: дагеротипией, калотипией и мокрым коллоидным процессом. Первый он увидел у фотографа Бека и затем получил практические сведения от Ф. Буланже, второй изучал под руководством Ф. Маргаритиса, о третьем же, коллоидном, процессе ему вскоре предстояло узнать. Однако — обо всем по порядку.

Разговор с маэстро Филиппо о скорых уроках Буланже происходил 1 октября 1856 г., а уже на следующий день о. Антонин приступил к занятиям под руководством другого учителя — Маргаритиса. Как часто бывает, сначала и учитель и ученик были воодушевлены начатым процессом: один открывал секреты своего искусства, а другой слушал, записывал, запоминал, приносил, развешивал, сушил и удивлялся тому, что все это происходило с ним самим. «Καλὴ ἀρχή!²⁹ Утром отдал себя на науку. На первый раз monsieur le maître нарезал мне положительной и отрицательной бумаги, отвесил по небольшому количеству iodium, potassium, acide gallique, acide acetique, acide hyposulfite, серебряной соли и жженой кости»³⁰.

Занятия с Ф. Маргаритисом шли без перерыва пять дней со 2 по 6 октября 1856 г. Антонин оставляет краткие и немного шуточные заметки в дневнике³¹, так как подробные записи делались в отдельной тетради. Судя по упомянутым им химическим компонентам и технологиям, речь шла именно о калотипии.

Среда 3 октября.

«У мастера варили молоко и пекли на воску бумажные блины. В этом прошел почти весь день».

Четверток 4 октября.

«С мастером утюжили вчерашние блины, их же потом клали в рассол иодо-сывороточный и сушили на гвоздиках. Чудеса в решете».

Пятница 5 октября.

«Потом у мастера перебивали блины свои в растворе воды с нитратом и давали солнышку лизать их, после чего снова клали их в рассол водо-ацето-галлический и мыли в воде. На этом процессе я и оставил мастера, обещавшегося еще сводить их в баню ипосульфитическую — последнее мытарство «отрицания»... Любопытно и в высшей степени приятно».

Суббота 6 октября.

«То же и сегодня, возились с фотографом почти целый день, стараясь захватить машиною какой-нибудь вид. Но дело шло безуспешнее вчерашнего. Κρίμα»³².

Перерыв был сделан в связи с воскресным днем. Уже вечером о. Антонин занялся домашним заданием — «писал фотографические заметки, после чего, желая найти рецепт фижельских лаков, перерыл все свои рукописи...»³³. Потом была небольшая остановка в учении: у Маргаритиса сильно заболела голова. Зато объявился маэстро Филиппо, сообщивший, что 11 октября в четверг «m-g Boulanger придет учить меня дагеротипному искусству»³⁴.

Буланже пришел, как и говорил, утром в четверг, но время как будто потекло назад. Появились посеребренные дощечки, а с ними полировка и все необходимое для дагеротипии. Правда дагеротипия позволяла быстро перейти непосредственно к процессу фотосъемки. Поэтому уже в первый день после необходимого инструктажа («В час пополудни пришел г. Буланже и стал мне одну за другою открывать тайны дивного искусства») были сделаны первые фотографические опыты. «Снимали даже виды, но, к сожалению, все они были “brulees”»³⁵. Расстались, условившись завтра сойтись опять на ту же работу. Утомившись, крепко в потемках заснул, а потом часу до третьего сидел, полируя дощечки»³⁶. На следующий день о. Антонин самостоятельно готовил пластинки для экспонирования. Когда появился Буланже, состоялись новые опыты «с несколько большим, против вчерашнего, успехом»³⁷. На этом уроки Буланже закончились и не возобновлялись более.

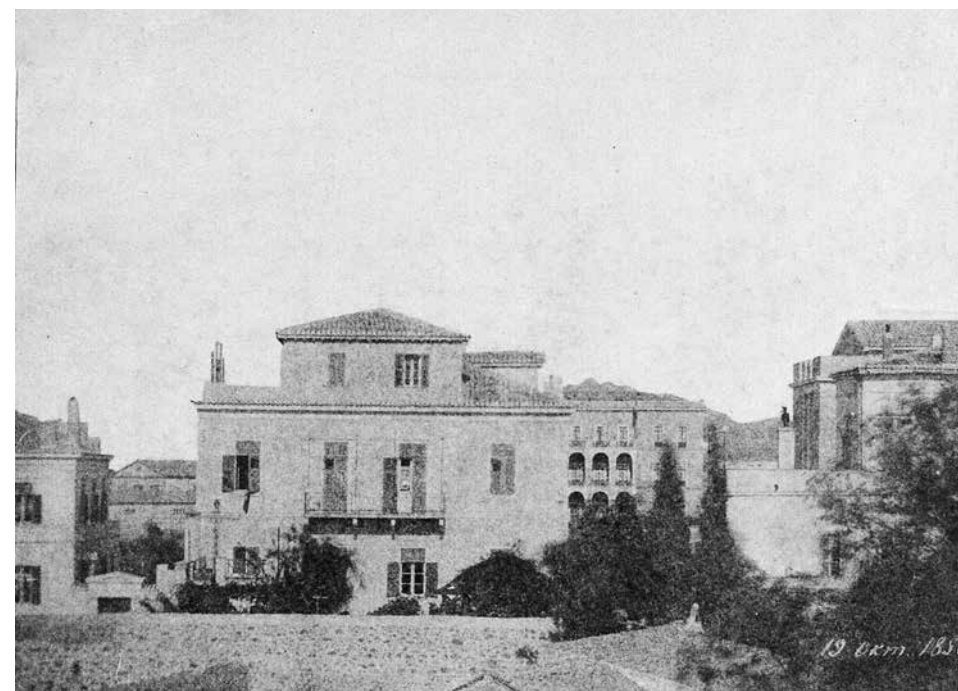

Фото Антоннина (Капустина). Афины. Вид из окна дома. 19 октября 1856 г. Калотипия

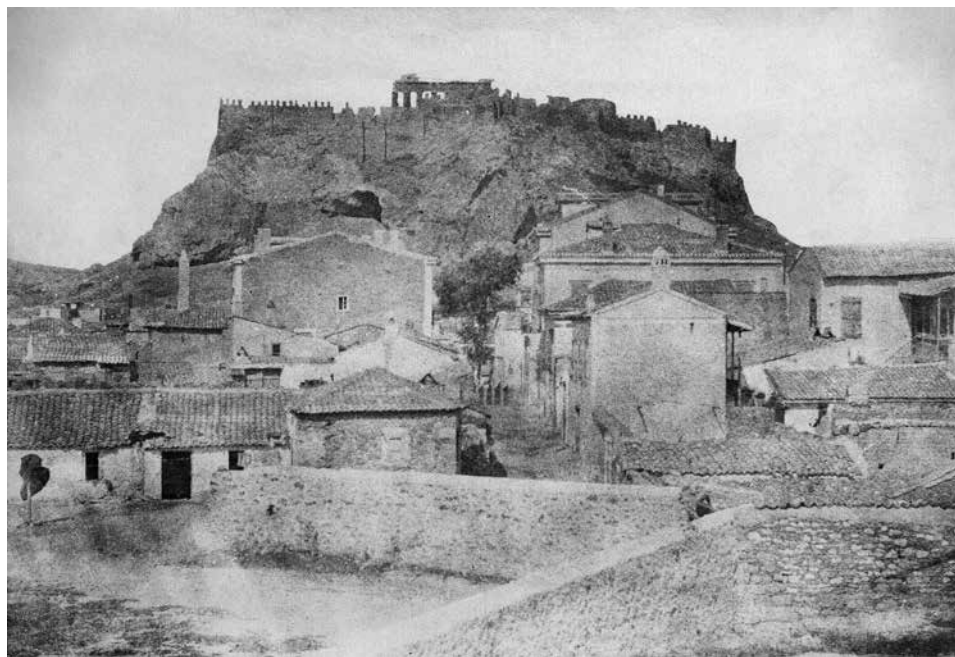

Фото Антонина (Капустина). Афины. 1856 г. Калотипия

В субботу 13 октября о. Антонин отправился «в школу» к Маргаритису, где «писал заметки и рассуждал с мастером о тысяче вещей»³⁸. Затем то же самое происходило уже в доме архимандрита, причем к разговорам о фотографии присоединился и князь Л.Г. Гагарин, сотрудник афинского посольства, приятель и покровитель о. Антонина. Занимался ли Антонин фотографией в последующие дни, неизвестно. Наконец, 19 октября в его дневнике появилась радостная заметка. «Целый день с г. Маргарити занимались сниманием видов. Из четырех опытов удался один только — вид Акрополя из окна залы. Καλή ἀρχή!»³⁹.

С этого момента о. Антонин начинает собственные попытки фотографирования, пока лишь видов из окна своей квартиры. Фотографии эти, вклеенные им в дневник, сохранились. «Службы не было. Занимался с посредственным успехом фотографией... Один из видов королевского дворца с моего балкона — вышел порядочный. И то слава Богу!»⁴⁰.

Фотографирует о. Антонин в это время достаточно часто, но записи об этом в его дневнике не всегда информативны. «Утренняя и обедница с некоторыми пропусками. Занятие кое-чем, даже, может быть, и светописью»⁴¹, «...заходил по пути к своему светоучителю»⁴², «Были ль какие-нибудь фотографические помышления в остаток дня сего, история проходит молчанием»⁴³ и т.д.

СВЕТОПИСЬ КАК АРХЕОЛОГИЯ: ЭКСПЕДИЦИЯ В ДАФНИ

Неполнота, отрывочность информации — это характерная особенность дневника о. Антонина, но не его личности. К намеченной цели он шел всегда упорно и последовательно. Занявшись фотографией и имея в виду собственные научные археологические задачи, он при первой же возможности поспешил проверить свои возможности в этой области.

27 октября 1856 года состоялась первая фотографическая экспедиция к византийскому археологическому памятнику церкви в бывшем монастыре Дафни. Конечно, назвать экспедицией однодневную поездку сложно, однако это была именно экспедиция — целевая поездка. Выбор для нее был сделан неслучайно. По наблюдению Л.А. Герда, о. Антонин был одним из первых ученых, обративших внимание на этот выдающийся памятник византийского искусства: «о его восстановлении и даже превращении в русскую церковь он мечтал еще в начале своего служения в Афинах»⁴⁴.

Антонин впервые увидел Дафни 2 ноября 1850 г. С тех пор эта церковь не выходила из его головы в течение всей его службы в Афинах, что легко проследить по его дневнику. Архитектура и мозаики Дафни были предметом постоянных сравнений и сопоставлений. Всю зиму 1850/1851 гг. он «бредил... лежа на одре болезни» и мечтая о ее возобновлении и реставрации⁴⁵.

Г. Бек. Монастырь Дафни. 1864 г. Каллоидный процесс

Часто отправляясь за город или для отдыха вместе с причтом своей церкви или с кем-нибудь из путешественников, он заворачивал к Дафни, чтобы еще раз увидеть шедевр.

В 1855 году он попросил Людвиг Тирша, немецкого иконописца, работавшего по заказу Греческого Двора и расписавшего русскую посольскую церковь, убедить королеву Амалию «поправить Дафнийскую церковь»⁴⁶. Тирш действительно переговорил с королевой, и на ее вопрос о способном исполнителе работ порекомендовал обратиться к «русскому архимандриту»⁴⁷. «Πιστεύω, что все его сказания суть λόγια...»⁴⁸, — добавил о. Антонин от себя. Тирш уехал из Греции, и дело о возобновлении Дафни остановилось так и не начавшись. Уже в 1858 году при возможности о. Антонин попросил нашего посланника в Афинах А.П. Озерова посодействовать в деле возобновления храма древнего византийского монастыря. «Особо замолвил слово о дафнийском храме. После отбытия из Греции г. Тирша некому более настаивать у Ее Величества королевы Амалии на возобновлении церкви. А жаль. Соседка уже дала было слово жертвовать ежегодно на это по 10 000 драхм»⁴⁹.

Даже оказавшись на Святой Земле в сентябре 1857 года, о. Антонин вспоминает и сравнивает с ним памятники Византийской Палестины: храм Рождества в Вифлееме. «С о. Виссарионом еще осмотрели весь храм в подробности. Мозаика стенная хуже нашей дафнийской»⁵⁰. Палестинские аллюзии случались и впоследствии: «Немало вчера рассуждали, как и чему быть в высокаторжественный сей день. Порешили, наконец, подражая преподобному Виссариону, ехать под какое-нибудь пустынное дерево с мамврийской тенью и просидеть под ним в прохладе до вечера. Жребий выпал к западу направляться. Итак, часов в 7 двинулись всем обществом в двух колясках в Дафни»⁵¹. Естественно, он не упускает случая показать Дафни ученым путешественникам, тем, кто в состоянии оценить красоту и художественное значение этого памятника. 19 июня 1858 г. о. Антонин свозил в Дафни секретаря Одесского археологического общества Н.Н. Мурзакевича. В 1859 г. Антонин исследовал дафнийский храм вместе с П.И. Севастьяновым.

После всего сказанного стоит ли удивляться, что первая поездка состоялась именно в Дафни. Антонин не рискнул пуститься в путь без своего учителя. Более того, он просил Маргаритиса взять свою собственную машину для съемки памятника. Однако фотографирование церкви как внутри, так и снаружи почему-то не состоялось, и путешественники вынуждены были производить съемку окрестностей с крыши церкви⁵². Закончился день прогулкой по Элевсину и отдыхом всей компании.

Через день о. Антонин вновь посвятил фотографии все время, но уже не покидая своего дома⁵³. Погода портилась, надвигалась зима, и выездные эксперименты поневоле пришлось отложить до лучших времен. Но на этом археологический и научный запал в начинающем фотографе не угас.

9 ноября в дневнике о. Антонина появляется не вполне ясная запись: «... заходил к даскалу-фотографу. Дома в ожидании его ничего не делал целый день. Вечером после свидания с ним приготовил для него около тридцати монет древних — отборных»⁵⁴. Можно подумать, что это была форма платы за обучение, но вероятнее предположить, что о. Антонин договорился с Ф. Маргаритисом о фотосъемке наиболее ценных монет из его коллекции.

ПОЛНОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Первая половина 1857 года была посвящена экспериментам с аппаратом Ф. Буланже, от которого о. Антонин упрямо пытался добиться хоть какого-то качества получаемых изображений. Одновременно он надеялся усовершенствовать и технику, и материалы: выполнил чернение внутренней поверхности ящика фотоаппарата⁵⁵, пытался варить и использовать «бумаго-лак»⁵⁶ собственного изобретения. Но дарить по-прежнему приходилось фотографии с видом св. Никодима, приобретенные у Маргаритиса⁵⁷.

Нарастало недовольство собой. Было очевидно, что проблема усугубляется качеством самой машины. «Я дал совет братии на добытые деньги съездить в Кесарьяни прогуляться. Итак, утром сегодня приведены были ослы, и мы все отправились в горы. Я захватил с собою фотографический аппарат (буланжеровский) и пытался снимать группой честную компанию, но, конечно, без успеха»⁵⁸. «Всю минувшую неделю, нарицаемую пеструю, испещрил неудачными опытами своей фотографической стряпни. Аппарат мой, купленный от рыжего вагабонда⁵⁹ такою дорогою ценою, оказывается никуда не годным. Либо воско-бумажная процедура кур Маргарити ничего не стоит. Выходят все такие мундзуры⁶⁰, что глядеть страшно и помышлять яростно»⁶¹. Сетования и раздражение прорываются на страницах дневника всякий раз, как только речь заходит об использовании машины, приобретенной у Буланже. «Получил от брата сегодня письмо с двумя худящими (но все же лучшими моих) фотографиями...»⁶².

«О, Маргарит мой! Тысячу раз восклицал я подобным образом, жалуюсь на своего учителя в фотографии. После стольких и решительных опытов неудачи еще раз решился я отправиться сегодня с своею машиною в Патиссию, чтоб снять вид ломаемой не сегодня-завтра старой Св. Зоны. С помощью людей и посланника возилс там часа три-четыре, снимая на вощанку вид развалины. Ну, и вышла... развалина! Стыдно не только в люди показать, но и самому взглянуть. Пришел домой истомленный и раздраженный»⁶³. Самое неприятное для Антонина как раз заключалось в невозможности использовать свой аппарат для реальных научных задач. «Εκ μηδενὸς с μηδέν»⁶⁴. Когда худой негатив, не ожидай хорошего позитива. Узнать нельзя снятой вчера церкви»⁶⁵.

Фото Антоннина (Капустина). Церковь Св. Зоны. 1856 г. Калотипия

Наконец, в самом начале июня 1857 года после очередной неудачной съемки, когда на отпечатке «вместо детей вышли обезьяны»⁶⁶, аппарату Буланже был вынесен окончательный приговор: «Положительно он гроша не стоит. Надул рыжий»⁶⁷. Однако делать было нечего, и вернуть потраченные деньги не было никакой возможности.

ПОДАРОК КАПИТАНА ЮШКОВА

Еще в марте 1857 года в дневнике о. Антонина появилась интересная запись: «После обедни ездил в Пирей смотреть пресловутый фрегат наш, который не сходит с языка у детей посланника. Гигантом высматривает. Такой же гигант и капитан его, г. Юшков, рыжий, немножко смахивающий на татарина. Офицерства бездна. С особенною ласкою отнесся ко мне механик судна, он же и фотограф. Показал мне свою машину и весь прибор фотографических снадобий. Обещался приехать ко мне со всеми припасами и поработать вместе со мною. Возвратился восвояси уже ночью. Приятное впечатление мощи русской»⁶⁸.

Фрегат «Полкан» действительно был выдающимся русским кораблем для своего времени. Парусно-паровые суда этого класса строились для

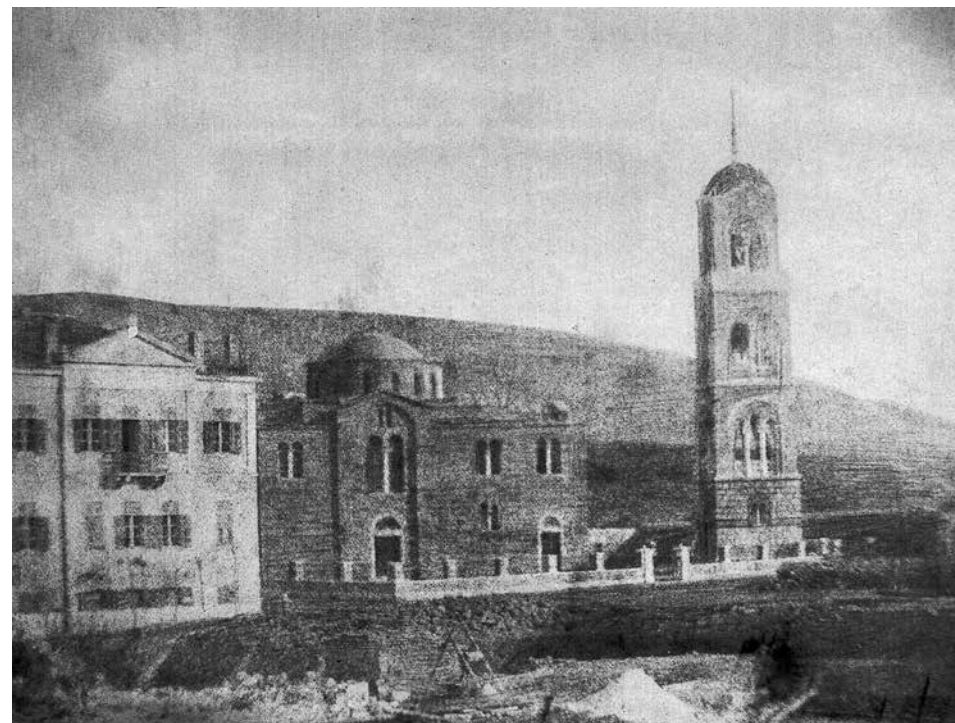

Фото Антоннина (Капустина). Церковь Св. Никодима. 1856 г. Калотипия

использования в открытом море и обладали огромной автономностью: могли по многу месяцев не заходить в порты. «Полкан» был заложен в 1851 году, но спустили на воду его лишь в разгар Крымской войны 19 мая 1854 года. Фрегат участвовал в обороне Кронштадта, а в конце 1856 года вошел в состав русской Средиземноморской эскадры. С весны 1857 года поступил в распоряжение русского посла в Греции. На пути к месту дислокации «Полкан» спас от гибели два неаполитанских судна, чем заслужил уважение и признательность итальянцев. Летом 1857 года «Полкан» совершил вояж по Средиземному морю, а осенью того же года побывал в Египте и Палестине. В этих морских походах принимал участие и архимандрит Антонин (Капустин). Секретной миссией фрегата было наблюдение за действиями судов великих держав в период итальянского кризиса. Перед началом итало-французско-австрийской войны еще в январе 1859 года «Полкан» вошел в состав противостоявшей англичанам русской эскадры, собранной недалеко от Генуи, которой командовал великий князь Константин Николаевич.

Предположим, что перед отправкой в трехлетнее плавание, имея секретные поручения, фрегат был укомплектован нестандартным оборудованием: фотографической машиной. Попутно можно было делать другие

важные снимки. Например, портреты короля и королевы Греции на русском фрегате, куда посланник А.П. Озеров пригласил королевскую чету, чтобы «прокатиться»⁶⁹. Забегая вперед, скажем, что эта машина, переданная на время о. Антонину, была попросту забыта у него в Афинах или даже оставлена ему сознательно капитаном «Полкана» Ф.О. Юшковым. В последнем письме, полученном от него о. Антонином в Афинах 1 октября 1858 года, кроме прощального приветия и общей информации о Шевалье не было сказано ни слова. «Быть ей, значит, моею!» — констатировал Антонин⁷⁰. Когда же о. Антонин узнал, что на «Полкане» сменили всю команду, включая и капитана, он вновь отметил: «так что теперь уже некому отобрать у меня фотографический прибор Chevalier»⁷¹. Если бы механик-фотограф имел в своем распоряжении собственный фотографический аппарат, необходимый ему для систематических съемок, он не расстался бы с ним так надолго, тем более что найти способ вернуть его (если бы его забыли) не составляло большого труда. Так же и о. Антонин не стал бы присваивать себе вещь, принадлежавшую другому человеку.

Тем временем о. Антонин, упорный и неуступчивый, вновь и вновь предпринимал попытки добиться от машины Буланже хоть какого-то результата. Один раз снимок афинского приюта для слепых ему, кажется, удался, но, к сожалению, мы не знаем, когда это произошло. Портреты его друзей и сослуживцев оставляли желать лучшего. Теперь главной проблемой была резкость фокуса при съемке объекта. Информация о его опытах за этот период сжата в нескольких фразах дневника. Вот наиболее полная запись от 16 июня 1857 года: «Как праздник, так я и за работу. Все не оставляет мысль добиться чего-нибудь от рыжего аппарата своего. Ведь при его же посредстве сделан удачный снимок Тифлокомиона»⁷². Отчего у меня ни разу не вышли ясные черты снимка? Наставишь матовое стекло совершенно на фокус, а негатив выйдет весь расплывшийся. Если б на стекле, а не на бумаге работать, может быть, и вышло бы как следует, но возня с альбумином... хуже неудачи. Снимал сегодня рожу мастро Филиппа. Вышла лучше других, но все же до совершенства ей «как до неба далеко». Уже были попытки снять покойного Феодора Мануиловича, Мимики, Петра Великого и супруги его, Ивана Высокого («без зупруги его...»), Николы, Михайла, Мишеньки и Бог весть кого еще. Но что это за портреты! Страшно взглянуть»⁷³.

15 июля о. Антонин переехал на «Полкан», собиравшийся с разрешения посланника совершить небольшое путешествие по Средиземному морю. Пребывание на военном фрегате было для о. Антонина совершенно новым опытом. Можно сказать, что мир русских военных моряков слишком резко противоречил всему внутреннему мироощущению о. Антонина. Особенно резко это проявилось во время двухмесячного плавания в Египет и Палестину. Грубое барство и распущенность соседствовали с удалью и отвагой, отсутствие внешней религиозности уживалось с искренним и глубоким

Фото Антоннина (Капустина). Причт русской посольской церкви в Афинах и домочадцы о. Антонина. 24 января 1857 г. Калотипия

патриотизмом. Внутренне восстаивая против таких устоев офицерского быта, о. Антонин тем не менее внимательно относился к каждому своему спутнику. Он не избегал общения и не уходил от некорректных вопросов, даже когда продолжение беседы становилось ему неприятно. Постепенно он заслужил уважение и как бы право на членство в морской семье.

Пока же 12 дней, проведенных в море, позволили о. Антонину завести знакомство с теми из офицеров команды, кто был ему симпатичен и кто сам был к этому расположен. Вскоре после возвращения «Полкана» в Пирей о. Антонин получил для испытаний фрегатскую фотографическую машину. 5 августа он уже записал в дневнике: «Делал разные наблюдения над силою и добротою фрегатского аппарата Chevalie, нареченного еще в Париже *orthoscopique*. Изображения на матовом стекле дает чистые, но какие-то слабые и темноватые»⁷⁴.

Нам ничего не известно о том, как проходили испытания нового аппарата, но, видимо, довольно успешно, потому что уже через две недели о. Антонин решает взять его с собой в поездку на Эгину. С одной стороны, он сопровождал посланника. Погода стояла жаркая, и в это время все кто только мог старались покинуть Афины. С другой стороны, эта поездка представляла для о. Антонина археологический интерес и по сути была второй

Фото Антоннина (Капустина). Эгина. Храм Юпитера. 1857 г. Калотипия

фотографической экспедицией с археологическими задачами. «Едем сегодня в Эгину. Еще новое невиданное место. Забираю с собой (не Буланжеров) аппарат фотографический, чтобы попытаться снять тамошний храм Юпитера Всеэллинского»⁷⁵. На следующий день, едва ступив на берег и расположившись в отведенном для него помещении, о. Антонин бросается фотографировать снятый посланником домик⁷⁶, явно желая удостовериться, что машина не преподнесет ему сюрприз в более ответственный момент.

На следующее утро состоялась поездка к цели, ради которой о. Антонин прибыл на остров. «Я столько наговорил компании о храме Юпитера Панэллинского, что решились всем обществом отправиться сегодня же на поклонение экс-творцу всяческих. Немедля привели из города лошадей, и ослов, и мула для вещей, на которого и я уложил свою машину. К полудню достигли вершины лесистого холма, увенчанной двадцатью двумя колоннами из местного ноздреватого камня, сложенного кусками, дорического ордена. Спутники расположились в самом экс-святилище закусывать, а я поодаль разбил свою палатку, т. е. зонтик, накрытый рясой и всем другим, что попало под руку, и занялся фотографированием пресловутой древности. Не менее часов двух длилась работа. Кое-что вышло к несказанному утешению моему. Приписываю эту микроскопическую удачу достоинству стекол Шевалье. Спутникам наскучило ждать меня. Когда я кончил, то вместо их увидел только оставленные мне пирожки да полбутылки вина»⁷⁷.

Это довольно подробное описание дает хорошее представление о работе фотографа-любителя, использовавшего метод калотипии с его

негативно-позитивным принципом получения изображения. К сожалению, о. Антонина опять ждало разочарование. «За ночь выфиксировал свой бумажный негатив. Увы! *Siga melius!*⁷⁸ Никакого толка не выйдет от бумаги. Решительно надо бросить ее и приняться, как делают добрые люди, за стекла»⁷⁹. Однако снимок храма Юпитера сохранился в дневнике о. Антонина. По нему можно судить, что именно не удовлетворяло фотографа. Отсутствие контраста кажется не столь и критичным, хотя, конечно, для профессионала этот снимок не мог послужить образцом. Кроме этого, на отпечатке видны неравномерные, как будто размытые области. Неизвестно, было ли это присуще негативу или появилось уже при печати позитивного изображения. Глядя на этот снимок, можно предположить, что о. Антонин желал достичь большего мастерства в фотоискусстве, не удовлетворяясь тем, что у него получалось на данный момент.

28 августа о. Антонин вернулся с Эгины в Афины. Отмыв руки от последствий фотографической экскурсии⁸⁰, от которой в душе у Антонина осталось прекрасное впечатление⁸¹, 30 августа он уже договаривался с капитаном «Полкана» о путешествии ко Святой Земле. «Еще третьего дня вечером порешили на «Полкане» плыть на поклонение святым местам вместо того, чтобы носиться без толку по водам Архипелага. Разумеется, я напросился гостем к Феодору Осиповичу. С того момента душа еще не на месте. Увижу... Иерусалим. Возможно ли это? О таком счастье можно только во сне мечтать»⁸².

Путешествие о. Антонина на «Полкане» продолжалось ровно два месяца: с 15 сентября по 15 ноября 1857 года. Своего фотоаппарата о. Антонин не брал, потому что уже освоил фрегатский, но воспользовался им, вероятно, всего один раз. Несмотря на то что в Дневнике за этот период ничего не сказано о фотографировании, однако на его странице оказалась вклеена фотография офицеров «Полкана». В центре группы капитан — Ф.О. Юшков, а у его ног Азор — собака архимандрита Антонина. Кто мог сделать эту фотографию и почему на ней нет Антонина? Можно предположить, что снимал именно Антонин и потом на этом основании поместил отпечаток в дневнике. На снимке недостаточно резкое, но удовлетворительно изображение. Отпечаток мутноват и несет на себе следы размытости, характерные для снимка храма Юпитера на Эгине. Очевидно, что оба снимка сделаны одним и тем же аппаратом Шевалье. Дополнительным аргументом для того, чтобы считать этот снимок принадлежащим о. Антонину, может служить и то, что в дневник (за редким исключением) о. Антонин вклеивал только свои, пусть и неудачные снимки, а вот купленные у других фотографов виды, даже виды столь близкого ему Никодима работы Ф. Маргаритиса, в дневник не попадали.

Остается ответить на вопрос — почему о. Антонин не снимал ни памятники Египта, ни святыне места Палестины. Объяснение этому, на наш

Фото Антоннина (Капустина) (?). Офицеры фрегата «Палкан». 1857 г. Калотипия

взгляд, следующее. Еще в начале своего путешествия у него возникли очень напряженные отношения с капитаном «Полкана». Вероятно, в силу этих причин он не мог или не хотел просить разрешения использовать фрегатский аппарат. Однако уже возвращаясь в Грецию, капитан «Полкана» Ф.О. Юшков постарался вернуть прежнее расположение настоятеля посольской церкви. Поведение Ф.О. Юшкова и все подробности их взаимоотношений подробно зафиксированы в дневнике о. Антонина. Сейчас у нас нет возможности останавливаться на этом. Важно, что в результате произошедшего примирения о. Антонин вновь оказался обладателем аппарата Шевалье и даже надеялся оставить его у себя: «Нечего делать. Разве пофотографировать? Помощника никакого нет. Если Шевалье фрегатский останется у меня навсегда, отправлю свой аппарат буланжеровский в Москву к тамошнему фотографу»⁸³. На верху дома, где жил о. Антонин в Афинах, к этому времени уже была оборудована «фотография»⁸⁴, и он вовсе не собирался оставлять свои занятия светописью. Повстречавшись в начале декабря с Ф. Маргаритисом, о. Антонин лишь посетовал, что ему нечем было «похвалиться из своего далекого странствования. Даже ни одного фотографического вида Египта или Палестины не вывез с собою»⁸⁵. В

разговоре Ф. Маргаритис вскользь упомянул о каком-то новом фотографe, который появился в Афинах: «старик, не то грек, не то англичанин, проводящий целые дни с огромной машиной в Акрополе»⁸⁶.

НАСТОЯЩИЙ ФОТОГРАФ

Старик-фотограф вскоре произвел коренной поворот в фотографической судьбе о. Антонина. Их первая встреча и последовавший затем мастер-класс подробно описаны в дневнике по свежим следам от произведенного впечатления. Приведем этот обширный фрагмент полностью: «Когда я после самоварной экзерции сидел на своем кресле и дремал над “Αἶών”-ом, Люй доложил, что κάποιος ξένος⁸⁷ желает видеть меня. Представился взорам моим старичок с сивой бородкой и портфелем под мышкой. Просит извинения, что потревожил меня. Он фотограф и, узнав, что я тоже занимаюсь фотографией, восхотел познакомиться со мной. Вслед за тем раскрыл передо мною свой портфель и начал ослеплять глаза мои своими великолепными фотографиями Акрополя и других мест размерами чуть ли не в аршин. Кончив эту историю, он потребовал, чтоб и я похвалился ему трудами своими... Что мне было делать? Провалиться сквозь землю? Так подо мною было еще два этажа. Не показать своих трудов-уродов было невозможно ввиду такого пассажира, совершенно неожиданного. Мялся я, метался, чесался, наконец, зажмурившись от стыда, предъявил гостю свою ужасающую мазню негативную и позитивную.

Без малейшей улыбки или иронии он с первого же воззрения сказал:

— Худо!.. Да и никогда, — прибавил он, — ни у кого на свете не выйдет хорошо при б у м а ж н о й процедуре фотографирования... Ее все решительно давно бросили.

— А с альбумином столько возни! — заметил я.

— Да и не нужно его совсем. Легчайший, совершеннейший и дешевейший способ есть к о л л о д и о н н ы й... и проч. и проч.

Мой бравый гость овладел мною в течение получаса совершенно. Осмотрел мою лабораторию, обе машины, все припасы, все до ниточки, не пришел ни от чего в восхищение, конечно, и, прощаясь, осадил меня вопросом: когда я свободен на целый день? Я указал на первый впереди свободный день — вторник, извиняясь, что завтра у нас праздник. Предполагаемый *инглезос*⁸⁸ (хотя говорит отлично по-гречески) заметил на это, что и у него тоже праздник... Значит, еще и одноверец. Просто брильянт, а не человек!

— Итак, до свидания, — заключил странный посетитель. Во вторник я буду у вас.

Пропал у меня и аппетит от такого визита»⁸⁹.

С нетерпением поджидал я своего нового знакомого, и он не замедлил явиться. Ему предшествовала целая корзина с разными фотографическими припасами и с стереоскопическим аппаратом. Он прошел прямо в светлицу и, не теряя времени, пригласил меня смотреть, что и как будет делать. Доставши загрязненное стекло, вымыл его, вытер, обдул, повертел в руке, ущемил между большим и указательным пальцем углом, подставил горизонтально и залил, не торопясь, коллодием из пузырька, держимого правой рукою, слил в пузырек остаток, покачал туда-сюда и быстро опустил в раствор серебра. Не прошло и полминуты, слой коллодия побелел матово. Теперь готово к выставке. Вложил в *шасси*, вставил в машину. Раз, два... пятнадцать, двадцать! Довольно. Осторожно вынул стекло из шасси и вдруг залил, держа опять горизонтально, раствором орешковой кислоты... Смотрю и глазам не верю. Совершенно ясно, отдельно и сильно выступила на стекле английская церковь. Теперь остается закрепить синильною кислотой, смыть, высушить и п е ч а т а т ь! Вся эта операция длилась положительно менее десяти минут.

Три раза он прошел со мною свой курс. В четвертый раз стал в стороне и заставил меня самого пройти все манипуляции одного. Что же? вышло, как и у него!

— Ну вот, вам ничего более и не нужно! Вы теперь настоящий фотограф! Все, что видят глаза, снимайте и будьте уверены, что выйдет хорошо. Addio! В корзине материала хватит на целую неделю. Работайте. Я вам ее оставляю...

Долго не верил я ни глазам, ни ушам своим по уходе гостя, в которого, так сказать, влюбился по уши.

Феномен называется Δημήτριος Κωνσταντίνου и ничего более, т.е. *Димитрий Константинов*, а в городе слывет просто под кличку *Константина*⁹⁰.

Димитрий Константинову, с которым судьба свела о. Антонина, был необычной фигурой в истории греческой фотографии. Он считается вторым

Фото Д. Константинову. Театр Диониса в Афинах. 1875 г. Коллоидный процесс

после Ф. Маргаритиса профессиональным греческим фотографом XIX в. Его деятельность в Афинах пришлась на 1858–1870-е годы. В том же 1858 году, в котором он познакомился с о. Антонином, он открыл собственное фотоателье в центре Афин. Однако согласно дневнику о. Антонина, скорее всего факт открытия его мастерской можно перенести на конец 1857 года. Константинову был первым фотографом, который начал

систематическую работу с Греческим археологическим обществом. Его задачей было задокументировать проделанную наукой археологическую работу за 20 прошедших лет. С этой целью он фотографировал самые важные памятники Греции⁹¹. Естественно, общность задач не могла не сблизить его с русским архимандритом, о котором Константину поведал скорее всего друг о. Антонина археолог, эфор греческих древностей Кириакос Питтакис.

Фото Д. Константинову. Храм Тезея в Афинах. 1865 г. Коллоидный процесс

Д. Константинову показал о. Антонину новый коллоидный способ получения изображений. Стереоскопический аппарат, который он принес и оставил на время у о. Антонина, играл в этом процессе существенную роль. В отличие от больших тяжелых фотографических машин, требовавших высококачественной оптики и хорошего оборудования, небольшой стереофотоаппарат отличался простотой конструкции и такой же простотой в обращении. Стекла, которые использовались для производства негатива, также были небольшого размера. Их подготовка и последующая проявка не требовали специального места. В целом именно такой фотоприбор был наиболее универсальным для фотографа-любителя и особенно для фотографа-путешественника. Он позволял получать хорошие профессиональные изображения практически в любых мало-мальски пригодных условиях. С небольшими стеклами удобнее было работать. Стереофотография к этому времени уже получила широкое распространение, и ее популярность лишь увеличивалась. Так что и со стороны использования отпечатков такой аппарат был совершенно уместен.

Простота конструкции фотоаппарата была понятна о. Антонинову. Неудивительно, что, призвав на помощь старшего Мангеля «всех дел мастера», о. Антонин получил от него весьма ожидаемое предложение — сделать такой же, используя только две линзы от бинокля, на что о. Антонин с радостью согласился⁹². Между тем он вновь попробовал снять на свой Шевалье королевский дворец. «Охота смертная, да участь горькая»⁹³. Снимок этот сохранился. Он даже лучше, чем упоминавшаяся фотография храма Юпитера.

10 января о. Антонин посетил фотоателье Димитрия Константинова и оставил краткое описание: «Отдал благодарственный визит несравненно-му фотографу. Видел его машину английской работы. Похожа на целый

Фото Антоннина (Капустина). Афины. Королевский дворец. 1857 г. Калотипия

сундук. Стекла, впрочем, меньше, чем у Маргаритина Lerebours. Заведение большое и хорошо устроенное»⁹⁴. После этого зашел и Димитрию Мангелю, который мастерил корпус фотоаппарата из сигарного ящика. 13 января в дневнике появляется еще одна запись: «Аппаратец стереоскопический давно уже готов, но погода не позволяет работать. У того же даскала разжился всеми нужными для работы материалами, заготовил дюжины три стекол, одним словом готов есмь»⁹⁵. И о. Антонин с головой уходит в фотографию, снимая, вероятно, все, на что можно навести объектив: «Заманчивое занятие. Так и тянет снимать что-нибудь»⁹⁶.

Уже через месяц следует другое откровение, проверенное опытом прошедших недель: «Поддайся только раз какой-нибудь похоти, так тебе скрутит руки, что не найдешь, куда деться. И сплю и вижу фотографию. Просил позволения у соседа Маврокордато поместиться на его крыльце, обращенном к нашему дому, и снять стереоскопически нашу церковь. Тут же рядом нам отвели и комнату для лаборатории. К немалому утешению моему негативец вышел весьма и весьма нехудой. Право, хоть бы и не мне так работать, так в пору. И своедельная камера служит как нельзя лучше. Не знаю, чем и возблагодарить доброго и несравненного Димитрия Константиновича, в котором я крепко подозреваю славянскую кровь. Жаль, что помощника не имею в такой многосложной и капризной работе. <...> Вот так и пропал сегодня целый день»⁹⁷. Нет сомнения, что все свободное

Фото Антоннина (Капустина). Внутренний вид церкви Св. Никодима в Афинах. Конец 1850-х гг. (?) Коллоидный процесс

время в этот период отдано фотографии. О. Антонину видится уже целая коллекция «стереоскопических фотографий каждого сколько-нибудь занимающего меня места. Церковь же свою ненаглядную сниму со всех обглядных точек»⁹⁸. Правда, снять Никодима изнутри пока не получается, и

он решает ждать солнечного дня, чтобы повторить попытку при открытых дверях и окнах⁹⁹.

Чтобы фотография не мешала служению в церкви, о. Антонин попытался упорядочить свои занятия: «Если понедельник, то значит и фотография, потому что еще остается целый день для мытья рук циануром»¹⁰⁰. Но и утвержденному распорядку он следует далеко не всегда: «Вместо пера и бумаги не выпускал из рук своих в минувшие дни фотографическую машину. Что делать? Искушение крепко велико. Сегодня отмываю от серебра руки»¹⁰¹. Весна, погода устанавливается благоприятная, и в этом тоже кроется соблазн: «Еще целую неделю съела неумолимая фотография. Время как раз благоприятствует ей. Не холодно и не жарко. Посевы зеленеют и уже колосятся. Мою руки посеребренные так, что сам черный Георгий может позавидовать цвету их. Писал в Батуруну, утешая одинокого старца и восписывая ему свои успехи светописные, послав в письме и образчики своего монашеского рукоделья»¹⁰². Антонин снимает в основном на улице и вполне готов отправиться вместе со своим стереоаппаратом в новую экспедицию за видами христианских древностей. Именно в этот момент, 20 апреля, когда в доме посланника зашел разговор о том, куда отправиться предстоящим летом, Антонин попросил отпустить его на Афон к П.И. Севастьянову. Однако на сей раз просьба его не встретила понимания А.П. Озерова: «слишком часто было бы выезжать из Греции, не имея на то ниоткуда разрешения»¹⁰³.

К этому времени о. Антонин уже освоил технику как мокрого, так и сухого коллоидного способа получения негатива. Чтобы «смыть пятно»¹⁰⁴ всех прошлых неудачных попыток запечатлеть монастырь Дафни, он отправляется туда вновь, вооруженный заранее приготовленными пластинами с сухим коллодием, залитым медом, и четыре дня снимает церковь. Опыт оказывается удачным, и это только раззадоривает фотографа. «Очевидно, что небольшой успех фотографический сделал меня своим пленником на оба минувшие дня и на сегодня. Церковь снята уже со всех сторон. Боюсь, что занятие обратится в страсть и окончательно ослабит зрение, уже довольно истомленное трубами»¹⁰⁵. Вернувшись в Афины, он, «разлакомившись кесарьинским успехом»¹⁰⁶, практически сразу же отправляется в другой монастырь — Св. Иоанна, но тут результат оказывается прямо противоположным. «Чуть не всю ночь выводил снятые утром негативы. Но не все коту масленица. На этот раз не вышло ничего»¹⁰⁷.

В июле и августе, весь причт русской церкви покинул раскаленные аттическим солнцем Афины и перебрался на Петалийские острова. С собой о. Антонин взял и фотоаппарат с необходимыми принадлежностями. При этом его задачей было набрать негативов, но не заниматься печатью фотографий на островах. Коллоидный способ позволял делать такую комбинацию. Быт на островах он описал в стихотворении, помещенном в дневнике перед 1 августа 1858 года:

...В день молился раза три,
Спи и пей, и кушай славно,
Воз ракушек набери,
Негативов — и подавно,
В оба за море смотри,
Говори со всеми плавно,
А в статье своей не ври.
Иль уж ври, но ври забавно.

Полтора месяца отдыха на островах о. Антонин посвятил фотографии. «Снимал дом наш и из садика с юго-запада, и с востока с набережной. Снимал и море с далекою горою Пентеликом, и церковь из окна своей комнаты, и Вальсамакину каливу, и группы местного населения в разных сочетаниях. Большею частью выходили все мундзуры, выражаясь по-здешнему, т.е. безобразия. Удалась только церковь вместе с дорогой к ней и местом купанья. Несравненно лучше вышли прошлого месяца опыты. Панорамой большого острова просто можно хвалиться». Однако с возвращением в Афины, по всей видимости, страсть его немного поутихла. Правда, дневник о. Антонина далеко не всегда фиксирует все подробности прошедших дней. Тем не менее дневник за сентябрь и октябрь не содержит сведений о его занятиях фотографией. Лишь 30 октября появляется информация, что в связи с отступлением жары о. Антонин вновь фотографировал виды Афин¹⁰⁸. Затем он обращается к фотографии лишь в начале декабря¹⁰⁹, но мешает погода и необходимость иметь чистые руки перед службами.

Фотографический опыт 17 декабря показал, что, несмотря на перерыв, он «не разучился еще совсем работать»¹¹⁰. Однако последующая съемка Анатолии оказалась неудачной¹¹¹. Декабрь не был месяцем фотографии даже в Греции, зато елка у посланника принесла о. Антонину неожиданный подарок: «Для меня вырастила великолепный стереоскоп американской системы с двадцатью пятью видами Египта на стекле... Прелесть вещица!»¹¹²

1859 год

1859 год завершает круг счастливых лет, проведенных Антонином, несмотря на труды и некоторые домашние огорчения, в общем-то относительно спокойно. Венчал эту эпоху визит в Афины великого князя Константина Николаевича. Антонин был рад и горд принимать его в «своей» прекрасно отделанной, сияющей росписями и мраморным полом церкви. Не упустил он и случая поднести дорогому гостю стереоскопические виды церкви своей работы¹¹³. Надо сказать, что Никодим так и остался любимым детищем о. Антонина. Даже построив несколько церквей на Святой Земле по

собственному проекту, он, по-видимому, ни к одной из них не испытывал такого чувства умиления, как к этой первой постройке, в основе которой он сохранил руку великих мастеров Византии. «Служил в своей несравненной Троице, краше которой не нашел ничего на Святой Горе, не в обиду будь ей сказано. На чай ходил к посланнику, которому и передал от Петра Ивановича большой портрет государя для канцелярии»¹¹⁴. Церковь свою он фотографировал не раз и, естественно, дарил виды ее, выставляя даже в виде «расписок», а по сути, организовав с их помощью благотворительный сбор средств на восстановлении разбитой непогодой Анатолии.

«Поднимаюсь на хитрости. Припоминаю шуточное, вероятно, предложение капитана корветского помочь в восстановлении церковного сада мне руками своей команды, я придрался к сему и послал просительное письмо почтенному Петру Афанасьевичу о сборе денежной помощи своей Анатолии между его офицерами, приложивши к нему в виде “расписок” в получении стереоскопические виды церкви своей работы»¹¹⁵. Кстати, как только Анатолию привели в порядок, Антонин не забыл сфотографировать и ее¹¹⁶.

Едва великий князь Константин Николаевич уехал, Антонин вновь погрузился в фотографию. «Рано пришел ко мне, по заключенному еще в воскресенье условию, несравненный мой *ὁ Κωνσταντίνου* со всеми своими машинами. Выпив по чаю, мы отправились с ним в Акрополь, устроили там под лестницей убогого музея лабораторию и учили снимать Эрехфион, Парфенон и все прочее, попадавшее под глаза. <...> Возвратились из Акрополя уже к вечеру. По лишнему стереоскопическому негативу осталось от всякой съемки и мне»¹¹⁷. Негатив можно было хранить и печатать с него фотографии по мере необходимости. Обычно фотографы снимали несколько негативов с одной и той же точки, чтобы обезопасить себя от случайности некачественного результата. Но со стороны Константину поделиться негативами было знаком расположения и доверия его к Антонину. Последний также не оставался в долгу и предоставил фотографу возможность сделать панорамную съемку города с колокольни св. Никодима: «усадил своего даскала на колокольню снимать стереоскопическую панораму Афин. Экий славный человек!..»¹¹⁸ До этого момента панорамные виды Афин снимали в основном с Акрополя, и город на таких отпечатках почти сливался с рельефом.

В том же 1859 году о. Антонин впервые побывал на Святой Горе. Афон притягивал к себе архимандрита. Для всех, кто занимался историей христианских древностей, археологией и историей Восточной Церкви, Афон представлялся манящим источником живых свидетельств ушедших эпох. Не было исключением и о. Антонин. Близость Греции к Афону лишь подогревала его интерес. Работы на Святой Горе его соотечественника П.И. Севастьянова, носившие с 1857 г. системный научный характер, были ему известны. С Севастьяновым о. Антонин познакомился в марте 1858 г., когда тот посетил Афины. Они быстро стали друзьями и единомышленниками

Неизвестный фотограф. Афины. Улица Эрму. 1860-е гг. Стереосфотография.

на ниве археологии и фотографии. Переписка их опубликована, и мы не будем подробно останавливаться на истории их взаимоотношений, так же как и не станем рассматривать пребывание о. Антонина на Святой Горе. Отметим только, что нет упоминаний о том, чтобы Антонин брал с собой оборудование для фотографии. Один раз посмотрев, как работает экспедиция Севастьянова, он понял, что это совершенно излишне.

Севастьянов приехал неожиданно. Его появление произвело переворот в доме Антонина. «Вот ведь какие оказии бывают иногда нежданно-нечаянно! Голова пошла кругом», — записал он в дневнике¹¹⁹. «Везет с собою на Афон 40 ящиков с разными припасами. Поедем, поедем, посмотрим»¹²⁰. И, конечно, Антонин не упустил возможности съездить с ним и его сотрудниками в Дафни. «Переехали с гостем и отцами в Дафни. Поместились в гостиных кельях. Началось обследование храма. С о. Мартирием промывали губкою мозаические иконы. Лё-борн устроил в каком-то подвале лабораторию. Вообще, пошла работа»¹²¹. «Встали рано. Экое веселье, право! А ведь все это только цветочки. Ягодки-то будут на Афоне. Сбирал с отцами оставшуюся мозаику церкви, в огромном множестве рассыпанную вместе с мусором по двору монастыря. Описывал с Петром Ивановичем уцелевшие мозаики в церкви, которых насчитывается еще около 7 штук. Фотограф хочет доказать нам, что его новый способ (с свинцовым сахаром) не уступает ни в чем обыкновенному d'azotat d'argent¹²², но до самого вечера попытки его оказывались менее чем *cura melius*. Зато его стереоскопический аппарат в течение дня успел (Collodion sec.) снять внутренность купола»¹²³. Работа в Дафни продолжалась почти четыре дня. Церковь была сфотографирована, а с некоторых фресок сняты прориси и сделаны кальки¹²⁴. 10 июля Антонин вместе с Севастьяновым перебрался в Пирей и сказал Афинам *adieu*. «Было крепко весело»¹²⁵.

Во одежде афон.

Фото П.И. Севастьянова. Печать с негатива Антонина (Капустина). 1859 г.

Фото Антонина (Капустина) (?). Афон.
Окрестности скита Св. Андрея Первозванного. 1859 г.

Как уже было сказано, на Афоне Антонин познакомился не только с древностями, но и с новыми техниками светописы. Он принимал участие в съемках фресок соборного храма в Протате, работал с Севастьяновым во многих монастырях Святой Горы. Но, надо признать, что фотография на Афоне, похоже, отошла для него на второй план. Он с головой погрузился в изучение афонских библиотек и их многочисленных рукописей. Именно такое впечатление складывается при чтении его «Заметок»¹²⁶. Несмотря на искреннее увлечение, фотография все же оставалась для о. Антонина лишь средством для занятий наукой. Поэтому вернувшись в Афины, он едва ли не первым делом пробует под руководством Д. Константинову снимать свою собственную рукопись, вывезенную им с Афона: «Увлечшись погодой и данным словом, отправился к фотографу и производил с ним опыты увеличенных изображений. Сняли, таким образом, в натуральную величину один листок из моего пергаментного требника славянского»¹²⁷. Собственно, с этого времени жизнь Антонина, видимо, делилась им самим на ДО и ПОСЛЕ Афона. А вскоре и внешние обстоятельства, произошедшие с ним в Афинах, подвели черту под его десятилетним периодом пребывания в Греции. Эта страница его жизни, казалось, начала неумолимо переворачиваться, несмотря на то что именно Афины и Греция до конца дней будут вызывать в его памяти неподдельную щемящую тоску, такую же, как воспоминания

Неизвестный фотограф. Архимандрит Антонин (Капустин) и монах Виссарион (Картамышев). Конец 1850-х гг.

об отчете доме и родных людях в России. На Рождество выяснилось, что новый современный фотографический аппарат, выписанный из Парижа посланником А.П. Озеровым специально в подарок архимандриту Антонину, утонул вместе с пароходом¹²⁸. Разразившийся скандал с диаконом посольской церкви, статья об о. Антонине в «Колоколе» Герцена, — все это стало катализатором готовившегося в Петербурге решения о перемещении его из Греции. Но куда? Пока лишь в Константинополь.

Жизнь его в Афинах в 1860 г. до переезда в Константинополь стала менее радостной, чем прежде. Это хорошо видно по его дневнику. Занятия фотографией также стали нечесты. «Отведши дух, возвратился к своей любезной фотографии и произвел кое-какие мундзуры под названием Виссарион с земляками и иные некие. Прочее все обстояло благополучно»¹²⁹. (Из

Фото Антоннина (Капустина). Служащие русской посольской церкви в Афинах. Конец 1850-х гг.

вклейки 1850 г.) «Все дела шли, как привыкли идти. Хотел было заняться фотографией, да руки не поднялись»¹³⁰. Вероятно, светопись этого периода была посвящена предстоящей разлуке. Антонин снимал то, что было ему дорого, и то, что было ему необходимо для научной работы. «Пришла охота описать и послать в «Иллюстрацию» вчерашнюю поездку. Кстати, картинки уже готовы. Сниму еще фотографией наш дворец, да напишу статью Павзанием со Страбоном, и дело будет в шляпе!»¹³¹ «Несмотря на видимое беспокойство земной утробы, я до часу пополудни упражнялся в снятии видов. Кое-что удалось. Целый час потом отмывал руки. <...> Вечером серебрил бумагу»¹³².

В конце августа стало известно официальное синодальное решение о переводе Антонина в Константинополь. Это известие, официальное и

бесповоротное, тяжестью легло на душу Антонину. Свидетельств этому в его дневнике — множество. Все теперь было подчинено логике скорого отъезда. «Снял с себя на память Афин портрет у добрейшего Димитрия Константинова, которому решился оставить на время аппарат Шевалье. А он мне обещал зато надавать всяких снадобьев, чтобы на первый раз не иметь нужды в Константинополе. А кто знает, захочется ли и будет ли там время заниматься фотографией?»¹³³ «Еще раз служил у своей присножеланной Св. Троицы, в последний, конечно. Господи! Укрепи меня! Ходил на базар и препроводил г. Зедергольму целую корзину греческих книг. Отобрав гостям¹³⁴ в подарок несколько древних монет, у фотографов взял несколько видов афинских для них же да и своих стереоскопических приложил несколько»¹³⁵. Символично, что и последние греческие деньги Антонин потратил на фотографии: «Укладывался и рассылал по знакомым кое-какие вещи на память. Простился с фотографом, забрав у него (по 3 драхмы) около 40 видов афинских и разменял бумажки на турецкое золото». «Замолкли уже и часы мои. Откроют уста свои уже в Царьграде. Уложен в ящик и телескоп. Полочки библиотеки опустели. Все закупорено или закупоривается»¹³⁶. Все, чем стали для о. Антонина Афины и Греция, вылилось, кажется, в небольшую, но очень трогательную исповедь на страницах его дневника: «Еще дышу воздухом Аттики! Еще люблю незабвенным видом королевского сада, Елисейских полей и Имитта! Еще слышу громкий голос Никодима... О. Петр уже отправился к обедне. Георгий уже готов ехать в Пирей с вещами. С ним отправится и Азор, знаменитый путешественник, проехавший Россию и Европу. Остаюсь один в любезном доме, как в пустыне, и наглядываюсь на все, столько памятные углы его»¹³⁷.

12 сентября 1860 г. о. Антонин сел на борт русского парохода «Ласточка» и направился в Константинополь, куда прибыл лишь 18 сентября. «Господи! благослови на новую жизнь!» — вырвалось у него при виде османской столицы¹³⁸. Жизнь действительно пришлось начинать практически заново. Но в этой новой столичной жизни нашлось место и фотографии. Получив и распаковав багаж, он с удовлетворением отметил: «Телескоп, слава Богу, дошел невредим, опричь того что морскою водою попорчена во многих местах медь. Фотография вся цела»¹³⁹. Освоившись и осмотревшись, он стал подыскивать место для обустройства лаборатории¹⁴⁰, попросил П.И. Севастьянова прислать ему из Парижа все для этого необходимое¹⁴¹. Но все равно как-то долго не мог приняться за дело. Лишь 1 мая следующего 1861 года в дневнике появляется запись: «Во сне видел какие-то свои старые негативы, кому-то давно уже проданные. Верно, уж в самом деле, время заняться фотографией»¹⁴². Однако на этом мы остановимся, чтобы продолжить повествование в свое время и в своем месте.

- ¹ Единственное краткое обобщение см.: Герд Л.А. После Крымской войны: архимандрит Антонин в Афинах в 1856–1860 гг. // Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1856–1860 / Издание подготовили Л.А. Герд, К.А. Вах. М.: Индрик, 2017. С. 18–19.
- ² [Севастьянов П.И.] О светописы в отношении к археологии. Записка П.И. Севастьянова, читанная 5 февраля 1858 г., в собрании Парижской Академии Надписей и Словесности // Известия Императорского Археологического Общества. СПб., 1858. Т. 1, вып. 5. Стб. 257–261; [Севастьянов П.И.] О светописы в отношении к археологии (Записка П.И. Севастьянова, читанная 5 февраля 1858 года в собрании Парижской Академии Надписей и Словесности) // ЖМНП. 1858. Ноябрь, отделение VII. С. 104–109. Однако в оригинале на французском языке статья имела другое название и немного иные акценты. См.: *Sovastianoff Pierre. Sur le Mont Athos, ses monastères et les manuscrits de leurs bibliothèques* // Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-Rendus des séances de l'année 1858. Т. II. Paris, 1859. P. 25–28. За указание на французское издание автор благодарит Ю.А. Пятницкого.
- ³ Дневник, запись за 29 июля 1844 г. Здесь и далее указаны только число, месяц и год записи. По этой отсылке легко найти цитируемое место и в оригинале дневника (в РГИА), и в сохранившейся копии (в ГМИР). Подробнее о разбивке дневника по архивным томам в РГИА см.: Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б. Архимандрит Антонин и его дневник // Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881 / Изд. подгот. Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова; Отв. ред. член корр. Ран Я.Н. Шапов. М.: Индрик, 2011. С. 317–318; О копиях дневника в библиотеке ГМИР см.: К. А. Вах Проект издания Дневника архимандрита Антонина: 1817–1894. // Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1850 / Издание подготовили Л.А. Герд, К.А. Вах. М.: Индрик, 2013. С. 171–179. В библиотеке ГМИР хранится 26 переплетенных томов машинописных и частично рукописных копий дневников за 1817–1894 гг. Отсутствуют годы: 1866, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1879, 1881. В библиотеке ИППО (Москва) сохранились тома за 1866, 1868, 1870 и 1881 гг. Еще два тома за 1873 и 1879 гг. находятся в Отделе рукописей БАН. Местонахождение томов за 1869, 1871 и 1872 гг. не установлено.
- ⁴ Дневник 15 декабря 1864 г.: «Отыскал своедельный портрет свой 1843 года и вознамерился увенчать его рамою».
- ⁵ Дневник. 10 апреля 1855 г.
- ⁶ Представим в общих чертах процесс изготовления дагеротипа. Для получения изображения использовалась, как правило, медная пластина с тонким слоем серебра. Этот серебряный слой должен был быть отполирован до зеркального состояния. На нем не должно было остаться никаких помутнений и тем более грязи или пыли. Такие пластины выпускались на промышленной основе, но фотографу приходилось доводить их до требуемой зеркальности путем полировки вручную непосредственно перед съемкой. Затем пластину нужно было промыть в растворе азотной кислоты и в полной темноте или с использованием специального желтого света обработать парами йода и брома по очереди несколько раз. Так создавался светочувствительный слой. В зависимости от кратности обработки менялись и фотографические свойства пластины:

можно было получать более или менее контрастное изображение. Экспонирование и сам процесс фотосъемки зависели от степени освещенности и светосилы объектива и варьировались в очень большом диапазоне — примерно от одной до тридцати минут. Процесс проявки изображения состоял в обработке только что использованной пластины нагретыми парами ртути или йодистого серебра. В последнем случае время проявки изображения могло доходить до суток. Далее изображение фиксировалось путем обработки пластины раствором поваренной соли или раствором солей натрия с последующей обработкой хлоридом золота для создания защитного слоя изображения. Для большей сохранности дагеротип в обязательном порядке нужно было поместить под стекло и создать герметичный слой на торце стекла и пластины. Затем дагеротип можно было вставлять в рамку. При этом изображение всегда получалось зеркальным. Такой снимок стоил недешево. Поэтому появление в доме уже упомянутых Мангелей портрета жениха и невесты было заметным событием и имело непосредственное отношение к свадебным приготовлениям.

- ⁷ Информацию о фотографе по имени Бек (Beck), работавшем в Афинах в середине 1850-х гг., идентифицировать не удалось. Скорее всего, это Генри Бек (Henry Beck), один из ранних фотографов Греции. Кроме дагеротипии работал в технике калотипии. Выпустил альбом фотографий: *Beck, Henri. Vues d'Athènes et de ses Monuments, Photographies d'Après Nature*. Berlin; London.: A. Asher & Co., 1868. Из 51 вида, помещенного в альбоме, многие принадлежат другим фотографиям, хотя их авторство не указано.
- ⁸ Нечто удивительное (нем.). Дневник. 28 июня 1855 г.
- ⁹ Φιλονικεῖα — ссора, перебранка (греч.).
- ¹⁰ Дневник. 2 июля 1855 г.
- ¹¹ Дневник. 27 октября 1855 г.
- ¹² Герд Л.А. После Крымской войны: архимандрит Антонин в Афинах в 1856–1860 гг. // Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1856–1860 / Изд. подгот. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2017. С. 18–19.
- ¹³ Герд Л.А. Между Сциллой и Харибдой: Греция накануне и во время Крымской войны. Архимандрит Антонин в Афинах в 1851–1855 гг. // Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1851–1855 / Изд. подгот. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2015. С. 20–22.
- ¹⁴ «Фотография в общепринятом ныне смысле слова начинается с калотипии Фокса Тальбота — метода, сочетающего такие технические концепции, как бумажный негатив и скрытое изображение. Требующий длительной, не менее нескольких секунд, экспозиции, этот процесс воспринимался как медленное оседание света на поверхности бумаги, а отпечаток походил на рисунок — монохромный, зернистый и несколько размытый. Применявшаяся главным образом в Великобритании и Франции в период до 1855 года, калотипия состояла в двойственных отношениях с изобразительными искусствами (живописью, литографией, рисунком): нередко используя их в качестве образца и вместе с тем утверждая свою независимость за счет способности запечатлеть каждый отдельный предмет и мельчайшую его деталь без изъятий и компромиссов». — Новая история фотографии / Под ред. Мишеля Фризо. Милан: Андрей Наследников, 2008. С. 59. Подробно историю калотипии см.: Там же. С. 59–89.

- ¹⁵ Encyclopedia of nineteenth-century photography / Ed. J. Hannavy. 2 vol. New York, Taylor&Francis Group, 2008. P. 892.
- ¹⁶ Дневник. 12 июля 1856 г.
- ¹⁷ Дневник. 13 июля 1856 г.
- ¹⁸ Дневник. 2 мая 1857 г.
- ¹⁹ Реконструируя тот путь, который прошел о. Антонин, приходится выдвигать много предположений, проверить которые иной раз просто невозможно. Да простит нас за это взыскательный читатель. Оправданием нам может послужить лишь то, что и будущую критику в свой адрес со стороны людей, более него разбирающихся в исторических деталях фотоискусства, автор примет с почтением и благодарностью.
- ²⁰ Буланже Франсуа Луи Флоримонд (1807–1875), французский архитектор и общественный деятель, последователь Ш. Фурье. В 1845 г. отправился в Афины, где при его участии были возведены или благоустроены многие общественные здания: парламент, университет, кафедральный собор, выставочный зал. В 1852–1855 гг. вместе с греческим архитектором Телемахом Власопулосом участвовал в восстановлении русской посольской церкви Св. Троицы (Никодима). В 1874 г. он уехал во Францию и скончался в Париже. См.: *Hanoune R. De Douai a Rome et Athenes: un architecte oublie, Florimond Boulanger (1807–1875) // Revue du Nord. Avril-juin 1979. № 241. P. 427–437*; Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1851–1855 / Изд. подгот. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2015. С. 462–463.
- ²¹ Дневник 19 сентября 1856 г.
- ²² Дневник 21 сентября 1856 г.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Дневник 24 сентября 1856 г.
- ²⁵ Дневник 25 сентября 1856 г.
- ²⁶ Дневник 27 сентября 1856 г.
- ²⁷ Дневник 29 сентября 1856 г.
- ²⁸ Дневник 1 октября 1856 г.
- ²⁹ Доброе начало! (греч.).
- ³⁰ Дневник 2 октября 1856 г.
- ³¹ См. соответствующие даты в дневнике за 1856 г.
- ³² Жаль (греч.).
- ³³ Дневник 7 октября 1856 г.
- ³⁴ Дневник 10 октября 1856 г.
- ³⁵ Горелые (фр.).
- ³⁶ Дневник 11 октября 1856 г.
- ³⁷ Дневник 12 октября 1856 г.
- ³⁸ Дневник 13 октября 1856 г.
- ³⁹ Хорошее начало (греч.). Дневник 19 октября 1856 г.
- ⁴⁰ Дневник 22 октября 1856 г.
- ⁴¹ Дневник 24 октября 1856 г.
- ⁴² Дневник 26 октября 1856 г.

- 43 Дневник 11 ноября 1856 г.
- 44 Герд Л.А. После Крымской войны: архимандрит Антонин в Афинах в 1856–1860 гг. // Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1856–1860 / Изд. подгот. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2017. С. 17.
- 45 Дневник 3 мая 1851 г.
- 46 Дневник 24 мая 1855 г.
- 47 Дневник 25 мая 1855 г.
- 48 Верую ... слова (греч.). Там же.
- 49 Дневник 11 июня 1858 г.
- 50 Дневник 23 сентября 1858 г.
- 51 Дневник 6 июня 1858 г.
- 52 Дневник 27 октября 1856 г.
- 53 Дневник 29 октября 1856 г.
- 54 Дневник 9 ноября 1856 г.
- 55 Дневник 16 ноября 1856 г.
- 56 Дневник 14–15 ноября 1856 г.
- 57 Дневник 18 января 1857 г.
- 58 Дневник 24 января 1857 г.
- 59 Устаревший термин — бездомный, бродяга (англ.).
- 60 μουντζούρα — пятно, клякса (греч.).
- 61 Дневник 9 февраля 1857 г.
- 62 Дневник 23 февраля 1857 г.
- 63 Дневник 29 мая 1857 г.
- 64 Из ничего ничего не происходит (греч.).
- 65 Дневник 30 мая 1857 г.
- 66 Дневник 2 июня 1857 г.
- 67 Дневник 3 июня 1857 г.
- 68 Дневник 17 марта 1857 г.
- 69 Дневник 25 июня 1857 г.: «Ее Величество едет послезавтра в Европу. Посланник предложил ей прокатиться до Каламаки на нашем “Полкане”, что и принято было с удовольствием. Фотограф фрегатский намерен “снять” Их Величества на своем судне. Команда чистится и моется, как перед смертным часом. Ибо... все-таки царь, хоть и Отон...».
- 70 Дневник 1 октября 1858 г.
- 71 Дневник 15 марта 1859 г.
- 72 Приют для слепых — (греч.).
- 73 Дневник 16 июня 1857 г.
- 74 Дневник 5 августа 1857 г.
- 75 Дневник 24 августа 1857 г.
- 76 Дневник 25 августа 1857 г.
- 77 Дневник 26 августа 1857 г.
- 78 Оставляет желать лучшего (лат.).
- 79 Дневник 27 августа 1857 г.

- 80 Дневник 28 августа 1857 г.
- 81 Там же.
- 82 Дневник 1 августа 1857 г.
- 83 Дневник 28 ноября 1857 г.
- 84 Дневник 18 ноября 1857 г.
- 85 Дневник 8 декабря 1857 г.
- 86 Там же.
- 87 Некий иностранец (греч.).
- 88 По некоторым сведениям Д. Константину в 1854–1855 гг. ассистировал при съемках Афин известному британскому фотографу Джеймсу Робертсону, владельцу фотоателье в Константинополе. Он прекрасно владел английским и французским языками.
- 89 Дневник 5 января 1858 г.
- 90 Дневник 7 января 1858 г.
- 91 Encyclopedia of nineteenth-century photography / Ed. J. Hannavy. 2 vol. New York, Taylor&Francis Group, 2008. P. 334–335. Более подробно: https://anemourion.blogspot.com/2018/02/blog-post_376.html (Дата обращения 30.09.2018).
- 92 Дневник 8 января 1858 г.
- 93 Дневник 9 января 1858 г.
- 94 Дневник 10 января 1858 г.
- 95 Дневник 13 января 1858 г.
- 96 Дневник 21 января 1858 г.
- 97 Дневник 24 февраля 1858 г.
- 98 Дневник 25 февраля 1858 г.
- 99 Дневник 27 февраля 1858 г.
- 100 Дневник 3 марта 1858 г.
- 101 Дневник 5 апреля 1858 г.
- 102 Дневник 12 апреля 1858 г.
- 103 Дневник 20 апреля 1858 г.
- 104 Дневник 12 мая 1858 г.
- 105 Дневник 16 мая 1858 г.
- 106 Дневник 21 мая 1858 г.
- 107 Дневник 22 мая 1858 г.
- 108 Дневник 30 октября 1858 г.
- 109 Записи за 1 и 3 декабря 1858 г.
- 110 Дневник 17 декабря 1858 г.
- 111 Дневник 19 декабря 1858 г.
- 112 Дневник 29 декабря 1858 г.
- 113 Дневник 22 апреля 1859 г.
- 114 Дневник 1 ноября 1859 г.
- 115 Дневник 2 апреля 1859 г.
- 116 Дневник 2 июня 1859 г.: «Целых четыре дня абсолютной свободы. Как не вспомнить, что есть на свете фотография? Пора уже снимать свою Анатолию. Теперь она в приличном

виде. Сказано — сделано».

¹¹⁷ Дневник 12 мая 1859 г.

¹¹⁸ Дневник 14 мая 1859 г.

¹¹⁹ Дневник 1 июля 1859 г.

¹²⁰ Дневник 5 июля 1859 г.

¹²¹ Дневник 6 июля 1859 г.

¹²² Нитрат серебра, или азотнокислое серебро, использовавшийся как составной элемент фотослоя при подготовки стеклянной пластины к экспонированию. Оставлял пятна на руках, которые трудно смывались, о чем часто пишет о. Антонин.

¹²³ Дневник 7 июля 1859 г.

¹²⁴ Дневник 8 июля 1859 г.

¹²⁵ Дневник 10 июля 1859 г.

¹²⁶ *Антонин, архимандрит (Капустин)*. Заметки поклонника Святой Горы. М.: Индрик, 2013.

¹²⁷ Дневник 4 декабря 1859 г.

¹²⁸ Дневник 26 декабря 1859 г.

¹²⁹ Дневник 10 февраля 1860 г.

¹³⁰ Дневник 21 июля 1860 г.

¹³¹ Дневник 25 июля 1860 г.

¹³² Дневник 3 августа 1860 г.

¹³³ Дневник 25 августа 1860 г.

¹³⁴ В конце августа 1860 г. в Афины прибыли официальные представители Синода К.К. Зедергольм и П.И. Саломон. См.: «...Чтобы между Церквами Русскою и Восточною существовало постоянное, искреннее единение». Отчет о командировке по православному Востоку управляющего канцелярией Св. Синода П.И. Саломона обер-прокурору Св. Синода А.П. Толстому. 1860 г. / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Л.А. Герд // Исторический архив. 2012. № 2. С. 172–180.

¹³⁵ Дневник 4 сентября 1860 г.

¹³⁶ Дневник 10 сентября 1860 г.

¹³⁷ Дневник 11 сентября 1860 г.

¹³⁸ Дневник 18 сентября 1860 г.

¹³⁹ Дневник 20 сентября 1860 г.

¹⁴⁰ Дневник 13 ноября 1860 г.

¹⁴¹ Дневник 31 декабря 1860 г.

¹⁴² Дневник 1 мая 1861 г.

ПАЛОМНИЧЕСКИЕ И ТВОРЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕРЕЩАГИНА НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК В 1870 И 1883–1884 ГГ.

С. Ю. Житенёв,
заместитель руководителя Научной секции ИППО

Верещагин Василий Васильевич (1842–1904), выдающийся русский художник-баталист, путешественник и паломник, родился в Череповце в старинной дворянской семье. В 1850–1860 гг. он учился в Санкт-Петербурге в Кадетском корпусе, окончив его в чине гардемарина. Плавал в 1858–1859 гг. на фрегате «Камчатка» и других кораблях в Данию, Францию и Англию. В 1860 г. он поступил учиться в Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге, но оставил её в 1863 г., неудовлетворенный системой преподавания. В 1864 г. в Париже он посещал мастерскую Ж.-Л. Жерома в Школе изящных искусств (1864). Позднее активно участвовал в выставках «Товарищества передвижников». Всю жизнь он был неутомимым путешественником. Стремясь «учиться на живой летописи истории мира», он много ездил по России и в зарубежные страны, дважды побывал в Туркестане (1867–1868, 1869–1870), участвуя в боевых походах русской армии, два раза он посещал Индию (1874–1876, 1882).

В 1870 г. Василий Васильевич на четыре месяца отправился в путешествие в Египет, Палестину и Константинополь. Он был очень доволен своей первой паломнической поездкой в Святую Землю, но, к сожалению, картины и этюды первого путешествия нам не известны. Второй раз он посетил Палестину и Сирию в 1883–1884 гг., эта поездка была значительно более длительной и результативной, так как из Палестины художник привёз не только материалы для будущих знаменитых картин, но и воспоминания и литературные произведения.

Путешествия В.В. Верещагина в Святую Землю, с одной стороны, безусловно, было паломничествами, в ходе которых он поклонялся святым местам, связанными с земной жизнью Спасителя и Пресвятой Богородицы, хотя в советской искусствоведческой традиции было принято представлять его атеистом, основываясь на том, что у него был особый взгляд на

В.В. Верещагин

библейскую историю. В этой связи важно представление самого Василия Васильевича о его восприятии своего паломнического путешествия в Палестину: «Я прошёл по всей Святой Земле с Евангелием в руке, я посетил места, освященные много веков назад присутствием на них нашего Спасителя»¹. Таким образом, в его творческой поездке присутствовало паломничество, хотя оно и было не единственной целью путешествия.

С другой стороны, В.В. Верещагин путешествовал по Ближнему Востоку с карандашом и кистью в руках, отражая в своих набросках и этюдах удивительный, яркий и насыщенный мир Библейского региона, а также разнообразные

типы людей многих национальностей и вероисповеданий. Более пятидесяти этюдов написал Василий Васильевич во время своего путешествия по Святой Земле. Вернувшись из своей второй ближневосточной поездки, художник на основании своих впечатлений и подготовительных материалов создал знаменитую Палестинскую серию картин, которые вызвали бурю противоречивых эмоций его современников.

Общее число художественных работ В.В. Верещагина во время его второго путешествия, а также после него, составило 82 картины, в том числе на евангельские сюжеты. Он также оставил интересные очерки-воспоминания о Палестине того периода, в которых он описывал жизнь и быт русских паломников в Святой Земле². Особенно возмущало и расстраивало художника, что русских православных богомольцев, обманывали и обирали греческие священники, братья по вере. Заступаясь за простых паломников, он писал жалобы русскому консулу в Иерусалиме, который провел расследования его обращений, полностью подтвердившиеся. После этого в консульстве согласились с возмущениями русского художника, но как оказалось, русские дипломаты не могли ничего изменить. При этом сложившаяся ситуация во многом зависела от самих русских паломников, которые предпочитали отдавать свои последние деньги именно грекам. «Добро бы не было в Палестине русских церквей для украшения! — писал В.В. Верещагин, — Так ведь нет, их несколько: в Иерусалиме есть церковь при миссии и недавно трудами нашего достойного архимандрита Антонина возведена

В.В. Верещагин. Распятие на кресте у римлян

прекрасная церковь на Елеонской горе, но туда наши жертвователи или ничего не дают, или дают самую малость, а всё несут грекам. За то же и надобно отдать справедливость этим последним, — они ловко выманивают деньги у наших поклонников и поклонниц, особенно у последних»³. Проницательный художник также обратил внимание на то, что «в виду постоянно существующей вражды между настоятелем нашей миссии и консулом, дело отправки поклонников по разным святыням велось <...> спустя рукава»⁴.

Не получив поддержки в русском консульстве В.В. Верещагин обратился к Иерусалимскому Патриарху Никодиму, обратив его внимание также на тот факт, что русских священников греческое духовенство не допускает к служению в православных храмах. «В ответ я получил откровенное признание Его Блаженства, что «если он допустит ко Гробу Господню хоть одного русского священника, то вызовет этим открытое возмущение греков, и пастырей, и пасомых». Сами же греки ещё красноречивее добавляют: «да и самому Патриарху в этом случае не миновать чашки худого кофе»⁵. Таким образом, хлопоты в 1883 г. В.В. Верещагина в пользу русских православных священников и паломников результатов не дали. Эти проблемы стали успешно решаться несколько позже в ходе многолетней системной и последовательной деятельности Императорского Православного Палестинского

Общества, основанного как известно в Санкт-Петербурге в 1882 г.

Василий Васильевич смог объехать многие святые места Палестины, где он поклонялся святыням и делал зарисовки древних городов: Иерусалима, Вифлеема, Хеврона, Назарета, Иерихона, Яффы, а также Сорокодневной горы, Галилейского озера, Мёртвого моря и других. В Иерусалиме он посетил храм Воскресения Христова, в котором молился на Голгофе и Гробе Господнем.

Художник много и плодотворно работал, он написал местные типы и сцены быта: русских паломников, арабов, евреев, молящихся у Стены плача, православных отшельников, прекрасную природу Святой Земли. Постепенно складывался грандиозный замысел — создание евангельского цикла картин, который позже стал составной частью большой Палестинской серии. В Евангельский цикл вошли такие знаменитые картины художника: «Проповедь Христа на Тивериадском озере», «Святое семейство», «Иисус и Иоанн Креститель на Иордане», «Иисус в пустыне», «Распятие на кресте у римлян», «Воскресение Христово», «Купол Святого Гроба в Иерусалиме», «Источник Иакова», «В Иерусалиме. Царские гробницы», «Стена Соломона», «Гробница Авраама» и другие.

На основе эскизов и этюдов В.В. Верещагин, вернувшись после своего паломнического и творческого путешествия в Сирию и Палестину в свою мастерскую в Париже, создал более восьмидесяти картин, которые составили его всемирно известную Палестинскую серию. Ряд картин Палестинской серии были написаны художником на основе «неканонической трактовки Евангельских сюжетов с акцентом на нравственной стороне и повествовательности. Вместе с тем это была честная позиция художника, мечтавшего написать «Священную историю в земной правде», искренне убеждённого в своём верном понимании евангельской истории»⁶. Справедливости ради, необходимо отметить, что особый взгляд художника на евангельскую историю не является доказательством его атеистических взглядов, которые ему приписывали некоторые специалисты. При этом они почему-то забыли, что Василий Васильевич также написал несколько замечательных икон для храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании, которые по праву входят в его Палестинскую серию. В.В. Верещагин в своих картинах представлял евангельскую историю с позиции реализма, пытаясь показать, прежде всего, правду повседневной жизни Палестины во времена Христа, а Его самого как обыкновенного человека, божественную сущность которого окружающие не осознавали.

Возвратившись в Европу, он в 1885–1888 гг. выставлял свою Палестинскую серию картин в Вене, Будапеште, Берлине, Лейпциге и Нью-Йорке, которая вызвала большой интерес и острые дискуссии современников. Картины Палестинской серии вызвали резкий протест католического духовенства в Европе и никогда не экспонировались в Российской империи,

где испугались скандалов на европейских выставках работ В.В. Верещагина. Один из таких скандалов произошёл в 1885 г. на выставке в Вене, где религиозный фанатик облил несколько картин из Палестинской серии В.В. Верещагина серной кислотой, которая повредила полотна и рамы. Испорченные картины были восстановлены художником и впоследствии выставлялись в других странах. В конце 1880-х гг. картины из Палестинской серии были вывезены В.В. Верещагиным в Нью-Йорк, где его выставка прошла с грандиозным успехом, а позже в 1891 г. большая часть картин была продана в США на аукционе. С тех пор многие его картины Палестинской серии вообще более никогда не выставлялись и практически оказались выведены из культурной жизни. И тем более, вся Палестинская серия вместе ни разу не была собрана на единую выставку.

В.В. Верещагин в 1888–1889 и 1902 гг. посещал США, в 1901 г. — Филиппины, в 1902 г. — Кубу, в 1903 г. — Японию. Впечатления от поездок воплощались в больших циклах этюдов и картин. Художник был также одарённым литератором, он был автором книги «На войне в Азии и Европе. Воспоминания» (1894). Большой интерес представляют также его «Избранные письма» (переизданы в 1981). Выставки картин Василия Васильевича вызывали бурный резонанс и в России, и за рубежом. Его искусство оказало большое воздействие на развитие международного пацифистского движения. В.В. Верещагин трагически погиб в 1904 г. во время Русско-японской войны при взрыве броненосца «Петропавловск» на рейде Порт-Артура.

Некоторые картины Палестинской серии впервые были выставлены в Москве в 2018 г. в Государственной Третьяковской галерее на выставке, приуроченной к 175-летию со дня рождения В.В. Верещагина. Особое внимание многочисленных московских зрителей вызвало представление картины «Распятие на кресте у римлян», так как эта полотно никогда не экспонировалось в России. Некоторые картины были показаны в виде чёрно-белых фотографий, сделанных при жизни В.В. Верещагина, с работ, уничтоженных автором или недоступных для специалистов, т.к. они находятся в неизвестных частных собраниях за рубежом. К юбилейной выставке В.В. Верещагина Государственная Третьяковская галерея выпустила иллюстрированный альбом картин художника, в котором представлены статьи, подготовленные известными российскими и зарубежными специалистами.

¹ Верещагин В.В. Реализм. // В.В. Верещагин: повести, очерки, воспоминания. Сост., вступит. статья и примеч. В.А. Кошелев, А.В. Чернов. М., 1990. С. 198.

² Верещагин В.В. Падение Православия в Палестине. Наблюдения В.В. Верещагина. // «Новое Время». 1889. № 1823; Воспоминания художника В.В. Верещагина // Русская Старина. 1889. № 8. С. 439–445. То же: В.В. Верещагин о зарубежном Востоке / Сост.,

авт. послесл. и прим. Л.М. Демин. М., 2001. С. 7–13; О палестинских отшельниках. // Русский Паломник. 1891. № 8. С. 127–128. То же: В.В. Верещагин о зарубежном Востоке. С. 13–22; Палестинские очерки художника В.В. Верещагина. С его же рисунками. // Художник. 1891. № 2. С. 101–106.

³ *Верещагин В.В.* Воспоминания художника В.В. Верещагина. На дальнем Востоке, в Палестине. // Журнал «Русская старина», № 8. СПб., 1889. С. 442.

⁴ *Верещагин В.В.* Там же. С. 444.

⁵ *Верещагин В.В.* Там же. С. 445.

⁶ *Капырина С.Л.* Василий Верещагин. Смертельно опасное путешествие длиною в жизнь. // Василий Верещагин. Альбом юбилейной выставки В.В. Верещагина в Гос. Третьяковской галерее. М., 2018. С. 26.

Помощник при постройках русских Богоугодных Заведений в Иерусалиме М. Ф. Грановский: неизвестные страницы биографии

В. Ш. Хаирова

Об архитекторе и художнике М. Ф. Грановском (1833–1906) известно совсем немного, хотя в обширной литературе о деятельности Императорского Православного Палестинского Общества во второй половине XIX века его имя упоминается часто. Но до сих пор какого-либо подробного исследования о годах его пребывания за рубежом и последующей работе в Российской империи не создано. Он не оставил ни воспоминаний, ни автобиографии, так что творческий путь можно проследить только благодаря сохранившимся письмам, проектами исполненным постройкам. Первоначально попытку найти какие-либо сведения о Грановском как об авторе зданий своего разрушенного к настоящему времени монастыря предприняла монахиня Иосифа (Егасова), в прошлом году по итогам своих изысканий выпустившая книгу «Боголюбивая обитель на реке Любуше». В ней приводится много уникальных фактов (из документов, хранящихся в архивах Санкт-Петербурга и Калужской епархии), связанных с жизнью и творчеством почти забытого ныне мастера, к тому же рассмотренных через видение глубоко верующего человека, каким являлся и сам Грановский. Но работа в государственных московском и калужском архивах позволила дополнить материал, расширив наше представление об этой незаурядной личности. Поэтому данная статья является очередной (думается, далеко не последней!) попыткой введения в научный оборот систематизированных сведений из публикаций отечественных ученых и архивных документов разных городов. Всё, что в ней изложено, является итогом кропотливого труда в поисках достоверной информации, а кое-что — пока только неподтвержденной версией. Автор выражает уверенность, что наблюдающийся ныне растущий интерес к творчеству Грановского заставит уже наше поколение новыми глазами взглянуть на его интереснейшее наследие.

Михаил Феофанович родился в Харьковской губернии. Приехав в С.-Петербург, с марта 1852 г. начал посещать рисовальные классы Императорской Академии художеств. Через два года ему было дозволено начать заниматься и в архитектурном классе. Уже в 1856 г. из класса по рисунку с гипсовых фигур он был переведен в натурный класс, а следующие два года посвятил изучению теории строительного искусства и перспективы.¹ В 1859 г. он вошел в качестве художника в состав специальной художественно-археологической экспедиции на Святую Гору Афон, организованной на средства Русского Императорского дома и Святейшего Синода П. И. Севастьяновым (1811–1867). Молодой человек занимался копированием икон, настенной живописи, а также зарисовывал древнюю утварь сохранившихся церквей. Кроме этого, он иллюстрировал книгу своего начальника «Geographie de Ptolemee» (текст Langlois, парижское издание фирмы «Fr res Didot»). Как известно, работы на Афоне продолжались в течение 17 месяцев — с мая 1859 по сентябрь 1860 г. Но Грановский уехал гораздо позже, завершая все намеченные руководителем работы и часто получая жалование с оказией из Петербурга через монахов.²

В отделе рукописей РГБ (г. Москва) сохранились письма художника за период 1859–1862 гг., адресованные П. И. Севастьянову уже после отъезда последнего с Афона. В одном из них, из великой Лавры Св. Афанасия, он пишет о трудностях, с которыми пришлось столкнуться ему и его коллеге Христо Христофорову при изготовлении фотографий и копий: «На просьбу Христофорова позволить мне списать копию с икон: Еммануила (наз. „Игрушка царицы Феодоры“) и мозаического образа Св. Иоанна Богослова, старший и первый антипросопы — отец Кирилл и отец Мельхиседек сначала не соглашались, но потом, согласившись на предложение Христофорова сделать пробу в присутствии их, — они пожелали видеть, как я буду списывать копию. Для этого приказали принести простую икону, и когда ее принесли, то я в присутствии всех старцев написал кальку с иконы Спасителя на Papier Glass и покрыл красками на обороте. Убедившись, что нет никакого вреда иконе, они приказали потом принести икону Еммануила, игрушки царицы Феодоры в наш архондарик. Списав копию, с которой я отнес и отдал ее отцу Мельхиседеку и показал копию всем старцам. Одоблив мой труд, они приказали тот час принести мозаический образ Св. Иоанна Богослова, который вручил мне отец Мельхиседек. Копию этого с образа я пишу красками в полную силу и постараюсь передать характер мозаики».³

Работа была успешно закончена, и в марте 1862 г. Грановский уезжает с Афона, для того чтобы исполнить данный им «обет Богу съездить во Св. Град Иерусалим и поклониться Святому и Живоносному Гробу Господню и всем окрестным святым местам, и, уповая на милосердие Божие, надеюсь получить там исцеление от недуга моего душевного и телесного».⁴ Как

известно, в это время велось строительство Русских Построек — комплекса храмов и подворий по проекту академика архитектуры М. И. Эппингера (1822–1872). Он включал в себя однопрестольный собор, здание Духовной Миссии с домовою церковью, два странноприимных дома — для паломников на триста человек и для паломниц — на пятьсот человек (будущие Елизаветинское и Мариинское подворья), здание консульства, больницу на 60 человек. Уже 30 августа 1860 г. состоялась закладка основного храма Миссии, Свято-Троицкого собора вместимостью 1200 мест. Появление Грановского в городе оказалось как нельзя кстати. Донесение Эппингера о его назначении «помощником при постройках Русских Богоугодных Заведений» было утверждено Палестинским комитетом летом 1862 г.⁵

Уже на следующий год Грановский обратился в Академию художеств с просьбой об удостоении званием свободного художника. Видимо, это желание появилось у него в связи с необходимостью иметь специальное образование для выполнения намечающихся работ в соборе. Он получил испрашиваемое звание художника 3 степени, для чего представил исполненную им программу «Проект сельской каменной церкви на 500 человек», при которой полагался дом священника с училищем, а также дом для дьякона с пономарем.⁶ Этому способствовал тот факт, что в 1862 г. М. И. Эппингер стал почетным вольным общником Академии художеств и в качестве официального лица смог заверить проект Грановского.

Хотя основная задача по возведению Русских подворий была окончена к 1864 г., на внутреннюю отделку Троицкого собора средств не хватило. Автор проекта возвратился в Петербург, оставив в Иерусалиме вместо себя еще одного выпускника Академии художеств — академика В. А. Дорогулина (ок. 1830 — 1899). Деньги на оформление собора выделялись частями, неравномерно, необходимой суммы приходилось ожидать долго, поэтому приведение интерьера к окончательному, завершеному виду затянулось. «Поскольку весной 1865 года архитектор В. А. Дорогулин вернулся в Петербург, М. И. Эппингер посоветовал наблюдение за техническими работами поручить секретарю консульства П. Д. Левитову, “уже знакомому с этим делом”. Для организации более квалифицированных работ, составления подробной сметы и рисунков, пригласили находившегося в Иерусалиме архитектора М. Ф. Грановского.

Строительство и украшение храма длилось в целом двенадцать лет, его особенностью является “отсутствие излишних деталей по внешности, при заботливости о благолепии внутреннем”. Наиболее активный период деятельности по внутреннему убранству собора относится к 1870–1872 годам. Для каждого года составлялась специальная смета, на основе которой осуществлялись выплаты по счетам и контрактам. Управление работами по окончательной отделке собора, отчетность по расходам осуществлялись М. Ф. Грановским, получавшим за это ежемесячно по шестьдесят рублей.»⁷

Эппингер по поручению Палестинской Комиссии руководил процессом оформления собора заочно, из Санкт-Петербурга. Он оставил подробные письменные указания Грановскому: «...заново оштукатурить помещение; настлать каменный пол и солею перед иконостасом; исправить и покрасить столярные изделия — рамы, переплеты, двери; поставить в окнах на западной стороне и в куполах вторые рамы; расписать интерьер клеевыми красками вверху и масляными внизу; установить мебель в ризнице под алтарем; устроить престол; исправить каменные террасы на соборе; покрыть пять куполов свинцом (“деревянные ребра по куполам устроить из леса, находящегося в наличии от святогробских построек”); произвести стекольные работы, употребив из-за обилия падающего из окон света матовые стекла, которые надо выписать из России. Архитектор предложил устроить престол “по принятому на Востоке обычаю, каменный, для чего употребить каменную капитель, взятую от Святогробского храма и находящуюся на нашем месте против церкви. В этом случае необходимо будет составить рисунок, в котором показать: как предполагается установить капитель, на какой высоте от пола, и как обделать ее камнем”».⁸

Как видно из перечисленного, работа Грановскому предстояла большая. Чтобы понять всю ее сложность, следует внимательно перечитать список поручений Эппингера: «настлать каменный пол и солею перед иконостасом» — не просто облицевать пол плитками, а создать его рисунок; «расписать интерьер» — создать проект стенной росписи огромного собора на 1200 мест (!), и, возможно, участвовать в ней; «установить мебель в ризнице» — придумать видовое разнообразие необходимых стульев, столов и т.д.; «устроить престол» — используя найденный фрагмент, скомбинировать стилистически единый блок (надо отметить, что гораздо легче творить, используя свои собственные новые идеи, чем «подстраиваться» под уже имеющуюся готовую форму), не говоря уже о других не менее важных делах по разработке экстерьера.

Грановский успешно справился со сложным заданием. «Верхняя часть храма до галереи была окрашена клеевыми красками светло-розового, голубого и светло-фиолетового цветов с живописными орнаментами в виде плетенки с крестами — в арках, на столпах, вокруг окон и простенков в двух боковых апсидах и в алтарной нише. Такие же орнаменты написаны в сводах пяти куполов и в поясе большого купола. Нижняя часть храма, включая своды под галереей, в алтаре и на лестнице, выкрашена светло-фиолетовой масляной краской, цоколь вокруг столбов и по стенам внутри всего храма — светло-коричневой масляной краской, без украшений. По-видимому, тогда же появились и образы Евангелистов в парусах, запечатленные на фотографиях, но не указанные в документах. <...> Пол в середине храма, в двух боковых апсидах, на солее перед иконостасом и в алтаре был вымощен мраморными плитами с разделением в нескольких

Троицкий собор. Конец XIX века. ГМИР.

Фото из книги Зелениной Я. Э., Белик Ж. Г. «Первые русские храмы в Иерусалиме.

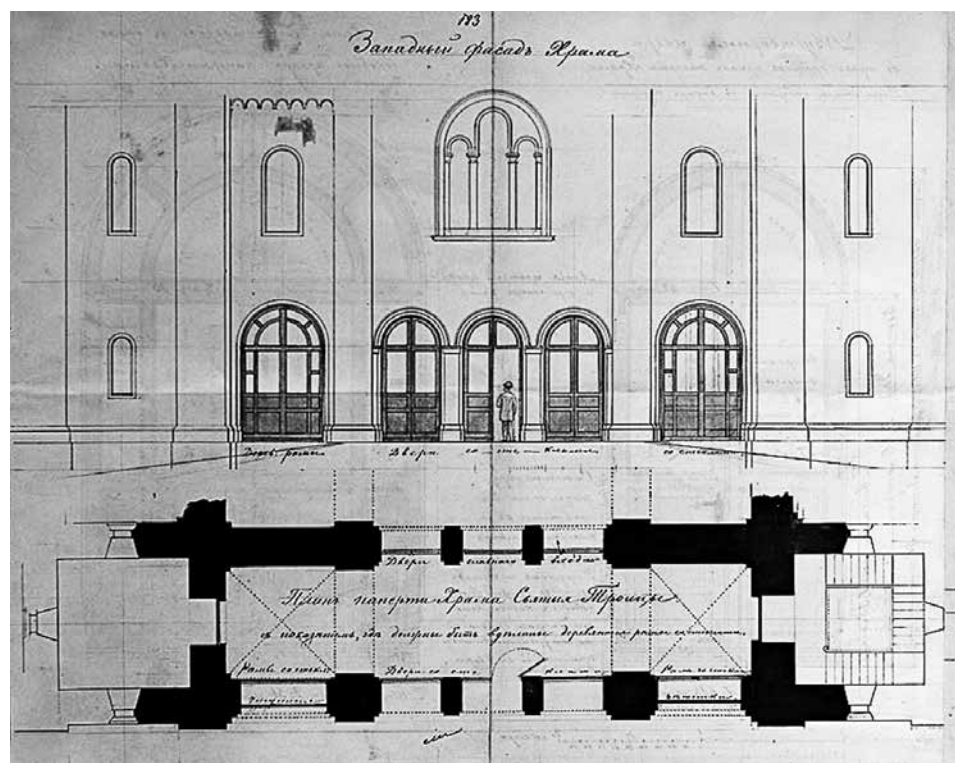
Троицкий собор и церковь мученицы Александры. История создания.

Художественное убранство». М.: Индрик, 2011.

местах рамками из плит красного камня. В центре пола сделана небольшая восьмиугольная площадка, внутри которой выложена звезда из мрамора разных цветов, окаймленная узкими полосами красного камня. Мраморный пол, имеющий общую площадь триста семьдесят четыре квадратных метра, был тщательно отшлифован и вытерт точильными камнями и пемзой.

Каменный престол, высотой один метр, был устроен в середине алтаря на немного возвышенной площадке, в центре которой помещена массивная античная капитель, а на углах поставлены четыре каменных колонки. Они покрыты цельной каменной плитой, шириной полтора метра в квадрате. В отдельной части алтаря в жертвеннике установили каменный престол высотой и шириной один метр. С боковой стороны была сделана деревянная двустворная дверка с внутренним замком, внутри жертвенника — деревянная полка для хранения церковной утвари, его стенки оштукатурены и выкрашены масляной краской».⁹

Мебель для собора, на которую было потрачено 1876 рублей, изготавливалась местными мастерами, и включала в себя: «полукруглое седалище, состоящее из тринадцати кресел, разделенных локотниками с мягкими подушками в сидениях, в спинках и на локотниках»,¹⁰ шкаф с отделениями для книг и нот, свечной комод, две складные лестницы и вешалку для одежды в алтаре. «На два из пяти резных аналоев из цельного дерева были поставлены

Чертеж западного фасада и план паперти Троицкого собора.

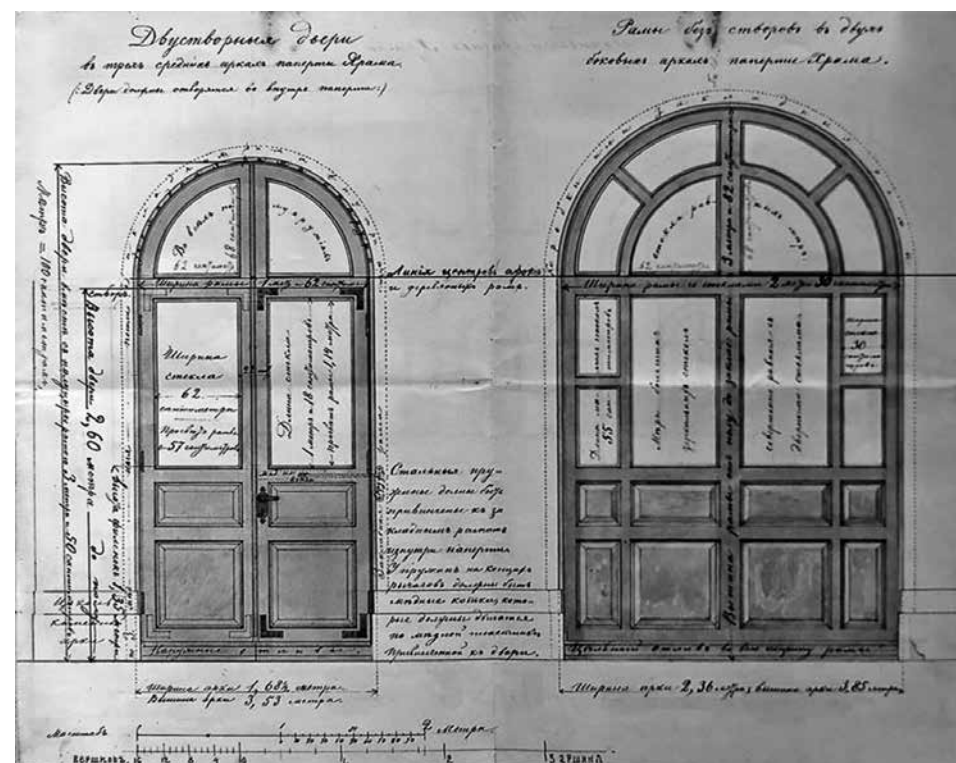
Проект архитектора М.Ф. Грановского. 1871 год. АВПРИ.

Фото из книги Зелениной Я. Э., Белик Ж. Г. «Первые русские храмы в Иерусалиме. Троицкий собор и церковь мученицы Александры. История создания. Художественное убранство». М.: Индрик, 2011.

пюпитры “для выставных образов”, два складных аналоя предназначались для чтения Евангелия и Псалтири, а один небольшой — к престолу в алтарь. Кроме того, в течение трех месяцев, с октября по декабрь 1871 года, для собора изготовлены два шкафа из орехового дерева для хранения утвари в алтаре, четырнадцать скамей, две табуретки с фигурными ножками, два стола — для панихид и выносной для благословения хлебов». ¹¹

Благодаря Михаилу Феофановичу изменилось и планировочное решение паперти собора, которая первоначально имела вид проходной галереи. В 1871 г. ее перекрыли в арочных сводах деревом с цинковым покрытием и остеклили, так что образовался тамбур, защищающий верующих от непогоды.

Кроме этого, Грановскому пришлось заниматься наблюдением за реставрацией купола храма Гроба Господня (5 сентября 1862 г. был подписан трехсторонний договор между Францией, Россией и Турцией о его немедленном

Чертеж дверей паперти Троицкого собора.

Проект архитектора М.Ф. Грановского. 1871 год. АВПРИ.

Фото из книги Зелениной Я. Э., Белик Ж. Г. «Первые русские храмы в Иерусалиме. Троицкий собор и церковь мученицы Александры. История создания. Художественное убранство». М.: Индрик, 2011.

ремонте). Французская и русская стороны назначили двух архитекторов, К.Э. Мосса и М.И. Эппингера, которые обязались взаимодействовать с послами и с местными турецкими властями. Но сами работы непосредственно начались только к концу 1866 г. и продолжались в течение трех лет.

Тем временем окончательное оформление и благоустройство Троицкого собора и церкви во имя Св. Царицы Александры на территории Русского подворья в Иерусалиме подошли к концу, осенью 1872 г. произошло его освящение Патриархом Иерусалимским в присутствии брата Александра II великого князя Николая Николаевича Старшего. Сохранились многочисленные фотографии храма, внутреннее убранство которого вызывало восторженные отзывы посетителей. Удивительно, но в этот же год ушел из жизни и автор построек архитектор М.И. Эппингер.

Из Иерусалима Грановский вернулся в Россию летом 1874 г., через два года после освящения храма. Причиной задержки стало его желание

Интерьер Троицкого собора. Конец 1880-х — начало 1890-х годов. ГМИР.
 Фото из книги Зелениной Я. Э., Белик Ж. Г. «Первые русские храмы в Иерусалиме.
 Троицкий собор и церковь мученицы Александры. История создания.
 Художественное убранство». М.: Индрик, 2011.

создать живописную всеобъемлющую панораму. Еще при составлении рисунков для книги П.И. Севастьянова он задался мыслью издать альбом видов священных мест Палестины. Но, как выяснилось, сначала потребовалось узнать, нет ли уже подобных изданий, и если есть, то в какой мере они могли бы служить пособиями.

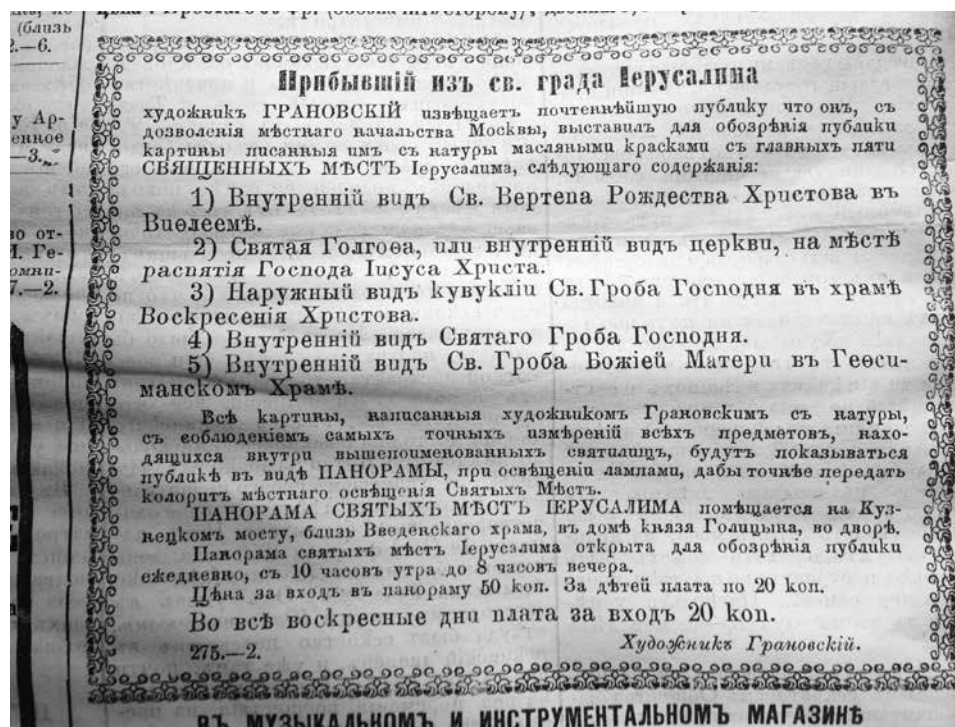
В то время библиотека латинской патриархии славилась превосходной коллекцией книг об Иерусалиме, и, несмотря на это, Грановский был поражен отсутствием иллюстрированных изданий, которые могли бы познакомить с городом людей, не бывавших в нем. С развитием искусства фотографии уже начали появляться изображения священных мест Палестины, но некоторые святыни были недоступны для съемки камерой из-за того, что туда не проникал дневной свет. Живописные же и графические произведения, по свидетельству современников, «всегда давали много места произволу».¹²

Поэтому, после получения разрешения Патриарха, Грановским был предпринят титанический труд по кропотливому обмеру и воспроизведению всех подробностей священных мест: «Каждый выступ, каждое малейшее укрепление необходимо было измерить и проследить до мельчайших подробностей».¹³ Первоначально он предполагал нарисовать шесть картин, но болезнь заставила его ограничиться пятью: в коллекции недостает изображения места, на котором совершилось Благовещение Богородицы в Назарете. «Нередко приходилось русскому художнику работать под присмотром турецких солдат, т.к. в Вифлеемском храме святого Вертепа и по настоящее время находится правительственный патруль, оставшийся со времен распри (1872 года) греков с латинянами. Десять лет, прожитые г. Грановским в Иерусалиме, громко говорят за характерные особенности в его картинах, которые резки на непривычный глаз, но, по отзывам очевидцев, вполне верны действительности».¹⁴ Грановскому понадобилось два года, чтобы эскизы перевести на полотно, и по завершению работ он отправился на Родину.

Самыми первыми зрителями панорамы стали насельники и гости Киево-Печерской лавры, куда в начале августа 1874 г. были доставлены произведения. «Бывшие в Иерусалиме лаврские иеромонахи единогласно говорили, что картины передают точное понятие о святых местах. <...> Из Лавры панорама была перенесена на Крещатик, в гостиницу *L'univers*, несмотря на помещение во 2 этаже, посетителей было много. Приезжал, между прочим, преосвященный *Порфирий*, бывший (1847–1854) начальником нашей Миссии в Иерусалиме и знающий Восток с 1843 года. Он с большим вниманием всматривался в разные подробности на картинах, остался очень доволен и расхваливал художника».¹⁵

Эти работы уже в январе 1875 г. были выставлены в Москве, на Кузнецком мосту, во дворе дома князя Голицына. «В Москве художник предполагает пробыть до мая, а потом поедет в Рязань, Ярославль, в июле в Нижний, и наконец в Питер. Да благословит Бог его путешествие! Это в своем роде миссионерство, от которого явится много добрых плодов».¹⁶ В дальнейшем по изображениям предполагалось выпустить олеографические картины. В появившемся в 1877 г. библиографическом указателе С.И. Пономарева «Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах» в Приложении к XXX тому Записок Императорской Академии наук говорится о пяти картинах художника, которые «составляют его собственность и ныне показываются им в разных местах России».¹⁷ Вероятно, выставка впоследствии стала передвижной и доступной для широкого круга провинциальной общественности.

К сожалению, пока не удалось установить местонахождение этих произведений, но благодаря найденным газетным репортажам можно судить о впечатлении, которое они производили на посетителей. Как считали современники, «подобных им нет нигде в Европе».¹⁸ На выставке всех

Рекламное объявление. Газета «Московские ведомости», №19, от 21 января 1875 г.

зрителей охватывало незабываемое чувство сопричастности великим событиям в Вифлееме, на Елеоне и Голгофе. Все авторы отмечали, что в своих работах художник сообщает весьма подробные и интересные сведения по археологии и истории святых мест. Журналисты с восторгом описывали малейшие подробности: картины «производят полнейшую иллюзию глаза относительно размера и колорита изображаемых в них предметов. Внутренний вид храма Воскресения Христова и карандашный вид стоящей посреди его Кувуклии или часовни Святого Гроба Господня кажутся во всей их подлинной громадности и во всем их величии, поражая высящимся над ними изящным куполом, недавно воздвигнутым <...> и напоминая храм Нового Иерусалима, хорошо известный московским читателям».¹⁹

Полотна демонстрировались панорамно, при свете ламп, причем каждому посетителю для ощущения реального присутствия и полноты представления выдавались очки, своеобразный бинокль. Первая из картин — «Вид святого Вертепа», находящийся под алтарем большого греческого храма Рождества Христова, в Вифлееме. В середине высечено, в природной скале, углубление, в котором помещается престол, устроенный над священным местом Рождества Спасителя. Над ним теплятся неугасимо 16 лампад. Под престолом, в мраморный пол, ввинчена серебряная звезда, с надписью:

hic de Virgine Iesus Christus natus est — 1717. В правой стороне Вертепа находится малая пещера (место святых яслей), принадлежащая исключительно католикам. Правый вход предназначен для православных, левый — для католиков и армян. Вторая картина — Г о л г о ф а: внутренний вид церкви, сооруженной на месте распятия Христа. Задняя стена покрыта множеством икон, очень древней работы (которая, однако, скрыта ризами). Впереди — открытый греческий престол, под которым видно обложенное вызолоченным окладом углубление: это то место, где был водружен святой Крест Господень. Слева — греческий жертвенник, на котором совершается проскомидия, справа — католический престол. Картина третья — вид колоссальной ротонды большого иерусалимского храма Воскресения Христова, осененная превосходным куполом, построенным русским и французским правительствами, в 1868 году. В середине этой ротонды возвышается святая К у в у к л и я — часовня Гроба Господня, украшенная множеством свеч и лампад. В ней виден вход вовнутрь пещеры святого гроба, разделяющийся на две части: придел Ангела (с маленьким мраморным престолом, наподобие чаши) и пещера Гроба Господня. Вокруг ротонды идут арки галерей, принадлежащих отдельно каждая: грекам, католикам, армянам, коптам и сирианам. Внутренний вид пещеры Святого Гроба составляет предмет четвертой картины. Над самым ложем, на котором покоилось святое тело Спасителя, помещаются три изображения Воскресения Христова: католический, греческий (средний изваян из мрамора и покрыт серебряным окладом) и армянский. Вверху — 43 неугасимые лампы.

Наконец, пятая картина изображает внутренность пещеры святого гроба Божией Матери, в Гефсиманском храме, у подножия Елеонской горы. В середине, на небольшом возвышении, находится икона Успения Богородицы. Поверхность гробницы служит престолом для греческого и армянского богослужений. Католики в этом храме не участвуют. Стены пещеры покрыты тканями серебром материями: красной от греков, и синей — от армян. Там, где материи не доходят до пола, вы видите изсеченные в скале уступы, свидетельствующие о древности этой часовни».²⁰

Для большей достоверности в передаче масштаба происходящего Грановский использовал прекрасно исполненные изображения человеческих фигур: «Русские монахи и богомольцы, францисканцы и иезуиты, сестры французской общины сестер милосердия и абиссинские священники, арабы и копты, — словом, представители разных наций и вероисповеданий разнообразят собою эти, полные характерных деталей, картины».²¹ Кроме этого, художник попробовал себя и в жанре портрета: все посещавшие когда-либо Иерусалим сразу узнавали в одном из священников почтенного игумена Святогробского храма Серафима, что еще больше увеличивало обман зрения.

В свое время проект Свято-Троицкого собора в Иерусалиме широко распространялся по России в виде серии видовых хромолитографий: «картины, показывающие как здания будут [вы]глядеть по окончании, великолепно отлитографированы, в большом количестве экземпляров, и пущены в ход. На картинах нарисована была даже пропасть какой-то европейской зелени, для эффекту, и выведены европейские садовые дорожки».²² Грановский хотел выпустить такой же набор изображений, но выполненной им масляными красками живописной «панораме, по всему вероятно, суждено будет остаться единственным результатом (если не навсегда, то надолго) работ г. Грановского, в виду дороговизны воспроизведения этих видов путем хромолитографии: в Вене, за 12000 экземпляров, ему предложили уплатить 35000 русских рублей».²³

После организации этой имеющей огромное просветительское значение выставки следы Грановского на несколько лет теряются. Возможно, он демонстрировал свои картины в провинции, как мельком заметил С.И. Пономарев. Может быть, возникли и другие проблемы. Все журналисты отмечали нездоровье художника после переезда в Россию: «Труды эти обошлись ему дорого: проведя значительную часть своей жизни в жарком климате и возвратившись теперь на север, он расплачивается за них тяжкою и мучительною болезнью».²⁴ Теперь трудно проследить его творческий путь, как и обстоятельства личной жизни. Работа Грановского на Афоне и в Иерусалиме достаточно полно отражена благодаря официальным документам ИППО, воспоминаниям и переписке с П.И. Севастьяновым; организация панорамной выставки изображений священных мест Палестины стала известной только сейчас благодаря найденным автором газетным репортажам с рукописной правкой Грановского; дальнейшую же судьбу Михаила Феофановича, оказалось, подробно проследить пока невозможно. В данный момент найти удалось только проекты храмов, созданных для Калужской епархии. Сегодня нельзя сказать определенно, что привело его к выбору пути архитектора, определившему все последующие годы жизни: появление ли заказа в 1879 г., неудовлетворенность ли приемом публики как художника. Надо отметить, что первые сохранившиеся проекты для Калужской губернии подписаны были так: «Архитектор академик М.Ф. Грановский, г. Москва». Все последние решения имеют уже другую подпись: «Свободный художник архитектуры, архитектор М. Грановский». Видимо, после отъезда из Иерусалима у Михаила Феофановича было ожидание признания его заслуг по окончательному приведению Свято-Троицкого собора и церкви во имя Св. Царицы Александры в надлежащий вид. Многие художники и архитекторы, имевшие отношение к строительству и оформлению Русского подворья, стали впоследствии академиками, как, например, Иван Степанович Ксенофонтов (1817–1875), в 1863 году получивший звание академика за образ «Успение Богородицы» для церкви Русской Духовной

Миссии в Иерусалиме. Вероятно, подобное поощрение предполагал для себя и Грановский. Стоит уточнить, что впоследствии указание на место жительства (или место создания проекта) тоже исчезло. Видимо, в связи с поступлением всё новых и новых заказов появилась необходимость или в своем, или в съемном жилье в Калуге. В общей сложности он посвятил Калужской губернии 25 лет. С его именем связаны работы по ремонту или возведению новых зданий почти во всех известных монастырях: Свято-Тихоновой пустыни, Белокопытовском Казанском Боголюбивом женском монастыре, Козельской Введенской Оптиной пустыни, Шамординской Казанской женской общине, Казанском девичьем монастыре г. Калуги. Возможно, постройки авторства Грановского имеются и в других регионах России, но пока нет возможности их обнаружить. С другой стороны, Калужская область не раз меняла свои границы, поэтому есть вероятность того, что в архивах соседних областей могут находиться документальные материалы, связанные с творчеством архитектора.

Стилистика храмового зодчества XIX века в понимании мастера не могла не отталкиваться от находок древних строителей. Почти во всех его крупных каменных постройках прослеживается византийский стиль. В этом ряду особняком стоит проект деревянной церкви во имя св. великомученика Георгия в селе Меховое Козельского уезда (ныне входящего в состав сельского поселения «Село Татаринцы» Сухиничского района). Но здесь следует вспомнить о большом влиянии Оптиной пустыни, благодаря настоятелю которой, скорее всего, и был получен этот заказ. «Наиболее ярко черты “оптинского пространства” проявлялись непосредственно вблизи монастыря. Это подметил Н.В. Гоголь во время своих приездов в Оптину. Его поразили не только монахи, но и работники в монастыре, окрестные крестьяне. <...> Гоголь тогда заметил: “Пустынь эта распространяет благочестие в народе”. Конечно, едва ли можно говорить, что благодаря Оптиной пустыни повысился нравственный уровень населения, скажем, Козельского уезда. Скорее имеет смысл указать на ту огромную роль, которую играл монастырь в сознании окружающего его населения».²⁵

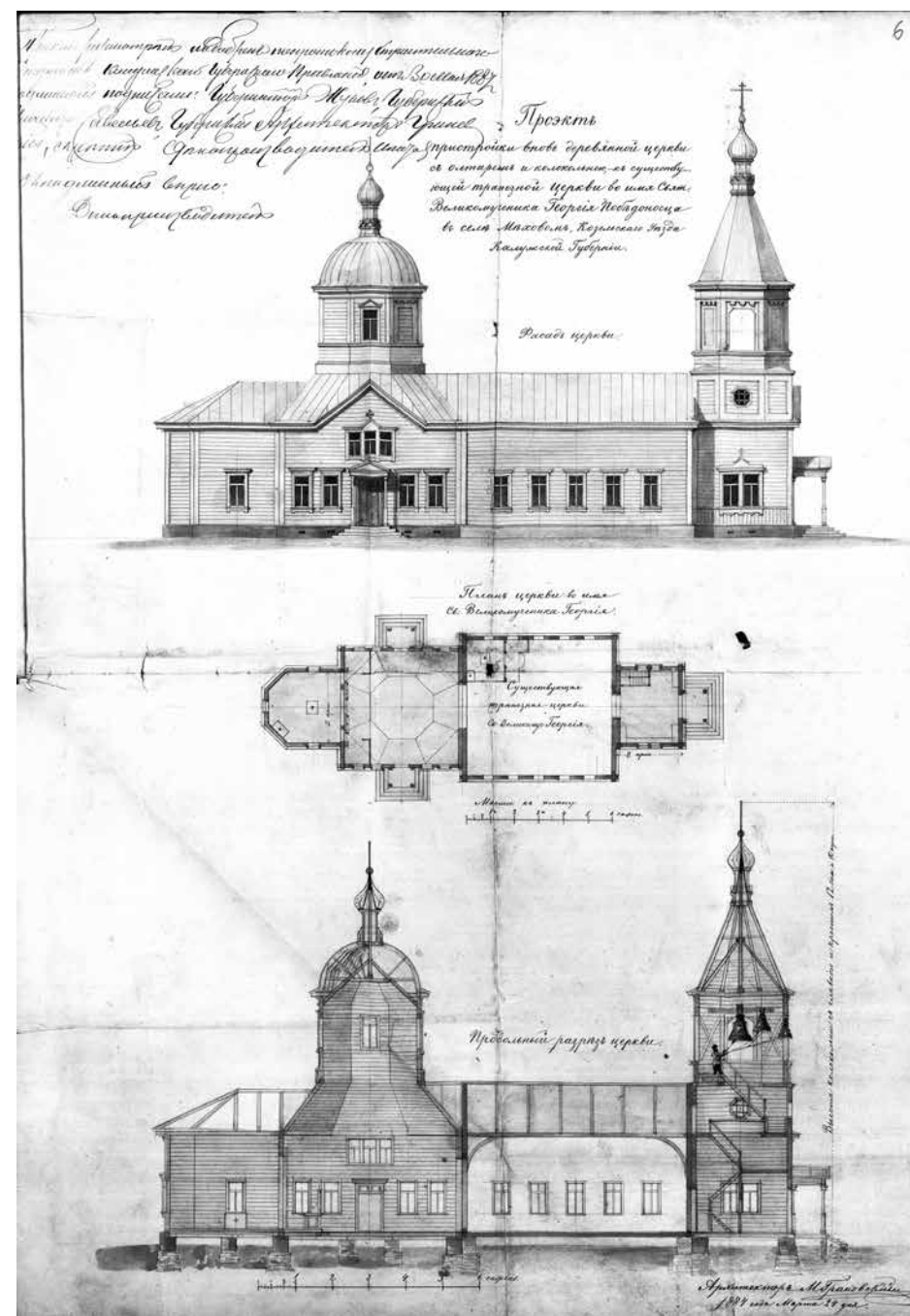
На самом деле произведений Грановского в Калужской губернии могло быть гораздо больше. В это время везде шло большое строительство культовых сооружений, авторами которых не всегда являлись квалифицированные архитекторы. Возможно, сыграла свою роль профессиональная конкуренция, возможно, и взыскательность самого Михаила Феофановича. Но работа у него была почти всегда. Известно только об одном периоде, когда, по всей видимости, он, сознательно или случайно, был невостребованным. Исследователям посчастливилось найти его акварель «По Вагнеру. Фафнер и Фазольт», датированную 1896 г. и выполненную в Одессе, «откуда обычно начинался путь на Афон и Святую Землю. Ныне

нет свидетельств, возвратился ли он из святых мест или, напротив, имел намерение отправиться туда. <...> 24 марта 1894 года в Иерусалиме умирает архимандрит Антонин (Капустин), с которым Грановского связывали многие годы теплых дружеских отношений, а 4 ноября 1895 года упокоился отец Моисей, настоятель Тихоновой Пустыни, человек ему единомысленный, поддерживающий его во всех совместных проектах и ценивший его мастерство художника и архитектора». ²⁶ Возможно, потери близких людей могли подвигнуть Грановского на поездку в Иерусалим.

Кроме этого, в 1895 г. художественной общественности Российской империи стало известно о предполагавшейся реставрации здания и фресок главного русского храма Палестины: «Троицкий собор и обширный дом Русской Духовной Миссии, сооружение которых стоило более 700000 руб[лей], с самого своего основания в 1864 г. ни разу серьезно не ремонтировались. Троицкий собор дал опасную трещину в куполе, крыша его, непокрытая свинцом, пропускает дождь и сырость, дом Духовной Миссии имеет крепкими одни стены. <...> Для обследования собора был приглашен немецкий архитектор и археолог Конрад Шик, знаток иерусалимских древностей. Осмотрев собор 3 июня 1896 года, он составил «Отчет о состоянии русского кафедрального собора Святой Троицы в Иерусалиме», в котором указал, что «здание в общем хорошо сохранилось, но после с лишком 30-летнего существования его требуются некоторые поправки», ²⁷ в частности, обновление штукатурки и росписей, замена окон и переделка дверей (с учетом вентиляции), а также ремонт крыши, так как вода попадала внутрь здания.

Вероятно, именно тогда у Грановского могло возникнуть желание посетить еще раз Святую Землю и посмотреть на места, связанные с воспоминаниями о молодости. Его произведений этого времени в Государственном архиве Калужской области не нашлось. В 1894 г. он заканчивает возведение четырёхъярусной колокольни с часозвоном и новыми колоколами в Свято-Тихоновой пустыни, а следующий проект, каменного храма во имя Преображения Господня с двумя приделами во имя Казанской иконы Божией матери и во имя Св. Пророка Иоанна Предтечи и Крестителя Господня в Казанском девичьем монастыре Калуги, датирован только 1899 г. По всей видимости, путешествие могло состояться только в этот период, что косвенно подтверждает и найденная акварель.

Освящение храма в Калуге состоялось 6 июля 1903 г. и стало настоящим праздником для всех православных прихожан, хотя работы были закончены только через два месяца, 6 сентября 1903 г. После этого о трех последних годах жизни М. Ф. Грановского ничего неизвестно. Возможно, после строительства храма он вернулся на Родину, в Малороссию, где и окончил свои дни. По некоторым данным, местом его упокоения стала земля за оградой Свято-Троицкого Ахтырского монастыря Харьковской губернии. ²⁸

М.Ф. Грановский. Проект пристройки деревянной церкви с алтарем и колокольнею к существующей трапезной церкви во имя Свят. Великомученика Георгия Победоносца в с. Меховом Козельского уезда Калужской губернии. 1884 г. ГАКО.

Собор во имя Преображения Господня бывшего Калужского Казанского девичьего монастыря. Фото В.Н. Фридгельм. 2016 г.

Надо отметить, что даже краткое изложение биографии М.Ф. Грановского дает повод к разнообразным предположениям и версиям. Например, ничего не известно о причинах, побудивших его принять участие в качестве частного лица (не как епархиального архитектора!) в строительстве храмов именно в Калужской губернии. Кроме этого, 5 апреля 1894 г. в Калуге открылся региональный отдел ИППО под председательством почетного члена Общества преосвященного Александра, епископа Калужского и Боровского. Число членов местного отделения регулярно увеличивалось за счет выходцев из разных сословий, постоянно велся сбор средств в пользу русских паломнических центров на Святой Земле, часто проводились лекции с показом «туманных картин» и фотографий. Но нигде в числе выступающих не было упомянуто имя М.Ф. Грановского, хотя кому, как не ему, и следовало делиться воспоминаниями о пребывании там. Но отраженный свет Иерусалима прямо или косвенно всегда присутствовал в его жизни, либо в качестве аналогов для построек, либо в качестве продолжения знакомств среди духовенства и получения заказов. Почти всё, что он успел создать в последние годы своей жизни, существует и радует взгляд жителей и гостей Калужской области, являясь еще одним свидетельством глубокой связи со Святой Землей.

- ¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Литера «Г». Д. №47. Академия художеств Министерства императорского двора. Личные дела. Грановский Михаил Феофанович.
- ² НИОР РГБ. Ф. 269/1, к. 26, ед. хр. 16. Севастьянов П.И. «Верящее письмо» на получение денег на Афоне художнику М. Грановскому. 15 ноября 1861 г. Л. 1, л. 1 об.
- ³ НИОР РГБ. Ф. 269/1, к. 13, ед. хр. 38. Грановский М.Ф. Письма к П.И. Севастьянову с Афона в СПб, Берлин. 1859–1862 гг. 9 писем. 26 л., с пометами П.И. Севастьянова. Л. 1.
- ⁴ НИОР РГБ. Ф. 269/1, к. 13, ед. хр. 38. Грановский М.Ф. Письма к П.И. Севастьянову с Афона в СПб, Берлин. 1859–1862 гг. 9 писем. 26 л., с пометами П.И. Севастьянова.
- ⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Литера «Г». Д. №47. Академия художеств Министерства императорского двора. Личные дела. Грановский Михаил Феофанович.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Зеленина Я.Э., Белик Ж.Г. Первые русские храмы в Иерусалиме. Троицкий собор и церковь мученицы Александры. История создания. Художественное убранство. М.: Индрик, 2011. С. 91.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 93–95.
- ¹⁰ Там же. С. 104.
- ¹¹ Там же. С. 106.
- ¹² Без подписи // Русские ведомости, №19, 24 января 1875 г.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Без подписи // Голос, №28, 1875 г. Л. 5 об.
- ¹⁵ Пономарев С.И. Заметки о картинах М.Ф. Грановского (письмо к редактору) // Московские епархиальные ведомости, №9, 1875. С. 82–84.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Пономарев С.И. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах (материалы для библиографии) // Приложение к XXX тому Записок Императорской Академии наук. СПб, 1877.
- ¹⁸ Без подписи // Голос, №28, 1875 г. Л. 5 об.
- ¹⁹ Мин Г. Картины святых мест // Современные известия, №25, 26 января 1875 г. Л. 2.
- ²⁰ Без подписи. Панорама святых мест Иерусалима // Современные известия, № 25, 26 января 1875 г. Л. 2.
- ²¹ Там же.
- ²² Зеленина Я.Э., Белик Ж.Г. Первые русские храмы в Иерусалиме. Троицкий собор и церковь мученицы Александры. История создания. Художественное убранство. М.: Индрик, 2011. С. 16.
- ²³ Без подписи // Голос, №28, 1875 г. Л. 5 об.
- ²⁴ Мин Г. Картины святых мест // Современные известия, № 25, 26 января 1875 г. Л. 2.
- ²⁵ Запальский Г.М. Оптиная пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С.88.
- ²⁶ Боголюбивая обитель на реке Любуше / Сост. монахиня Иосифа (Егасова). М.: Фонд «Фома Центр», 2017. С. 318.

²⁷ Зеленина Я.Э., Белик Ж.Г. Первые русские храмы в Иерусалиме. Троицкий собор и церковь мученицы Александры. История создания. Художественное убранство. М.: Индрик, 2011. С. 129–131.

²⁸ Боголюбивая обитель на реке Любуше / Сост. монахиня Иосифа (Егасова). М.: Фонд «Фома Центр», 2017. С. 321.

ПОД ЗНАКОМ ТАВИФЫ: к 125-ЛЕТИЮ ОСВЯЩЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ЯФФЕ

Н. Н. Лисовой

«НЕТЕРПЕНИЕ УВИДЕТЬ ЯФФУ»

«Яффа» — в переводе «красивая». Сегодня это маленький пригород, с узкими средневековыми улочками, бурно развивающегося Тель-Авива. Между тем, основанный в 1909 г. в песчаных дюнах в 2 км к северу от старого арабского города еврейский поселок с романтическим названием Тель-Авив («Холм весны») на первых порах, наоборот, был пригородом Яффы.

Основана Яффа, древняя Иоппия, по преданию, сыном библейского Ноя Иафетом — прародителем индоевропейских племен. Древнейшее поселение в этих местах археологи датируют V тысячелетием до Р. Х. В письменных источниках название города впервые фигурирует в списке городов, завоеванных фараоном Тутмосом III в 1468 г. до Р. Х. В XIV в. до Р. Х. Яффа, как египетская крепость, неоднократно упоминается в документах из архива Тель аль-Амарны, столицы Эхнатона. Около 1200 г. до Р. Х. она была захвачена филистимлянами.

Когда Соломон задумал строить Иерусалимский Храм, Хирам, царь Тирский, писал ему: «Мы нарубим дерев с Ливана, сколько нужно тебе, и пригоним их в плотах по морю в Яффу, а ты отвезешь их в Иерусалим» (2 Пар. 2, 16). Потом Яффой владели по очереди Ассирия, Вавилон, Персия... Со времен Александра Македонского Яффа стала греческой колонией.

В эпоху Христа Спасителя Яффа — процветающий город со смешанным населением. Как рассказывается в книге Деяний апостольских, в город приходил с проповедью апостол Петр. Именно здесь, в доме Симона Кожевника, у которого он жил (дом сохранился), во время вечерней молитвы на кровле было ему символическое видение спускающейся с неба плащаницы с чистыми и нечистыми животными. Апостол принял это как откровение Божие о равенстве пред Богом и Крещением всех людей и народов, независимо

Яффа. Русский храм апостола Петра и праведной Тавифы

от происхождения и культурной принадлежности. Сюда пришли за ним слуги центуриона Корнилия с просьбой идти в Кесарию — положить основание Церкви язычников. В Яффе же жила праведная Тавифа, которую воскресил апостол (Деян. 9, 36–41). На месте ее дома находится сейчас русская церковь.

Со времен средневековья Яффская гавань была главным пунктом прибытия христианских паломников. В 1820 г. здесь было создано первое наше дипломатическое представительство в Святой Земле — Российское вице-консульство. В 1856 г. возник РОПИТ (Русское Общество Пароходства и Торговли), организовавшее регулярные паломнические рейсы Одесса — Яффа. Между тем, даже и в начале XX в. это был по-прежнему средневековый восточный город с

крепостной стеной и запиравшимися на ночь воротами. «Уступами громоздится этот каменный, цвета банана, городок на обрывистом побережье, — писал И. А. Бунин, совершивший паломничество в Святую Землю в апреле 1907 г. — От рейда его отделяет длинная гряда рифов. За ними, у береговых отмелей, шелком сияют обвисшие паруса на высоких, тонких мачтах лодок. Их больше всего возле северной отмели, где когда-то был Водоем Луны, финикийская гавань. С севера к Яффе подступает золотисто-синяя от воздуха и солнца Саронская долина. С юга — желто-серые филистимские пески. В штиль рифы обнажаются — барка спокойно проскальзывает между их ржавыми, мокрыми и нестерпимо блестящими на солнце глыбами...».

Пожалуй, рифы — поднимающиеся среди бухты скалы, которые древнее предание связывает с легендой о Персее и Андромеде, — единственное, что осталось неизменным со времен не только Бунина, но и самой Андромеды. С севера уже не Саронская долина, а серые урбанистические глыбы Тель-Авива подступают к Яффе. Древние «филистимские пески» тоже отступили далеко на юг, уступая место новым пригородам Большого Тель-Авива, с современными отелями и пляжами. И все-таки Яффа остается средневековой «красавицей» — с мощеными кривыми улочками, остатками крепостных

стен, христианскими храмами и минаретной мусульманикой. В самом центре Старого города, на вершине холма высится францисканский собор св. апостола Петра. Расположившийся рядом монастырь св. Людовика носит имя французского короля-крестоносца Людовика IX Святого, останавливавшегося в Яффе в 1247 г. Чуть ниже по склону лежит греческая православная обитель во имя Михаила Архангела. Другой греческий монастырь, Георгиевский, находится при въезде в город, на улице Пастера. В нем обычно размещались прибывавшие пароходом из Одессы русские православные паломники перед тем, как отправиться далее в Иерусалим. Францисканские храмы, греческие монастыри, коптский сад, «недавно приобретенный мнимыми бедняками за 3200 турецких лир!! А у нас, русских, нет ни аршина земли своей в Яффе!»

Мы немножко забежали вперед с цитатой — воплем души! — из дневника архимандрита Антонина (6 июля 1866). Дневник его в данной работе будет главным нашим историческим источником*. А мечта о Яффе и Яффской церкви сопровождает архимандрита на протяжении всей его палестинской эпопеи.

«17 июня 1866. Нетерпение увидеть Яффу. Высота и деревня Язур. Последняя равнина, оканчивающаяся на востоке густо-зеленой линией, из-за которой высматривает и вожденная Иоппия. Пески. Наконец — сады. Еле-держание в седле. Rendez-vous Яффы. Врата ее. Большая улица и переулки.

20 июня. До восхода солнца ездили купаться. Чай на террасе. Дремание и положительный сон. Афинский **Никодим**, перестроенный и непомерно высокий».

Вот первое откровение, во сне, о будущей церкви — по типу построенной Антонином в Афинах церкви св. Никодима, о чем нам надо будет еще говорить. Возникает идея о приобретении для будущей церкви собственной земли. И начинаются «смотрины»:

«7 июля. Приглянувшееся пустое место, сад г. **Николая Халеби**, обещающий ему на сей год 4000 пиастров доходу и требующий 8000 расходу... 8 июля. Возвращаясь, осмотрели армянское побережье, на котором следовало бы быть русскому поклонническому приюту».

Прошло полтора года, но возникшее желание не оставляло Антонина.

«27 октября 1868. <В Иерусалиме.> Прогулка по Яффской дороге. Прохождение с **Николой** и помысел о русском саде в Яффе. Если бы были лишние 40 лир в кармане!»

И опять шли месяцы. «4 мая 1869. В Яффе что дается, сказать не могу. Какая-нибудь, верно, история вроде Мамврийского Дуба». Но уже верный

* Поскольку дневники Антонина палестинского периода (1865-1894), за исключением одного тома, за 1881 год, пока не изданы, мы, цитируя, ограничимся каждый раз лишь точным указанием даты.

Якуб командирован на разведку, какой из яффских садов наиболее убедительно связывается народным и церковным преданием с памятью той самой, святой Тавифы.

«11 мая 1969. Ясное дело, что Якуб остался в Яффе и сегодня с тем, чтобы высмотреть Тавифин праздник. Приедет завтра с почтой; 12 мая. По словам Якуба, Тавифа празднуется по всем садам Яффским, но главное и старое место праздника все-таки там, где... и пр.».

Наконец, решение принято. «7 августа, Яффа. К солнышку достигли своего будущего сада и бегло осмотрели его. Места весьма много. Горы, долины, каменоломни, пещеры... Еще бы не купить такую благодать!» И на другой день: «8 августа. Прямо с моря отправились в сад Абу-Муса, где уже нас ожидал старый Халеби. Закусив некстати и не ходив в его сад, отправились на свое место. Высмотрели его вдоль и поперек, лазили и в пещеры, т.е. древние (еврейские?) гробницы. Ударили по рукам и возвратились в город»; 12 августа. «Палкание* в Московии и беглое планирование оногo»; 13 августа. «Утром ездили еще раз в сад Тавифы (?) и окончательно положили купить его весь во что бы то ни стало».

Знаки вопроса — свидетельства о раздумьях церковного археолога. Древнееврейские ли гробницы? Действительно ли «сад Тавифы»?

«ВЛАДЕЛЕЦ ЯФФСКОЙ ТАВИФЫ»

Неделю спустя, уже в Иерусалиме, Антонин записывает: «21 августа. Благополучное прибытие Якуба с сумкою, полною документов. Св. Тавифа куплена нами. Упикал** 150 наполеонов свечной суммы. А стоило упикать и 500. Спасибо старому и новому Халеби!»

...Стоит и нам заглянуть в купчую, в витиеватых восточных формулировках которой, в переводе с арабского, утверждена русская собственность в Яффе:

«В независимом и честном мехкеме пристани Яффы (да возвысит его Бог!), перед владыкою нашим и господином нашим, оком честных ученых и потомком предстоятеля знатнейших господ, судиею (кади), положившим выше свою честную надпись и печать (да пребывают его отличные преимущества!) — г. Иаков, сын Георгия Халеби, православного исповедания, житель Яффы, подданный Высокой Порты, купил для себя, на свои, а не на чужие, деньги от продавца... благороднейшего Хафез-бека Ис-Саид, законного

* Палкание — одно из любимых словечек Антонина, от народного п а л к а т ь — 'скакать (на коне), ехать вскачь'. Отсюда кличка собаки Палкан.

** Другое любимое словечко. У п и к а т ь, по словарю Даля, с пометой «пермское», означает 'просадить, промотать' (в отношении денег).

и главного поверенного своего брата, ока честных эмиров, благороднейшего Мир-Мустафы Бек Ис-Саид — купил то, что было его владением, состояло в полном его распоряжении и обладании, а именно — весь участок земли, находящийся вне города Яффы, поблизости «поселка водотечи» и известный под именем Абу-Кауд, просто называемый «восточный отдел», с номером ворот 39, а общим 2999-м, заключающий в себе пахотную землю и разные деревья, огорожу из кактусов и прочие нужные и выгодные статьи — со всеми правами, дорогами, выгодами и всем, что есть на нем старого и нового, — продажею окончательною, истинною и законною, покупкою неизменною, досточтимую и достохранимую, без обмана и подлога — за 47 франц. лир золотом, которые немедленно и переданы из рук покупателя в руки сказанного поверенного продавца. ... Состоялась эта окончательная продажа между ними предложением и соизволением, принятием и даянием — истинными и законными, после того, как они видели дело, разузнали и истинно и законно согласились насчет отчуждения места — по закону. <...>

Сказанный же Хафез-бек присовокупил и за самого себя, что он не имеет вообще никакого права на вышеозначенное место, но что оно есть собственность сказанного покупателя г. Иакова.

Писано сие по прошению. 22 жам эд-у-ауаля 1286 г. (соответствует августу-сентябрю 1869 г.)»*.

21 октября <уже в Яффе>. «Долго ходили по своей земле и планировали, где и чему после быть». И на другой день, возвращаясь в Иерусалим, о. Антонин не без гордости набрасывает в дневнике картинку: «Впереди ехал Али, потом я — пресловутый владелец Бет-Джальской школы, Мамврийского Дуба и Яффской Тавифы». Можно считать, что твердое основание будущей Русской Палестины положено.

С той поры имена Яффы и Святой Тавифы постоянно мелькают в дневниках.

«7 февраля 1870. Яффа. Московии. Радование на колодец головокружающей глубины; 8 февраля. Поездка в свои владения. Своя вода вкусная, как речная; 12 февраля. Поездка в Тавифу. Назнаменование места ворот, пруда, сторожки; 16 февраля. Пребывание в «Тавифе» до сумерек».

С интервалом в несколько месяцев хозяин регулярно отправляется «на землю святой Тавифы»: «3 июля. Наконец, в 6 часов мы достигли своей Табиты. Халеби старый и молодой. Работа кипит-с; 18 ноября. В Яффе дом окончен совсем постройкою. Остается штукатурить его. Боковой сад с пещерами будет куплен всенепременно; 24 апреля 1871. После чаю отправились к Св. Тавифе и побыли там целешенький день — ходя, лежа, сидя.

* АВП РИ, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2, д. 1816, л. 227–227об. Опубл.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М., 2017. С. 599–600.

Мастера строили столб под большой брус для водоподъемной машины. Мы же частью планировали будущие аллеи, частью окапывали прошлогодние всходы винограда и миндаля».

Между прочим, яффский проект Антонина стоит немалых денег. «2 мая 1871. Упикано же до сей минуты на Св. Тавифу денег следующее количество: наполеондоров 353, полуимпериалов 50, турецких лир 179. Для сего продана уже одна московская, в 1000 р., облигация. Неизбежно продать и другую. *Какó πράγμα**».

При первой же возможности Якуб «переоформил» яффский участок на имя самого Антонина.

«Показание помощника драгомана Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Я.Е.Халеби. Иерусалим, 1 октября 1871 г.

Я, нижеподписавшийся, сим свидетельствую, что все деньги, которые я употребил на покупку нижеозначенных мест, то есть... сада в Яффе, известного прежде под именем Каарм-Абу-Кауд, где мною построен дом и вырыт колодезь... — и все — какие издержал на эти земли от времени покупки их до настоящего дня — я занял у начальника Русской Иерусалимской Духовной Миссии архимандрита Антонина, и поелику вижу себя не в состоянии возратить занятых денег, объявляю настоящей записью, что передаю сказанному начальнику Миссии все исчисленные мною земли со всем, что на них находится, в уплату сделанного мной долга, так что он может распоряжаться ими, как собственник, полновластно**».

Такой нехитрый прием использовали Начальник Миссии и его драгоман при оформлении и других покупок, пока не будет за российскими подданными признано турецкими властями право на земельную собственность.

Интересно, что архимандрит Антонин таинственным образом постоянно старался «переносить» на почву Святой Земли реалии и ощущения своей родины, память которой никогда его не покидала. «3 ноября. Вереницы поклонников тянулись с пением от Лидды к Яффе. Воскресала в памяти давно минувших дней Батурина. К 5 часам прибыли в сад Св<ятой> Тавифы. Старый Джирьес со всей семьей ожидал нас в нашем доме. Комната вышла очень казистая. А пруд какой, а водочерпальная машина, а зелень непроходимая — просто пером не опишешь! Всего же краше наши 7 холмов (поменьше 7-ми) в виду шумного моря под золотыми лучами заходящего солнца. Радости конца не было. Беседы. Чай. Молитва над «зеркальным лоном вод». Чтение и сон у себя, в своих покоях».

* Греч. 'плохо дело'.

** АВП РИ, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2, д. 1816, л. 241-241об. Опубл.: Россия в Святой Земле. Т. II. С.603.

7 ноября 1871 г. Антонин впервые празднует в саду Св. Тавифы свои монашеские именины. «Через час туда же прибыл и Патриарх <Иерусалимский Кирилл>. В разных беседах коротали с ним время до захождения солнца. Стол устроили в комнате. Ядших и пивших было шестеро, включая и меня в то число. Пили и здоровье именинника, хотя, видимо, никто не занимался подобным обстоятельством».

В 1872 г. с паломничеством в Святую Землю прибыл брат царя Александра II, великий князь Николай Николаевич Старший, будущий герой освободительной балканской войны. Архимандрит Антонин сумел найти с ним общий язык, так что великий князь не только присутствовал, как и планировалось, на освящении Троицкого собора в Иерусалиме, но даже согласился в последний день своего пребывания в Палестине быть личным гостем начальника РДМ в яффском приюте Святой Тавифы. «Вторник, 31 октября. И вот удостоился еще недавно заброшенный пустырь неожиданной чести видеть в себе Императорское Высочество! Домик наш, сверх чаяния, выглянул так весело и даже изящно, что любо было смотреть на него. Стол завален был плодами всякого рода! Прощаясь, <великий князь> пожелал мне всякого успеха в делах моих*».

И на следующий год: «2 июля 1873. Весело подъезжали к своим владениям. В 5 ч. водворились у Св. Тавифы, произведши там тревогу немалую. Осматривание с старым <Халеби-отцом> всего сада. Экая Батурина, подумаешь! 5 июля. В 6 ч. встал. Мылся у самага колеса водоподъемнаго. На Тавифином холме читали утренние молитвы с послушницей <Софией>. Обошли прочие холмы. Планирование беседки на месте воздвижения ея <т.е. на месте воскрешения Тавифы>. 7 июля. Якуб, поздравляющий с приобретением Тавифы».

Последняя запись нуждается в комментарии. Уже четыре года, как мы знаем, существует среди недвижимостей Антонина участок в Яффе. Уже после него приобретена земля в Горней и в Иерихоне. С чем же поздравляет начальника Русской Духовной Миссии его верный драгоман Яков Егорович Халеби?

Дело в том, что после подписания 8 марта 1873 г. послом России в Константинополе Н.П. Игнатьевым протокола о праве русских подданных владеть недвижимостью в Османской империи Антонин получил легальную возможность перевести приобретенные ранее земельные участки на собственное имя. В последующее время состоялись новые судебные решения по ранним покупкам. Результатом были новые документы, такие как ходжет (купчая) на интересующий нас участок в Яффе:

* Россия в Святой Земле: документы и материалы. В трех томах / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. Т.1. М., 2015. С. 363.

«22 Джемадиуль Эввеля 1286 г. (9 августа нового стиля 1869 г.) драгоман Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, хаваджа* Якуб Халеби, сын яффского жителя хаваджи Джирджиса Халеби Руми**, купил два смежных друг другу сада. Сады эти находятся на восточной стороне г. Яффы, в предместье Зерибет (также называемом Зерибет-ин-Забите), и состоит из земли, из неорошаемых деревьев и окружены барбарийскими фигами. Вместе со всем этим Якуб Халеби купил все права и преимущества, присвоенные шариатом этому месту. <...>

Нижеписанного числа явился в вышеупомянутый шариатский суд выше-названный хаваджа Якуб Халеби и добровольно заявил, что сады эти на самом деле куплены г. начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином и что уплаченные за эти сады выше-сказанные деньги были его же, архимандрита, и что произведенные после покупки садов постройки, посадка деревьев и прочее — сделаны были на средства того же архимандрита и что имя его, хаваджи Якуба, находится в ходжете вследствие того, что русским подданным не дозволялось приобретать недвижимое имущество, и что настоящее место со всеми своими принадлежностями, дорогами, произведениями, скотом, инструментами, со всем находящимся на нем, и со всеми присвоенными по шариату этому имению правами, - все это составляет одно из имуществ вышесказанного архимандрита Антонина и законную его собственность.

Настоящее признание его было действительное и законное, на котором шариат позволяет основываться. При даче настоящего признания хаваджа Якуб находился при тех качествах, которые требуются шариатом, а именно: здоровье, совершеннолетие, полный ум, добрая воля и принуждение с чьей-либо стороны***.

Можно даже сказать, что именно Антонин и его ходжеты переломили упрямство Министерства иностранных дел в «престижном» нежелании русских дипломатов присоединяться к конвенции о земельной собственности иностранцев в Османской империи. Показательно в этом смысле письмо к архимандриту Антонину посла Н.П. Игнатьева от 30 марта 1873 г.:

«Надеюсь, что вы, многоуважаемый отец архимандрит, убедились наконец в готовности моей делать все возможное, чтобы вам угодить. «По щучьему велению и по моему прошению» право недвижимой собственности русских подданных в Турции разрешено, несмотря на встреченную мною оппозицию в Петербурге между нашими консулами и милыми «знахарями»

* Хаваджа — перс. 'господин', уважительное обозначение на Востоке лиц, преимущественно торгового сословия.

** Руми — обозначение православного.

*** АВП РИ, ф. ДЛСХД, оп. 465, д. 81, л.24-25об. Оpubл.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М., 2017. С. 611-612.

Востока, упорно державшимися мнения, что несравненно достойнее было с нашей стороны не подписывать протокола, нежели принять для русских права, предоставленные другим иностранцам. Вы довольны, ну и слава Богу, — теперь переводите на чье хотите имя (русское) или Духовной Миссии тайком захваченные земли. Но не пугайте сразу турок и иноверцев и лучше давайте им «через час по столовой ложке». Практического значения наших территориальных приобретений — с русской точки зрения — не вижу, а быть по-вашему*.

Последняя фраза чрезвычайно показательна. Как ни странно, задачи русского присутствия в Святой Земле оставались чуждыми и непонятными тогда и для лучших, умнейших профессионалов МИДа. Даже такой дипломат-патриот, знаток русского дела на Востоке, как Игнатьев, «не видел» практического значения территориальных приобретений Антонина! Лишь Антонин знал и видел — до нашего времени, за 150 лет вперед, и лишь авторитет архимандрита буквально заставил посла принять серьезнейшее решение, благодаря которому мы и сегодня стоим твердой ногой у Гроба Господня.

...Теперь, утвердив свои юридические права, можно было всерьез заняться не только хозяйством и строительством, но и археологией в саду Тавифы.

«12 июля 1873 г. Арбуз. Чай. Поэзия неотступная. Право, этак не захочешь и в Иерусалим возвращаться; 10 августа. Молился на большом холме по старой памяти. Смоквы фараоновы. Чай. Рисование будущих построек; 11 августа. А потом черчение будущей беседки до 12 часов».

Год спустя. «30 мая 1874 г. Прошелся по саду. На большом холме кланялся Иерусалиму. Всех юных пальм в нижнем саду между апельсинами 21. Чай. <Французские археологи> мсье Ганно и мсье Леконт. Похвальба перед ними антиками. Осмотр пещер. Обед. Те же французы уже не яко гости, а яко работницы, штампажирующие наши надписи. Камень с латинскою надписью паче иных занял их; 1 июня. Встаю в 6 часов Спешу на воду, брожу по дворику, приветствую работников. Провожая других к могилам, которые намереваюсь очистить непременно. Обед. На холме. К могилам, наполовину очищенным»; 6 июня. Взыграй, солнце. Начало воздвижения столбов, имущих прославить русское имя от высот Наби-Шемуель до последних горизонтов Великого Моря. Общая молитва с канонем всем святым. Открытие новой пещеры рядом с уничтожаемой. Самури** с антиками, найденными в уничтоженной гробнице. Хожение к месту их обретения; 7 июня. Расчистка все той же могилы. Нашлась глиняная лампадка, и ничего более. Начали расчищать вновь открытую могилу. Чай.

* Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865-1893 г. / Изд. подг. К.Вах и О.Анисимов. М., 2014. С. 367.

** Самури Фотий Яковлевич — драгоман русского вице-консула в Яффе.

Посол из могилы с вестью, что нашли голову. Иду туда сию минуту. Точно, найдены череп, стеклянный пузырек, такая же слезница (что ли), серьги, лжица и колокольчики не то медные, не то серебряные низкой пробы. Посидел и я там, но ничего более сего найдено не было. Черчение за полночь; 9 июня. Открытая вчера новая могила оказалась только введением в целую систему других могил, корень дерева мешает проникнуть в них. Чай. Опять к могилам. Беседы со старым. Извлечение корня; 10 июня. Вставши, отправился к раскапываемым могилам. Нагнали туда 5 рабочих. Хотим к отъезду окончить все 4 отдела. Начали строить стенку между беседкой и прудом. Главный мастер не явился сегодня. Камень для его работы не приготовлен. Рисование будущей лестницы и верхнего этажа. Генеральный план северных могил, числом 56».

На подступах к церкви

Сад радует. Он, как образно говорит Антонин, «возмужал». «Становится настоящим Яффским садом», — отмечает архимандрит, вновь приехав в Яффу 7 ноября 1875 г. провести здесь свои именины.

Приходит время и для проекта церкви.

«18 июля 1876 г. 5 часов по нашим самоуказным часам. По обычаю иду в беседку дышать чистым воздухом. Перехожу на холм Св. Тавифы и планирую будущую церковь, которая должна выйти красивее коптской. Батурствие бесконечное». «Батурствие», напомним, в образной системе дневника — это блаженное состояние души, когда память родного села и уральской природы неслиянно и нераздельно «прорастает» в окружающем многоцветье Святой Земли.

Но в мирную жизнь врывается война. В период Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Антонин со всей своей Миссией, высланный турками из Иерусалима, переживал военную невзгоду в Греции. Иногда и здесь посещала его, не в самые веселые минуты, мысль о Тавифе.

«13 декабря 1877. <В Пирее.> Европейское Рождество. Чай. Над огнем. Как будто и ничего. Куда мне ехать жить в Россию? Надо приготовляться доживать век свой в Яффе. Жаль, что неоткуда взять денег надстроить там второй этаж на доме».

Тем более радостной стала новая встреча с любимой Яффой. «17 июня 1878. На выезде садимся в тарантас и переезжаем в сад Св. Тавифы. Радостные встречи разных Якубовых. Вопли арабов соседних на 10 минут в честь нашу. Отличное расположение духа. Лимонад. Еще проходка по саду с старым садовником по всем направлениям. Дивление на множество яблоков, не оставляющих на дереве места листьям. Сад разрастается на славу. В «дере» выросло не многое 30 малых пальм. Дело идет хорошо, но чего оно должно стоить?»

Но пока в Яффе нет своей русской церкви, праздник св. Тавифы — в Неделю о расслабленном, т.е. в четвертое воскресенье после Пасхи — празднуется в домовом храме Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. «Воскресение, 11 мая 1880. Встал, конечно, пораньше. Правило. Служение *in albus** ради праздника Яффского Св. Тавифы».

И опять каждый раз в русской Яффе охватывали архимандрита воспоминания о родной Батурине, о детстве, о сельской церкви, где служил отец. «30 мая 1881 г. За Яффою подхватили коляску, и укатали в свою несравненную Московию Св. Тавифы; 31 мая. Место пребывания моего слало мне в душу что-то чарующе. Как будто возвратилась блаженная «Троица» батуринских времен. Стоило выйти в сад и посмотреть на небо, чтобы увидеть в высоте еще раз три таинственные березы, столько меня занявшие и восхитившие, вероятно, 17 мая 1825 года или годом ранее — 25 мая».

Время от времени сидит «за черчением плана дома Яффского», то «до 2-х часов ночи», то просто «далеко за полночь». Благодетели тоже не дают забывать о задуманном строительстве. «16 мая 1883 г. Осман** с немецкой почтой и письмом от «Помощника Секретаря Палестинского Общества» Сергея Дмитриевича Лермонтова со вложенною цидулкою Ее Сиятельства Ольги Евфимовны***, высылающей 403 рубля на «Русскую церковь в Яффе».

...Последняя самопроверка: историк имеет право сомневаться, действительно ли наш участок — это новозаветное место праведной Тавифы? Старый семинарский метод — обратиться за ответом к слову Божию, погадать на священной книге, тем более под рукой — «Апостол» 1740 года издания. «3 июня 1883. Под пальцем очутились слова: О Тавифе вдовольнице, юже Петр воскресил от мертвых молитвою во Иоппии. А что? Еще будем сомневаться, что преславное событие имело место именно здесь? Все-таки она — случайность, — и больше ничего? Не могла раскрыться книга святая на сотне других страниц? Не мог палец на той же самой странице пасть на другую строку? Нет, именно: о Тавифе, вдовольнице».

Следующий год становится переломным в предыстории храма.

«4 февраля 1884. Г. Максимов (консул) от Патриарха и с ответом от посла об Яффской церкви. Приказывают предварительно испросить на нее благословение Патриарха; 20 июня. Пакет с 175 рублями от одной христороубицы на Яффскую церковь; 29 июня. Служение с царским молебном и немедленное отбытие в город на совещание с Патриархом. Чуть я

* Л а т. 'в белых (ризах)'.

** Реас Осман (ум. 1888) — кавас Русской Духовной Миссии в Иерусалиме с 1858 г., в обязанности которого входила доставка почты из Яффы. До службы в Миссии имел турецкий чин ода-баши (фельдфебель).

*** Имеется в виду графиня О.Е. Путятинна, дочь адмирала Е.В. Путятинна, член-учредитель ИППО.

поблагодарил его за Яффское соизволение; 13 ноября. Консул перед все-нощной приходил просить на чашку чаю завтра к себе, и передал, что Реуф <турецкий губернатор Иерусалима> требует плана будущей Яффской церкви; 16 ноября. Прибыл Марабуги <яффский вице-консул>. В Яффе наводит-ся следствие о нашей церкви. Советует отправить Якуба с документами в Яффу для ускорения дела тамошней церкви; 21 ноября. К консулу с планом Яффской церкви».

Но за дипломатическими проволочками будут еще проходить месяцы, складываться в годы.

«28 февраля 1886. Г. Ону (советник российского посольства в Кон-стантинополе) в своем письме обещает немедленное санкционирование дела о постройке Яффской церкви св. апостола Петра и праведной Та-вифы; 3 ноября. Его Блаженство <Патриарх Иерусалимский Никодим> сообщил радостную весть, что султанский фирман на постройку Яффской церкви выдан; 8 декабря. Чай и ответ на консульскую бумагу и приложенные к ней отношения Константинопольского посла и Яффского вице-кон-сула. Милый каймакам Яффский запрашивать изволят, когда я начну постройку своей капеллы (да! Chapelle) в своем саду Яффском. Очень, ви-дите, нужно знать и ведать ему об этом! 26 декабря 1886. При огне черчение плана будущей церкви св. апостола Петра (с приделом св. Тавифы)».

И опять пропустим два года. 4 февраля 1888 архимандрит получил «охабку писем, в числе их и желанное от графа <Строганова С.А.> с же-ланнейшей графой о высылке им обещанного пожертвования на Яффскую церковь. Слава Богу!» «Желаннейшая графа» обеспечивала финансовую основу будущей постройки. Летом сделаны были первые разметки — не на чертежах, прямо на земле. 25 июля о. Антонин проснулся в Яффе, «захлебыва-ясь мыслью, что он в Батурине». Давно он не был так взволнован. Еще бы! «Выбор с мастером Антонио* места на большом холме под храм Апостола Петра и означение всех линий будущего здания. Прибытие туда же графини О.Е. Путятиной. Работы длились до 3-го часа. Места оказалось весьма до-статочно для церкви по 20 метров в квадрате, опричь алтаря и колокольни» Весь следующий день рыли ямы для фундамента будущей церкви.

Оставалось дожидаться приезда в Палестину августейших паломников, которые украсили бы своим присутствием торжественную закладку храма. Председатель Палестинского Общества, великий князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной и братом Павлом Александровичем должны были приехать к празднику Покрова для участия в освящении рус-ской церкви Марии Магдалины в Гефсимании. Церковь была воздвигнута

* Лонгодорно Антонио — итальянский мастер-строитель, по словам Антонина, «заме-нивший ему всякого архитектора», строитель знаменитой Русской Свечи — колокольни Рус-ского Вознесенского монастыря на Елеоне, самого высокого здания в Иерусалиме. Он помо-гал на начальном этапе планирования и закладки храма св. ап. Петра и прав. Тавифы в Яффе.

в 1885-1888 гг. в память императрицы Марии Александровны, строилась Палестинским Обществом на средства Царской Семьи, под руководством архимандрита Антонина — по личному поручению Сергея Александровича. Великий князь вез в Иерусалим для вручения архимандриту орден Влади-мира второй степени и различные награды всем участникам строительства. Антонин был уверен, что сможет убедить высочайших гостей посетить сад Святой Тавифы и лично принять участие в закладке яффского храма.

Так и случилось, как было Антонином задумано. Яффское действо стало последним пунктом в палестинской программе пребывания великих кня-зей. Предоставим слово главному герою события, описавшего его в своем дневнике.

«5 октября 1888. Чуть выехали за Язур, вдали открылся широко иллю-минированный пункт. Это была Св. Тавифа. К 10 часам мы подъехали к ней. И дом, и пруд с беседкой, и вся вершина церковного холма были усеяны большими китайскими фонарями. Зрелище чисто волшебное! Это с паро-хода «Кострома» помогли нам разукраситься так, как еще не видала наша Иоппия. Вся площадь церкви урвнена и уставлена палатками. Везде чисто и светло, и узнать нельзя нашего карявого холма. Великий князь, увидав меня, сказал: да тут у Вас целый дворец. Наше население все стушевалось. Долго я любовался чудною панорамой с одного из 7-ми холмов, напился чаю, и еще пошел шататься. Встретив большую компанию, предводимую Высочествами, проводил ее до могилы праведной Тавифы. С часа посиде-ли на ней, любясь растительностью и чарующим лунным светом. У дома простились. Граф отвел для ночлега мне целую палатку, которую я и не замедлил занять, не веря сам тому, что все это совершается внутри моего сада, отселе делающегося именитостью.

6 октября. Доброе утро высоким дорогим гостям! Не спится от наплыва ощущений. В доме еще ничто не двигалось. Для великой княгини отведена была гостиная. Великий князь Сергей ночевал в северной из двух спален, а великий князь Павел — в южной. Поставлены им были их собственные складные кровати. Внизу помещались фрейлины, в комнатах под террасой вся прислуга.

Я занялся приготовлением места для совершения уставной закладки храма. Приготовлены камни, известь и все прочее. Принесены требник, фелонь, святая вода. В 9 часов сказали: идут! Поздоровавшись с Их Высо-чествами, я облачился и начал читать молитвы и ектении настолько бег-ло, чтобы не утомилось внимание высокой публики. Последнюю молитву прочел уже в самом рву коленопреклоненно, наименовав имеющее быть здание церковью святых первоверховных апостолов Петра и Павла и св. праведной Тавифы. Господь да благословит, помимо моих незаконных и грешных рук, воздвигаемый нерушимый и вечный памятник преславного события — воскрешение последней первым из апостолов! Последую мне,

оба великих князя и великая княгиня собственноручно положили на основной камень лопаткою извести, а в выдолбленное в нем углубление несколько монет, в том числе и золотой полуимпериал текущего 1888 года. То же сделали потом и лица свиты Их Высочеств. Затем, при пении тропаря Спаси Господи люди Твоя, накрыли камень другим и немедленно забутили место. Я, разоблачившись, поблагодарил августейших свидетелей и участников закладки, пожелав им всякого блага и от тука земли, и от росы небесной, в том числе — долголетней жизни и многочисленного потомства, на славу и украшение Православной Церкви. Аминь. <...> Прощаясь с вел. кн. Сергием, вручил ему пакет пустословный, и просил его отрекомендовать наш сад царю-государю. Пусть он возьмет его себе. Да, да! — отвечал, пожимая мне руку, Его Императорское Высочество, — конечно!. Откланиваясь в последний раз, еще говорил мне: До свидания! До свидания! ... Да будет память благословенного дня сего навеки на сем месте».

«ПОСТРОЙКА ЦЕРКВИ ДВИЖЕТСЯ»

Запись от 20 февраля 1890 года. «Теперь, при огне, занимаюсь проектом художника Антона Захаровича Ледакова — расписать иконостас будущей церкви Св. Тавифы».

Особо следует подчеркнуть, что о. Антонин выступал автором не только архитектурного проекта, но и внутреннего убранства. Иконостас и иконы готовились одновременно со строительством церкви. В 1890 году отмечалось 25-летие служения архимандрита Антонина в Святой Земле. Императорское Православное Палестинское Общество решило сделать ему подарок к юбилею — изготовить за свой счет иконостас и иконы для Яффского храма. Был заключен контракт с петербургским художником-иконописцем А.З. Ледаковым. Сохранилось письмо архимандрита Антону Захаровичу от 25 июня 1890 г. с подробной инструкцией об устройстве иконостаса и программой росписи. Антонин писал: «Я поспешил отыскать тут пригодного для чертежного дела мастера и передал ему свои мысли об иконостасе будущей церкви нашей в Яффе. Фигура иконостаса наиболее подходящая есть простая стена, если не одета мрамором, то под мрамор оштукатуренная, вышиною в 6 метров, а длиною в 8 1/2. К стене этой будут приставлены 8 колонн чистого классического стиля из белого мрамора. Поверх капителей их пройдет архитрав с карнизами верхним и нижним, ровный и ничем (для экономии и для античного вкуса) не украшенный. На архитраве опять встанут 8 колонн мраморные меньшего размера, венчанные еще раз таким же архитравом, и больше — ничего. К стене приставлены 6 икон больших местных в нижнем этаже и 7 меньших в верхнем. Фигура их вверху может быть и античного равного и византийски закругленного <типа>. Соответственно этим мыслям моим и начертан

прилагаемый при сем рисунок иконостаса, который может удивить своей безыскусственностью привыкший к нашей орнаментовке иконостасной русский глаз. Но я надеюсь и не сомневаюсь, что при величественной обстановке воздвигаемого нами храма он будет весьма уместен и для строгого ценителя античной красоты — эффектен»*.

Но опять не хватало денег. «1 августа 1890. Строчение письма к графу Сергию Владимировичу <Орлову-Давыдову> с приглашением его на вторичную помощь церкви Св. Тавифы. Непригожая роль докучливого попрошайки, но ничего не поделаешь. Из Яффы длинная реляция о делах тамошних. Постройка церкви движется; 15 августа. Церковь строится. Русская почта с письмом с Афона и от г.Осипова. В последнем указываются высланными через РОПиТ желанные денежки на св. Тавифу».

11 сентября исполнилось ровно 25 лет с того дня, как он приехал в 1866 году в Иерусалим. Три дня спустя архимандриту торжественно вручили поздравительный адрес Палестинского Общества за подписью великого князя Сергия Александровича. «Земной поклон за высокую милость и ласку, — записывает Антонин в дневнике. — Я назван в документе «учителем» высокочтимого Общества и прочими любезными несообразностями».

«17 сентября. Следовало восписать благодарность ИППО за его поздравительный адрес и за пожертвование иконостаса для Яффской церкви, еже и бысть; 19 сентября. Успешная постройка церкви утешает и веселит; 22 сентября. Якуб с 200 фр. пожертвованием Тамбовской губернской управы на Яффскую церковь. Дело рук недавнего поклонника Льва Владимировича Вышеславцева. Спасибо».

Но в тот же день была получена из Петербурга печальная телеграмма о смерти Ольги Путятиной. «Бедная злополучная страдалница! Достигла, наконец, своего апогея. Не жилица более была мира сего. Вечный покой ее светлому духу — и от меня пожизненная признательность за ее внимание к моим просьбам о Яффе и о Вифлееме».

«23 сентября. Встал в 6 ч. Служение, закончившееся панихидой по новопреставленной рабе Божией девице графине Ольге. Оба начальства <консульства и РДМ> присутствовали на службе Божией. К 8 ч. достигаем своей Байяры** <Тавифы>. Нету памятного привета. Печальные лица. Посещение могилы в Бозе почившего***, и малая молитва над нею. Видение снаружи церкви, действительно, значительно подросшей; 24 сентября. Чай под орехом и

* Россия в Святой Земле: документы и материалы / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. Т. 2. М., 1917. С. 364–365.

** Араб. 'сад'.

*** Халеби Джирьес (Георгий) Ханна († 15.08.1890) — отец Я.Е.Халеби. Смотритель антониновского участка в Яффе. Стараниями дочери, Кристины Джирьес Халеби (Христины Егоровны), перезахоронен в 1936 г. за алтарем церкви св.ап. Петра и праведной Тавифы в Яффе (могила с надписью сохранилась).

фотографирование чайствующих. Я у себя дома перестанавливаю иконы и картины. Хождение к церкви и к могиле св. Тавифы (?), обращаемой в род часовни, с малыми приспособлениями к молитве; 27 сентября. Порешили остаться и на завтрашний день, чтобы видеть начало сводимых арок церковных, имеющих держать на раменах своих тяжесть купола; 28 сентября. Приставление Сима к могиле-пещере, преобразуемой в часовню. Слежение за церковными работами. Поправка водочерпальной машины. Торжественная перепись казенного имущества в доме, передаваемого на руки новопоставляемой смотрительнице Яффского приюта, Христине Егоровне Халеби. Еще раз к пещере и в церковь, которая обещает быть *περίβλεπτος**.

Наконец, пришли и нужные деньги. «19 ноября. Якуб от Валеро с золотом по 2-м вексялям и с ордером выдать мне еще 3048 фр., внесенных на сей конец Его Сиятельством Сергием Владимировичем Орловым-Давыдовым. Добрый граф отвечал 1000 рублей на мое предложение помочь церкви св. Тавифы. В бытность здесь он сам вызвался пожертвовать на церковь 5 тыс. рублей кредитных, и сам же, зная тогдашний плохой курс наших кредиток, прибавил, что вся жертвуемая сумма дойдет до 8 тыс. Между тем, высылая обещанное пожертвование, ограничил оное 5 тыс. рублями кредитными, давшими здесь на месте 10718,15 фр. или 535 наполеонов и 18 франков. Теперешние 150 наполеонов таким образом предназначены восполнить недосылку. Спасибо».

А затем и еще: «29 января 1891. Получил вчера уведомление из консульства о завещанных мне блаженной памяти графинею Ольгою Евфимиевной <Путятиной> 500-х рублях. Сияет и из мрака смертного душа! Надобно что-нибудь сделать блестящее на ее пожертвование в память ее, - в церкви нашей в Яффе, столько ею лелеянной».

Летом был доставлен и иконостас — подарок Палестинского Общества. «27 июня (в Яффе). Осмотр ящиков с иконостасом для здешней церкви. Весь белый с золотыми орнаментами. Работа, по-видимому, недалеко ушла от дюжинной, но — дареному коню в зубы не смотрят. Проходка до пещеры св. Тавифы. На обратном пути созерцание внутренности церкви. Купол начинает быть тем, чем должен быть, и естественно для глаза умалется в размерах. Впрочем, из-за громады подмостков еще не дает себя видеть в настоящем величии».

«18 сентября (в Яффе). Одноглазый фабрикант плит. С ним в церковь, и там планировка пола на хорах. Новые поручения итальянцам. Проекты крышечные. Вопросы колоколенные. Одним словом: ума помрачение. Сумеречанье наверху vis-vis с морем Средиземным, и рассказы античные об именитом роде Капустиных, о Батурине, об Андрее с Платоном...19 сентября. Черчение недостающих этажей колокольни. Обед. Опять в церковь и

на самый верх ее, к фонарю, оказывающемуся ростом с меня. Проба французской извести и решение единогласное покрыть всю церковь, и с куполом вместе, марсельскими плитами; 21 сентября. Поверка плана колокольни и точные измерения на месте отстроенных частей ее».

Не забыто и оформление главной библейской святыни, давшей название и саду, и воздвигаемой а нем церкви. «23 сентября 1891. Отправка грубой мозаики к древней могиле. Усиление отыскать ей хоть сколько-нибудь еще на ее исторической почве. Приглашение синьора Джованни к работе внутри могилы, играющей роль du tombeau de la Sainte Tabitha*».

Через два месяца, 15 ноября 1891, Антонин вновь едет в Яффу. «Любуемся красной шапкой нашего величественного храма. Положительная радость, ничем не возмутимая. Вот и любезные палаты, и укромный кабинет, — все полно тишины и света и летнего тепла; 16 ноября. Проходка до церкви, где ничего особенного, кроме очистки террас от всякого мусора. Купол и хоры — загляденье! Тот же Афинский Ликодим, только поднявший голову и расправивший все свои члены. А все-таки вещее слово коптского владыки Василия: «А кто будет молиться тут?» — не может выйти из памяти моей. Спустились от церкви к могиле, где полюбовались древним мозаиком, не очень, впрочем, казистым».

Иронический курсив, отмечающий древность мозаики, отсылает к новейшей истории оформления святыни (см. выше, в дневниковой записи от 23 сентября). Что касается Афинского Ликодима — это почти точное архитектурное сравнение. Не зря художественный и архитектурный вкус Антонина складывался в годы служения в Афинах — на великих памятниках Эллады и Византии. Идеалом его были «церкви чистого византийского стиля», отличающиеся «стройностью и красотой плана», который при богатой диалектике различий имеет «общий характер» и связан, по убеждению Антонина, «одним каким-то образом». Им построено в Палестине три церкви — Сретения Божией Матери с Елизаветой в Горнем (1880–1883), Спасо-Вознесенская в Русском монастыре на Елеоне (1876–1886) и Апостола Петра и праведной Тавифы в Яффе (1888–1893), все разные — и все с узнаваемыми чертами несомненного сходства**.

Авторство архим. Антонина в проектировании храмов доказывается его подробной дневниковой хроникой — от замысла до освящения. О том же свидетельствует управлявший консульством в Иерусалиме В.А. Максимов: «Что касается красоты воздвигаемых зданий, равно и материала, из которого они построены, то за первое обстоятельство можно только хвалить

* Фр. 'гробница Святой Тавифы'.

** Бутова Р.Б. Мастер сакральных пространств: архимандрит Антонин (Капустин) и греческое церковное зодчество // Труды Второго российско-греческого форума гражданских обществ «История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке» (Петербург, 15–16 июня 2009 г.). М., 2010. С. 247–255.

* Греч. 'великолепная'.

строителя, придумывающего и приготавливающего планы без помощи архитектора; употребление же для них камня, а не дерева вызывается тем, что последнее здесь привозное, а камень - в обилии на том самом месте, где идет постройка»*.

Храм в Яффе - последний из антониновских. Автором проекта — в том числе и внутреннего убранства - вновь был сам архимандрит Антонин. По архитектурному решению церковь ближе всего к Троицкому собору в Иерусалиме, почти повторяет его.

...Между тем в Яффе уже наступило время воздвигнуть над куполом храма крест.

«17 ноября 1891. Во время обеда ожидаемый крест принесен. Ничего сего, выглядит красиво. И длина достаточная, вопреки сделанному Николой замечанию, что он мал для такой высокой церкви; 20 ноября. Опять в церковь для постановки окончин в купол. И в фонаре подкрестном тоже началось сверление отверстий в целом ряде камней для утверждения в них штыря креста; 22 ноября. Доклад со стороны мастеров, что время забирать крест, ибо все к водружению его готово. Прочитывание над крестом из Требника чина благословения воздвизального креста и относ его торжественный к церкви. Скороспешный обед. Немедленно на церковь. Крест уже на куполе. Разногласие мнений по разным пунктам подъемного вопроса. Прибытие на церемонию барона <П.Г. Устинова>, а потом и вице-консула нашего <В.Н. Тимофеева>. Ждать более нечего. Господи благослови! Просунули стержень креста в яблоко, скрепили обе части, выпрямили, подтянули блоком, — и крест стал на своем месте. Поздравления с бокалами шампанского, не указанного в Требнике, но потребными по духу времени. Уборка лесов и снятие покровов со светлосиянного знамения победы. Ублажение себя прекрасным зрелищем, оттененное замечанием барона, что в постановке замечается непараллельность ветвей креста линиям всего здания. Лучи заходящего в Средиземное море солнца, падавшие на крест, подтверждали сделанное замечание. Тут же на месте изыскан способ исправить недостаток. ... В доме показал я г. Устинову финикийскую надпись жертвенной плиты нашего музея, найденную им подлинною вне всякого сомнения. Бахшиши в рабочие руки, чай и уборка вещей, следующих к возврату в Иерусалим; 23 ноября. С дороги еще долго высматривали красный купол, увенчанный крестом, около которого уже чернелись движущиеся фигуры, занятые параллельностью».

...Я, может быть, забываю каждый раз отметить, что завершение церковной постройки в Яффе оставалось лишь одним из направлений

* Донесение управляющего консульством в Иерусалиме В.А. Максимова послу в Константинополе А.И. Нелидову от 8 октября 1883 г. // Россия в Святой Земле: документы и материалы / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. Т.2. М., 1917. С. 616.

разнообразной деятельности начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Так, последние месяцы 1891 года были наполнены и общением с Никодимом Павловичем Кондаковым и другими членами его экспедиции по Сирии и Палестине*, и пополнением археологического музея, создававшегося Антонином в двух отделениях — в Иерусалиме и Яффе**, и переменах «в Горненской олигархии» (1 декабря), и экскурсией для петербургских коллег-археологов — чтобы показать «свой поселок» в Горнем (7 декабря), и представлением новому иерусалимскому генеральному консулу С.А. Арсеньеву всего наличного состава Духовной Миссии, «в числе 20 с лишком человек» (15 декабря), и знакомством с ученым-доминиканцем о. Лагранжем, создателем знаменитой впоследствии Ecole Biblique в Иерусалиме... Словом, продолжалась обычная многонаполненная жизнь Антонина и его Миссии. Подаренная Баршевским коллективная фотография со всей кондаковской экспедицией в первый раз, по признанию архимандрита, «говорила о наступившей дряхлости подлинника»...

ПОДГОТОВКА К ОСВЯЩЕНИЮ ХРАМА

22 января 1892 года из Яффы сообщили, что получены на имя о. Антонина два ящика с ледаковскими иконами. На следующий день архимандрит поспешил туда, чтобы взять посылку из таможни.

«23 января. Благополучно водворились в саду св. Тавифы; 24 января. В церковь, уже вполне отштукатуренную. Светло, прекрасно и величественно до загляденья. Примерная настилка в северо-западном углу хоров плитнякового пола. Дома молитва и чай. Итальянцы с предложением дальнейших работ в церкви; 26 января. Вопреки заповеди о хранении субботнего дня, мы целые 3 часа занимались настоящей черной работой, снимая намоченную бумагу черным порошком копии с древних надписей, хранящихся в нашем местном Музее. Набралось таковых числом 17. Да в Иерусалимском великом (!) музее есть еще 2 надписи Яффские. Всем же им венец и завершение великая финикийская запись жертвенная, для снятия копии с которой требуется особая подготовка с нашей стороны».

Наконец 28 января состоялась доставка на верблюде растаможенных иконных ящиков и на следующий день, не без волнения, произвели торжественное вскрытие ящиков. Отец Антонин не мог сдержать восторга.

* «6 декабря. В 7 часов условленный обед-ужин с членами экспедиции и никем из персонала палестинцев наших (т.е. служащих ИППО. — Н.Л.). За едой мало одушевления, а после нее умные беседы обо всем до 11 часов».

** «28 ноября. Перенос в музей мраморного торса Геркулеса (что ли), купленного, наконец, у еврейки за 40 франков, отысканного же будто бы в Кесарии».

«Нну! Недаром у артиста была неодолимая охота живописать. Это истинный мастер своего дела. Прелесть что за изображение! Милые лица архангелов и одноименных мученика с мученицей просто загляденье! Богородительница Анна только что не говорит. Но верх искусства и совершенства, это апостол Петр, воскрешающий св. Тавифу. Менее привлекает к себе Тайная Вечеря. Иуда совершенно черный искажает все дело. Слишком ограниченная пространством, освещение, исходящее как бы прямо от Спасителя, тоже не совсем удачно. Св. муч. Антонин, предназначенный, очевидно, для польщения моему самолюбию, тоже напрасно в своих детских руках держит огромный меч, отсекающий его прекрасную головку. Общее впечатление благоприятное. Прекрасная церковь моя украсится достойным ее образом».

16 марта из консульства поступило разом два отношения. «Одним из них требуется копия с фирмана султанского, позволяющего освятить (sic!) мне Яффскую церковь. О сем фирмане будто бы я много говорил консулу, в то время, верно, спавшему. Отыскивание в архиве Миссии каких-нибудь следов требуемого фирмана или другого какого акта, закрепляющего за нами законное право строить и потом, конечно, уже и освятить церковь в Яффе. Ничего не отыскивается, потому что ничего, конечно, и не было. Отыскивание в дневнике заметок о Патриаршем обеде на Новый год, когда Реуф-паша поздравил меня со скорым окончанием дела о Яффской церкви*. Оказалось, что сие происходило 1 января 1885 года. Также отыскалось, что закладка церкви произошла в июле 1888 года, именно же 25 числа в присутствии добрейшей и блаженной графини Ольги Евфимовны Путятиной, первоначальницы всего дела; 18 апреля. Пчаро-эфенди, пойманный, наконец, Якубом, обещался перерыть весь архив канцелярии губернатора и доставить нам несомненно существующий документ насчет султанского позволения на церковь св. Тавифы».

В храме продолжались работы по росписи купола. «4 июня. После чаю, постановка в куполе церкви изображения одного из пророков, имеющих занять 16 мест между окнами, и убеждение, что немедленно нужно наместить платформу там, во избежание крушения; 5 июня. С утра до вечера неустанная доставка камней кесарийских для будущей колокольни. Уборка земли перед церковью. В церкви подъем брусев и досток в купол для устройства подмостков благонадежных. Постановка в куполе центрального изображения Вседержителя, то есть Иисуса Христа в размерах, превышающих естественную величину.

* Дневник архимандрита Антонина: «28 февраля 1886. Г. Ону в своем письме обещает немедленное санкционирование дела о постройке Яффской церкви св[ятого] ап[остола] Петра и пр[аведной] Тавифы, 3 н[оября]. Его Бл[аженство] сообщил радостную весть, что султанский фирман на постройку Яффской церкви выдан, но с тем, что она будет находиться в ведении Палестинской Комиссии!!!»

20 июня митрополит Московский Леонтий (Лебединский) прислал письмо о том, что жертвует колокол в 60 пудов для церкви Яффской. «Добрейший человек, не забыл моего мимолетного слова о колоколе. Спасибо сердечное».

9 июля о. Антонин отправляет на почту представление в Св. Синод об освящении Яффской церкви.

3 августа, в пятый раз за 1892 год, архимандрит вновь в Яффе, «в сем раю сладостей несчетных и несказанных». «Вон колоколенка моя выросла выше своих плеч, и спешу осязать ее не одними глазами, а и руками. Якуб нашел, что пролеты колокольни сделаны непомерно широкими и не соответствуют высоте своей, а поправить дело уже нельзя. Действительно, башенка кажется немножко кургузой, но, может быть, верхний этаж скрасит здание. Утешился зрелищем архангелов в куполе церкви. Очень красиво и хорошо поставлены. Спасибо художнику, не академик, а мастерит безукоризненно хорошо. И Вседержитель тоже весьма пригляден и совершенно церковен; 8 августа. Пришла мысль в куполе между архангелами и пророками изобразить целый ряд ангелов, то есть головок детских с крылышками. Все-таки экономия на золото. Зато этаж колокольни оказалось необходимым подвысить на один ряд камней, что увеличит условленную стоимость работ золотых на пять».

17 сентября Антонин впервые прибывает на Яффский вокзал по только что открытой железной дороге. «Всего, значит, употреблено времени ровно 3 часа. Прелестно. Ослики уже ожидали путников, и к полудню мы, благомычные странники, уже блаженно-радостно сидели у себя дома. Осмотр работ в церкви. Иконостасик придельный (т.е. придел Святой Тавифы. — Н.Л.) готов. Позолота идет успешно. Этаж колокольни окончен. Успокоившись и отдохнувши, приступили к колокольному делу. 30-пудовик повесили под джюмезом, а остальные поблизости на брус. Последовала музыкальная проба всех их. Московский митрополичий подарок оказался совсем не подходящим к общей гамме».

3 ноября генеральный консул С.В. Арсеньев получил официальное синодальное приглашение на имя Патриарха Иерусалимского Герасима освятить нашу Яффскую церковь.

«22 ноября. Решаемся ехать в понедельник или во вторник старым путем в Яффу, и сегодня же начинаем собираться в дорогу; 23 ноября. Укладка вещей для Яффской церкви; 12 декабря (в Горней). Забираем у обители еще целый мешок лампад для Яффской церкви».

Запись от 28 декабря 1892 г.: «Работ — нигде никаких. О. художник поправляет Распятие большого иконостаса. Торчу и я там же. Занятие паникадами, чистка пола. С полудня начинается вставка икон в иконостас. Все уже перенесены из кладовой в церковь; 30 декабря 1892. Пересмотр и перепись священных облачений «Апостольского храма св. Тавифы» и

истребление на них восковых пятен, длившееся до полудня. Затем пребывание в церкви, украшающейся яко невеста. Уже и леса, торчавшие перед иконостасом, убраны. Просто, загляденье!»

В новый 1893 год приют Святой Тавифы и его создатель вступают полнотой готовыми к освящению храма.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Освящение храма св. ап. Петра и прав. Тавифы в Яффе
(Дневник архимандрита Антонина 2-19 января 1893 г.)

2 января. 8 часов. Отличная погода. Молитва. К о. Алексею, существу в церкви¹. Туда же и я. Лампадки паки и паки. Крест, временно водруженный вверх большого иконостаса. Чай. Чтение недолгое и снова водворение в церкви до обеда, и даже после оногo.

3 января. Прощальный визит церкви и таковые же в ней распоряжения и приказы мастерам, чтобы храм был совсем готов через неделю, и много через 10 дней. Еще раз примеривание тех да других облачений.

4 января, Иерусалим. В 9 часов сажусь на ослика и строчу в город на свидание с Патриархом. Беседа с Его Блаженством² о деле нашем. Вопрос о праведной Тавифе, причтена ли она Церковью к лику святых или нет. ... Г-жа Богданова³, отыскившая в святцах св. Тавифу под 25 октября месяца. Я еще ранее нашел ее в Acta Sanctorum.

5 число. Патриарший диакон с вестью, что св. Тавифа отыскалась и в греческой Минее под 25 октября.

9 января. Печка, дополняющая собою баню. Идея отдельных тропаря и кондака для нашей церкви в Яффе. А каноническое право на то? Разве прикрыть их авторитетом патриаршего благословения?

11 января. Окончательные сборы, неоднократный перечень всего, что нужно было взять с собой, и все-таки остался забытым наперсный крест. Оставалось фигурировать в Яффе без всяких регалий. В портмоне до 60-ти полуимпералов, да особо две радужки. Ровно в 6 часов прибыла коляска. Свита моя вышла 8 душ, опричь драгомана с семейством. Своевременно прибыли к вокзалу, сдали багаж и заняли место в вагоне, битком набитом. Поклонников было человек 40. Прицепили для них особенный вагон. В 11 часов достигли конечного пункта <Яффы>. Ослы уже ожидали нас, которые и не замедлили донести нас до нашей вселюбезной Московии. Там прежде всего встреча с сердитым о. Алексеем, потом с недоконченной площадью перед фасадом церкви и с полною стружек и всякого сора церковью. Чай и перенос привезенных вещей в церковь, в коей и пребывание до 5 часов.

12 января. Спать холодно, не так, как было недели за две перед сим. Но что же делать. На то зима. В виде лекарства моцион. В церкви же есть, куда и зачем двигаться. Столярные работы во всем ходу. Стук и треск неумолкаемые. Вставка каменного рукомоиника в указанное ему место, чем и восполнился единственный остававшийся еще строительный недостаток в храме.

13 января. Еще утром сияло солнце на малое время, а потом поднялся ветер, поднявший, в свою очередь, море, и началась кутерьма светопреставления. Деревья ложмя ложились под напором урагана... По церкви ходил неперестающий гул и свист, не заглушаемый даже непрерывным стуком столярных молотков рабочих. А какая-нибудь Машутка полуаршинная спокойно, не обращая внимания ни на что, подметает всю церковь, а севовласый о. Алексей восседает на вершине громадной лестницы и вбивает в иконостас кронштейны, забывая небо и землю!

14 января. Молниеносные тучи пробежали по небу до самого утра, с которым водворился временный покой в природе. Против чаяния, в церкви все обстояло благополучно, исключая водных потоков на всех почти окнах, обращенных на юг и запад. <...> Патриарх благополучно прибыл с многочисленной свитой и уже находится в монастыре, предаваясь отдыху и собираясь к нам завтра. Немедленно отправил драгомана приветствовать его, а сам поспешил в церковь догонять всякую работу к концу ее. Приказано генеральное мытье церковного пола, и затем постановка всякого предмета на свое место, в том числе и Патриаршего кресла у первого столба правой стороны. Работы эти длились до потемок. Тем временем пожаловал к нам и владыка Петры Аравийской⁴, поместившийся рядом с моею келлией, отделяемый от нее только стенкою. Он сообщил, что всю ночь там на горах шел снег, который и лежал в горах до самого спуска в Саронскую равнину.

Пятница, 15 января. Предпразднество. Не до сна очима и веждама не до дремания. Да и луна, светя большую часть ночи в окошко, мешает спать, напоминая свет дня. В церкви с раннего утра. Продолжение мытья, и приготовление лампадок, а кругом церкви изравнение площади и очистка сей от всякого сора. Не до чаю. В 9 часов на ослика, и в город на свидание с Его Блаженством Кир Герасимом. Нашел его окруженного людем многим. Последовало окончательное соглашение насчет всего нынешнего и завтрашнего богослужения, а с игументом — насчет разных больших и малейших расходов, падающих исключительно на мой карман. Не нашедши подводы у ворот монастыря, шел пешком по городской грязи. Уже при выходе из города встретил Якуба⁵, который и передал мне своего осла. Уже близился час прибытия поезда. Кстати было проехать прямо к вокзалу, где уже находился г. Тимофеев⁶, известивший меня, что заместо консула прибудет только секретарь его. Еще нам глаголющим, послышался рев близящегося локомотива, и нам осталось только принять в свои объятия дорогих гостей,

имже несть числа. Вся наша Миссия (опричь о. Вениамина⁷) была в полном составе. Горнянок набралось тоже штук 8 или и более. Начальство представляли собой г.г. Беляев⁸ и Михайлов⁹. Наняты были четыре экипажа для доставления прибывших к нам на место, но оказались почему-то только два; пришлось потому многим идти пешком. Я возвратился по-прежнему на осле, приласканный дорогою и от дождя. Дома большой чай гостя в их комнате и малый нам в нашей столовой, в коем участвовали регент и м. Павла, подарившая нам при сем случае сверток парчи. Затем перенос в церковь сундуков патриарших и всякое в ней приуготовление до урочных 2-х часов. Звон к вечерне, и прием Его Блаженства у парадных ворот. Минутный отдых в гостиной, и торжественное ко храму. Внутри его лития уставная над святыми мощами, положенными на дискос, поставленный на жертвенник. Затем следовала великая вечерня вполне по святогробскому чину, с артоκласией и пр. В сумерках Его Блаженство со свитою на 7-ми колясках отправился, а мы, пообедавши большим столом, правили утрению, насколько можно торжественно, с величанием св. апостолу Петру, причем неоднократно слышались следующие тропарь и кондак.

Тропарь, глас 4: Апостолом первопрестольнице, веры незыблемое основание, Петре богомудре, не престай моляся ко Христу Богу, да исчезнут лесь и заблуждения о имени твоём, и хвалящиеся им да памятуя слово смирения твоего: яко муж грешен есмь, и да разумеют силу заповеди Господней, что в тебе: Паси овцы Моя.

Кондак, глас 3: Божественными видениями в дверь языков вшедый, и Корнилия от язычества в познание истины приведый, провидел еси издали наше ко Христу Богу обращение, апостоле блаженне. Темже, якоже Тавифу боголюбицу от мертвых воскресил еси, сие и нас во обновлении жизни ходити научи — новое боголюбивое всероссийское жительство.

Суббота, 16 января 1893 г. Не по-праздничному морочно и сыро на земле. Того требует, по преданию края, св. Антоний, которого день неизбежно сопровождается бурями. Значит, так тому и быть. Чуть свет, вся колония на ногах. В 6 часов звон наш убогий к началу службы, а именно к водосвятию, которое совершил о. Парфений¹⁰. Ровно в 7 часов прибыл и Патриарх, которого в храме встретили пением вышеписанного тропаря. Последовало облачение священнодействующих. За ним вложение святых мощей в престольный столб, залитых предварительно сваренною в ризнице мастикою. Затем одевание в фартуки и мытье престола, наклеение — тою же мастикою — на углах его печатанных на холсте Евангелистов и облачение его в срачицу, а затем и во все прочее украшение...

Забыл сказать, что предварительно престол помазан был святым миром, вытертым запасными антиминами. Вся ту же процедуру совершил в предельном алтаре над престолом владыка Иорданский. Но ранее всех сих, существенных в освящении храма действий, разумеется, было троекратное

(отчасти под накрапывавшим дождем) обхождение его со святыми мощами и троекратное же чтение Евангелия самим Патриархом перед входными вратами его, запертыми, по Уставу. Переговор освятителя через оные с архимандритом, стоявшим за ними внутри церкви, прошел совершенно незаметным. Пение указанным псалмов было и греческое, и славянское, как пришлось. Кончилось священнодействие миропомазанием столбов и частью арок храма, которое производил тоже сам неутомимый Патриарх. Венец же всего был провозглашение им фатальных слов: *ἰωνία μνήμη τῶν εὐσεβῶν κτητόρων**. Отпели наше убожество еще при жизни! В смысле же «покойном» таковыми вечно поминаемыми суть пока Ольга с ее родителями Евфимием и Мариєю¹¹, Никифор и Георгий. В одну со мною категорию входят всечестные имена Сергия и Марии¹² и рабы Божией Анны. Вот и все, что приурочивается в сем храме, по сей момент для вечной памяти! Пусть еще присоединится и имя Иакова¹³, моего во всех делах усердного помощника!

Во все время освящения большой алтарь был битком набит народом, кроме нашего чиновства, присутствовал тут же и отщепенец барон¹⁴ наш с его супругою, которой, впрочем, указали двери после того, как престол был миропомазан. Часа два, полагаю, продолжалось все священнодействие. За ним следовала Божественная литургия на главном апостольском престоле. Народа был полнехонек обширный храм. И хоры кишели женщинами и детьми. Шум и гам неопиcуемый. Соединенный хор певчих Миссии и Горней пел, а точнее кричал, чтоб заглушить гул арабских голосов на хорах. Такого церковного торжества, вероятно, не видала еще православная Яффа.

Кончилось все около полудня. Патриарх со свитой зашли в дом и остались тут на обед — все, участвовавшие в богослужении. Составилось три стола в нижнем этаже дома. «Первый», наш, задавал тон всему трапезному собранию. Как водится, следовал в конце обеда ряд тостов — за царя (Беляева), за Патриарха (мой), за меня (патриарший), за пособников в деле — великих князей¹⁵ и Палестинского Общества (мой) и пр., и пр. Патриарх не пропустил случая провозгласить здоровье султана, а я — в конце всех здравий — за свою Миссию, напрасно ждав, что кто-нибудь, помимо меня, принадлежащего ей, вспомнит о существовании ее. После стола еще малое сидение вверху, и затем провожание Его Блаженства и его свиты, исключая старейшего из святогробцев, остающегося нашим по-прежнему гостем¹⁶. Между службой и трапезой, по моему настоянию и на мой счет, отправлена патриаршая телеграмма к митрополиту С.-Петербургскому Палладию¹⁷ о совершившемся освящении русской церкви святого апостола Петра и святой Тавифы в Яффе, с пожеланием Царствующему Дому и Святейшему Синоду всего, что обыкновенно принято желать. Не исполнилось

* Греч. 'вечная память благочестивому ктитору'.

мое предположение о возвращении с нынешним поездом железнодорожным братства Миссии и горненских припевалок. Обед кончился, когда поезд был уже на полпути в Иерусалим. Там как-нибудь обойдутся без них и сегодня на всеношной, и завтра на обедне. Народ скоро разошелся по домам. Но в доме продолжалось до самой ночи, и далее хаотическое состояние.

В 5 часов авва Парфений позвал своим звоном на всеношное бдение, которого глубокая тишина, так разительно контрастировавшая с утренним кавардаком, вызывала из глубин души непередаемое умиление. Еще моя идея осуществилась вполне, уже третья в Святой Земле! Слава, слава, слава Богу! Остаются еще в том же роде помыслы для Хеврона и Тивериады. Да поможет Господь и их привести в исполнение.

Финал дня не очень розовый. Надобно было встретиться и с жалобами огорченного самолюбия, и даже род манифестации. Но это уже мимолетная тень.

Воскресение, 17 января. SEPTUAGINTA, а по-нашему, Постная Триодь. Добро пожаловать! Можно и попоститься после такой Масленицы! 6 часов. Правило, разбавляемое остатком впечатления от сонного видения. Кто-то, совершенно как бы безличный, дает мне в руки пакет или что-то завернутое в бумагу ладонных размеров. Я спрашиваю: от кого это? От себя, - отвечают мне холодно и как бы повелительно. Уж не апостол ли, в которого честь и память воздвигнута соименная ему церковь, дал мне себя знать?

В 8 часов служение в приделе с совокупным пением хоров, но без регента, еще вчера, сейчас же после обедни отбывшего в город и пропавшего. Ну, не рожа — человек? Чай с гостями. Внизу большой стол для отъезжающих. Провожание их, и затем спешный отъезд в город по патриаршему указу — ровно εις τό μεσημέρι* быть у него на обеде. Застал там и наше чиновство, тоже приглашенное к патриаршей трапезе, которая сефчас и последовала. И на ней проливалось шампанское, и произносились тосты, первый из них за мое здоровье, так как я был причиной, что у хозяина собрались представители консульства, агентства и Православного Палестинского Общества. На прощанье я раздавал крестики и медальоны для патриаршей свиты, и кроме их пакетик с двумя экземплярами de l'arc du ciel**. Возвращение домой с условием завтра в 3 часа быть у барона.

Дома недужная, сокрушившая меня своим положением. Заснул над № Zeitschrift'ом Палестинского Союза. В 5 часов всеношная. Служил о. Памво¹⁸. Пели мы с о. Виссарионом¹⁹ и Алексеем. В 7 часов дома чай, чтение, визит соседа. Скорбное расположение духа. 10 часов. На дворе холодно.

Понедельник 18 января. Ясное небо, но холод невероятный. 2° всего на все. Это и для Иерусалима годилось бы. В 7 часов обедня в большой церкви с нашим пением. Некие из окрестных православных принесли в дар ей 3 арабских

служебника новой печати. Дома чай общий. В церкви разбор имущества церковного и опись его. Толстый Якуб из монастыря с прощальным поклоном от Патриарха, отъезжающего сегодня же в Иерусалим, где неотложно требуется его присутствие. А как же состоится наш предположенный визит барону? — сказал я, - которого я уже предупредил о том. Действительно, я послал Якуба в город частью для сего именно, и частью для уплаты Патриархии все ее расходы путевые вперед и обратно на всех 15 человек патриаршей свиты... Наш владыка <Никифор>, услышав об отъезде Патриарха, отправился немедленно провожать его. Сидение на террасе в тепле под лучами солнца, и даже защищаясь от них зонтиком в то время, как шла подшивка краин моего подрясника, крепко отрепавшегося. На! И еще раз Якуб оный с извинением Патриарха, что должен был нарушить свое вчерашнее слово. Обед без деспота. То же занятие в церкви. Всеношная, и за нею привычный дремотный вечер.

Вторник 19 числа. Утром по-вчерашнему холодно. 7 часов. Обедня. Служащий о. Памво едва держится на ногах, и даже на несколько минут выходил во всем облачении из церкви, мучимый тошнотой. Чай общий внизу. Строчение А. Ивановым статейки для «Церковных Ведомостей» о русском празднестве в Яффе. Парохода, на которой она намеревалась лететь, нет и не обещается быть. Чтоб не быть праздными, мы с Николой²⁰ начали посадку деревьев на площадке перед фасадом церковным. А был уже полдень — адмиральский час, и прогуливавшийся поблизости владыка Аравийский, верный своему «месим ри», угрюмо посматривал на работы наши, напомнил мне один анекдот о Марфе и Марии (не из Евангелия), посматривал и на часы, и на солнце, и оплакивая, конечно, тупость нашу, ушел, опечаленный, в свою келью. В наказание мне, видно, я раз запнулся с деревом за камень и упал прямо лицом на землю. От боли думал, что вышиб себе и остальные все зубы, но беда ограничилась потоком крови из десен. С поездом прибыл и наш псаломщик²¹ из Иерусалима, сообщивший нам печальное известие, что московский владыка²², служа в праздник Рождества Христова, упал замертво, был вынесен из церкви, и когда пришел в чувство, то оказался слепым! Господи! Что это такое? В 2 часа обед с ухой из аршинной рыбы. Якуб пропал куда-то вместе и со своими «крестинами», очевидно, отложенными до завтра. Г. Михайлов, все еще процветающий среди садов яффских. Всеношная в приделе. За болезнью о. Памво, служу я. Вечер в чтении. Бедняк Шукри едва ли переживет нынешнюю ночь. У него и над ним все родство.

9 часов. Пора рассказать ни на что не похожий сон. В какой-то комнате среди общества расхаживает коза, видимо, интересующая всех. Оказывается, что это женщина. И вдруг вместо козы вижу действительно даму молодую с приятным лицом в шляпке. От удивления просыпаюсь. Сцена вторая. Какая-то дама усиленно хлопочет сделать меня доктором медицины. Я почему-то не противлюсь сему. Подходит к какому-то секретарю, что ли, и представляет ему меня. Тот немедля всовывает ей в руки бумагу, которую

* Г р е ч . 'в полдень'.

** Ф р . 'радужные', здесь — денежные купюры.

она передает мне. Это диплом докторский. Кто и что она, неведомо мне, однако же я, не стесняясь, говорю ей: ты. Она ли, или другой кто на вопрос мой, кто такая та личность, что является то животным, то человеком, сказала: это *M-lle Caps...* Чудеса в решете. Идя давече, вместе с владыкою от обедни, я слушал, как он, повторяя рассказ книги Деяний Апостольских о воскрешении апостолом Петром Тавифы, с особенным напряжением голоса произнес: *Ταβιθά - Δορκας!* т.е. Серна. Точно кто меня ударил по голове при этом. Полузабытый сон мой вдруг осмыслился для меня, да так, что мне захотелось или расхохотаться, или умиленно перекреститься. Очевидно, что эта каверзная ирония на апостольский случай. Имя и лицо св. Тавифы представлены, как говорится, в лицах. Если бы я был живописец, сейчас бы постарался изобразить скромное и милое лицо (в профиле) девицы: Капс. В беседе на ты, помнится, чуялась мне как бы наша графиня.

¹ Алексей (Осколков Александр Захарович; 1834-1919?), игумен — паломник, миссионер, художник. Родился в дворянской семье в С.-Петербургской губернии. Окончив Второй кадетский корпус (1853), произведен в офицеры артиллерии. Участник Крымской войны, затем служил в Главном артиллерийском управлении. Выйдя в отставку, занимался железнодорожными подрядами. Неожиданно для близких ликвидирует дела и уезжает в Америку (1873). После долгих странствий поступил послушником в Русский Пантелеимоновский монастырь на Афоне. Пострижен в рясофор игуменом Макарием (1889). В 1892 г. приглашен архимандритом Антонином в Иерусалим. Десять месяцев занимался росписью церкви Петра и Тавифы в Яффе. В 1893 г., по инициативе его двоюродного брата, генерала от инфантерии С.М. Духовского, Приамурского генерал-губернатора, отправляется на Дальний Восток с целью монастырского просвещения края. Основатель Троицкого Николаевского монастыря (1895). Столкнувшись с трудностями в устройстве монашеской жизни, просил об увольнении обратно на Афон, куда и выбыл в январе 1897 г. Умер на Святой Горе, схиигуменом, как считают, от эпидемии испанки.

² Герасим (Протопапа) — Патриарх Антиохийский (1885-1891), а затем Патриарх Иерусалимский (1891-1897).

³ Богданова Александра Дмитриевна (в монашестве Митрофания; 1820-1897) — паломница и благотворительница из Пензы. Происходила из известного рода Мосоловых, рано, в 1843 году, овдовела и в память о своем супруге построила в с. Щепотьево каменный храм Живоначальной Троицы (освящен в 1852 г.). С 1869 г. появляется в Иерусалиме, живет в греческом Архангельском монастыре в Старом городе. С 1873 г. имела собственный дом с садом и участком в Иерихоне — достаточно вместительный и комфортабельный для того, чтобы в нем останавливался гостить Патриарх Иерусалимский. Совместно с М.М. Киселевой финансировала строительство греческого храма св. пророка Елисея в Иерихоне (освящен в 1886 г.). В 1881-1883 гг. участвует в создании концепции Горненского монастыря. Умерла и похоронена в Иерусалиме.

⁴ Никифор — митрополит Севастийский, позже Петро-Аравийский. Епитроп патриаршего престола. Друг и помощник архимандрита Антонина. Жил в Горнем, в доме своей герондиссы, монахини Марии (Гладкой). Освятил храм в Горнем (30 марта 1883 г.).

⁵ Халеби Яков (Якуб) Егорович (1846-1901) — драгоман Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, верный друг и соратник архимандрита Антонина. Араб, православный, происхождения из Алеппо (о чем и говорит фамилия). Жил три года в Петербурге, обучаясь русскому языку и ремеслу ювелира (1860-1863). Поступил на русскую службу 1 января 1864 года в качестве помощника драгомана РДМ. В 1870 награжден золотой медалью на Аннинской ленте для ношения на шее «за преданность России и содействие Миссии в приобретении священного Дуба Мамврийского и других важных и ценных мест в Палестине» (АРДМ. П. 54. Д. 1047 1 л.). В мае 1873 г. утвержден Портой в звании драгомана. Член-сотрудник ППО с 1884 г. В 1888 г. за активное участие в строительстве церкви Марии Магдалины награжден орденом Станислава 3-й степени. По кончине архимандрита Антонина (1894) явился в иерусалимское генеральное консульство с декларацией о приобретенных ими в разные годы недвижимостях, в том числе не оформленных документально.

⁶ Тимофеев Владимир Николаевич (†1894) — вице-консул в Яффе (1885-1894). 5 мая 1885 г. архимандрит Антонин записывает в дневнике: «Из Яффы слух, идущий из Александрии, что консулом назначен г. Максимов, а на место Марабути будто бы решительно определен Обществом пароходства Тимофеев, т.е. Владимир Николаевич, или Володя старой памяти» (Антонин знал его еще по Константинополю). Умер в Яффе, похоронен за алтарем церкви во имя св. ап. Петра и праведной Тавифы.

⁷ Вениамин (Лукьянов Василий Иванович; 1815-1897), игумен — одна из легенд Русского Иерусалима. Как сказано в послужном списке, «обер-офицерский сын из г. Кишинева. Служил писцом в Гражданской опеке г. Бильц с 1835 по 1840 год. Женат не был». Пострижен в монашество в ските св. пророка Илии на Афоне (1841), рукоположен в иеромонаха (1842). Приехал в Иерусалим и поселился, по благословению Патриарха Кирилла II, в одном из греческих монастырей (1846). В мае 1854 г., в связи с началом Крымской войны, отбыл в Россию. Назначен духовником Крестовоздвиженской Общины сестер милосердия в Севастополе (1854). За участие в боевых действиях награжден серебряной медалью на Георгиевской ленте, а также орденом святой Анны 3-й степени. Присутствовал на коронации императора Александра II и был представлен царской чете (1856). Вновь отправился «на бессрочное пребывание» в Святую Землю (1857). К 25-летию иерусалимского служения, по представлению архимандрита Антонина, был зачислен в штат РДМ (1871). На собственные и собранные средства приобрел в Иерусалиме дом и устроил, как мечтал еще в Севастополе, «женский приют для трех вероисповеданий: православных, католиков и протестантов». В 1891 г. желание обеспечить будущее своему учреждению подвигло старца (ему было уже 75 лет) передать права собственности ИППО, с сохранением за собой пожизненного управления и с гарантией жилищных прав ранее принятых насельниц. В благодарность за щедрый дар (его оценивали в 25 тыс. руб.) основатель подворья был избран в почетные члены Общества и сопричислен к ордену св. Владимира 3-й степени (1891). Награжден саном игумена (1893).

- ⁸ Беляев Алексей Петрович (1856-1906) — дипломат и востоковед, секретарь ИППО (1903-1906). Учился в Лазаревском институте восточных языков в Москве. На службе в Азиатском департаменте МИД (с 1882), студент в Константинопольском посольстве (1884), секретарь консульства в Иерусалиме (1886), консул в Дамаске (1893). Активно способствовал избранию на Антиохийский престол первого патриарха-араба Мелетия (Думани) (1899). В 1903 г. занял пост секретаря ИППО вместо почившего В.Н. Хитрово.
- ⁹ Михайлов Николай Григорьевич — уполномоченный ИППО в Иерусалиме, управляющий подворьями ИППО в Святой Земле (1889-1910).
- ¹⁰ Парфений (Нарциссов Пармен Тимофеевич; 1831-1909) — иеромонах, с 1906 г. игумен. Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. (брат милосердия при Рязанском обществе Красного Креста), член РДМ в Иерусалиме с 3 июля 1881 г., член ИППО с 1886 г. Ближайший помощник Антонина по освоению Елеонского участка. Убит злоумышленниками в своем доме в Русском Елеонском монастыре в ночь на 15 января 1909 г. Похоронен возле Вознесенского собора, близ алтарной абсиды, «у ног отца Антонина», как он сам завещал. Сохранился дом игумена Парфения, в котором ныне находится монастырская библиотека.
- ¹¹ Имеются в виду граф Путятин Евфимий Васильевич и его дочь Ольга Евфимьевна. Путятин Е.В. (1804-1883), граф, генерал-адъютант, адмирал. На Пасху 1879 г. в сопровождении своего семейства побывал с паломничеством в Святой Земле. Член-учредитель Императорского Православного Палестинского Общества (1882). Путятин О.Е. (1848–1890), графиня, член-учредитель ППО (1882), почетный член ИППО.
- ¹² Имеются в виду граф Сергей Владимирович Орлов-Давыдов и его сестра графиня Мария Владимировна Орлова-Давыдова — жертвователи на Яффскую церковь. М.В. Орлова-Давыдова (в монашестве Магдалина; 1840-1931), графиня — член-учредитель ППО (1882). Фрейлина императрицы Марии Федоровны, щедрая благотворительница. Совершила паломничество в Святую Землю на Пасху 1889 г. На ее средства и по ее поручению архимандрит Антонин (Капустин) приобрел в 1890 г. участок Эль-Атн в Вифлееме, переданный графиней после смерти Антонина Палестинскому Обществу (1896) и записанный в 1898 г. на имя великого князя Сергея Александровича. В 1997 г. участок Я. Арафатом возвращен России. В настоящее время здесь построена патриаршая гостиница.
- ¹³ Имеется в виду упомянутый выше драгоман РДМ, постоянный помощник архимандрита Антонина Якуб (Яков Егорович) Халеби.
- ¹⁴ Барон Платон Григорьевич Устинов, живший в Яффе, археолог-любитель, коллекционер.
- ¹⁵ Имеются в виду Председатель ИППО вел. кн. Сергей Александрович, его супруга вел. кн. Елизавета Федоровна и брат вел. кн. Павел Александрович. В их присутствии 5 октября 1888 г. состоялась торжественная закладка храма.
- ¹⁶ Имеется в виду митрополит Петро-Аравийский Никифор.
- ¹⁷ Палладий (Раев Павел Иванович; 1827-1898) — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, первенствующий член Святейшего Синода. Почетный член ИППО.
- ¹⁸ Памва (1830-1893), иеросхимонах — состоял при Русской Духовной Миссии. Жил в здании РДМ, потом в собственном доме на Елеоне. 10 апреля 1892 г. архимандрит Антонин пред-

- ставил в Св. Синод ходатайство о назначении иеромонаха Памвы приходским священником в Спасо-Вознесенскую церковь на Елеоне, но ответ из Петербурга, к тому же с условием получить предварительное благословение от Патриарха Иерусалимского Герасима, пришел лишь в августе 1893 г., после смерти о. Памвы, скончавшегося в Русской больнице от крупозного воспаления легких. Похоронен на кладбище Елеонского монастыря.
- ¹⁹ Виссарион (Картамышев Василий Павлович; 1823 - не позднее 1897) — иеродиакон, член Русской Духовной Миссии. Родом из Старого Оскола, Курской губернии, из купеческой семьи. Окончил три класса Старооскольского уездного училища. 5 января 1851 г. отправился из России на поклонение святым местам Востока. Остался на Афоне в Русском Пантелеимоновском монастыре, где и проходил послушания до 1856. Пострижен в монашество (1853). В 1856 переехал в Афины и был приглашен настоятелем русской посольской церкви архимандритом Антонином (Капустиным) петь в церковном хоре. Указом Св. Синода определен штатным певчим (1857-1869). Признан Св. Синодом в монашеском звании, принятом за границей (1869). Назначен на иеродиаконскую вакансию к церкви Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1870). 18 октября того же года, по ходатайству Св. Синода, рукоположен в иеродиакона Патриархом Иерусалимским Кириллом в храме Гроба Господня.
 - ²⁰ Халеби Николай (Никола) Егорович — почтальон РДМ, брат Якуба Халеби. С 1889 г. на службе в ИППО. Его сын Георгий (Егор) Николаевич (1864-1945), окончивший Киевскую Духовную Академию (1892), стал драгоманом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме после кончины Я.Е. Халеби (1901). Похоронен на Русском кладбище при церкви св. Марии Магдалины в Гефсимании. Дочь, Александра Николаевна, педагог, была заведующей школой ИППО в Амьене (Ливан).
 - ²¹ Попов Александр Петрович (1858–1912), протоиерей — историк-палестинист и публицист. Окончил С.-Петербургскую Духовную Академию (1885) и был назначен в Афины, псаломщиком русской посольской церкви св. Никодима. В 1886 в первый раз приехал в Святую Землю. Регент хора Русской Духовной Миссии (1887-1893). В те же годы вел рубрику «Из Иерусалима» в журнале «Церковный Вестник». Печатался также в «Сообщениях ИППО». Позже друг и душеприказчик св. прав. Иоанна Кронштадтского, настоятель Кронштадтского собора.
 - ²² Леонтий (Лебединский Иван Алексеевич; 1822–1893) — митрополит Московский и Коломенский в 1891–1893 гг.. Духовный писатель. Почетный член Императорского Православного Палестинского Общества (с 1882 г.).

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-ИЕРУСАЛИМСКИХ
СВЯЗЕЙ

Храмостроительница и благотворительница. К 220-летию со дня рождения Марии Михайловны Киселёвой

Р. Б. Бутова

В историю Императорского Православного Палестинского Общества Мария Михайловна Киселева (09.06.1798 — 06.12.1887) вошла как выдающаяся благотворительница. Россия, Святая Земля и Святая Гора, остров Крит, Балканы и Месопотамия — такова география добрых дел М.М. Киселевой.

Уроженка Саратова происходила из древнего княжеского рода Чегодаевых и была первой из девяти детей в семье губернского предводителя дворянства князя М.Н. Чегодаева. Юность Марии Михайловны была посвящена заботе о младших сестрах и братьях и она довольно поздно, по меркам того времени, в 30 лет, вышла замуж за Александра Григорьевича Киселева (1781–1847)¹. Ее избранник имел прекрасное образование и внушительный военный и государственный опыт. Но особое стремление выказывал Киселев к попечению о нуждающихся, будь то Казанский университет, Пензенская и Саратовская гимназии, Спасское уездное училище, Пензенская публичная библиотека, Благородный пансион при Пензенской гимназии, пензенский Александринский детский приют, или простые крестьяне в годы голода и неурожаев. Именно деятельность супруга оказала огромное влияние на Марию Михайловну, и после его кончины она, значительно приумножив их и без того большое состояние, полностью отдалась делам храмоздательства и милосердия, став одной из самых выдающихся русских благотворительниц второй половины XIX века.

Искренняя и деятельная вера и благочестие Киселевой естественным образом привели ее в Иерусалим, «пуп земли» и центр духовных координат, каким был и остается святой град для всего христианского человечества. Веками русские люди черпали полной мерой благодатные впечатления святых мест. «С востока Свет», это известное латинское выражение применимо для отечественной философии, литературы, художественных традиций, библеизмами было глубоко проникнуто народное сознание.

В ответ — щедрой рукой наши соотечественники помогали древним Патриархатам Востока, прежде всего, Иерусалимскому. Летописи полны сведений о почти ежегодных «хождениях» патриархов, митрополитов и архимандритов из Иерусалима, с Синая в Москву «за милостыней»².

В XIX веке, когда в Иерусалиме уже была основана Русская Духовная Миссия, консульство, а затем и Императорское Православное Палестинское Общество, огромную роль в созидании Русской Палестины и укреплении русского духовного, политического и культурного влияния, играла благотворительность русских женщин. Это был особый разряд русских паломниц, «почтенных и богатых, пользующихся всеобщим уважением. Такие богомолки остаются еще долго после Пасхи, а иногда живут здесь по несколько лет. Им, конечно, не хочется потерять почетное положение и ехать в Россию. Время своего жития в Божьем городе они проводят в молитвах и разных благотворениях»³. Как писал начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин): «Что-то неудержимо влекущее имеет Святая Земля в себе для наших бывалиц — до того, что некоторые решаются и совсем оставить Родину, поселившись навсегда в Иерусалиме»⁴.

Удивительно, но в течение почти 30-ти лет XIX века самыми тесными узами Святая Земля была связана с глубинкой России, ее губернским городом Пензой, и связь эта осуществлялась через Марию Михайловну Киселеву, ее племянницу Александру Степановну Радищеву (1824–1922) и Александру Дмитриевну Богданову (в монашестве Митрофанию, 1820–1897).

Несмотря на то, что Мария Михайловна никогда не была в Палестине и скончалась в Пензе, ее можно смело отнести к высшему слою представительниц русского общества, «бывалиц», оказывавших помощь и поддержку Святой Земле, поставив в один ряд с императрицей Марией Александровной, преподобномученицей великой княгиней Елисаветой Феодоровной, графиней Ольгой Евфимьевной Путятиной, графиней Марией Владимировной Орловой-Давыдовой, фрейлиной императрицы Марии Федоровны, баронессой Аделаидой Александровной Фитингоф.

Главным источником для восстановления сложной и интересной истории так называемого «пензенского влияния» служит дневник архимандрита Антонина. Начальник Миссии через 6 лет после своего назначения в Иерусалим, 8 января 1871 года впервые, пока безымянно, упоминает о М.М. Киселевой: «Писал письма в Питер и Пензу. Из последней жертвуют на бедных Сирии и Палестины 25 т.р. с ежегодным пользованием 4% сего капитала. Спасибо добрым людям». Но уже через несколько месяцев М.М. Киселева называется в дневнике *боголюбивой* и *боголюбивцей*: «12 апреля. По правде сказать, действительно этот день был полон радости. ... г-жа Киселева дает знать, что она кладет в банк 50 000 рублей с тем, чтобы проценты (2000) с них шли в руки начальника Миссии и им

распределялись бедным Палестины и Сирии. Слава Богу! После обеда ходил в город и послал телеграмму благодарственную госпоже боголюбивой». И — «13 июня. Написал письмо молебное и пензенской боголюбивце».

Еще через четыре года, в 1875 г. в одной из своих статей Иерусалимского цикла, подводя первый 10-летний итог своего возглавления РДМ, о. Антонин писал: «Мы находим себя обязанными упомянуть о ежегодно поступающих в ведение и распоряжение наше суммах, частью сборных, какова так называемая» «благотворительная» сумма, идущая от неистощимых щедрот Августейшей Монархини⁵, частью процентных с капиталов, завещанных боголюбивыми душами во благо Св<ятой> Земли. Последние возымели свое начало также в десятилетний период стояния нашего во главе Миссии. Их — 4 (существенных по сумме и регулярности — на всю Россию всего 4! — Р.Б.). Первая — с капитала 25 000 рублей, пожертвованного ст. советницей *Марией Михайловной Киселевой*, вторая — с капитала 10 000 рублей, завещанного в Бозе почившим поручиком *Е. Беспаловым*, третья — с капитала в 5000 р., завещанного купеческой вдовой *Н. Быковой*, и четвертая — с капитала тоже 5000 р., собранного *графом Адлербергом*, каждая из них имеет свое особое назначение, не имеющее никакого отношения к материальным пользам или нуждам Миссии» (курсив о. Антонина)⁶.

Эти деньги Марии Михайловны предназначались исключительно для раздачи бедным. Каким образом это проходило также можем прочесть в одной из корреспонденций архимандрита Антонина:

«Другого рода нищенская картина — и тоже около нас, русских — раздается по воскресным дням при публичной раздаче* милостыни** городским бедным со стороны нашей Духовной Миссии. Сказанная площадка в эти дни кишит движущимися или рядом сидящими фигурами, закутанными в длинные белые покрывала, скрывающие собою убожество, более почетное и приглядное, которому общественное положение не позволяет протягивать руку на дороге.

По сделанной раз из любопытства переписи получающих воскресное от нас пособие, оказалось на стороне православных 182 души, мусульман — 81, франков — 25, копто-абиссинцев — 17, не считая уличных мальчишек, принадлежащих всем вероисповеданиям. Прежде, когда получавших было несравненно менее, выдавалось им каждый раз от одного до полутора пиастров⁷ каждому. Теперь же выдача сокращена на один пиастр и даже на

* Другая частная раздача в несколько больших размерах производится в то же время в коридорах дома Миссии. Она с большими или меньшими исключениями продолжается и через всю неделю. — Примеч. о. Антонина

** Главным фондом для нее служит 4% доход с капитала в 25.000 рублей, пожертвованного на этот именно предмет известной благотворительницей Марией Михайловной Киселевой. — Примеч. о. Антонина

полпиастра. При новых же распорядах турецкого правительства относительно разменной монеты и при совершенном обесценении меди, пришлось производить милостынную выдачу каждое третье воскресенье, чтобы собралось количество пиастров, представляемое каким-нибудь видом ходячей монеты, преимущественно же нашими двадцатикопеечниками, уравненными в настоящее время по ценности с бешлыками⁸»⁹.

К бесплатной раздаче средств иерусалимцы быстро привыкли, а, между тем, деньги из России вдруг перестали поступать. Это были обычные бюрократические проволочки. Сердясь на неаккуратную высылку процентов, хозяйственная Мария Михайловна пригрозила Азиатскому департаменту МИД, что заберет обратно вложенные в банк средства¹⁰. Еще одной причиной отсутствия денег был слух, прошедший в Иерусалиме весной 1876 года, что Киселева при смерти и сделала новое завещание. 13 ноября о. Антонин был очень рад получить опровержение и известие из Пензы о том, что Мария Михайловна «и не думала делать нового распоряжения о своем капитале в 25 000 рублей, и дивится, отчего мы тут не получаем проценты с него». Но денег так и не было, они не пришли ни в 1876 году («25 августа. А Киселевского векселя доселе нет! 23 сентября. О деньгах Киселевой ни слуху, ни духу»), ни в следующем году, тем более, что началась Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Осенью 1878 года, уже по возвращении в Иерусалим после войны, Антонин решает написать письмо товарищу министра иностранных дел Николаю Карловичу Гирсу («19 августа. Идея письма к г. Гирсу о киселевских процентах, приведенная немедленно в исполнение»). Письмо возымело успех, и 7 октября архимандрит записывает в дневнике: «Из консульства <пришел> пакет с киселевскими процентами за два года. Наконец-то!».

Финансовая нестабильность и непостоянство получения средств сильно огорчали о. Антонина, так что он писал: «Вторник, 23 июня 1881. Не выйти мне никогда из долгов. Это ясно, как день, а лучше сказать: непроглядно темно, как ночь»¹¹. Однако Мария Михайловна помогала все время, направляя архим. Антонину дополнительные средства: «Всех Святых. 7 июня 1881 г. Г-жа Богданова с 100 р. от М.М. Киселевой»¹². Велась и личная переписка между архимандритом Антонином и Киселевой, о чем говорит не только сам дневник, но и упоминания о том, что о. Антонин в ряде случаев считал необходимым копировать страницы писем, получаемые из Пензы¹³.

Впоследствии перевод средств стал более бесперебойным и архимандрит в дневнике лишь указывает приходящие суммы, сетуя на инфляцию: «Пятница, 30 октября 1881. Возвращаясь домой, на своей ограде встретил Ханна-Хури¹⁴ с киселевским золотом. 267 наполеондоров вместо бывших когда-то 307. Что делать. Виноваты все болгары, уронившие наш досточтимый рубль на полтину. Терпение». «Вторник, 27 марта 1884. Кавас консульский с пакетом и 120 1/2 наполеондорами киселевскими». «Среда, 26 марта 1886. Из консульства киселевские проценты за истекший год».

Даже и после смерти Марии Михайловны, о. Антонин не раз поминает в дневнике свою благотворительницу. 8 января 1888 года А.Д. Богданова передает ему икону, пожертвованную Киселевой на Елеон. Еще через месяц, 8 февраля, возвращается письмо, написанное им в Пензу еще при жизни благодетельницы, и Антонин заключает *Sic transit gloria mundi*¹⁵. И, наконец, 13 апреля того же года Якуб Хури приносит почку кредиток из консульства: «Это целая киселевская тысяча, на сей раз доставленная неразменно».

Среди церквей М.М. Киселевой в Пензе, особенно выделялся величественный пятиглавый Троицкий храм в Спасо-Преображенском монастыре. Здание было устроено над могилой почившего мужа Марии Михайловны, состояло из двух этажей и включало пять престолов. Престол Рождества Христова в нижнем подземном этаже «и устройством своим, и украшением, и даже размерами совершенно был подобен Палестинскому Вифлемскому храму»¹⁶. Одной из наиболее почитаемых святынь была икона Рождества Христова, присланная Киселевой митрополитом Мелетием из Иерусалима¹⁷.

Митрополит Петры Аравийской, наместник Иерусалимского Патриарха Мелетий (1786–1868) на протяжении почти 50 лет был духовником русских паломников в Святом Граде и широко известен в России, которой служил по мере сил и умения. Он вел обширнейшую переписку, его корреспондентами были фрейлины императрицы Марии Александровны и благотворительницы в самых удаленных уголках империи, жертвовавшие самые малые суммы. Архимандрит Антонин в некрологе, посвященном преосвященному Мелетию, называя почившего «просто о Господе», «владыка-духовник», писал, что «когда не было в Иерусалиме ни Миссии русской, ни консульства, преосвященный Мелетий, можно сказать, был всё для русских». Мелетий «умел привлечь к себе и благородных и простонародных высокою, апостольскою кротостью, неизменным спокойствием духа, светлым взглядом на жизнь...». О. Антонин упомянул и прозвище митрополита: «Русские люди, особенно из простого народа, называли его коротко и просто «Святой Петр»¹⁸... Впрочем, слово *святый* принималось в прямом, определенном смысле, и мысль о святом, живом человеке не только привлекала, но как бы приковывала к преосвященному Мелетию простые и добрые сердца. Не меньшее значение имел в Бозе почивший и в глазах местного населения христианского, которое не иначе и называло его, как Мутраннур, т. е. «архиерей света», или Огня Благодатного, ежегодно износимого им в Великую Субботу из Гроба Господня»¹⁹.

Престол во имя Рождества Христова был освящен 26 декабря 1855 года и это позволяет предположить, что материальная помощь М.М. Киселевой Иерусалимскому Патриархату, как и знакомство с митрополитом Мелетием состоялись в начале 1850-х годов.

Самым значимым и крупным даром Марии Михайловны Святой Земле стал храм Спасителя на горе Свержения в Назарете. В письме Обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву от 14 августа 1884 года Киселева писала: «Я всегда любила святые места Иерусалима и желала туда ехать и быть полезной, сколько будет мне возможно»²⁰. Со свойственной обстоятельностью в подходах к делам, Мария Михайловна отправила в Палестину свою племянницу А.С. Радищеву «девушку серьезных лет, верующую и умную, которая поехала с радостью и прожила три года»²¹ (Александра Степановна по отцовской линии была племянницей Александра Николаевича Радищева, автора знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву»). С 1860 года Радищева помогала Киселевой во всех делах. В Палестине, судя по дневнику о. Антонина, она впервые появляется в 1869 году и с тех пор часто упоминается. Окончательно Александра Степановна уезжает из Иерусалима в Пензу 15 марта 1876 года, получив сообщение, что М.М. Киселева находится при смерти.

Годы, проведенные Радищевой в Святой Земле, были наполнены молитвой, паломничествами и встречами. Так, у Патриарха Иерусалимского Радищева познакомилась с одним из выдающихся иерархов Иерусалимской Православной Церкви митрополитом Назаретским Нифонтом (? – 28.12.1897), выделявшимся своими прорусскими убеждениями. Мария Михайловна считала, что «всем обязана» митрополиту, поскольку он «принял на себя все труды по строению храма, выхлопотал фирман у султана строить, место большое для сада»²².

Храм в Назарете был освящен митрополитом Нифонтом 15 мая 1880 года. На следующий день после торжеств Высокопреосвященный пастырь написал в Пензу письмо «Боголюбивой, избранной Богом в сотрудницы Великой Благодетельницы» А.С. Радищевой, в котором сугубо благодарил М.М. Киселеву за храм, присланную утварь, ризницу, материи и митру²³.

Построенный для греков, храм сразу же стал восприниматься как русский. Более того, о. Антонин начинает обдумывать под него целый проект. Это потом, немного позже, когда начальник Миссии станет настоящим «создателем сакральных пространств», за его приобретениями, археологическими исследованиями, строительством странноприимных домов и храмов без труда можно будет увидеть богословские идеи и глубокую и точную религиозную интуицию²⁴. А пока что, уставший в семилетней борьбе с Азиатским департаментом МИД за само существование Русской Духовной Миссии, он вынужден наблюдать со стороны за строительством храма. И наблюдать не без зависти...

Архимандрит не присутствовал на освящении храма, хотя и благословил А.Д. Богданову перед «сухопутьем», дорогой в Назарет, и менее чем через полгода приехал на север сам. Идея сделать женский монастырь, видимо, уже обсуждавшаяся в среде Русского Иерусалима записывается в дневник

3 ноября 1880 года: «Хорошо рисуется вдали Русский храмик. Ну, что ж? Разве завести в Назарете, в самом деле, свою Русь православную, самодержавную?». Помолившись в храме у источника и осмотрев все святыни города, о. Антонин поднимается на гору Свержения и описывает постройку: «Русская церковь, очень красивенькая, с блестящим, весьма изящным, иконостасом, но бумажными иконами. Места проектированных построек. Местность славная. Отчего, в самом деле, не быть тут многим обителям Русских Назаретских Сестер! Весь Св. Град перед глазами, а на Востоке выглядывает и светносный Фавор. Что лучше? Иссмотренные, исхожденные Христом места!». Архимандрит Антонин основанием русского монастыря собирался «ответить» известному католическому проповеднику и миссионеру, священнику Ратисбонну, основавшему в Германии вместе с братом Теодором женский орден Сестер Богоматери Сионской и построившему несколько монастырей Сестер Сиона в Святой Земле. К сожалению, антониновский замысел не был осуществлен. Русские паломники лишь по определенным праздникам посещали Галилею и Назарет (чаще всего на Благовещение и Преображение), это было далеко и небезопасно. Благотворителей, подобных Ротшильду, оказывавшему помощь Ратисбонну, у о. Антонина никогда не было, а ручеек русских пожертвований был, честно говоря, скуден.

В 1882 году было основано Православное Палестинское Общество и Мария Михайловна Киселева, ставшая его членом, позаботилась о своем детище, выделив 5-тысячный капитал на поддержание храма.

К 25-летию юбилею Палестинского Общества было издано «Краткое руководство православным русским паломникам, отправляющимся на поклонение святым местам Востока», в котором подробно описано как паломники посещали Назарет. Это были большие, так называемые «Назаретские караваны», численность которых иногда переваливала за тысячу человек. Паломники в сопровождении кавасов и охраны Общества выходили из Иерусалима и шли пешком так, чтобы успеть прийти в Назарет на праздник Благовещения.

«За помещение и за место для ночлега на постели или нарах с циновкою или иногда на каменном полу ничего не платят, но при стечении многолюдном, чтобы не было беспорядков и борьбы из-за места на ночлег, за кровать и нары паломники платят 1–2 парички, которые употребляются на дальнейшее оборудование подворья <Палестинского Общества>. Бедные паломники кипятков для чаю получают даром из двух нагреваемых котлов. Горячий борщ или суп приготавливаются на подворье с платою за тарелку по 1 паричке. Хлеб паломники покупают сами у местных торговцев, для еды пользуются своими ложками, а в крайнем случае и своею посудой: чайниками, чашками и т. п.

Караваны остаются два дня в Назарете. В первый день отдыхают, присутствуют за богослужением в греческом Благовещенском храме, посещают

митрополию, малую гору Свержения, где имеется церковь, построенная на средства щедрой жертвовательницы Св. Земли М.М. Киселевой, большую гору Свержения, откуда паломники любят очаровательным видом на Фавор, Кармил, малый Ермон, Наин, Аэндор, Фуле и ЕздRELONскую долину, присутствуют при торжественной вечерне в храме Благовещения, поют праздничную всенощную на подворье и готовятся к причащению Св. Таин»²⁵.

Войны, революции и другие нестроения XX века привели к тому, что к началу века XXI храм был сильно разрушен и предан забвению. Почти забытым оставалось имя его попечительницы и устроительницы М.М. Киселевой. Развитие археологии в Израиле и проведение раскопок подтвердило древнее почитание места, на котором стоит храм, были найдены фундаменты храма францисканцев, разрушенного в XVII веке. При этом, необычная архитектура способствовала активному распространению заблуждения, что храм Киселевой и есть францисканский храм страха Марии (Our Lady of the fright, Mary's fear, Notre Dame de l'Effroi).

Однако, в современной отечественной историографии также возникла гипотеза, напрямую касающаяся Киселевской церкви. Известный пензенский историк, автор единственной на сегодня монографии о М.М. Киселевой — А.Ф. Головина высказала предположение, что Иван Егорович Забелин, русский археолог и историк, специалист по истории города Москвы, член-корреспондент Императорской Академии наук, а позднее почетный член Императорской Академии наук, инициатор создания и товарищ председателя Императорского Российского Исторического музея имени Императора Александра III, тайный советник — по поручению М.М. Киселевой не только бывал на Святой Земле, но и «поставил иконостас и поправил позолоту» в Назаретском храме²⁶. К сожалению, эта надуманная версия подхвачена сегодня и в некоторых путеводителях²⁷.

Личность Забелина настолько хорошо известна и изучена, что сам факт паломничества в Палестину не прошел бы мимо его историографов, более того, нет никаких подтверждающих эту поездку документов. Достоверно известно другое. Закончив Преображенское училище в Москве, Забелин не смог продолжить образование из-за недостатка средств и в 1837 году поступил на службу в Оружейную палату канцелярским служителем второго разряда. В 1848 году он получил место помощника архивариуса в Дворцовой конторе. Одновременно Забелин работал преподавателем истории в Константиновском межевом институте. Так что именно финансовые проблемы толкали молодого женатого ученого на поиск дополнительного жалованья. И в 1842–1850 гг. Забелин вел дела по имению А.Г. Киселева²⁸. 23 июня 1845 года Иван Егорович даже пересказывает в своем дневнике рассказ Киселева о примере допетровского барства губернаторов²⁹.

В письме от 16 мая 1880 года митрополит Нифонт упоминает «добрейшего Ивана Егоровича», к которому привык и которого «жаль провожать из

Назарета»³⁰. Это и дало основание А.Ф. Головиной считать, что речь идет о Забелине. Между тем, это был мастер из Пензы Иван Григорьевич Сабуров, неоднократно упоминаемый в дневнике архимандрита Антонина. Именно он был послан М.М. Киселевой наблюдать за строительством храма в Назарете, он же заменил бумажные иконы, поставил и поправил иконостас через четыре года после освящения.

В 2010 году после ремонтно-восстановительных работ храм М.М. Киселевой был переосвящен в честь Воздвижения Креста Господня.

Еще один храм, построенный на средства М.М. Киселевой, находится в Иерихоне. Это греческая церковь св. Пророка Елисея. Упоминаемая выше А.Ф. Головина считала, что церковь не была построена на деньги Марии Михайловны. Это мнение основывается на том обстоятельстве, что в пензенских архивах Киселевой не обнаружены документы о постройке храма в Иерихоне и, видимо, на словах митрополита Нифонта, обращенных к А.С. Радищевой, в упоминаемом выше письме: «Молю Бога помочь и Вам выстроить храм в Иерихоне во имя пророка Елисея»³¹. Но свидетельства убедительные есть. Это, во-первых, дневник архимандрита Антонина и, во-вторых, материалы Императорского Православного Палестинского Общества. Единственная поправка, которая возможна — храм был построен совместно с еще одной паломницей и благотворительницей из Пензы, близкой знакомой и даже помощницей М.М. Киселевой — А.Д. Богдановой.

Александра Дмитриевна происходила из известного рода Мосоловых, рано, в 1843 году, овдовела и в память о своем супруге Богданове Александре Михайловиче (1808 — 10.08.1843) построила в с. Щепотьево каменный храм Живоначальной Троицы с приделами в честь Покрова Пресвятой Богородицы и во имя свт. Митрофана Воронежского. Храм освящен в 1852 году, а в 1899 году уже после смерти Александры Дмитриевны и, видимо, по ее завещанию к храму была пристроена деревянная отдельно стоящая колокольня.

Богданова обладала твердым характером, отвагой и смелостью, она не побоялась пойти против своего дяди Аркадия Федоровича Мосолова, попытавшегося отнять у нее состояние, подала иск в суд и выиграла дело. Более того, после смерти А.Ф. Мосолова его состояние перешло Александре Дмитриевне. В дядином селе Тархове в 1854 году Богданова на свои средства расширила деревянный храм во имя Рождества Христова и в память об отце устроила придел во имя великомученика Димитрия Солунского. Пензенские краеведы «теряют» Богданову в 1869 году и это правильно, потому что она появляется в Иерусалиме, живет в греческом Архангельском монастыре в Старом городе.

На протяжении десятилетий переписка о. Антонина с Марией Михайловной Киселевой шла через Богданову, она фактически была ее доверенным лицом в Святой Земле. Более того, сведения об Александре

Дмитриевне встречаются в дневнике Святителя Николая (Касаткина), Просветителя Японии, который во время своего паломничества 1870 года в Святую Землю познакомился с ней, и потом когда в 1895 году в Палестину на поклонение святым местам владыка Николай направил Иоанна Кавамото, первого японца, оставившего свои воспоминания об Иерусалиме, тот привез «от госпожи Богдановой, тайной постриженицы, иерусалимские четки ее с четырьмя малахитовыми зернами»³².

С 1873 г. Богданова имеет собственный дом с садом и участком в Иерихоне — достаточно вместительный и комфортабельный для того, чтобы в нем даже останавливался гостить Патриарх Иерусалимский. Что касается иерихонского храма, то с IV в. на земле Иерусалимской Патриархии, существовала церковь во имя пророка Елисея, упомянутая в Хожении Сильвии Аквитанки (384) и изображенная на Мадабской мозаичной карте (VI в.). Средства для строительства нового храма, очевидно, были предоставлены М.М. Киселевой и А.Д. Богдановой. Архимандрит Антонин в дневнике, например, пишет за 5 лет до освящения храма: «Вторник, 23 июня 1881. S-or Simo передаст известие, что постройка Елисеевской церкви в Иерихоне окончена, и ехать туда им с архитектором не зачем. Уж не написать ли М.М. Киселевой, чтобы церковь-то строила на нашем Русском месте? Вторник, 20 октября 1881. (Поездка в Иерихон) В 2 ч. поехали далее, завернули в Предтечев монастырь. До своего приюта добрались только в 4 часа. Немедленно — чай. Обзорение места. Созерцание бедуинской пляски. Посещение киселевской церкви».

При строительстве были сделаны археологические находки, в том числе — мозаики с надписями, до сих пор опубликованные лишь частично. Храм был освящен Патриархом Иерусалимским Никодимом 5 марта 1886 года и остается греческим.

С другой стороны, Уполномоченный Палестинского Общества Д.Д. Смышляев также называет в первую очередь Марию Михайловну. Как писал он 12 февраля 1886 г. в письме к В.Н. Хитрово: «В Иерихоне обнаружил целую русскую колонию. Кроме превосходного дома о. Антонина, я нашел там дома и сады Иоасафа (Плеханова), Богдановой, Сушковой. Киселева построила церковь, которую на второй неделе <Великого> поста Патриарх приедет освящать. К сожалению, она передала ее грекам. Церковь очень хорошенькая. Образа все писаны в России, где и иконостас делан»³³.

Словом, Великим Постом 1886 г. Патриарх Никодим освятил „греческую“ иерихонскую церковь во имя Пророка Елисея, построенную на средства русских благотворительниц А.Д. Богдановой и М.М. Киселевой, с греческим „древом Закхей“ на церковной аллее. Осенью того же года Антонин отмечает в дневнике: «22 октября 1886. Вечерний звон у пророка Елисея. Туда на молитву. Хорошенькая церковь. Русская служба. Поют г-жа Богданова со своей Марией»³⁴.

Так что вопрос с источниками финансирования церкви в Иерихоне нуждается в дальнейшем исследовании, возможно, нас ждут еще новые исторические находки.

Но и это еще не все! Из дневника о. Антонина мы узнаем, что в 1880 г. Мария Михайловна Киселева в разгар строительства церкви Вознесения на Елеоне пожертвовала Антонину 900 рублей, попросив лишь взамен «икону Св. Троицы, величиною в аршин, в благословение ее военному лазарету или другому какому богоугодному заведению». В дневниковой записи это выглядит так: «Пятница, 18 января. А.Д. Богданова с депозитом в 900 р. от Марьи М. Киселевой. Наконец, всем препятствиям конец. Вторник, 26 февраля. Ал. Дм-а с письмом от М.М. Киселевой, соизволившей на обращение ее 9-ти Екатерин на Елеонскую церковь. Вторник, 1 апр. 1880. Г-жа Богданова с мастером Ив. Григ. Сабуровым (Тем самым, который участвовал в создании церкви в Назарете. — Р.Б.), доставившим мне письмо от М.М. Киселевой. Суббота, 7 июня. Г-жа Богданова с Екатериной от М.М. Киселевой. Выпал же такой щедрый и ласковый для моего Елеона день».

Интересно, что мастер И.Г. Сабуров упоминается в дневнике Антонина в 1883 году и по поводу елеонского иконостаса. «Воскресение, 26 июня. Письмо от Сабурова из Пензы. Иконостас отправлен 29 мая в Одессу в 11-ти сундуках, и теперь вероятно уже плывет где-нибудь в море. Остается выслать мастеру 640 рублей. Где взять таковые?». Деньги Антонин, конечно, нашел, но новорусским стилем пензенского иконостаса остался недоволен. «Пятница, 15 июля. Открыли один из ящиков иконостасных, и нашли в нем 4 *quasi*-колонны, сочиненные в *руськом фкусе*, что меня, говоря языком Пиндара, взорвало. Где нашему брату учить таких *мазтероф*! И в ус себе не дуют! Иконы оказались сносными. Золотой фон везде выдержан. Хоть уж в *ефтом* сделана уступка!».

Мы находим «пензенское влияние» и в том, что с 1871 (по некоторым источникам 1869) по 1879 годы врачом Русской больницы, содержавшейся на средства императрицы Марии Александровны, был Никитин Александр Алексеевич, работавший по возвращении в Россию медицинским инспектором Пензенской губернии.

Необходимо также сказать, что М.М. Киселева оказывала помощь основательнице первой русской школы в Святой Земле Елизавете Федоровне Бодровой. Как сама Киселева, так и Бодрова, обе были духовные дочери митрополита Петры Аравийской Мелетия, о котором сказано выше³⁵.

Наконец, благотворительность Марии Михайловны не миновала Императорского Православного Палестинского Общества. В Отчете, зачитанном 2 декабря 1882 г. секретарем Общества М.П. Степановым говорилось: «Первоначальная деятельность Православного Палестинского Общества должна была выразиться прежде всего во внутреннем его устройстве и затем в наибольшем распространении знакомства с ним, на что пришлось

употребить летние месяцы. Плодами этой последней деятельности мы только теперь начинаем пользоваться. Число лиц, выразивших желание быть причисленными к Обществу, доходит ныне до 172, цифра же денежных пожертвований дошла до 8635 рублей. Из среды светских лиц, выказавших особенно теплое сочувствие Обществу, нельзя не упомянуть о генерал-майоре Владимире Васильевиче Валошинове, принесшем первый дар Обществу, и о *Марье Михайловне Киселевой, имя которой так знакомо всем бедствующим православным на Востоке*. Да поможет нам Господь Бог в деле, которое мы начали во имя Его»³⁶.

... Справа от Порога Судных Врат, заглубленный в восточную стену основной базилики Александровского Подворья и выделенный сверху карнизом с семью консолями, чернеет лабрадоровыми поминальными досками мемориал Императорского Православного Палестинского Общества.

Идея мемориала складывалась постепенно. Первые восемь поминальных досок были установлены уже к моменту освящения Порога и всего Русского Дома 5 сентября 1891 г. Черные доски с именами, написанными золотыми буквами, заполняют все пространство стены над аркасолием и вокруг него. Они расположены в хронологическом порядке, по времени кончины поминаемых лиц, слева направо и сверху вниз.

Может быть, неслучайно мемориал соединил доску №5 («Марья Михайловна Киселева † 6 декабря 1887 г.») и №14 («Митрополит Назаретский Нифонт † 28.12.1897»). Оба они были Почетными членами ИППО и много сделали для утверждения русского присутствия в Святой Земле.

Митрополит, активно сотрудничал с Палестинским Обществом в создании русских школ в своей епархии, благословил основание и освятил в 1886 г. Назаретскую мужскую учительскую семинарию, построил, как мы видели, на средства М.М. Киселевой храм на горе Свержения в Назарете, содействовал обновлению и украшению силами Палестинского Общества храма Благовещения над источником Пресвятой Девы.

Мария Михайловна Киселева, начавшая благотворить Востоку в 1850-х годах осталась в истории своими крупнейшими пожертвованиями: 100 тыс. рублей для помощи православным бедным Болгарии, Греции, Палестины; 50 тыс. рублей Императорскому Православному Палестинскому Обществу; 25 тыс. рублей Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Менее значительных пожертвований было очень и очень много. В целом, масштаб ее благотворения Святой Земле уникален и не имеет аналогов.

¹ См. о нем подробнее в книге: Головина А.Ф. Великая благотворительница. Пенза, 2018. С. 14–34.

² Лисовой Н.Н. Святая Земля: история и наследие. Пятое Евангелие (Слово к читателю) / Святая Земля: история и наследие. Православный путеводитель. М.-СПб., 2015. С. 11–14.

- ³ Благовещенский Н.А. Среди богомольцев. Наблюдения и заметки во время путешествия по Востоку. Изд. 2. СПб., 1872. С. 283.
- ⁴ Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима (7-го июля 1875 года) / Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции / Сост., коммент., вступит. статья Р.Б. Бутовой. М., 2010. С. 167.
- ⁵ Имеется в виду императрица Мария Александровна.
- ⁶ Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. От Иерусалимской Духовной Миссии / Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 182.
- ⁷ Пиастр турецкий или Гуруш — монета, введенная султаном Сулейманом II в 1687 г., чтобы заменить обращавшиеся тогда в Турции австрийские талеры. В XIX в. стал монетной единицей, весил 1,202 грамма и равнялся почти 1/4 франка. Из серебра чеканили монеты в 20 (меджидие), 10, 5, 2, 1, 1/2 пиастров, из золота в 500, 250, 100, 50 и 25 пиастров. Монеты подразделялись на 40 пар и из меди чеканили номиналы в 40, 20, 10, 5 и 1 пар.
- ⁸ Бешлык или Бехлик (от турецкого беш — пять) — серебряная турецкая монета в пять пиастров или гурушей (около 32 коп.).
- ⁹ Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. (Письмо в редакцию) // Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 275.
- ¹⁰ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 13 марта 1875 г.
- ¹¹ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Год 1881 / Сост., подг. текста Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б. М., 2011. С. 117.
- ¹² Там же. С. 110.
- ¹³ 25 июля 1878 г. Копирование писем г-жи Киселевой.
- ¹⁴ Хури Ханна — драгоман Русского консульства в Иерусалиме.
- ¹⁵ Лат. 'Так проходит мирская слава'.
- ¹⁶ Головина А.Ф. Великая благотворительница. С. 58.
- ¹⁷ Там же. С. 61.
- ¹⁸ Именование «Святой Петр», закрепившееся за митрополитом Мелетием представляет собой простонародное русское искажение его официального греческого титула: Святой <епископ> Петры <Аравийской>. Сокращение и дало по-русски: Святой Петр.
- ¹⁹ Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 371–372.
- ²⁰ Головина А.Ф. Великая благотворительница. С. 172–173.
- ²¹ Там же. С. 173.
- ²² Там же. С. 172.
- ²³ Там же. С. 171.
- ²⁴ См.: Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. Формирование сакрального пространства Русской Палестины. По материалам дневника архимандрита Антонина (Капустина) // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М., 2012. С. 522–554.
- ²⁵ Краткое руководство православным русским паломникам, отправляющимся на поклонение святым местам Востока: Константинополь — Афон — Яффа — Иерусалим —

- Вифлеем — Иордан — Хеврон — Назарет — Синай — Маттарие. Изд. Императорского Православного Палестинского Общества. СПб., 1907. 46 с.
- ²⁶ Головина А.Ф. Великая благотворительница. С. 99.
- ²⁷ Полтораки Юрий. Назарет и окрестности. Модии, 2013. С.179.
- ²⁸ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 294.
- ²⁹ Там же. С. 29–30.
- ³⁰ Головина А.Ф. Великая благотворительница. С. 172.
- ³¹ Там же. С. 171.
- ³² Дневники св. Николая Японского. В 5 т. / Сост. К. Накамура. СПб., 2004. Дневник. 26 декабря 1895/7 января 1896 года.
- ³³ Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 тт. / Сост., коммент., вступит. статья Лисовой Н.Н. М., 2017. Т. С. 717.
- ³⁴ Послушница А.Д. Богдановой, М. Шимкевич.
- ³⁵ См. Дневник Антонина от 16 июля 1875: «Г-жа Радищева с письмом от М.М. Киселевой. Приказано мне выдавать по 30 р. сер. в год Бадровой».
- ³⁶ Отчет Православного Палестинского Общества за 1882–1883 год. СПб., 1883. С. 1–7.

«СТАРОСТА ЕЛЕОНСКИЙ»: СОЛИКАМСКИЙ КУПЕЦ А.В. РЯЗАНЦЕВ И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С АРХИМАНДРИТОМ АНТОНИНОМ (КАПУСТИНЫМ)

Протоиерей Алексей Марченко

Начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) был уроженцем Пермской губернии. Известно, что о. Антонин постоянно поддерживал живую связь с Пермской Землей и пермяками. Кроме родственников, с которыми архимандрит Антонин вел постоянную переписку, разного рода отношения связывали его с представителями духовенства и даже деловых кругов, помогавшими ему поддержкой и порой финансированием в великом деле создания Русской Палестины. Одним из друзей и важных благотворителей Антонина стал соликамский купец А.В. Рязанцев.

Александр Васильевич Рязанцев родился в г. Соликамске 18 ноября 1807 г. Занимался мелкой лавочной торговлей и **строительными работами, приобретением и продажей недвижимости**. В 1852 г. был причислен в купеческое сословие. В 1862 г. купец 3-й гильдии Александр Рязанцев в городском магистрате становится бургомистром. Уже в следующем году переходит во 2-ю купеческую гильдию. В 1866 г. — купец 2-й гильдии Рязанцев взял в аренду у Городского общества Георгиевские соляные промыслы и на них возобновил выварку соли. Арендуя Дедюхинский и Георгиевский солевые заводы, он приобрел опыт солевых заводов и сделал капитал. Заработанные деньги были вложены в 1878–1882 гг. в строительство собственного солевого завода в селе Усть-Боровом. В 1885 г. Рязанцев владел в Соликамске собственностью на 3650 рублей. Став богатым человеком, Александр Васильевич приобрел уважение городского общества. В 1869 г. его избирали городским головой Соликамска и директором Соликамского общественного Черкасова банка. С 7 октября 1879 г. Рязанцев являлся **почетным мировым судьей**. А.В.Рязанцев был женат на Александре Васильевне Мичуриной, имел пятерых детей¹.

Александр Рязанцев был человеком глубоко набожным, и часть своих заработанных средств употреблял для нужд благотворительности. В 1878 г. за пожертвования был награжден золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте².

В 1882 г. в Петербурге было учреждено **Православное Палестинское общество, его** уполномоченным в Перми стал Дмитрий Дмитриевич Смышляев — выходец из семьи соликамских купцов. Несомненно, отец пермского уполномоченного — купец 1-й гильдии Дмитрий Емельянович Смышляев, также уроженец Соликамска, хорошо знал семью купцов Рязанцевых. По приглашению Д.Д.Смышляева, заинтересованного в привлечении состоятельных людей в Общество, Рязанцев соглашается стать его действительным пожизненным членом. В отчете о деятельности Палестинского Общества за 1884–1885 гг. упоминается его имя с указанием, что он внес при вступлении 500 рублей³.

Ведя строгую христианскую жизнь, А.В.Рязанцев много души и времени посвящал паломничеству по святым местам. По воспоминаниям родственников и близких он посетил все святые места и знаменитые обители России, неоднократно побывал на св. Горе Афон и в Палестине⁴. В 1883 г. на страницах газеты «Пермские губернские ведомости» Рязанцев собирался рассказать о трех своих странствиях к святым местам Востока. Однако по неизвестным причинам смог опубликовать воспоминания только о первой поездке во Святую Землю в 1839–1840 гг. Несомненно, купец, не имевший систематического образования, только поделился в устной форме своими воспоминаниями, которые были записаны с его слов и литературно оформлены кем-то из священнослужителей или близким к церковным кругам лицом. Свое первое путешествие в Иерусалим и Палестину А.В. Рязанцев совершил еще молодым человеком, когда ему исполнилось 32 года. Ему посчастливилось посетить Константинополь, Святой Город и многие святые места Палестины. Нам удалось разыскать опубликованную часть воспоминаний А.В. Рязанцева об этой поездке, которую приводим без сокращений.

«Господь сподобил меня в течение моей жизни трижды посетить Иерусалим и другие святые места Востока. В первый раз я совершил странствие к ним в 1839–1840 годах. Тогда не было еще ни железных дорог, ни пароходов. Из родного моего города Соликамска, через Москву и Киев до Одессы я ехал горами, от Одессы до Царьграда — на английском парусном судне, нагруженном пшеницей, а оттуда до Яффы — на небольшой греческой фелуке. Прибыл я в Иерусалим 8 ноября 1839 г. Тогда заступал место Иерусалимского Патриарха (т.е. был епитропом — наместником проживавшего в Константинополе Патриарха Афанасия. — А.М.) митрополит Петры Аравийской — Мелетий. Пристанище я имел в греческом Авраамиевском монастыре, прилегающем к Голгофе. В течение пяти с половиной месяцев

моего первого пребывания во Святой Земле был я два раза на Иордане, видел в долине, образуемой славными в Писании горами Гевалом и Харизимом, кладязь, у которого Христос удостоил беседовать с самаритянкой, темницу, где был заключен и обезглавлен пророк Иоанн Предтеча, что в Севастии (в Самарии), посетил освященную чудесным Преображением Спасителя гору Фавор, тогда покрытую еще сплошь развалинами; был на Тивериадском озере (Галилейское море тож), удостоился видеть место, где совершилось чудо насыщения пяти тысяч народа пятью хлебами и двумя рыбами, гору Блаженств, на которой Божественный учитель произнес проповедь, известную под именем Нагорной, посетил Кану Галилейскую, Назарет, где имел пристанище в арабской церкви, за неимением в те времена другого, Вифлеем и Хеврон. Невдалеке от последнего находится дуб (теревинф) — единственный уцелевший потомок Мамврийской дубравы, который можно видеть еще и ныне; но он уже далеко не тот, каким я его знал сорок с лишним лет назад: тогда это был действительно полный мощи, исполин растительного царства, одетый густой зеленью, под сению которого могли укрыться до 500 человек, по ветвям которого колоссальной толщины, распространявшимся горизонтально во все стороны, можно было свободно ходить. С тех пор эти великолепные ветви повисли и большей частью обвалились, густо-кудрявая некогда листва стала реже — и напоминает теперь Мамврийский патриарх искалеченного, плешивого, хотя и почтенного инвалида, вид которого невольно внушает жалость. В Хевроне был я два раза. Мечеть, в которой заключены гробницы патриархов Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Лии, прежде были доступнее для иноверцев; мне позволили тогда пройти по крыльцу до библейской пещеры Махпела, заключенной внутри здания, которую мне показывали через окно. Был я тогда и в лавре св. Саввы Освященного, в пустыне, келлии которой, подобно ласточкиным гнездам, облепили вершины и склоны каменных утесов, обрывающихся в глубокую пропасть Кедронского ущелья. Тишина и благочестие, царящие в лавре, поистине умирительны; иноки, как бы забытые миром в своих пустынных, обожженных солнцем скалах, и сами забыли все мирское, строго храня священные предания основателя лавры св. Саввы, подвизавшегося в V веке по Р.Х., мощи которого ныне покоятся в Венеции. Женщинам, подобно тому, как на Афоне, совершенно запрещен доступ в Саввинскую Лавру.

Русских паломников в прежние времена бывало немного в Иерусалиме. В день Пасхи 1840 г. их оказалось всего 113 человек. В Великую Субботу, во время сошествия святого огня, мы были в храме под охраной русского консула. Он нас поставил пред самым входом в Кувуклию Гроба Господня, так что я удостоился получить святой огонь прямо из рук митрополита, вышедшего от Святого Гроба для раздачи огня, и затем прошел с ним до алтаря, где и простоял всю службу Великой Субботы. Ныне, при громадном

стечении народа, невозможно уже и думать об этом. 23 апреля 1840 г. отправился я в Яффу и оттуда на парусном судне возвратился благополучно в Царьград»⁵.

Вторая поездка А.В. Рязанцева на Православный Восток состоялась в 1875 г. Он пробыл со своей сестрой в Иерусалиме с января до июня. Именно в этот приезд состоялось его знакомство с начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустиным). Неизданный дневник архимандрита за 1875 год — единственный источник об этом рязанцевском паломничестве⁶.

Из недавно опубликованного Н.Н. Лисовым и Р.Б. Бутовой дневника Антонина за 1881 г. известны и некоторые подробности их дальнейших взаимоотношений. Побывав в Иерусалиме, Александр Васильевич глубоко проникся нуждами Русской Духовной Миссии и обаянием своего земляка — о. Антонина. Вскоре он стал помогать ему деньгами и другими необходимым для миссии товарами. Между ними завязалась постоянная переписка. Свою корреспонденцию и деньги для о. Антонина купец Рязанцев отправлял через поклонников-пермяков, прибывавших в Иерусалим⁷. Товары из Соликамска для о. Антонина присылались морским путем в ящиках с прилагаемыми к ним коносаменами, русской почтой и газетами⁸.

Круг вопросов и нужд Миссии, входивших в сферу попечения А.В. Рязанцева был очень широк, начиная от закупок церковной утвари для богослужения до развития в Миссии огородничества, о чем также говорит дневник о. Антонина. Понедельник, 20 июля: «Ибн-Осман с Ллойдовой почтой и ящиком, оказавшимся не московским, а соликамским, и заключающим в себе не священные облачения или сосуды, а семена гороха, бобов, репы, огурцов, редьки и даже брюквы. Да целый мешок малины вместо ожидаемой рябины. Спасибо отличному землячку»⁹. Широкий характер благотворительной заботы А.В. Рязанцева о строящемся Елеонском монастыре дал повод о. Антонину шутливо называть в дневнике своего земляка «Старостой Елеонским».

Третий и последний приезд А.В. Рязанцева во Святую Землю состоялся в дни празднования Рождества Христова 1881 г., о чем также повествует дневник о. Антонина. 74-летний старец А.В. Рязанцев ожидался начальником Миссии к празднованию свт. Николая 6 декабря 1881 г. В этот день в Яффу прибыло 150 поклонников, но «Никола без Рязанцева» — Александр Васильевич задержался на Афоне, где посещал святогорские монастыри. Прошла почти неделя, наступило 23 декабря. Накануне рождественского сочельника о. Антонин уже с тревогой и легкой досадой пишет в дневнике: «Русская почта без всякого письма, конечно. «Старосты Елеонского» и слыхом не слыхать»¹⁰.

Со Святой Горы в Иерусалим долгожданный купец-паломник пожаловал только на второй день Рождественских торжеств. Несмотря на большое

число гостей, прибывших из России в Иерусалим, в Русской Духовной Миссии соликамского купца ожидали лучшие апартаменты — «благоукрашенный № 4»¹¹, заботливо приготовленный для «Старосты Елеонского» хозяином — о. Антонином.

И вот, наконец, состоялась встреча двух земляков-пермяков. Архимандрит Антонин пишет: Суббота, 26 декабря: «...Служение собором великим. Консул со своим штабом. На! Нежданный гость — А.В. Рязанцев. Добро пожаловать! Еще гости: г. Громов, княгиня Волконская, помещица некая, капитанша некая... Едва удосужился побаять с земляком. Обедал с ним же. Тип настоящего Гостомысла русского...»¹². Отметим, что уважительно-восторженное отношение о. Антонина к Рязанцеву сквозит во всех строчках дневника.

На следующий день — в воскресенье, 27 декабря после посещения Патриарха в его резиденции о. Антонин решил навестить в Миссии своего дорогого гостя. Однако «...визит неудачный соликамскому почетному мировому судье /А.В. Рязанцеву/...»¹³. По всей видимости, Александра Васильевича в номере не оказалось, ушел на прогулку по Иерусалиму. Повторный «визит к земляку» о. Антонин сделал 29 декабря, возвращаясь с Елеона¹⁴.

Несмотря на неясности скупых строчек антониновских дневниковых записей, остается несомненным глубокое доверие и уважение А.В. Рязанцева к о. Антонину. Он стал одним из крупнейших его «елеонских благотворителей». В разное время Александр Васильевич пожертвовал на создание русского Спасо-Вознесенского монастыря на Елеонской горе несколько тысяч рублей, внес свою лепту в изготовление иконостаса монастырского храма, стоившего 2 тыс. рублей¹⁵.

Самым известным и завершающим вкладом соликамского купца в дело строительства русской Елеонской обители был заказанный Рязанцевым в Москве колокол весом в 308 пудов, диаметром 2,13 метра и около 3 метров высотой, украшенный замечательными горельефными орнаментами, иконами и надписями. С большой степенью вероятности можно утверждать, что договоренность о финансировании Рязанцевым отливки колокола была достигнута о. Антонином в декабре 1881–январе 1882 гг. — в дни его последнего пребывания в Иерусалиме.

Летом 1883 г. Рязанцев обратился со следующим письмом в Совет Палестинского Общества:

«По предложению Председателя Палестинского Общества Великого Князя Сергея Александровича, я с любовью состою действительным членом Общества, почему и считаю священной обязанностью и долгом своим сообщить нижеследующее.

В бытность мою в 1882 году я с радостью видел строение двух новых церквей: 1-й в Горнем и 2-й на св<ятой> Елеонской горе, сооружаемых

личным старанием начальника Русской Миссии — архимандрита Антонина и иждивением его с жертвователями, жертвующими к оным постройкам. В настоящее лето храм на св<ятой> Елеонской горе постройкою вчерне окончен, а внутренность, с помощью Божию, тоже будет скоро изготовлена, так как иконостас давно уже готов, а прочее, как более малое, — все будет готово; так что к осени сего года о. архимандрит желает и освятить оный¹⁶. А я же с своей стороны и с согласия о. архимандрита усердствую к сему храму пожертвовать в 300 пуд<ов> колокол, который уже и заказан мною на заводе московского почет<ного> гражданина Николая Дмитриевича Финляндского¹⁷, дабы увенчать и украсить русским усердием св<ятую> Елеонскую гору, для привлечения русских сердец к такому св<ятому> многозначительному месту как для молитвы, так и для жертвований — и вообще для вида русской славы и усердия¹⁸.

С привычной обстоятельностью делового человека Александр Васильевич оговаривает и конкретные условия доставки колокола-великана.

«Означенный колокол будет доставлен к вокзалу Курской желез<ной> дороги заводчиком, а дальнейшую доставку одного до Иерусалима я почтительнейше просил бы Палестинское Общество принять на себя, так как от Общества можно официально снести о доставке на место с обществами железных дорог и пароходств и смело можно ручаться тогда за его целостность в пути и доставку. На что, смею надеяться, Общество изъявит свое согласие, о чем и прошу сообщить мне по возможности скорее, так как я заблаговременно должен предупредить мастера, к какому сроку он должен доставить колокол на вокзал»¹⁹.

По ходатайству Рязанцева Совет ППО обратился к правлениям железных дорог, по которым должен был быть отправлен колокол, и в Русское Общество Пароходства и Торговли с ходатайством о провозе его бесплатно. 3 августа 1883 г. было получено согласие правлений «перевезти бесплатно от Киева до Одессы один колокол весом 300 пуд., предназначенный для русской церкви на Елеонской горе близ Иерусалима»²⁰.

Благовестник А.В. Рязанцева стал самым большим колоколом елеонской звонницы — знаменитой колокольни «Русская Свеча», которая насчитывает 7 специально подобранных в тон колоколов, и вторым по величине из русских колоколов во Святой Земле. На верхней полосе колокола имеется надпись: «Во славу Святыя, Единосущныя, Животворящая и Нераздельныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа». По нижнему краю в два ряда тоже славянским шрифтом написано: «Колокол пожертвован в Святый Град Иерусалим на святую гору Елеонскую ко храму Вознесения Господня. Лит в Москвев 1883 года августа... по усердию русского поклонника святых мест соликамского купца Александра Васильевича Рязанцева и сына его Василия Александровича. 1883. Москва. Завода Финляндского. Лил мастер Ксенофонт Веревкин. 308 п. 20 ф»²¹.

11 марта 1884 г. колокол в Одессе был погружен на пароход «Корнилов» и 27 марта выгружен на Яффском рейде на берег. О дальнейшей истории доставки рязанцевского колокола мы знаем из дневника и корреспонденций архимандрита Антонина.

«Долго колокол лежал (под деревянной будкой) на пристани Яффской, месте товарных операций города. Д<уховная> Миссия готовила достойный гиганта экипаж целое минувшее лето. В августе минувшего <1884> года его удалось (с помощью христианнейшей графини О.Е. Путятиной) перетащить по пескам в наш яффский загородный сад св. Тавифы»²².

Доставка колокола на Елеон превратилась в настоящую героическую эпопею. В воскресенье — 27 января 1885 г. о. Антонин обратился с воззванием к люду Божию о помощи. На его призыв откликнулось 105 человек (на 2/3 женщины) из русских паломников, находившихся в Иерусалиме, которые вызвались бесплатно доставить колокол собственными силами. Утром во вторник эти люди спешно прибыли в Яффу²³.

60 км, отделяющих Яффу от Иерусалима, колокол тянули с помощью веревок и полотенец вместо лямок. Половина пути пролегалa по сыпучим пескам, так что в день нельзя было проходить иногда более версты²⁴. Доставка колокола заняла 7 дней. Вечером 5 февраля колоколу «была восторженная встреча, поднявшая на ноги весь город»²⁵.

На следующий день архимандрит Антонин призвал паломников поднять колокол на Елеон. После молебна, в 10 час. утра, сотни людей принялись за дело. Нужно было спуститься в долину Кедрона, чтобы затем вновь подняться на гору. Только к 6 ч. вечера удалось подтянуть колокол к ограде русского участка. 7 февраля колокол был осторожно выгружен в пространство, окруженное фундаментом колокольни, и поставлен вертикально на деревянные брусья. По мере возведения следующих ярусов колокольни колокол каждый раз поднимали на новый уровень. Строительство колокольни было завершено в 1887 г. Крест для нее был пожертвован братом архимандрита Антонина московским протоиереем Платоном Капустиным и доставлен в Иерусалим в 1888 г.²⁶

Весть о колоколе, подаренном на Елеон купцом А.В. Рязанцевым, быстро достигла Пермской губернии. Впоследствии член Пермской духовной консистории, еще один уроженец г. Соликамска, протоиерей Григорий Остроумов в статье, опубликованной «Пермскими епархиальными ведомостями», сообщал: «Этот колокол громовым своим гласом, призывая верных на церковную молитву, возвещает о торжестве христианства и вместе с сим на все времена будет говорить об усердном русском жертвователе с далекого Севера, жителя хотя и древнего, но ныне малоизвестного и небогатого города Соликамска»²⁷.

Благоденствия соликамского купца Русской Духовной миссии были отмечены повышением его статуса. В 1886 г. по ходатайству обер-прокурора

Святейшего Синода К.П. Победоносцева купец 2-й гильдии Александр Рязанцев «за отличное усердие его на пользу церквей Святой Земли и благотворительных учреждений в Иерусалиме» был удостоен звания почетного гражданина²⁸.

Необходимо отметить, что помощь А.В. Рязанцева о. Антонину в созидаании Русской Палестины была делом сугубо личным и даже исключительным. Известно, что купец не разбрасывался деньгами и был не слишком щедр в отношении нужд Пермской епархии. Об этом прямо говорит тот же протоиерей Григорий Остроумов: «Благовестный колокол на Елеонскую церковь был едва ли не единственным памятником его благотворительной деятельности»²⁹. Однако пусть эти слова пермского священника, брошенные в адрес купца-паломника, не будут ему слишком большим упреком. Известно, что в 1880–1887 гг. Рязанцев состоял почетным членом Губернского попечительства **детских приютов**³⁰. Как и многие купцы некогда богатого, но обедневшего города Соликамска, А.В. Рязанцев старался помогать своей малой родине, а не губернской столице. В 1887 г. в д. Попово (окраина Соликамска) на его средства была построена деревянная Кононовская церковь, закрытая в 1936 г. и впоследствии разрушенная³¹.

Достигнув глубокой старости, Александр Васильевич Рязанцев передал все торговые и солепромышленные дела своим сыновьям и всецело отдал себя делам христианского благочестия. Он пожелал основать в родном своем городе Соликамске женскую обитель для бедных православных вдов и девиц, проживающих в двух самых бедных уездах — Соликамском и Чердынском. С этой целью в с. Красном (в 1 версте от Соликамска) им был восстановлен пришедший в упадок великолепный по своей архитектуре двухэтажный храм в честь Рождества Иоанна Предтечи и вмч. Иоанна Воина, построенный в 1715 г.³²

Однако воплотить в жизнь свой замысел «Елеонский староста» — купец 2-й гильдии Александр Васильевич Рязанцев не успел. Он скончался на 82 году жизни в праздник Успения Божией Матери — 15 августа 1889 г. и был похоронен на кладбище у церкви Жен Мироносиц г. Соликамска. Завершить начатое дело создания монастыря он завещал своим сыновьям Василию Александровичу и Иоанну Александровичу Рязанцевым³³. В 1891 г. в с. Красном ими была основана Красносельская женская община. В 1894 г. Святейший Синод преобразовал общину в Иоанно-Предтеченский Красносельский монастырь г. Соликамска³⁴. Таким образом, Красносельская Иоанно-Предтеченская женская обитель г. Соликамска, через своего основателя «Старосту Елеонского» А.В. Рязанцева находится в духовном родстве со Спасо-Вознесенским женским монастырем на Елеоне.

- ¹ Богданов М.В. Рязанцев Александр Васильевич. [http:// www.inperg.ru/ryanцев-alexandr-vasilyevich.aspx](http://www.inperg.ru/ryanцев-alexandr-vasilyevich.aspx)
- ² Там же.
- ³ Отчет Православного Палестинского общества за 1883–1883 гг. СПб., 1884. С. 177.
- ⁴ Остроумов Григорий, протоиерей. Открытие Иоанно-Предтеченской женской общины в селе Красном, вблизи г. Соликамска // Пермские епархиальные ведомости (далее ПЕВ). 1891. № 21. Отд. неофф. С. 345–346.
- ⁵ Рязанцев А.В. Три странствия к святым местам Востока соликамского гражданина А.В. Рязанцева // Пермские губернские ведомости. 1883. №35. 30 апреля. Неофф. отд. С.117.
- ⁶ Пользуюсь случаем поблагодарить за эти сведения Н.Н. Лисового.
- ⁷ Антонин (Капустина), архимандрит. Дневник. Год 1881. / Издание подготовили Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова; Отв. ред. член-корр. РАН Я.Н. Щапов. М.: «Индрик» М., 2011. С. 45, 190.
- ⁸ Там же. С. 192.
- ⁹ Там же. С. 132.
- ¹⁰ Там же. С. 110–111.
- ¹¹ Там же. С. 209–211.
- ¹² Там же. С. 213.
- ¹³ Там же. С. 213.
- ¹⁴ Там же. С. 214.
- ¹⁵ Осипов М.И. Отчет уполномоченного ИППО в Одессе за время с 1883 по 1892 г. // Сообщения ИППО. 1892. Т.3. Вып. 4. С. 463.
- ¹⁶ Из-за препятствий и проволочек со стороны светских (турецких) и церковных (греческих) властей Спасо-Вознесенский храм на Елеоне будет освящен Антонином лишь 7 июня 1886 г.
- ¹⁷ Московский колоколотейный завод, крупнейший в России, основанный еще в XVIII в. и принадлежавший с 1860 г. Николаю Димитриевичу Финляндскому, занимался изготовлением самых больших колоколов в стране: Большой Успенский в Кремле, звон для Храма Христа Спасителя, «полуторатысячные» (т.е. весом более 1500 пудов) колокола для храма Воскресения-на-Крови в Петербурге и для колокольни в Соловках. Колокол Русской Свечи в Иерусалиме (мастер Ксенофонт Веревкин, 1883 г., более 308 пудов) — один из наиболее интересных среди немногих сохранившихся образцов, отлитых на заводе (почти все они погибли в 1920–1930-е гг.).
- ¹⁸ Документы о пожертвовании купцом А.В. Рязанцевым колокола для русской церкви на Елеоне. 1883–1885 // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т.2 / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М., 2017. С. 518.
- ¹⁹ Документы о пожертвовании купцом А.В. Рязанцевым колокола для русской церкви на Елеоне. С. 518.
- ²⁰ Там же. С. 519.
- ²¹ Богданов М.В. Соликамский паломник // «Звезда». № 69 (32233) от 26 июня 2014 г.
- ²² Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции / Изд. подг. Р.Б. Бутова. М., 2010. С. 329

- ²³ Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. С. 329.
- ²⁴ Дмитриевский С.М. Русские раскопки на Елеонской горе. Подгот. текста, сопроводит. ст. и коммент.: Н.Н. Лисовой. М., 2006. С. 63.
- ²⁵ Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. С. 329.
- ²⁶ Осипов М.И. Отчет... С. 463.
- ²⁷ Остроумов Григорий, протоиерей. Открытие Иоанно-Предтеченской женской общины... Ук. соч. С. 345–346.
- ²⁸ Богданов М.В. Рязанцев Александр Васильевич. <http://www.fnperrm.ru/ryanцев-александр-васильевич.aspx>.
- ²⁹ Остроумов Григорий, протоиерей. Вновь открытый Красносельский Иоанно-Предтеченский женский общежительный монастырь, вблизи г. Соликамска // ПЕВ. 1895. № 1–2. неоф. отд. С. 1.
- ³⁰ Государственный архив Пермского края (далее ГАПК). Ф. 144. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- ³¹ Шумилов Е.Н. Православные и единоверческие храмы Пермской епархии. Краткий исторический справочник. Пермь. 2004. С. 49.
- ³² Остроумов Григорий, протоиерей. Открытие Иоанно-Предтеченской женской общины... Ук. соч. С. 347.
- ³³ Остроумов Григорий, протоиерей. Вновь открытый Иоанно-Предтеченский Красносельский женский монастырь... Ук. соч. С. 1–5.
- ³⁴ ГАПК. Ф. 437. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

Из истории Вятского отдела Императорского Православного Палестинского общества

Е. В. Кустова

Буржуазные реформы Александра II привели к бурному росту общественного движения в России, которое по инерции продолжилось в эпоху Александра III. В результате, во второй половине XIX в. появляются различные общественные организации социальной, духовной, политической и профессиональной направленности.

Среди них особое место принадлежало Императорскому Православному Палестинскому обществу, учрежденному в 1882 г., под председательством великого князя Сергея Александровича, которого после гибели в 1905 г. сменила его супруга великая княгиня Елизавета Федоровна.

Императорское Православное Палестинское общество возникло в условиях нарастающей религиозной индифферентности в образованной части русского общества, которая начинала распространяться на широкие народные массы, а также в условиях сложной международной обстановки на Ближнем Востоке. Отсюда вытекали его главные задачи — сбор средств для создания материальной базы общества в Палестине, в частности, для покупки земельных участков в Святой Земле, а также проведение просветительской работы в обществе.

Активизировать сбор пожертвований в пользу Русской Палестины были призваны епархиальные отделы Палестинского Общества, которые стали появляться, начиная с 1893 г. Региональные отделы ИППО действовали в 52 епархиях Русской Православной Церкви¹.

В 1894 г. начало свою деятельность Вятское отделение ИППО. К сожалению, особого фонда Вятского отдела в Государственном архиве Кировской области не сохранилось. Представление о его работе дают, главным образом, опубликованные отчеты отдела, которые сохранились в областной библиотеке за 1898/99, 1899/1900, 1900/01, 1903/04 и 1906/07 гг. Также состав Вятского отдела и биографии их лиц помогают восстановить

«Календари и Памятные книжки Вятской губернии»², публикации в «Вятских губернских ведомостях» и «Вятских епархиальных ведомостях», воспоминания паломников и пр.

В своем рескрипте от 10 ноября 1893 г. великий князь Сергей Александрович, обращаясь к новопоставленному епископу Вятскому и Слободскому Сергию, рекомендовал открыть отдел общества в вверенной ему епархии: «С особым удовольствием усмотрели из ответа Вашего... что и ныне, когда вы призваны к управлению самостоятельной епархией, сочувствие Ваше к Императорскому православному Палестинскому Обществу, проявляемое вами во время служения Вашего в Петербурге, не уменьшилось, и Я искренно Вам благодарен за Ваши вполне практические указания относительно мер к распространению сведений о деятельности общества. К числу этих мер Я признаю наиболее целесообразною — открытие отделов Общества в наиболее населенных городах, и Мне особенно было бы желательно открытие такого отдела в Вятке, на точном основании Высочайше утвержденных 2 марта 1885 г. правил, под Вашим председательством, будучи вполне уверен, что он послужит существенным средством для распространения сведений о целях, деятельности и потребностях Общества»³.

Открытие отделов проходило по определенному порядку. Так, в Вятке 16 января 1894 г. после литургии в кафедральном соборе состоялось собрание духовенства и мирян, на котором было торжественно объявлено об открытии отдела. В собрании участвовали 50 человек — жителей губернского центра, отсутствовавшие проживали в уездах и не могли попасть на это организационное собрание⁴.

Традиционно возглавляли отделы правящие архиереи, а вице-председателями являлись губернаторы и вице-губернаторы соответствующих губерний⁵. Председателем Вятского отдела ИППО, как и в других губерниях, был избран, епархиальный владыка — епископ Вятский и Слободской Сергей, который стал почетным членом ИППО. Однако при выборе товарища председателя проявилась особенность Вятки: эту должность на протяжении всего срока нес викарный епископ.

При выборе казначеев избирались обычно чиновники или купцы, которые хорошо владели финансовыми вопросами. Однако на Вятке казначеем стал священник И. И. Тепляшин. Причем он сохранял указанную должность даже тогда, когда в совещательном совете Вятского отдела появились крупные чиновники и купцы. Делопроизводителями губернских отделов обычно избирались преподаватели местных духовных учебных заведений, в расчете на их достаточно высокий образовательный уровень и искушенность в «письменных делах», и в этом отношении Вятка не стала исключением: делопроизводителем отдела избрали преподавателя местного духовного училища С. С. Липягова⁶.

В деятельности Вятского отдела стояли 3 основные задачи — сбор средств, проведение чтений и привлечение новых членов в состав Общества.

Важным направлением работы были сборы в пользу ИППО, Иерусалима и Афонских монастырей. Они проводились через как церковное управление (духовные консистории) — сбор в Вербное воскресенье, так и через деятельность региональных отделов ИППО. В распоряжении последних были церковные кружки, подписные листы, сборы и пожертвования во время чтений, а также членские взносы. Благочинные отмечали, что с началом палестинских чтений прихожане стали чаще давать деньги для Св. Земли и Афона приходским священникам, «а не через странников-проходимцев, выманивающих у доверчиваго крестьянина его лепты разными нелепыми рассказами о Св. Земле или ложными письмами якобы монахов-келлиотов»⁷.

За первые 2 года существования Отделов (1893–1895) сумма доходов от 18 отделов составила 63842 руб. В следующем, 1895–1896 году эта цифра составляла 49630 руб., в 1896–1897 — 51 866 руб., 1897–1898 — 51976 руб. В 1898–1899 (по 35 отделам) было собрано 51 467 руб. В 1899–1900 (по 39 отделам) — 66646 руб. В 1900–1901 (по 41 отделу) — 70933 руб. При этом ежегодный Вербный сбор давал от 50 до 70 тыс. рублей⁸.

В среднем каждый отдел приносил Обществу 1500–1700 руб. в год, то в небогатой Вятской епархии, расположенной в нечерноземной полосе, эти сборы были на порядок выше. Так, в 1898/99 г. сбор составил 4797 руб.⁹ (в среднем по другим отделам — 1773 руб.), в 1899/1900 г. — 5994 руб.¹⁰, 1900/01 — 6922 руб.¹¹, 1903/04 — 5021 руб.¹² Только в 1906/07 г. сборы резко снизились до 2116 руб.¹³, что было отражением общей тенденции (ИППО поддерживало общую сумму сборов за счет увеличения отделов).

Практически все указанные средства пересылались в Петербург. Отдел тратил деньги лишь на канцелярские расходы, почтовую пересылку и банковский перевод денег. Сами же члены отдела работали безвозмездно. Более того, до смерти делопроизводителя Отдела В. С. Майшеева в 1900 г. расходы отдела еще больше были сокращены за счет того, что он, как владелец крупной типографии, за свой счет публиковал бланки, ежегодные отчеты и пр. Так, в 1899 г. в ИППО было перечислено 99,3% от собранных средств¹⁴. При этом финансовые бумаги и делопроизводство велись образцово, что ежегодно отмечалось на общих собраниях отдела.

Важным вопросом являлось членство в ИППО. При открытии Вятского отдела членами Общества стали 172 человека, 11 человек были в составе ИППО еще до создания Вятского отдела. После быстрого роста числа членов в первые годы, в последующий период наблюдалось постепенное уменьшение, в первую очередь, за счет рядовых членов-сотрудников с ежегодным взносом.

Количество членов Вятского отдела ИППО

	1894	1895	1899	1900	1901	1903	1904	1906	1907
Почетных	1	1	1	1	1		1	1	1
Действительных пожизненных	4	4	9	10	8		7	6	6
Действительных с ежегодным взносом	14	42	23	18	18		15	11	8
Членов-сотрудников пожизненных	37	16	27	31	31		31	32	32
Членов-сотрудников с ежегодным взносом	117	189	164	164	156		149	129	121
всего	173* (183)	252** (260)	224	224	214	196	203	179	168

* — не считая 10 членов, вступивших в члены Общества до создания Вятского отдела.

** — у 8 членов не указан тип членства

Сост. по: ВЕВ. 1894. № 4. Отд. офиц. С. 77; ВЕВ. 1895. № 4. Отд. неофиц. С. 253; Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 9; Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 10; Отчет Вятского отдела ИППО за 1903/04 год. Вятка, 1904. С. 8; Отчет Вятского отдела ИППО за 1906/07 год. Вятка, 1907. С. 4, 5.

Подобные тенденции были характерны и для других Отделов. Одной из главных причин являлась неуплата членских взносов на протяжении 3 лет, которая лишала членства в ИППО. Суммы взносов были значительны. Так, действительные члены должны были внести единовременный взнос в 500 руб.¹⁵ или ежегодно платить по 25 руб. Члены сотрудники — 200 и 10 руб. соответственно¹⁶. О том, что подобная проблема существовала в Вятском ИППО говорит следующий факт: в 1906/07 г. из 168 его членов — 76 не сдали ежегодные взносы, из них 31 человек не делали этого в течение 3 лет¹⁷.

Интересен социальный и профессиональный состав Вятского отдела ИППО.

При открытии общества в 1894 г. в него входили 183 человек, в т.ч. 83 духовного звания (44%), 26 купцов, 15 крестьян, 14 чиновников, 5 мещан, 2 почетных гражданина, учитель, инженер и подполковник. Остальные — не указали своего социального происхождения¹⁸. Как отмечал К.Е. Балдин, Вятский отдел отличало от других то, что здесь среди сотрудников ИППО было немало зажиточных мещан и крестьян, они встречаются

в списках по таким уездным городам как Глазов, Елабуга, Котельнич, Нолинск, Орлов, Сарапул, Слободской, Яранск¹⁹.

В 1899 г. из 224 членов отдела было уже 150 представителей духовенства (67%), 9 чиновников, 41 купец, 19 крестьян, 2 мещан, полковник и 2 не указали своего статуса²⁰.

В 1907 г. из 168 членов Вятского отдела ИППО 106 имели духовное звание (63%), также было 11 крестьян, 21 купец, 3 мещан, 5 чиновников, 3 почетных граждан, землевладелец и учитель. 15 — не указали своего сословного статуса²¹.

Увеличение за 5 лет на 23% лиц духовного звания, возможно, говорит о том, что играл свою роль административный ресурс.

Важнейшим направлением деятельности Вятского отдела ИППО стало проведение чтений, которые были призваны расширить знания населения по истории христианства, Святой Земли, а также рассказать о деятельности Палестинского общества. Кроме того, как отмечалось на собрании Вятского отдела в 1900 г., чтения должны были «пробудить желания вятчанам самим стать членами этого Общества и приносить посильную лепту на святое дело»²².

Для проведения чтений была создана необходимая материальная база. Так, спустя 5 лет после открытия Вятского отдела в его библиотеке были: все сообщения и приложения ИППО, особые выпуски чтений о Святой Земле, 2 коллекции из 60 видов туманных картин на стекле, 2 коллекции из 99 картин на стекловидной бумаге, 300 брошюр и видов для бесплатной раздачи, 3 фонаря для показа туманных картин²³. Более того, как сообщалось в отчете за 1903/04 г., благодаря земствам и Обществам трезвости волшебные фонари появились к этому времени почти во всех школах губернии, что облегчало проведение бесед²⁴. Помимо присылаемых брошюр с беседами, вятские священники разрабатывали и свои лекции, которые публиковались в местных «епархиальных ведомостях»²⁵.

В г. Вятке лекции проводились в учебных заведениях, губернском земстве, различных благотворительных обществах, в Общественном собрании. Главными лекторами на протяжении нескольких лет являлись Н.Г. Гусев и С.С. Липягов — преподаватели духовных учебных заведений г. Вятки, побывавшие на Святой Земле. Как говорилось в отчете Вятского отдела, чтения с их участием «отличались особенным интересом и выслушивались с самым напряженным вниманием, т.к. ведены были Н.Г. Гусевым и С.С. Липяговым, посетившими летом 1898 года святы места Востока, и представляли собственно не чтения, а рассказы очевидцев, обильно иллюстрируемые туманными картинками». Создавало особую атмосферу чтениям церковное пение: «Все чтения (в г. Вятке — авт.) сопровождалось пением, главным образом песнопений страстной седмицы. В Общественном собрании пел хор архиерейских певчих, в прочих же местах хоры

учащихся тех учебных заведений, где чтения были ведены»²⁶. Так, на чтениях 1899/1900 г. звучали в исполнении архиерейского хора песнопения «На реках Вавилонских», «Благообразный Иосиф», «Не рыдай мене, Мати»²⁷.

Посещали чтения и учащиеся. Так, в 1899/1900 г. на одном из чтений было 100 мальчиков, а на двух других — около 700 девочек, которые «слушали рассказ с замечательным вниманием, стараясь не проронить ни одного слова. Все картины, по желанию детей, были показаны два раза. Дети при том спели несколько церковных песнопений...». Также отмечалось, что «чтения возбуждают в детях интерес и любовь ко Св. Земле»²⁸.

Чтения о Святой Земле подразумевали также сбор средств и раздачу бесплатных книг, брошюр и листов с изображениями Св. Земли. Н.Г. Гусев, на протяжении нескольких лет занимавший организацией чтений в г. Вятке, проводил и методическую работу. В частности, он издал руководство «Об устройстве народных чтений с туманными картинками и без них» (Вятка, 1901, 1902).

Большой отклик чтения получили в вятских уездах. В селах и деревнях в среднем проходило в год от 3 до 12 чтений, в отдельных случаях — более 30²⁹, каждое из которых посещали от 50 до 500 человек. В результате, в 1898/99 г. чтения посетило не менее 10–15 тыс. человек. Еще на собрании в ноябре 1899 г. было принято решение сделать беседы в епархии повсеместными, «дабы все население епархии ознакомить со Святой Землей, ее историей; с печальным угнетенным положением обитателей Св. Земли». Организация чтений в уездных городах, селах и заводах была возложена на благочинных. Из-за ограниченного числа туманных картин, их указывалось перевозить из села и село³⁰.

В отчете 1899/1900 г. сообщалось, что в с. Ошеть «интерес к чтениям был так велик, что школьные помещения не могли вместить всех желающих слышать слово. Открывали окна и бывшие на улице стояли и слушали», а народ после этого подходил и спрашивал «скоро ли и когда будут чтения». В Царевосанчурске сообщалось, что «чтение «Судьба Иерусалима» произвело особенно громадное впечатление, ибо оно написано сильно художественно, с глубокой верой и скорбью и у слушателей невольно лились слезы»³¹. В других отчетах также отмечалось внимание, умиление, благоговение слушателей, образцовый порядок и тишина, которые далеко не всегда были даже на храмовых службах.

Иногда лекторы делали свои сообщения в зависимости от аудитории. Как сообщал благочинный с. Верхоижского, «предмет чтению избирался применительно к пониманию слушателей, именно: для черемис предпочтительно избирались рассказы из священной истории, а для русских беседы о современном положении Св. Земли»³².

Чтения способствовали духовно-нравственному воспитанию прихожан. Как сообщал благочинный Нолинского у. о. Н. Ергин, «эти чтения,

проясняя религиозное сознание слушателей простецов, несомненно в значительной мере способствуют наибольшему подъему и оживлению религиозного духа в народе, что особенно важно в настоящее время, когда современный тлетворный дух религиозно-рационального суемудрия начинает угрожать и простому народу»³³. Другой священник отмечал, что «слушатели сами сознавались, что после таких бесед и молитва-то бывает как-то внимательнее и усерднее»³⁴.

Вятский отдел не ставил перед собой особой целью паломничество на Святую землю. Однако чтения способствовали этому. Священник с. Гостева, чтения в котором в 1900/01 г. посетило 2372 человека, сообщал в Отдел, что слушатели «живо интересовались как священной историей, так и современным положением Святой земли, сгорали желанием побывать во Святом граде Иерусалиме и помочь Православию и жителям Палестины»³⁵. В 1903/1904 г. из Котельничского у. сообщали, что «чтение о настоящем положении Св. Земли и дорогих для христианина святынях ее, находящихся в стране неверных турок, возбуждали в сердцах православных слушателей чувство сострадания к бедственному положению Св. Земли и ее православных жителей. Под впечатлением чтений у многих зарождалось желание побывать там»³⁶. В 1900/01 г. после прослушанных чтений в г. Царевосанчурске 6 человек посетили Иерусалим, из которых 2 были марийцами³⁷. Увеличение числа паломников побудило даже церковные власти опубликовать «Наставление православному русскому паломнику, отправляющемуся для поклонения к святым местам в Иерусалим и на Афон»³⁸.

В работе региональных отделов важную, а порой, и определяющую роль играл субъективный фактор. В первую очередь, влияли на работу Отдела личности председателя и товарища председателя Вятского отдела ИППО — епархиального и викарного архиереев. Наибольшее развитие отдел получил при епископе Вятском и Слободском Алексии (Опоцком) (1896–1901), главным помощником которого являлся деятельный епископ Глазовский Варсонофий (Курганов) (1896–1904). Владыка Алексей сумел организовать четкую и слаженную работу Общества, стал активно привлекать к работе в нем новых членов, а также представителей местной власти. По его инициативе были открыты народные чтения о Святой Земле с показом туманных картин в селах епархии. Преосвященный и сам активно участвовал в выступлениях. Так 19 января 1897 г. на общем собрании Вятского отдела ИППО он рассказал «об освящении в городе Иерусалиме церкви во имя святого благоверного князя Александра Невского, сооруженной в память в Бозе почившего основателя Палестинского Общества»³⁹. На свои личные средства он приобрел волшебный фонарь в С.-Петербурге и брошюры ИППО⁴⁰. При нем Вятский отдел ИППО быстро стал одним из самых инициативных отделов. Не случайно великий князь Сергей Александрович выражал владыке «сердечную признательность»

за его труды на благо Общества, «приписывая достигнуты результаты всецело Вашему теплomu сочувствию целям и деятельности Общества»⁴¹. О епископе Варсонофии отдел сообщал, что «владыка всегда сочувственно относился к задачам и целям Палестинского Общества, помогая отделу в его деятельности своими советами и ежегодными пожертвованиями»⁴². Также владыка Никандр при вступлении в должность вятского преосвященного пожертвовал на нужды Общества 500 руб.⁴³ Остальные владыки (преосв. Никон, Филарет, еп. Павел) занимали должность председателя Отдела скорее номинально.

Многое зависело и от инициативы священников на местах. Некоторые из них проводили по 20–30 бесед в год, покупали за свой счет необходимое оборудование для проведения чтений. Так, свящ. Василий Троицкий выписал на собственные средства волшебный фонарь. Благодаря этому Вятский отдел выделил ему 12 картин на стекле. «Не описуемы, — сообщал священник в своем отчете, — чувства слушателей при виде изображений Св. гроба Господня, Голгофы, Судных врат и Гефсимании с Елеонскою горою! Многие при виде их крестились, а некоторые воздыхали и плакали»⁴⁴.

За особые заслуги в организации чтений 22 марта 1899 г. были удостоены звания пожизненных членов-сотрудников Н. Гусев в г. Вятке и о. Иоанн Кармильский из с. Вожгалы, а также два приходских священника за хорошую организацию денежных средств в пользу Общества⁴⁵.

Посещение Св. Земли делало бывших паломников активными членами ИППО, как уже выше говорилось о Гусеве и Липягове. Также посетивший в 1898 г. Иерусалим преподаватель Вятской духовной семинарии Александр Иванович Одоев занимался в 1898/99 г. распространением книг ИППО⁴⁶. В 1899 г. было решено выдать кружку для сбора пожертвований в пользу Св. Земли и свидетельство на право сбора в пользу Общества крестьянину д. Запиваловской Макаровской волости Вятского уезда Николаю Дмитриевичу Шешукову, «посетившему в 1898 году Палестину и могущему с тем вместе сообщением точных сведений о Св. Земле и деятельности в ней Палестинского Общества способствовать личными беседами и сношениями с народом святому делу служения целям Общества»⁴⁷.

Некоторые из паломников, вероятно по инициативе Вятского отдела ИППО, опубликовали свои записки в местных «Вятских епархиальных ведомостях», в частности, свящ. Александр Трапицын и учитель Н.Г. Гусев⁴⁸. Все это также усиливало интерес вятчан к Св. Земле.

Таким образом, за свою более чем 20-летнюю историю Вятский отдел ИППО способствовал как сбору средств на нужды Св. Земли, так и широкому просвещению жителей Вятской губернии, что способствовало, наряду с иными факторами, укреплению религиозного сознания народа, благоговеющего отношения к Св. Земле и развитию паломничества в Палестину и на Афон.

Приложение 1.

Список сотрудников Вятского отдела ИППО

Председатели:

Еп. Сергей (Серафимов) (1894–1896)
Еп. Алексей (Опоцкий) (1896–1901)
Еп. Никон (Софийский) (1901–1904)
Еп. Филарет (Никольский) (1904–1914)
Еп. Никандр (Феноменов) (1914–1916*)

Помощники председателя

Еп. Симеон (Покровский) (1894)
Еп. Варсонофий (Курганов) (1894–1904)
Еп. Филарет (Никольский) (1904)
Еп. Павел (Поспелов) (1905–1916*)

Казначей

Прот. Иоанн Иоаннович Тепляшин (1894–1907)
Прот. Иоанн Михайлович Костров (1907–1916*)

Кандидаты казначея

Петр Иванович Лашкевич (1894–1909)
1910–1913 — вакансия.
Павел Александрович Лаженицын (1916*)

Делопроизводитель

Василий Семенович Маишеев (1898*–1900)
Сергей Семенович Липягов (1901–1907)
1906–1913 — вакансия.
Прот. Иоанн Михайлович Костров (1914–1916*)

Члены совещательного совета:

Всеволод Александрович Ратьков-Рожнов (до 1898)
Иван Александрович Пятелин (до 1898)
Прот. Александр Иванович Люминарский (1900–1909)
Иером. Александр (Трапицын) (1898–1901)
Александр Никитич Коцинский (1898–1906)
Василий Степанович Поскребышев (1898*–1905)
Александр Яковлевич Тырышкин (1898*–1913)
Прот. Алексей Степанович Израилев (1901–1916*)
Прот. Иоанн Михайлович Осокин (1907–1912)
Николай Григорьевич Гусев (1905–1916*)
Прот. Дмитрий Петрович Михайлов (1913–1916*)

Примечание: знаком (*) отмечены даты упоминания в источнике, если не известна точная дата начала — окончания срока исполнения должности.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

БЮГРАФИИ СОТРУДНИКОВ ВЯТСКОГО ОТДЕЛА ИППО

Епископ Сергей (Александр Алексеевич Серафимов)

(13.01.1836, с. Пельня Юрьевоцкого у. Костромской губ. —
13.04.1902, Астрахань)

Родился в семье пономаря. После окончания Костромской духовной семинарии в 1858 г., поступил в Московскую духовную академию. По окончании ее в 1862 г. по первому разряду был возведен в степень магистра богословия и определен преподавателем в Костромскую духовную семинарию. Рано потерял свою супругу.

В 1878 г., будучи уже вдовцом, был посвящен во священника к Луховскому Успенскому собору, с оставлением в должности преподавателя семинарии. 7 октября 1882 г. принял монашество с именем Сергей, которое открыло для него путь быстрой духовной карьеры. В том же году он был возведен в сан архимандрита, а позднее хиротонисан во епископа Выборгского, викария Петербургской епархии. Здесь он состоял председателем Совета С.-Петербургского братства Пресвятой Богородицы и Совета церковно-приходских школ. С 1887 г. епископ Ладожский, викарий той же епархии.

С 5 декабря 1887 г. был определен епископом Вятским и Слободским. На Вятке он проявил себя как хороший организатор: добился открытия в городе Глазове второго викариатства, помог духовенству осуществить и давно задуманный проект по созданию взаимовспомогательной кассы. При его непосредственном участии был открыт Вятский отдел ИППО. Преосв. Сергей стал его первым председателем, и исполнял эту должность до 1896 г. Вероятно, сыграли роль и личные связи преосвященного с великим князем, и его предыдущая деятельность на пользу Общества. Так, в своем рескрипте от 10 ноября 1893 г. великий князь Сергей Александрович, обращаясь к новопоставленному епископу Вятскому и Слободскому Сергию, рекомендовал открыть отдел общества в вверенной ему епархии: «С особым удовольствием усмотрели из ответа Вашего... что и ныне, когда вы призваны к управлению самостоятельной епархией, сочувствие Ваше к Императорскому православному Палестинскому Обществу, проявляемое вами во время служения Вашего в Петербурге, не уменьшилось и Я искренно Вам благодарен за Ваши вполне практические указания относительно мер к распространению сведений о деятельности общества. К числу этих мер Я признаю наиболее целесообразною — открытие отделов Общества в наиболее населенных городах, и Мне особенно было бы желательно открытие такого отдела в Вятке, на точном основании Высочайше утвержденных 2 марта 1885 г. правил, под Вашим председательством, будучи вполне

уверен, что он послужит существенным средством для распространения сведений о целях, деятельности и потребностях Общества»⁴⁹.

С 21 мая по 21 августа 1893 г. был вызван для присутствия в Святейшем Синоде.

С 10 августа 1896 г. епископ Астраханский и Енотаевский. С самого вступления своего на Астраханскую кафедру особенное внимание обращал на порядок церковных богослужений, на пение и чтение при богослужениях, на благолепие храмов и на правильную живопись икон в храмах. По этому поводу он нередко печатал в «Астраханских епархиальных ведомостях» свои распоряжения и статьи («Руководственные наставления и указания пастырям церкви об иконописи, церковной живописи, о церковном чтении и пении» и др.). Астраханское общество, в благодарность за его труды и заботы по устройству церковного благочиния, поднесло ему в 1901 г. панягию и адрес.

Забываясь о просвещении Астраханской паствы, увеличил в 1897 г. состав членов причта при 48 церквях. С этой же целью, чтобы доставить прихожанам более удобную возможность приобретать книги и брошюры религиозно-нравственного содержания, по его предложению, Кирилло-Мефодиевское Братство открыло торговлю книгами и брошюрами в свечных лавках.

Вместе с многочисленными административными занятиями постоянно занимался учеными и литературными трудами. Многочисленные слова и речи, печатавшиеся на страницах епархиальных органов, отличались особенной простотой и назидательностью и касались самых разнообразных вопросов богословия и истории.

Скончался в 1902 г. в Астрахани. Погребен в нижнем Успенском соборе.

Соч.

Правила и практика церкви относительно присоединения к православию неправославных христиан. Кострома, 1882.

О правилах и чинопоследованиях принятия неправославных христиан в православную церковь. Вятка, 1894.

Из переписки блаженного Августина с Иеронимом о словах Апостола Павла. Гал. II, 11–14 // Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. 1875.

О разночтениях 95 пр. VI-го Вселенского Собора. Астрахань, 1904.

Сборник сочинений в 2-х частях. Астрахань, 1901.

Ист.:

Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества // ВЕВ. 1894. № 3. Отд. офиц. С. 47.

Известия Казанской епархии. 1882. № 24. С. 633; 1887. № 10. С. 229.

Прибавление к Церковным ведомостям. 1897. № 4. С. 143; 1901. № 24. С. 836–865; 1902. № 17. С. 594.

Церковные ведомости. 1894. № 20. С. 192; 1896. № 33. С. 319.

Церковный вестник. 1891. № 35. С. 550; № 36. С. 573.

Архиепископ Алексей (Алексей Алексеевич Опоцкий)

(12.12.1837, с. Шкнятино Порховского у. Псковской губ. —
20.12.1914, Москва)

Родился в семье протоиерея. Учился в Псковской семинарии. В 1863 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию и стал главным корреспондентом официальной газеты «Северная Почта». Спустя год назначен инспектором и учителем Виленского духовного училища. С 1865 г. работал законоучителем Виленской женской гимназии. В 1866 г. рукоположен во иерея к Пятницкой церкви в Вильно.

В 1871 г. переведен в Гродно настоятелем Софийского собора с назначением законоучителем Гродненской гимназии, а также возведен в сан протоиерея. В эти годы Алексей занимался распространением Православия. В 1882 г. «в целях христианско-просветительной благотворительности, для проведения в жизнь тамошнего общества начал православия и русской народности» им было учреждено «Православное Свято-Софийское братство в память Царя — освободителя». Занимался он и богословием. В 1872 г. был удостоен ученой степени кандидата богословия за сочинение: «Откровенное учение о Промысле сравнительно с новейшими теориями о мирохранении и мироправлении».

В 1891 г. был назначен ректором Литовской духовной семинарии. Однако, овдовев, в 1892 г. был пострижен в монашество и назначен настоятелем Виленского Свято-Троицкого монастыря с возведением в сан архимандрита. В 1893 г. состоялось наречение во епископа, а в 1894 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. 10 августа 1896 г. определен епископом Вятским и Слободским.

Он никогда не занимался делами формально. Как писал свящ. Иаков Мултановский, «Владыка был чужд узкого формализма, обращал более внимание на добрую цель, нежели на стоящие на пути ее препятствия. Владыка сам горел огнем деятельности и желал, и умел расположить к ней других». Прибыв в Вятку в сентябре 1896 г., владыка сразу принял близко к сердцу заботы и дела двух Обществ, активно работавших на территории Вятской епархии. Так, он стал попечителем миссионерского Вятского Братства Святителя и Чудотворца Николая (осн. 1882) и председателем Вятского отдела ИППО (1896–1901). Владыка Алексей сумел организовать четкую

и слаженную работу этих обществ, стал активно привлекать к работе в них новых членов, а также представителей местной власти. По его инициативе были открыты народные чтения о Святой Земле с показом туманных картин в селах епархии, которые одновременно посещали до 500 человек. Преосвященный и сам активно участвовал в выступлениях. Так 19 января 1897 г. на общем собрании Вятского отдела ИППО он рассказал «об освящении в городе Иерусалиме церкви во имя святого благоверного князя Александра Невского, сооруженной в память в Бозе почившего основателя Палестинского Общества». На свои личные средства он приобрел волшебный фонарь в С.-Петербурге и брошюры ИППО. При умелом руководстве владыки Вятский отдел ИППО быстро стал одним из самых инициативных отделов.

Он был близко знаком с первым председателем ИППО вел. кн. Сергеем Александровичем, а также с его супругой — вел. кн. Елизаветой Федоровной, которая после смерти супруга сменила его на посту председателя Общества. Сергей Александрович выражал владыке «сердечную признательность» за его труды на благо Общества, «приписывая достигнуты результаты всецело Вашему теплему сочувствию целям и деятельности Общества».

После его смерти в «Вятских епархиальных ведомостях» один из авторов искренне писал, что «Вятская епархия долго не забудет тебя, как своего бывшего любвеобильнейшего архипастыря и редкой души человека, вносившего всюду с собой жизнь, мир, радость и счастье!».

С 10 ноября 1901 г. — Экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский со званием члена Св. Синода. В том же году избран Советом Казанской духовной академии ее почетным членом. В 1902 г. награжден бриллиантовым крестом на клобук.

С 1905 г. — архиепископ Тверской и Кашинский. По его инициативе собирались подписи для ходатайства об открытии мощей Анны Кашинской. В 1905–1910 гг. был председателем Тверского отдела ИППО. Здесь также были организованы чтения, посвященные Святой Земле с показом «туманных картин» и раздачей листов по истории Общества. Особое внимание уделялось истории возникновения ИППО, археологическим раскопкам, которые проводились под эгидой ИППО и их значении, просветительской деятельности Общества. Не ограничиваясь устройством чтений в Твери и осознавая их актуальность, отдел предложил благочинным начать проведение чтений в своих благочиниях. К 1907 г. Тверской отдел ИППО провел подобные чтения в 149 селах епархии. На страницах «Тверских епархиальных ведомостей» печатались статьи, посвященные паломничеству в Святую Землю и на Святую Гору Афон.

Проявил себя как талантливый проповедник, добрый пастырь, блестящий педагог, посвятивший делу народного образования много лет своей жизни, неутомимый борец за дело возрождения национального

самосознания России. Во время своего служения владыка много раз получал письма с угрозами за свои патриотические проповеди и активную жизненную позицию.

В 1910 г. по болезни согласно прошению был уволен на покой с оставлением его в звании члена Св. Синода и возложением на него обязанностей члена Московской Синодальной Конторы сверх штата. Высказывался за желательность созыва Поместного собора.

Я последние годы жизни проживал в Донском монастыре в Москве. Всегда ровное, спокойное проникнутое глубоким молитвенным настроением богослужение Преосвященного Алексия (Опоцкого) привлекало много молящихся; ему часто и много писали, просили его молитв и его помощи, и письма никогда не оставались без ответа. Из общественных учреждений Москвы владыка чаще других бывал в Императорском Московском Археологическом институте. Владыка имел большую библиотеку, и все свободное время проводил в чтении и размышлении. Все современное положение в мире до последних дней живо интересовало Владыку, а Мировая война, начавшаяся в 1914 г., захватила все его внимание, так что и скончался он в комнате, наполненной по стенам картами военных событий. Был погребен в Донском монастыре.

Соч. Откровенное учение о промысле сравнительно с новейшими теориями о мирохранении и мироправлении. Кандидатская диссертация. СПб., 1872.

Слова и речи в епархиальных ведомостях.

Ист.: Архиепископ Алексей (некролог) (1837–1914) // ВЕВ. 1915. №1–2. С. 19.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 4.

Лит.: Панин А.Н. Преосвященный Алексей (Опоцкий). Пастырь, педагог, проповедник. Н. Новгород, 2014.

Архиепископ Никон (Николай Андреевич Софийский)

(14.05.1861, с. Озарниково, Чухломского у. Костромской губ. – 28.05.1908, Тифлис)

Родился в семье сельского священника. Когда Николаю было три года, умер отец. Семья, в которой было семь детей (шесть мальчиков и одна девочка), и без того жившая бедно, осталась без средств к существованию. Смог получить образование только благодаря трудам его матери, которая кормила семью, занимаясь тяжелой крестьянской работой. Точно так же и другие дети получили образование (исключая родившегося глухонемым брата Василия), а старший брат Иван позднее был протоиереем в чухломском Преображенском соборе.

Окончил Солигаличское духовное училище, Костромскую духовную семинарию (1882). Был одним из лучших воспитанников, но отказался поступать в академию, предпочитая духовной карьере жизнь сельского священника. С 1882 г. надзиратель Макарьевского духовного училища. В 1883 г. рукоположен во священника с. Мамонтово Макарьевского уезда.

В 1884 г., спустя год после женитьбы, скончалась его супруга. В том же году он поступил в С.-Петербургскую духовную академию, которую окончил со степенью кандидата богословия в 1888 г. (тема кандидатской работы: «Происхождение, характер и значение фарисейской секты в истории иудейства»). По словам рецензента И. Г. Троицкого, сделанная автором характеристика фарисеев и их учения по своей художественности и полноте может быть названа лучшей.

В 1887 г., на последнем курсе академии принял постриг, а после ее окончания был назначен инспектором С.-Петербургской духовной семинарии.

С 1891 г. — ректор Владимирской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. Жесткие меры ректора академии привели к покушению на его жизнь, которое совершил один из семинаристов, человек, психически неуравновешенный. Чудом оставшийся в живых, о. Никон добился освобождения покушавшегося (он был помещен в больницу) и позднее, став епископом, назначил его псаломщиком. После покушения духовные власти предложили ему перейти на другую, более легкую и выгодную должность, но он отказался и еще в течение трех лет продолжал служить ректором. Возглавляя семинарию, проявил способности хорошего хозяйственника: при нем был проведен капитальный ремонт семинарского храма.

В 1898 г. был хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. В июле того же года был назначен временно управляющим Таврической епархией.

С 1899 г. епископ Нарвский, викарий С.-Петербургской епархии. Был главным наблюдателем за преподаванием Закона Божия в светских средних и низших учебных заведениях Петербурга. В 1901 г. стал одним из основателей Костромского благотворительного общества в Петербурге, задачей которого была помощь костромичам, жившим в столице, в том числе малолетним, сиротам, престарелым, учащимся.

10 декабря 1901 г. был назначен епископом Вятским и Слободским. Чтобы узнать проблемы и нужды епархии, посетил почти все приходы епархии, побывав даже в тех из них, жители которых ни разу не видели своего архиерея. По его предложению, в городских церквях Вятки по воскресеньям, после вечерни, стали проводиться нравоучительные чтения. Также владыка организовал ремонт Вятского кафедрального собора и архиерейского дома. Смог урегулировать конфликт с воспитанниками Вятской духовной семинарии таким образом, что было уволено меньшее число учащихся, чем ожидалось, причем многие из уволенных были позднее вновь приняты в семинарию и смогли завершить образование.

Владыка поддерживал единоверческое движение в губернии, где сильно было старообрядчество. В его бытность епархиальным архиереем были заложены два единоверческих храма. Причем при начале строительства одного из них — в д. Осипинской Глазовского у. епископ лично совершил по древним книгам всенощное бдение, продолжавшееся около пяти часов.

Поощрял миссионерскую деятельность среди черемисов (марийцев), татар, вотяков (удмуртов), поощрял переводы религиозных текстов на национальные языки. Организовал в Вятке миссионерские инородческие курсы, где учились представители этих народов, которые по окончании становились псаломщиками и учителями церковно-приходских школ, а затем и священниками. Сам преподавал на курсах Священное Писание.

Почетный член ИППО. В 1901–1904 гг. являлся председателем Вятского отдела ИППО.

С 27 ноября 1904 г. — епископ Владимирский и Суздальский. Инициировал строительство нового здания для женского епархиального училища, для чего куплено место в лучшей части города. В условиях волнений семинаристов добился того, что семинария не была закрыта, а арестованные гражданскими властями учащиеся освобождены. По его инициативе при Братстве св. Александра Невского была открыта миссионерская школа. Много проповедовал, часто совершал поездки по епархии. В 1906 г. возведен в сан архиепископа.

С 1906 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии, постоянный член Святейшего Синода. Был назначен в Грузию в ситуации, когда местное духовенство активно требовало восстановления автокефалии, которой Грузинская церковь лишилась в 1811 г. Экзарх отказался поддержать требования о восстановлении автокефалии, в результате грузинское духовенство объявило ему бойкот. Считал возможным выделить из состава Грузинского Экзархата части с русским и греческим населением и присоединить их к русским епархиям; грузинским же частям Экзархата предоставить известную долю самостоятельности.

По его инициативе, был начат ремонт памятника грузинской церковной древности — Мцхетского собора, на что он исходатайствовал у Святейшего

Синода значительные средства. Также инициировал начало пересмотра и исправления священных и богослужебных книг на грузинском языке, для чего была образована особая комиссия. Получил средства для исправления издания Библии и богослужебных книг на осетинском и абхазском языках. Добился введения выборности духовенства Тифлисской епархии и г. Баку (что было беспрецедентно для России), в грузинских духовно-учебных заведениях богословские предметы стали преподавать на грузинском языке. По его ходатайству были выделены значительные средства на благоустройство церковно-приходских школ. Поддержал создание в Тифлисе религиозно-философского общества. Со временем грузинское духовенство постановило частично снять бойкот и, не признавая в Экзархе законного архипастыря Грузии, стало, однако, входить с ним в административно-служебные отношения.

Его борьба с автокефалистами закончилась трагически: в 1908 г. он был убит злоумышленниками на лестнице Грузино-Имеретинской Синодальной канцелярии. Согласно своему завещанию, был похоронен в кафедральном Успенском соборе Владимира.

Имел ордена св. Владимира 3 ст. (1899), св. Анны 1 ст. (1902); в 1907 г. был пожалован бриллиантовый крест для ношения на клобуке.

Это был епископ-администратор, распорядитель и устроитель. Он умел соединить в себе с одной стороны непреклонную верность преданиям родной Церкви и вероисповедному долгу, с другой — ясное понимание необходимости тех преобразований в церковной жизни, которые намечались историческим моментом.

Писал стихи, в частности, неоднократно публиковалось его стихотворение «Вход Господа в Иерусалим».

Соч.

Речи, слова и поучения.

Софийский Л.И. Высокопреосвященный Никон, архиеп. Карталинский и Кахетинский. СПб, 1909. Ч. II. С. 255–440. (Автобиографические записки Экзарха Никона).

Ист.:

А. К-в. Памяти Высокопреосв. Никона (Софийского) Экзарха Грузии. Некролог // Церковный вестник. 1908. № 23. С. 693–696.

Высокопреосвященный Никон, архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии (1861–1908). М., 1909.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1903/04 год. Вятка, 1904. С. 3.

Правительственный Вестник. 1908. № 117. 30 мая. С. 3 (некролог).

Прибавление к Церковным ведомостям. 1908. № 22. С. 1028–1032 (Некролог); № 24. С. 1133–1135 (Погребение).

Религиозно-нравственные стихотворения, относящиеся преимущественно к земной жизни Господа Иисуса Христа, Божией Матери и Святых. СПб., 1903.

Скворцов Д.И. Памяти высокопреосв. архиепископа Экзарха Грузии (1861–1908 гг.). Тула, 1909.

Церковные ведомости. 1898. № 7. С. 29; 1899. № 8. С. 45; 1901. № 50. С. 403; 1904. № 49. С. 513; 1905. № 21. С. 251; 1906. № 18. С. 207; № 24. С. 323; 1907. № 18. С. 121.

Лит.:

Бондаренко И. И., Климов Д. В. Жертвы политического террора в России (1901–1912) // Исторический вестник. Т. 2 [149]. Декабрь 2012. С. 190–215.

Епископ Филарет (Гавриил Иванович Никольский)

(6.03.1858, Костромская еп. — 1921/1922)

Родился в семье дьячка. В 1880 г. по окончании курса в Костромской духовной семинарии назначен надзирателем Костромского духовного училища. 11 октября 1881 г. рукоположен в священника и определен к Троицкой церкви Белбашского женского монастыря Макарьевского уезда Костромской епархии. 7 марта 1885 г. по 1 сентября 1887 г. состоял духовным депутатом (следователем) по 4-му Макарьевскому округу. В 1884 г. за «усердную службу и доброе поведение» был награжден набедренником.

Овдовев, в сентябре 1887 г. о. Гавриил поступил в С.-Петербургскую духовную академию и 25 сентября 1888 г. принял монашество.

По окончании в 1891 г. курса в академии со степенью кандидата богословия был назначен инспектором Тифлисской духовной семинарии. В 1891–1892 гг. состоял членом Братства св. апостола Андрея Первозванного при

Тифлисской духовной семинарии. Активно участвовал в церковной и общественной жизни. В 1892 г. он состоял членом Грузинского епархиального училищного совета, стал пожизненным членом Общества восстановления православного христианства на Кавказе. В том же году «за усердную и полезную службу» был награжден от Синода наперсным крестом.

Благодаря полученному на Кавказе опыту он был назначен в 1892 г. ректором Казанской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. В 1892–1895 гг. состоял председателем попечительства при Иоанно-Богословской церкви Казанской духовной

семинарии и членом Казанского епархиального училищного совета. В 1893–1894 гг. исправлял должность председателя Казанского епархиального училищного совета.

В 1892 г. стал членом-учредителем Казанского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых. В 1893–1895 гг. состоял товарищем председателя Казанского комитета по заведованию библиотекой св. Владимира. 23 февраля 1895 г. стал членом-сотрудником Императорского Православного Палестинского общества.

В 1895 г. был перемещен на должность ректора Тульской духовной семинарии. В 1896–1898 гг. состоял товарищем председателя Тульского епархиального училищного совета.

В 1898 г. Филарет был назначен епископом Киренским, викарием Иркутской епархии. К традиционной учебной деятельности добавилась миссионерская. В 1898–1904 гг. он состоял настоятелем Иркутского Вознесенского свят. Иннокентия монастыря и начальником Иркутской духовной миссии.

30 января 1904 г. был назначен епископом Глазовским, викарием Вятской епархии. С 30 января по 27 ноября 1904 г. состоял настоятелем Вятского Успенского монастыря, председателем Вятского братства во имя святителя Николая. Однако викарным епископом пробыл меньше года.

27 ноября 1904 г. по Высочайше утвержденному Всеподданнейшему докладу Синода он был назначен епископом Вятским и Слободским. Одновременно был назначен настоятелем Слободского Крестовоздвиженского третьеклассного монастыря, председателем Вятского комитета миссионерского православного общества. Также с 1904 г. состоял почетным членом Вятской ученой архивной комиссии, с 1905 г. — членом Вятского управления Российского общества Красного Креста. В 1907 г. стал почетным членом Вятского комитета попечительства императрицы Марии Александровны о слепых.

Являлся почетным членом Императорского Православного Палестинского общества. С 21 марта по 27 ноября 1904 г. состоял товарищем председателя Вятского отдела ИППО, а с 31 декабря 1904 г. — его председателем, вплоть до 1914 г.

Епископ Филарет имел многие награды: наперсный крест от Синода, ордена св. Анны 2 ст. (1895) и 1 ст. (1906), Владимира 3 ст. (1901), серебряную медаль в память Александра III для ношения на груди на Александровской ленте, серебряную медаль в память 25-летия существования церковных школ.

На долю еп. Филарета пришелся тяжелый период Первой русской революции и последующие за ней годы, когда в левой прессе на Церковь поднялась волна клеветы. Часть духовенства в это время поддерживала еп. Филарета и его политику, направленную против революционных веяний, другие из так называемого «либерального духовенства», возглавляемые священниками Огневым и Тихвинским — не принимали и осуждали его.

Сам же еп. Филарет, призывал духовенство даже в эти годы в круговерти политических событий не забывать о духовной жизни.

Епископ Филарет служил на Вятке до 20 марта 1914 г., когда был назначен епископом Астраханским и Енотаевским. 24 мая 1916 г. он был уволен на покой. Однако время изменилось, и в 1918 г. он принял на себя вновь груз архиерейства, став временноуправляющим Костромской епархией, а, начиная с 1920 г. до 1921 г. — возглавлял Самарскую епархию в сане архиепископа. По одним сведениям, владыка замерз в ссылке в 1922 г. в Архангельской губернии. Однако, по мнению митр. Мануила (Лемешевского), он скончался в 1921 г. Как рассказывали свидетели его кончины, архиепископ Филарет долго не мог умереть. Наконец, он припомнил, что не роздал все деньги: где-то в ящике или в кармане подрясника у него остались две копейки. Деньги нашли и отдали нищим и после того владыка скончался.

Ист.

РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 907. Л. 1–35 об.

С.Н.Е. Чего требует от духовенства наше время? // ВЕВ. 1905. № 9. 1 мая. С. 502.

Лит.

Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. В 6-ти тт. Эрланген, 1979–1989. Т. 6. С. 433–434.

Польский М., прот. Новые мученики Российские. М., 1994. Ч. 1. С. 179.

Митрополит Никандр (Николай Григорьевич Феноменов)

(2.05.1872, Орловская губерния — 3.03.1933, Ташкент)

Родился в семье священника. Окончил Орловскую духовную семинарию. В 1893–1897 гг. обучался в Киевской духовной академии. 3 апреля 1897 г. был пострижен в монашество, 10 апреля рукоположен во иеродиакона, а 15 августа — во иеромонаха.

Окончил академию со степенью кандидата богословия, после чего был назначен преподавателем гомилетики Тульской духовной семинарии.

В марте 1900 г. был назначен инспектором Кутаисской духовной семинарии. В 1901 г. переведен на должность инспектора Тифлисской духовной семинарии, а в 1902 г. назначен ее ректором в сане архимандрита.

В 1905 г. хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. С 1908 г. — епископ Нарвский, викарий С.-Петербургской епархии.

С 20 марта 1914 г. — епископ Вятский и Слободской. Одновременно он стал председателем Вятского отдела ИППО, должность которого нес до революции. В 1914 г. пожертвовал 500 руб. на нужды ИППО.

Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. в Москве. На Соборе был председателем издательского отдела, заместителем члена Св.Синода.

В 1918 г. был арестован в Москве и заключен в Бутырскую тюрьму без предъявления вины. 7 апреля 1919 г. возведен в сан архиепископа (заочно?). 23 апреля 1919 г. был приговорен к трем года заключения в концлагере, отправлен в Архангельский лагерь. Однако через полтора года был досрочно освобожден из концлагеря и вернулся в Москву. В 1920-х гг. неоднократно арестовывался.

В 1921 г. стал членом Священного Синода и назначен архиепископом Астраханским. К месту назначения не выехал из-за подписки о невыезде. В 1922 г. был назначен архиепископом Крутицким. Ближайший помощник Святейшего Патриарха Тихона. В 1923 г. был привлечен к суду вместе с патр. Тихоном, в 1924 г. — приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. Сослан в Чимбай (Каракалпакия), затем в г. Хиву. В 1925 г. — освобожден.

С ноября 1925 г. — митрополит Одесский. С 1927 г. — митрополит Ташкентский и Туркестанский.

Был хорошим оратором, являлся способным и даровитым человеком.

Ист.

Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского Общества 1 мая 1916 г. // Сообщения ИППО. 1916. Т. 27. С. 182.

Духовный вестник Грузинского экзархата. 1905. № 13/14.

Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 23. С. 960; № 29. С. 1196–1198.

Церковные ведомости. 1905. № 23. С. 286; № 28. С. 343–344; 1908. № 9. С. 45; 1910. № 24. С. 262, 263; 1912. № 44. С. 403; 1918. № 19–20. С. 114.

Соч.:

Акафист преп. Сергию Радонежскому. 1928.

Об автокефальности Грузинской Церкви и церковной жизни в Грузии при католикосах. (Историческая справка). Тифлис, 1905.

Слово в день празднования 200-летия Александро-Невской Лавры 30 августа 1913 года // Прибавление к Церковным ведомостям. 1913. № 36. С. 1603.

Лит.

ЖМП. 1931. № 1. С. 1; 1932. № 7–8. С. 5; № 11–12. С. 2; 1933. № 14–15. С. 9.

ПОМОЩНИКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Епископ Симеон (Сергей Иванович Покровский)

(24.09.1846, с. Маркино Пензенской губ. — 20.11.1913, г. Самара)

Родился в семье причетника. Учился сначала в Красноярском духовном училище, затем в Томской духовной семинарии, по окончании которой в 1868 г. работал учителем Красноярского духовного училища. В том же году поступил в С.-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1873 г. со степенью кандидата богословия. По окончании академии был назначен преподавателем Св. Писания в Вятскую духовную семинарию.

По некоторым сведениям, с 1884 г. являлся инспектором Тверской духовной семинарии.

15 декабря 1884 г. был пострижен в монашество. 6 сентября 1890 г. был назначен ректором Волынской духовной семинарии, а 23 сентября — возведен в сан архимандрита.

31 октября 1893 г. хиротонисан во епископа Глазовского, викария Вятской епархии. Однако на Вятке он пробыл только год. В 1894 г. он стал товарищем председателя вновь открывшегося в Вятке Вятского отдела ИППО. В 1894 г. упоминается как действительный член ИППО с ежегодным взносом.

В дальнейшем он пребывал еще на четырех кафедрах: с 12 ноября 1894 г. — епископ Екатеринбургский и Ирбитский, с 12 июля 1896 г. — епископ Екатеринославский и Таганрогский, с 1 апреля 1911 г. — епископ Екатеринославский и Мариупольский, а 4 октября 1911 г. в связи с отъездом епископа Константина в Могилев был назначен епископом Самарским и Ставропольским.

Не имея особых дарований на литературном поприще, он в полной мере проявил себя в социальном служении. Он возглавил Самарскую епархию в тяжелое для губернии время неурожая и голода. В фонд помощи голодающим епископ внес тысячу рублей. В годы его управления епархией в Самаре, в поселке Новый Оренбург (ныне поселок Шмидта), была построена Богородице-Рождественская церковь. Также епископ Симеон способствовал устройству в Екатеринбурге Дома трудолюбия. В трогательных воспоминаниях о еп. Симеоне, опубликованных одним из членов Самарской Консистории в 1918 г., подчеркиваются мягкость и смиренномудрие этого пастыря.

Соч.

Архипастырское послание пастырям Екатеринославской епархии // Прибавление к Церковному вестнику. 1910. № 43. С. 1799.

Ист.

Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества // ВЕВ. 1894. № 3. Отд. офиц. С. 47.

Самарские епархиальные ведомости. 1911. 15 октября. № 20. С. 562–563.

Самарские епархиальные ведомости. 1918. № 2. (воспоминания о нем)

К 125-летию Екатеринбургской и Верхотурской епархий. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/969450.html>

Самарская епархия. URL: <http://pfo.ru/?id=24329>.

Епископ Варсонофий (Владимир Афанасьевич Курганов)

(1834 (1836), с. Сыресево Городищенского у. Пензенской губ. — 7.01.1904, г. Вятка)

Родился в семье священника. Являлся братом церковного историка, византолога, профессора Казанской духовной академии и Казанского университета Ф.А. Курганова.

В 1856 г. окончил Пензенскую духовную семинарию. В 1857 г. рукоположен во священника к церкви родного села, в 1863 г. перешел в с. Шугурово того же уезда. После смерти жены поступил в 1866 г. в Казанскую духовную академию. Окончил академию в 1870 г. со степенью кандидата богословия и оставлен при академии доцентом. В 1872 г. был назначен помощником инспектора Казанской духовной академии, в 1873 г. утвержден в степени магистра. В 1875 г. пожалован фиолетовой скуфьею. С 1876 г. состоял законоучителем Казанского учительского института, где разработал программу и учебный курс Закона Божия. Входил в совет законоучителей Казанской епархии (1877–1889), в педагогическое и распорядительное собрание правления Казанской духовной семинарии от духовенства (1879–1889). Принимал участие в разработке программ по Закону Божию для городских училищ. В 1880 г. за отлично усердную службу по епархиальному ведомству награжден

камилавкою, в 1884 г. — наперсным крестом от Св. Синода и в 1887 г. за отлично-усердную службу по ведомству Министерства народного просвещения удостоен Св. Синодом сана протоиерея.

Получив 3 февраля 1889 г. назначение на должность ректора Орловской духовной семинарии, 27 февраля принял монашество и 2 марта был возведен в сан архимандрита. В Орлове на него были возложены должности председателя и казначея Орловского епархиального училищного совета, членом губернского училищного совета, цензора проповедей духовенства городских и уездных церквей, редактора «Орловских епархиальных ведомостей». В 1890 г. был назначен товарищем председателя Орловского Православного Петропавловского братства по училищным делам. В 1891 г. переведен ректором в Казанскую духовную семинарию. Почетный член Казанского духовной академии (с 1903).

С 1892 г. — епископ Великоустюжский, викарий Вологодской епархии. 10 декабря 1894 г. назначен епископом Глазовским, 2-м викарием Вятской епархии, и одновременно настоятелем Успенского Трифонова монастыря. При нем Успенский собор был расписан и капитально отремонтирован. На Вятке он много времени посвящал общественному, педагогическому и церковному служению. После прибытия в Вятку, в 1895 г. был председателем епархиального училищного совета. С 1895 г. являлся председателем совета Братства Св. Николая.

6 мая 1901 г. Всемилошвейшее сопричислен к ордену св. Владимира 3 ст. В 1902 г. по решению Синода переименован в 1-го викария той же епархии с настоятельством в Успенском Трифоново монастыре.

Епископ Варсонофий был известен и как благотворитель. Будучи в Казани, он пожертвовал 5 тыс. руб. на учреждение стипендии имени архиеп. Никанора (Бровковича), бывшего ректора Казанской духовной академии. Также преосвященный Варсонофий, умирая, завещал 2 тыс. руб. на монастырскую библиотеку с условием, чтобы она была составлена преимущественно из святоотеческих творений.

Действительный пожизненный член ИППО. С 1896 г. состоял товарищем председателя Вятского отдела Палестинского Православного общества, вплоть до своей смерти в январе 1904 г. Как писалось о нем в Отчете Вятского отдела ИППО, «покойный владыка всегда сочувственно относился к задачам и целям Палестинского Общества, помогая отделу в его деятельности своими советами и ежегодными пожертвованиями».

Был погребен в Успенском соборе Трифонова монастыря.

Соч.:

Устройство управления в церкви королевства греческого. Казань, 1871 [Магист. дис.].

Поучение при погребении о. прот. И. Ив. Лепоринского. Казань, 1888.

Слово в день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, 8 мая. Казань, 1891.

Слово в 20-ю годовщину Вятского братства святителя и чудотворца Николая // Известия по Казанской епархии. 1892. № 2. С. 20–27.

Речь при наречении во епископа // Известия по Казанской епархии. 1892. № 16. С. 438–440.

Из академической жизни // Православный собеседник. 1904. № 2. С. 279–280;

Ист.:

ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 335. Л. 1 об.

ГАКО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 255. Л. 2, 14, 102–102 об., 169.

РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 190.

Варсонофий, еп. Глазовский // Прибавление к Церковным ведомостям. 1904. № 3. С. 101–102.

Преосв. Варсонофий, еп. Глазовский (некролог) // ВЕВ. 1904. № 2. С. 101–107.

Варсонофий (Курганов), еп. Слово об освящении обновленного Соборного Успенского храма в Вятском Трифоново Монастыре // ВЕВ. 1896. № 12. 16 июня. Отд. неофиц. С. 587–592.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1903/04 год. Вятка, 1904. С. 3, 4.

Лит.:

Кустова Е.В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря. 2 изд-е. Т. 1. Киров, 2013. С. 401–406; Т. 2. С. 56–59.

Епископ Филарет (Никольский) (1904) (см. выше)

Епископ Павел (Петр Захарович Поспелов)

(11.01.1855, Олонецкая губ. — 1925 (после 1930?))

Родился в семье причетника. 16 сентября 1876 г. по окончании курса Олонецкой духовной семинарии со званием студента был определен на должность иподиакона к Петрозаводскому кафедральному собору. В 1877 г. рукоположен во священника.

Его церковное служение тесно перемежалось с педагогическим. С 1877 г. работал учителем арифметики и географии в Петрозаводском духовном училище. С 1879 г. определен законоучителем в Петрозаводское женское приходское училище. В 1881 г. был назначен для служения и преподавания Закона Божия в Петрозаводской Николаевский женский приют и учителем пения. В 1881 г. по прошению перемещен настоятелем в Марцеальневодский приход Петрозаводского уезда, назначен помощником миссионера. С 1882 по 1884 гг. состоял депутатом на Петрозаводском училищном съезде. 22 марта 1882 г. был назначен законоучителем и заведующим Кончезерского училища. В 1886 г. утвержден в должности духовника семинарии и законоучителем образцовой начальной школы при семинарии.

После смерти жены осталось трое детей. В 1887 г. он поступил в С.-Петербургскую духовную академию, и 26 октября 1890 г. был пострижен в монашество ректором академии еп. Антонием. В 1891 г. по С.-Петербургской духовной академии со степенью кандидата богословия был назначен на должность инспектора С.-Петербургской духовной семинарии. В 1893 г. указом Синода он был назначен на должность ректора Литовской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита в С.-Петербурге, а также настоятелем Виленского Троицкого монастыря. В 1895 г. был назначен на должность ректора С.-Петербургской духовной семинарии. Состоял: неперменным членом Совета

С.-Петербургского Епархиального Братства во имя Пресвятой Богородицы и председателем столичного его отделения, членом епархиального училищного совета и цензором журнала «С.-Петербургский Духовный Вестник». В 1896 г. был награжден орденом св. Анны 2 ст.

В 1897 г. его назначили епископом Старицким, викарием Тверской епархии. Был утвержден товарищем председателя в Епархиальный комитет Православного миссионерского общества. Являлся товарищем председателя Тверского отдела Императорского Православного Палестинского общества, а 19 мая 1898 г. сопричислен в пожизненные действительные члены этого общества и имел особый его знак для ношения на шее.

В 1899 г. по указу Синода уволен по болезненному состоянию на покой с назначением местопребывания в Высокогорской пустыни Арзамасского уезда, а с 1900 г. ему было назначено местопребывание в Валаамском монастыре.

В 1903 г. был командирован в помощь по управлению епархией епископу Пермскому Иоанну, впредь до его выздоровления, причем ему было присвоено наименование епископа Кунгурского и вверено ему управление в Соликамском Истобенском Свято-Троицком монастыре на правах настоятеля.

17 января 1905 г. был определен епископом Глазовским, викарием Вятской епархии. С этого же времени он состоял настоятелем Успенского Трифонова монастыря и председателем Братства Святителя Николая чудотворца, согласно уставу последнего. 6 мая 1905 г. Вятским отделом Православного Палестинского общества еп. Павел был избран товарищем

председателя. Упоминается в документах председателем Вятского отдела до 1916 г., но, вероятно, исполнял эти функции до конца существования Вятского отдела ИППО.

В 1909 г. назначен председателем Комитета по ведению религиозно-нравственных чтений в г. Вятке. В 1910 г. — председателем комитета по подготовке юбилейных торжеств по случаю 300-летней годовщины со дня смерти преп. Трифона, которая отмечалась 8 октября 1912 г. В 1914 г. назначен председателем Комитета Православного миссионерского общества.

Вятские архиереи всегда давали еп. Павлу самые лучшие характеристики: «Поведения очень хорошего, в должности способен» (1891), «поведения весьма хорошего, в должности исправен и благонадежен» (1892), «поведения отличного, по службе вполне исправен и благонадежен» (1894), «поведения отлично-хорошего; в должности примерно-исправен и благонадежен» (1896), «поведения весьма хорошего, исправен и благонадежен» (1897). В 1907 г. был награжден орденом св. Владимира 3-й ст., а в 1912 г. — св. Анны 1 ст.

При нем была проведена масштабная реставрация Успенского собора и других храмов Успенского Трифонова монастыря. Архиерей способствовал распространению духовного просвещения: при нем в 1909 г. была создана Глазовская переводческая комиссия, к 1916 г. издавшая 26 книг, брошюр и листовок на удмуртском языке. Также еп. Павел состоял членом церковно-певческого общества Вятки.

22 декабря 1908 г. он был избран председателем Вятской народной монархической партии. После революции 1917 г. он первоначально пытался противостоять Советской власти. В июле 1918 г. он был назначен епископом Козловским, Тверским викарием. С 1923 по 1924 г. он являлся епископом Шацким, викарием Тамбовской епархии. Скончался владыка Павел в 1925 г.

Ист.:

ГАКО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 262. Л. 115, 119, 122; Оп. 80. Д. 49.

РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 707. Л. 1–69 об.

Документы из личного архива правнука еп. Павла — Е.Е.Уйманова.

Лит.

Кустова Е.В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря. 2 изд.-е. Киров, 2013. Т. 2. С. 61–64.

Селивановский К., прот. История Вятского Успенского Трифонова монастыря от его основания до настоящего времени. Вятка, 1912. С. 103.

КАЗНАЧЕИ

Тепляшин Иоанн Иоаннович

(22.01.1839, с. Горохово Орловского у. Вятской губ. — 1.09.1907, г. Вятка), протоиерей.

В 1880-х гг. настоятель Сретенской церкви г. Вятки. Позднее — протоиерей Спасского собора г. Вятки, почетный благотворитель. Был награжден орденом Анны 2 ст., наперсным и палестинским крестом. Пожизненный действительный член ИППО. С основания Вятского отдела ИППО в 1894 г. был избран его казначеем. Из года в год отмечалось, что «все делопроизводство и письмоводство по делам отдела ведено, как и в прежние годы, отцом казначеем в совершенном порядке». Ежегодно совет выражал ему «признательность и благодарность» за многолетнее безвозмездное и образцовое ведение дел Вятского отдела ИППО. Был казначеем до января 1907 г., когда по причине тяжелой болезни попросил освободить его от занимаемой должности. Умер спустя несколько месяцев после этого и был погребен на Богословской кладбище г. Вятки.

Ист.

РГАДА. Ф. 337. Оп. 10. Д. 10009. Л. 75–96.

Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества // ВЕВ. 1894. № 3. Отд. офиц. С. 47.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 13.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1906/07 год. Вятка, 1907. С. 29–30.

ПККВГ на 1900. Вятка, 1899. С. 61, 67, 76.

ПККВГ на 1905. Вятка, 1904. С. 68.

ПККВГ на 1907. Вятка, 1907. С. 59.

Костров Иоанн Михайлович,
протоиерей Спасского собора г. Вятки.

Был награжден орденами Владимира 3 ст., Анны 2 ст., палицей. Являлся членом Вятского местного отдела состоящего под Высочайшим Императорского Величества покровительством общества совместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. В 1913 г. был делегатом от Вятской губернии на I Всероссийском съезде последователей гомеопатии.

Пожизненный член сотрудник ИППО. С 16.05.1907 — казначей Вятского отдела ИППО. Упоминается в этой должности до 1916 г., но, вероятно, исполнял эти функции до конца существования Вятского отдела ИППО.

Ист.:

Отчет Вятского отдела ИППО за 1906/07 год. Вятка, 1907. С. 31.

ПККВГ на 1913 г. Вятка, 1913. С. 40, 48.

ПККВГ на 1916 г. Вятка, 1916. С. 58, 63, 71.

КАНДИДАТЫ КАЗНАЧЕЯ

Петр Иванович Лашкевич статский советник, член Губернского попечительного о тюрьмах комитета, член общего присутствия Вятской казенной палаты по промысловому налогу, управляющий Вятской контрольной палатой, старший ревизор акцизного управления. награжден орденом Станислава 2 ст. и Анны 3 ст. Пожизненный действительный член ИППО. Кандидат казначея Вятского отдела ИППО с 16.01.1894, упоминался в этой должности до 1909 г.

Ист.:

ПККВГ на 1900. Вятка, 1899. С. 20, 27, 28, 67.

ПККВГ на 1909. Вятка, 1909. С. 63.

Павел Александрович Лаженицын — протоиерей Богоявленского собора г. Вятки. Упоминается как кандидат в казначеи Вятского отдела ИППО с 1916 г., по-видимому, исполнял эту должность до конца существования Отдела. Был награжден наперсным крестом, орденом Анны 3 ст.

Ист.:

ПККВГ на 1916 г. Вятка, 1916. С. 63, 71.

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛИ

Василий Семенович Майшеев († 27.06.1900, г. Вятка)

Губернский секретарь. Почетный смотритель Котельничского 3-х классного училища. В 1880–1890-х гг. владелец обширной типографии в г. Вятке.

При открытии Вятского отдела ИППО в 1894 г. стал пожизненным членом-сотрудником с единовременным взносом 200 руб. Упоминается делопроизводителем Вятского отдела ИППО с 1898 г., но был, вероятно, еще с 1894–1895 гг., исполнял должность вплоть до смерти в 1900 г. Как

указывалось в отчете Вятского отдела за 1900/1901 г., В. С. Майшеев «достойн глубокой благодарности за его щедрое и ревностное отношение к нуждам общества, выразившееся в безмездном труде печатания отчетов, брошюр в нескольких тысячах экземпляров, бланков, объявлений, повесток и пр. со дня открытия Отдела до дня смерти».

Погребен на Ахтырском кладбище г. Вятки.

Ист.:

РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 10. Л. 167–168.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 3.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 5, 9.

ПККВГ на 1900. Вятка, 1899. С. 43, 67.

Сергей Семенович Липягов (март 1867, г. Вятка — после 1919)

Сын священника, статский советник. Холост. Окончил Московскую духовную академию. Кандидат богословия. Преподавал в Вятском духовном училище, был помощником его смотрителя, затем инспектором с годовым жалованием 1500 руб.). Преподавал Священную историю Ветхого и Нового Завета, позднее Катехизис и Краткое изъяснение богослужения с церковным уставом. Был награжден орденами Владимира 4 ст., Анны 2 ст., Станислава 2 ст.

В 1894 г. был избран делопроизводителем Вятского отдела ИППО. Потом несколько лет в совете Вятского отдела не состоял и данную должность не исправлял. Летом 1898 г. посетил Святую Землю. В 1898 г. был назначен распорядителем чтений в г. Вятке. 13.03.1901 назначен вновь исполняющим обязанности делопроизводителя Вятского отдела ИППО, 23.03.1903 был утвержден в этой должности, которую исполнял до 1907 г. В указанные годы проводил чтения с демонстрацией «туманных картинок»

в Вятском духовном училище, в аудиториях Вятского губернского земства и Вятского уездного попечительства о народной трезвости. Как говорилось в отчете Вятского отдела, чтения с их участием «отличались особенным интересом и выслушивались с самым напряженным вниманием, т.к. ведены были Н.Г. Гусевым и С.С. Липяговым, посетившими летом 1898 года святые места Востока и представляли собственно не чтения, а рассказ очевидцев, обильно иллюстрируемые туманными картинками».

Член 3-й Государственной думы от Вятской губернии (1.11.1907–9.06.1912) Входил в *Конституционно-демократическую фракцию*. Член комиссий по делам Православной церкви, по народному образованию, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, для рассмотрения законопроекта о гимназиях и подготовительных училищах. Докладчик комиссий по делам Православной церкви и по народному образованию.

22.11.1918 Вятская губЧК арестовала его «за принадлежность к партии кадетов до окончания остроты момента для г. Вятки». 25.02.1919 из-под ареста был освобожден. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован 26.09.1992.

Ист.:

РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 439.

ПКВГ на 1902. Вятка, 1902. С. 55, 62.

ПККВГ на 1907. Вятка, 1907. С. 59.

Вятские епархиальные ведомости. 1894. 1 февраля. № 3. Часть офиц.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 г. Вятка, 1889. С. 5, 7.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 г. Вятка, 1901. С. 63.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1903/04 г. Вятка, 1904. С. 5, 10.

Лит.: Боиович М.М. Члены Государственной думы (Портреты и биографии).

Третий созыв. М., 1909. С. 69.

Книга памяти Кировской обл.

Иоанн Михайлович Костров, прот. Упоминается в качестве делопроизводителя Вятского отдела ИППО в 1914–1916 гг., где также нес и казначейскую должность (см. выше).

ЧЛЕНЫ СОВЕЩАТЕЛЬНОГО СОВЕТА

Вятский вице-губернатор

Ратьков-Рожнов Всеволод Александрович

(26.01.1833, с. Воронцово Буйского у. Костромской губ. — 15.02.1898, г. Вятка)

Представитель известного дворянского рода. В детские годы семья переехала из Костромского имения в С.-Петербург. Окончив с отличием Училище Правоведения, в 1854 г. был определен в Сенат, где прослужил четверть века. 18 лет он являлся обер-секретарем этого учреждения, пройдя путь от

коллежского асессора до гражданского генерала. В 1879 г. он перешел на службу в Министерство внутренних дел, и в том же году, в чине действительного статского советника, был назначен вице-губернатором Вятской губернии. Будучи человеком достаточно амбициозным, он просил министра назначить его губернатором, но тот не согласился, мотивировав это отсутствием у него опыта службы на местах и знания провинциальных реалий.

Он занимал пост вице-губернатора в 1879–1895 гг. На своем посту ему часто приходилось замещать должность губернатора во время его отлучек, которые могли продолжаться по несколько месяцев. Много сам ездил по Вятской губернии для ревизии уездных присутственных мест. По должности генерал-губернатора он был обязан участвовать в деятельности различных местных комитетов и комиссий, организаций и объединений. Везде, где он работал, он вносил своей деятельностью энергию и неравнодушие в предпринятое дело. Так, он был товарищем председателя местного управления Красного Креста, Общества спасения на водах, за что был награжден золотым знаком Общества, Вятского статического комитета. Много внимания уделял изданию Памятных книжек и календарей Вятской губернии, стараясь наполнить его полезной информацией и интересным материалом по жизни и истории края.

Перегруженный, как добросовестный чиновник, служебными обязанностями, он находил время и для литературной деятельности, «оживив» своими публикациями «Вятские губернские ведомости».

Всеволод Александрович не отличался покладистым характером, критично относился к начальству, что негативно сказывалось на его карьере. Про себя писал, что «лесть и неправда всегда претили мою душу». Дважды был женат.

В соответствии со своим чином он был удостоен многих наград — орденов св. Анны 1 ст., св. Станислава 1 ст., св. Владимира 3 ст. Имел также два знака отличия: за введение в действие положения 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян, другой — за введение в действие положения 26.06.1863, а также бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг.

Когда самочувствие стало ухудшаться, а шансов на дальнейшее продвижение по службе не было, Ратьков-Рожнов подал в отставку в чине действительного статского советника.

Выйдя в отставку, Всеволод Александрович решил не возвращаться в столицу и остался в полюбившейся ему Вятке, посвятив свой досуг общественной и литературной деятельности. По свидетельству современника, «так долго прожил на Вятке, так сжился с местными жителями и так много видел от них внимания и доброго расположения, что Вятку стал считать своей второй родиной». Он участвовал в работе почти всех благотворительных и культурно-просветительных обществ города. В 1896 г. стал председателем губернского земского собрания. В последние годы активно занимался научно-богословской

литературой, написал несколько биографических очерков для «Вятских епархиальных ведомостей». В Вятке он написал мемуары. Будучи человеком верующим, написал житие святого Всеволода, князя Псковского, и великомученицы Пелагеи — его и его матери покровителей.

При открытии Вятского отдела ИППО в 1894 г. стал пожизненным членом-сотрудником. До своей смерти в 1898 г. являлся членом совещательного совета Вятского отдела ИППО, но с какого года вошел в его состав — не известно.

В посвященном ему некрологе было сказано, что «у него был ровный спокойный характер, в обращении он был прост и доступен, не терпел лжи и лести».

В. А. Ратьков-Рожнов был похоронен на кладбище Трифонова монастыря вместе со своими рано умершими детьми.

Брат известного сенатора и Петербургского городского головы Вл.А. Ратькова-Рожнова (1834–1912).

Соч.

Выдающийся благотворитель г. Вятки Яков Александрович Прозоров. Вятка, 1896. 11 с.

Вятский губернский статистический комитет : Ист. очерк по подлинным документам. Вятка, 1896. 27 с.

Ист.

ГАКО. Ф. 237. Оп. 226. Д. 264. Л. 231; Д. 668. Л. 97; Ф. 247. Оп. 1. Д. 201. Л. 97. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1148. (мемуары В.А. Ратькова-Рожнова).

Адрес-календарь // ПККВГ на 1885 г. Вятка, 1885. С. 184, 207–217.

В.А. Ратьков-Рожнов (некролог) // ВГВ. 1898. № 14. С. 6; № 15. С. 6–7; 25 февраля. С. 6–7.

Памяти Всеволода Александровича Ратькова-Рожнова. Вятка, 1898.

Лит.

Дубин А.С. Ратьковы-Рожновы в С. Петербурге и на Урале // Сплетались времена, сплетались нравы... Вып. 10. СПб., 2002. С. 60–72.

Шилов Д.Н. Вятский вице-губернатор В. А. Ратьков-Рожнов и его мемуары // Краеведение в развитии провинциальной культуры России. Мат-лы научной конференции. Киров, 2009. С. 201–217.

Петялин Иван Александрович

Окончил Петербургскую Императорскую Медико-хирургическую академию и в 1884 г. защитил диссертацию на звание доктора медицины. Инспектор врачебного отделения Вятского губернского правления, статский советник. Был награжден орденами св. Анны 3 ст., св. Станислава 2 ст.,

имел медаль в память войны 1877–1878 гг. Являлся членом попечительного комитета Вятской губернской публичной библиотеки. Был врачом Вятской Мариинской женской гимназии, а также врачом семинарской больницы.

Член-сотрудник ИППО, до 1898 г. — член совещательного отдела ИППО. В 1898 г. выбыл по службе в Тамбов. Однако при открытии в Тамбове Отдела ИППО в 1902 г., в его Совет он не вошел.

Соч.

О санатории в селе Филейке // ВГВ. 1895 г. № 71. С. 3–4.

О вредных примесях к воздуху жаровых душников при центральном воздушном отоплении : материалы для общественной гигиены : диссертация на степень доктора медицины И. А. Петялина. СПб., 1884.

Ист.:

Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 3.

ПККВГ на 1898 год. Вятка, 1898. С. 15, 18, 50, 62.

Люминарский Александр Иванович

(25.09.1830, г. Царевосанчурск Вятской губ. — 9.02.1909, г. Вятка),
заштатный протоиерей Вятского кафедрального собора, эконо-
м архие-
рейского дома.

После окончания в 1854 г. Вятской духовной семинарии он служил священником в с. Красноглинском Глазовского уезда, на Омутнинском заводе, в с. Атырском Уржумского уезда. В 1869 г. он был переведен в Вятку для служения при Крестовой церкви Вятского архиерейского дома. Здесь на него были возложены обязанности эконо-

ма, которые он нес 23 года. С 1893 г. он служил в кафедральном соборе.

Живя в сельских приходах, прот. Александр был законоучителем и учителем церковно-приходской школы (1857–1860), за успешное обучение крестьянских детей грамоте ему было преподано благословение Синода. Являлся катехизатором (1860–1870), был членом духовной консистории (1887–1890), состоял казначеем Совета Братства Святителя и чудотворца Николая

(1889–1898), членом правления семинарии, депутатом в Губернском земском собрании, председателем Строительных комитетов по переустройству здания духовной консистории и певческого корпуса на архиерейском дворе, по устройству помещения для епархиальной библиотеки и по постройке здания епархиальной богадельни. Также состоял членом Вятского общества Красного Креста, Вятского православного миссионерского общества, Братства святителя и чудотворца Николая, был членом-соревнователем попечительства о народной трезвости, с 1893 г. — председателем Совета Вятского епархиального женского училища. Причем многие обязанности нес безвозмездно.

С 1894 г. действительный член ИППО. В 1900–1909 гг., вплоть до своей смерти, являлся членом совещательного совета Вятского отдела ИППО.

За благочестное служение Церкви и успешное исполнение различных обязанностей он неоднократно получал благодарности от епархиального начальства и благословения Св. Синода. Имел он и церковные награды: набедренник, скуфью, камилавку, палицу, золотой наперсный крест, крест в память войны 1853–1856 гг. Среди светских наград был награжден орденами св. Анны 2 ст., св. Владимира 4 ст., знак Красного Креста. На молебне, когда отмечался 50-летний юбилей его священнического служения, было почти все городское духовенство во главе с преосв. Филаретом. Протоиерей Александр скончался в возрасте 78 лет, будучи уже на покое, от отека легких. Погребен на кладбище Вятского Успенского Трифонова монастыря.

Ист.:

ГАКО. Ф. 237. Оп. 226. Д. 1309. Л. 193.

В. В. 50-летний юбилей служения в священном сане прот. А. И. Люминарского // ВЕВ. 1905. 16 марта. № 6. Отд. дух.-лит. С. 371–374.

ПККВГ на 1901. Вятка, 1900. С. 72.

ПККВГ на 1902. Вятка, 1901. С. 58, 61, 62, 72;

ПККВГ на 1905. Вятка, 1904. С. 67, 68, 78.

ПККВГ на 1909. Вятка, 1909. С. 63.

Александр (Трапицын Александр Иванович)

(29.08.1862, с. Волма Вятского у. Вятской губ. —

14.01.1938 (по др. свед. — 21.12.1937), Куйбышев) —

священномученик, архиепископ Самарский, духовный писатель.

Родился в семье священника. Окончил в г. Вятке сначала духовное училище, а затем семинарию. После окончания в 1888 г. Казанской духовной академии, получил назначение на должность надзирателя в Вятское

духовное училище. 26.02.1889 был рукоположен в священника Всесвятской церкви в г. Вятке. С 1893 г. одновременно исполнял должность законоучителя Вятского Александровского училища. 27 мая 1896 г. введен в состав епархиального училищного совета. В 1897 г. был назначен инспектором Вятской духовной семинарии. В 1892–1897 гг. состоял депутатом от Духовного ведомства в Вятской городской думе. В 1892 г. скончалась жена А.И. Трапицына, что подтолкнуло его спустя несколько лет принять монашество.

Летом 1894 г. он посетил Святую Землю, о своей поездке написал ряд очерков и опубликовал их в «Вятских епархиальных ведомостях». Так, он сообщал, что «Мысль посетить святы места Востока, особенно святой град Иерусалим, и поклониться там св. Гробу Господню и другим христианским святыням явилась у меня, когда я учился еще во втором классе семинарии. С тех пор намерение побывать в Святой Земле никогда не покидало меня, а под влиянием разных обстоятельств жизни еще более усиливалось, но за разными же обстоятельствами жизни исполнение его и откладывалось на неопределен-

ное время. Наконец, возможность осуществить давнишнее желание явилась. Господь послал мне и спутников в лице двоих моих сослуживцев А. Н. П. и Д. П. Ч». На протяжении 5 лет (1895–1899) в «Вятских епархиальных ведомостях» он публиковал свои впечатления об этой поездке («Из впечатлений паломника в Святую землю»). К сожалению, эта публикация осталась незавершенной.

Будучи паломником, им лично были сделаны рисунки особо чтимых мест Святой Земли (Голгофа, Гроб Господень, камень миропомазания, план Иерусалимского храма), которые использовались в чтениях Вятского отдела ИППО.

Пожизненный действительный член ИППО. 14.06.1898 г. был избран членом Совецательного совета Вятского отдела ИППО, пребывал в этой должности вплоть до отъезда из Вятки в 1901 г. 22 марта 1899 г. была организована комиссия по кружечному сбору ИППО под руководством А.И. Трапицына.

В 1900 г. принял монашество, а в 1901 г. стал архимандритом и был назначен ректором Калужской духовной семинарии. Член Совета Калужского отдела ИППО в 1901–1904 гг. В 1902 г. награжден орденом св. Анны 2-й степени.

12 декабря 1904 г. хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии, с 23 нояб. 1907 г. епископ Юрьевский, первый викарий

Владимирской епархии. Сотрудничал с еп. Никоном (Рождественским) во Владимирском отделе ИППО и в Миссионерском обществе. С 1912 по 1921 г. епископ Вологодский и Тотемский. В годы Первой мировой войны организовывал сбор пожертвований на военные нужды, помощь вдовам и сиротам, отряды братьев милосердия, действовавших на передовой. Участвовал во Всероссийском съезде представителей от монастырей 1917 г. Выступал за строгое соблюдение канонов, в связи с чем вступил в конфликт со сторонниками церковного «обновления». Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. После революции неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1920-х гг. был епископом Ульяновским, затем Крымским. С 1928 г. архиепископ Самарский. Поддерживал возвращавшееся из ссылок и тюрем духовенство, помогая им зарегистрироваться и получить разрешение на службу, помогал монахиням из закрытого Серафимо-Дивеевского монастыря, проводил тайные монашеские постриги. Был прост, скромн и милосерден, часто раздавал свои вещи неимущим вернувшимся из заключения священникам, помогал семьям репрессированных.

Был расстрелян. Канонизирован Архиерейским Собором РПЦ 2000 г.

Соч.:

В день Священного коронования благочестивейшего Государя имп. Николая Александровича // Вятские епархиальные ведомости. 1891. № 19;

Догмат и этика. СПб., 1903.

Из впечатлений паломника во Святую землю // Вятские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1895. № 4–6, 8–11, 17–18, 21; 1896. № 6, 13, 22; 1897. № 21; 1898. № 15; 1899. № 1.

Назидательное значение благодатной личности прп. Серафима Саровского для нашего времени. СПб., 1905.

Переписка архиепископа Александра (Трапицына) с мирскими властями о вскрытии святых мощей преподобного Феодосия Тотемского // Даниловский Благовестник. 1998. Вып. 9. С. 36–41.

Под пером светского писателя рационалиста. СПб., 1903.

Странные сетования гр. Л. Толстого в заграничной печати по поводу русско-японской войны. СПб., 1905.

Ист.:

РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 30.

УФСБ РФ по Самарской обл. Арх. № 11500, арх. № П-6620.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1899/1900 год. Вятка, 1900. С. 23–24.

ПККВГ на 1901. Вятка, 1900. С. 72.

ПККВГ на 1902. Вятка, 1901. С. 62.

Лит.:

Дамаскин (Орловский), игум. Александр (Трапицын) // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 484.

Александр Никитич Коцинский

После Ярославской духовной семинарии в 1867 г. поступил в С.-Петербургскую духовную академию, которую окончил со степенью кандидата в 1871 г. До 1906 г. был смотрителем Вятского духовного училища, которое оставил, по его словам, «в некоторых сторонах его жизни неблагоустроенным». Как вспоминал о нем В.Н. Шкляев, это «...был давний хороший знакомый мамы, прекрасный человек, по ее мнению... Коцинский был маленьким горбатым старичком, очень симпатичным, видимо, добрым, внимательным к детям... Человек очень культурный, но такие руководители до конца века, видимо, не могли полностью перестроить старую бурсу, да и Коцинских было в те времена мало, чаще во главе школ стояли люди некультурные, чуждые пониманию задач воспитания молодых граждан, да и слово это было тогда чуть ли не запрещенным». В училище преподавал катехизис, краткое изъяснение богослужения с церковным уставом.

Имел чин статского советника, был награжден орденами св. Владимира 4 ст., св. Анны 2 ст. и св. Станислава 2 ст.

Действительный член ИППО. 14.06.1898 был выбран членом совещательного совета Вятского отдела ИППО. Выбыл в сентябре 1906 г. в связи с перемещением по службе.

Соч.

Речь при погребении о. протоиерея Иоанна Яковлевича Порфирьева // ВЕВ. 1880. № 2. Отд. дух.-лит.С. 38.

Ист.:

Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 3.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1906/07 год. Вятка, 1907. С. 31.

ПККВГ на 1901. Вятка, 1900. С. 72.

ПККВГ на 1902. Вятка, 1901. С. 55, 62, 72;

ПККВГ на 1905. Вятка, 1904. С. 60, 68.

Шкляев В.Н. Воспоминания. Учеба. Вятка (1899–1908) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2013. Вып. 24.

Поскребышев Василий Степанович

(ок. 1831–11.04.1905, г. Вятка)

Потомственный почетный гражданин, кожевенный заводчик и продавец обуви и других кожевенных изделий своего производства, староста Крестовой церкви при Архиерейском доме г. Вятки. Еще в 1867 г. Поскребышевы получили свидетельства на поставку кожтоваров в военное ведомство.

Василий в 1903 г., ко дню памяти преп. Трифона Вятского устроил над его погребением новую раку. Рака была серебряной, позолоченной, «чеканной работы с эмалью». Кроме того, в 1905 г. завещал Трифонову монастырю 3 тыс. руб.

Член учетного комитета Вятского отделения Волжско-Камского коммерческого банка, член правления Вятского окружного правления императорского Российского общества спасения на водах. Начиная с открытия Вятского отдела ИППО в 1894 г., являлся действительным членом Общества. В 1898–1905 гг. упоминается членом совещательного комитета Вятского отдела ИППО.

Умер от крупозного воспаления легких. В знак уважения его погребали на кладбище Успенского Трифонова монастыря вместе с вятским духовенством и братией епископ Вятский Филарет с преосв. Павлом.

Ист.:

ГАКО Ф. 237. Оп. 226. Д. 74. Л. 648 об.–649; Д. 661. — Л. 52; Ф. 247. Оп. 1. Д. 257. Л. 232.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 3.

ПККВГ на 1901. Вятка, 1900. С. 72.

ПККВГ на 1902. Вятка, 1901. С. 18, 62, 159.

ПККВГ на 1905. Вятка, 1904. С. 68.

Александр Яковлевич Тырышкин (ок. 1862 г.р.)

Вятский купец, пароходовладелец. В 1896 г. стал управляющим «Главной конторы пароходства Я.Ф. Тырышкина». Унаследовал пост отца в качестве директора правления Товарищества Вятско-Волжского пароходства, объединившего вятских пароходовладельцев Булычевых, Тырышкиных и Александровых. В 1896 г. на его баржах привезли на р. Вятку первые паровозы из Н. Новгорода для строящейся Пермь-Котласской железной дороги. Торговал солью, мукой, цементом.

В 1900 г. пароходства Булычева, Тырышкина и слободского купца П.И. Александрова объединились для совместной работы под фирмой «Булычев», а через два года их владельцы организовали акционерное Товарищество Вятско-Волжского пароходства, прозванное в народе «пароходной монополией». В общее владение Товариществу Я. Ф. Тырышкин, помимо 12 пароходов, передал 34 баржи и баркаса, 8 пристанских дебаркадеров (в Котельниче, Чистополе, Орлове, Козлове, Вятке, Кукарке, Вятских Полянах). В правлении Товарищества он занял пост директора. В дальнейшем семейство Тырышкиных утратило свои пай в общей доле и влияние в «пароходной монополии».

Занимался широкой общественной и благотворительной деятельностью. Являлся городским головой Вятской городской управы, членом Губернского попечительного и тюрьмах комитета, членом губернского попечительства детских приютов, вице-президент Общества охотников рысистого бега Государственного коннозаводства. В 1903–1909 гг. являлся, как и его отец, церковным старостой Донской (Стефановской) церкви г. Вятки. Из своих средств содержал хор певчих, покупал дрова, провел в 1909 г. ремонт храма и церковных домов. Им были приобретены семисвечник для главного алтаря, сере-

бряный напрестольный крест с позолотой, золотой потир с принадлежностями. Являясь директором Вятского Мариинского детского приюта, в 1904 г. в приютской Благовещенской церкви провел электричество на собственные средства.

Был награжден орденом св. Станислава 2 ст.

Пожизненный член-сотрудник ИППО, в то время как его отец Яков Фомич был действительным членом Общества. В 1898–1913 гг. упоминается членом совещательного комитета Вятского отдела ИППО.

Ист.:

ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 272. Л. 274–275.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 3.

ПККВГ на 1901. Вятка, 1900. С. 72.

ПККВГ на 1902. Вятка, 1901. С. 7, 25, 45, 62, 66.

ПККВГ на 1905. Вятка, 1904. С. 68.

ПККВГ на 1908. Вятка, 1908. С. 64.

ПККВГ на 1913 г. Вятка, 1913. С. 48.

Лит.:

Березин Е.В. Благодаря уму и трудолюбию: Вятский судовладелец Я.Ф. Тырышкин // Герценка : Вятские записки. Вып. 6. Киров, 2004. С. 104–108.

Сырцов И., прот. История Донской-Стефановской церкви г. Вятки. 1721–1914 // ТВУАК. 1915. Вып. I. Отд. III.

Алексей Степанович Израилев, протоиерей († 4.09.1918, г. Вятка).

После окончания Киевской духовной академии служил в Вятской епархии. 10 лет являлся настоятелем (ключарем) Вятского кафедрального собора (1908–22.08.1918). Был преподавателем, а с 1895 г. — ректором Вятской духовной семинарии. Являлся членом Губернского училищного совета, председателем Епархиального училищного совета, действительным членом Губернского статистического комитета, членом Вятской духовной консистории, член попечительства о бедных духовного звания, членом Комитета православного миссионерского общества, членом местного комитета управления Российского общества Красного Креста, членом попечительного совета Вятской губернской публичной библиотеки. Член-сотрудник ИППО. 13.03.1901 выбран членом Совещательного совета Вятского отдела ИППО. Упоминается в этом качестве до 1916 гг., но, вероятно, состоял в совете до конца существования Вятского отдела.

Он уклонялся от участия в каких-либо партиях, материально обеспеченный, он все силы отдавал служению епархии. Был награжден орденами Владимира 3 ст., Анны 2 ст., наперсным крестом, палицей.

4 сентября 1918 г. был осужден Уральской Областной Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Приговор высшая мера наказания — расстрел. Высшая мера была применена как ответный шаг на попытку покушения на Ленина и Урицкого. Был расстрелян в г. Вятке в день вынесения приговора.

Ист.:

ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 563. Л. 432а, 432б.

Известия Вятского Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 4 сентября. № 120.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 63.

ПККВГ на 1903 г. Вятка, 1902. С. 62.

ПККВГ на 1905 г. Вятка, 1905. С. 5, 57, 58, 66–68.

ПККВГ на 1913 г. Вятка, 1913. С. 40, 48, 58, 67.

ПККВГ на 1916 г. Вятка, 1916. С. 58, 63, 65, 71.

Лит.:

Цыпин В., прот. История Русской Церкви, 1917–1997. Т. 9. М., 1997. С. 682.

Иоанн Михайлович Осокин

(12.01.1864, с. Верхопиевское Яранского у. Вятской губ. — 6.07.1921, Вятка).

Протоиерей, историк, архивист.

Родился в семье псаломщика. После окончания Яранского духовного училища поступил в Вятскую духовную семинарию, которую окончил с отличием в 1885 г., и был направлен для обучения в Казанскую духовную академию. Окончив академию, с 1889 г. стал учителем народного училища в Кукарке. В 1890 г. переехал в Пермь, работал в Соликамском духовном училище, в 1899–1902 гг. — в Пермском духовном училище. В центре его научных интересов была жизнь преп. Трифона Вятского. Он был членом юбилейного комитета в честь 300-летия со дня кончины преподобного. В 1902 г. стал протоиереем и настоятелем Воскресенского собора г. Вятки. С 1906 г. — смотрителем Вятского духовного училища. С 1904 г. — активный член Вятской ученой архивной комиссии, занимался разысканием древних рукописей по истории края. Инициатор создания в г. Вятке церковно-археологического музея в 1912 г.

Являлся членом совещательного совета Вятского отдела ИППО с 16.05.1907 до 1912 г.

В 1918 г. уволен за штат. В том же году устроился на работу архивариусом в архив при Вятской публичной библиотеке, куда свозились все ведомственные архивы. Пытался вернуться к церковному служению, однако встречен был с неприязнью как совслужащий. Только в 1919 г. был принят на должность псаломщика кафедрального собора. Скончался от многочисленных болезней и истощения.

Соч.

В каком году скончался преподобный Трифон? // ТВУАК. 1912. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 96–106.

Значение преп. Трифона в истории Вятского края // ТВУАК. 1913. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 97–110.

Исторический очерк почитания прп. Трифона. Вятка, 1912. 63 с.

К вопросу об открытии мощей прп. Трифона. Вятка, 1911.

К истории вотчинных владений Трифонова монастыря // ТВУАК. 1912. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 65–70.

Как отличать древние иконы? // ВЕВ. 1915. №32. Отд. неофиц. С. 1013.

Келейное Евангелие преп. Трифона Вятского чудотворца. Вятка, 1910.

Одно из чудес прп. Трифона // ВЕВ. 1916. № 44–45. С. 909–912.

Открытие Трифонова Церковно-Археологического музея // ВЕВ. 1912. № 41. Отд. неофиц. С. 1034–1042.

Почему не открывают мощи преп. Трифона? // ВЕВ. 1912. № 29–30. Неофиц. отд. С. 769–772.

Слово на день преподобного Трифона. Вятка. Б.г.

Указатель литературы о преп. Трифоне и основанных им монастырях. Вятка, 1911.

Церковное строительство в Вятской епархии в XVII–XVIII веках // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Материалы Межд. науч. конф. Киров, 1996. Т. 1. С. 47–60.

Что делается к ознаменованию юбилея преп. Трифона // ТВУАК. 1912. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 116–123.

Ист.:

Отчет Вятского отдела ИППО за 1906/07 год. Вятка, 1907. С. 31.

ПККВГ на 1912. Вятка, 1911.

Лит.

Бердинских В.А. Историки Вятского края. Киров, 2007. С. 14–26.

Гусев Николай Григорьевич

(ок. 1868 (по др. свед. 1860), Вятская губ. — после 1925)

Родился в семье священника. Статский советник, кандидат богословия. Посещал Царево-Константиновскую церковь г. Вятки (по описаниям, «он был высокий в шелковой голубой рубашке»).

Преподаватель словесности и педагогики Вятского епархиального женского училища, позднее преподавал в Вятской духовной семинарии церковную, общую и русскую историю.

Гласный Вятской городской думы. В канун столетия А.С. Пушкина обратился к членам Городской думы с предложением создать особую комиссию для выработки программы чествования памяти писателя.

Член Губернского и уездного комитетов попечительства о народной трезвости, Комитета епархиальной библиотеки-читальни, казначей Введенского братства для вспомоществования бедных воспитанниц Вятского епархиального женского училища, член вятского городского по квартирному налогу присутствия. Был награжден орденами Владимира 4 ст., Анны 2 ст., Станислава 2 ст.

Писатель и редактор. В 1903–1917 гг. (с перерывами) редактировал неофициальную часть «Вятских епархиальных ведомостей». В 1915 г. член редколлегии братских листков «Слово жизни» (Вятка). Из своих работ особо выделяет альбом «Вятские преосвященные за 250 лет

существования Вятской епархии. 1658–1908», с портретами, краткими биографиями и характеристиками, выпущенный в Вятке в 1909 г., а также называет пять брошюр, вышедших отдельными изданиями, не считая статей в журналах «Педагогический листок», «Народное образование» и местных газетах.

Упоминается в качестве члена совещательного совета Вятского отдела ИППО в 1905–1916 гг. но, вероятно, состоял в совете до конца существования Вятского отдела ИППО. Один из наиболее активных вятских членов ИППО, ежегодно на протяжении нескольких лет проводивший чтения о Святой Земле в г. Вятке. В 1898 г. был назначен распорядителем чтения в г. Вятке. Как говорилось в отчете Вятского отдела, чтения с их участием «отличались особенным интересом и выслушивались с самым напряженным вниманием, т.к. ведены были Н.Г. Гусевым и С.С. Липяговым, посетившими летом 1898 года святые места Востока и представляли собственно не чтения, а рассказ очевидцев, обильно иллюстрируемые туманными картинками». За особые заслуги в организации чтений 22 марта 1899 г. был удостоен звания пожизненного члена-сотрудника. Вел методическую работу, в частности, в 1901–1902 гг. издал пособие «Об устройстве народных чтений с туманными картинками и без них (Краткое руководство)».

Был избран членом Собора Русской Православной Церкви в 1917–1918 гг. от мирян Вятской епархии. Жил в Вятке в 1925 г.

Соч.:

Вятские преосвященные за 250 лет существования Вятской епархии. 1658–1908. Вятка, 1909.

Дети, любите птичек! (Письмо к детям). Вятка, 1897, 1901, 1904.

Дети, будем любить наших добрых кормилиц-лошадок! (Письмо к детям). Вятка, 1898, 1900, 1903, 1904.

К войне. Вятка, 1904.

Об устройстве народных чтений с туманными картинками и без них : (Крат. руководство). Вятка, 1901, 1902, 1903.

Осенняя экскурсия воспитанниц епархиального училища по Вятке и ее ближайшим окрестностям. Вятка, 1899. 20 с.

Попечительства о народной трезвости : (Цели, задачи и средства). Вятка, 1901, 1902.

Путешествие во Святую землю // Вятские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1900. № 7. С. 272–295; № 8. С. 333–355; № 9. С. 402–425; № 10. С. 455–471.

Ист.:

ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 107. Л. 162, 166.

Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 7.

ПККВГ на 1906 г. Вятка, 1905. С. 68.

ПККВГ на 1913 г. Вятка, 1913. С. 15, 42, 45, 46, 48, 70.

ПККВГ на 1916 г. Вятка, 1916. С. 33, 35, 66, 71.

Лит.:

Кравецкий А.Г. Биографические сведения о членах Поместного Собора Православной российской Церкви 1917–1918 гг.

Дмитрий Петрович Михайлов, протоиерей Вятского женского Преображенского монастыря, благочинный по г. Вятке, преподаватель Священной истории, церковной истории и катехизиса в женском отделении Вятской центральной миссионерской братской школы. В 1904 г., в годы Русско-японской войны, передал «...для действующей Русской армии на Дальнем Востоке приготовленные вещи: 2 пары валенных сапог, 2 пары шерстяных фуфаяк, 2 шерстяных шарфа, 4 пары шерстяных чулок и 3 пары варежек (рукавичек)».

Был награжден орденом Анны 2 ст., наперсным крестом, палицей. Являлся членом совещательного совета Вятского отдела ИППО в 1913–1916 гг. но, вероятно, состоял в совете до конца существования Вятского отдела ИППО.

Последний раз упоминается в документах 27 апреля 1918 г. Как рассказывала послушница Преображенского монастыря, когда большевики пришли в монастырь, «видела, как солдаты били монахиню Филарету, протоиерея Михайлова, сестру Марию Хохлову, Евдокию Скопину, отца Николая Россихина». Другая сообщала, что «На дворе был большой шум, крики и стрельба. Когда я увидела, что солдаты били протоиерея Михайлова, то я подошла к нему и поддержала его за руку, и в это время какой-то неизвестный мне солдат ударил меня прикладом ружья по спине».

Ист.:

ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 203. Л. 25; Ф. 237. Оп. 74. Д. 2668. Л. 56; Д. 3437. Л. 9 об., 13. (сообщено Г.А. Моховой)

ПККВГ на 1913 г. Вятка, 1913. С. 40, 41, 48.

ПККВГ на 1916 г. Вятка, 1916. С. 63, 71.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

ГАКО — Государственный архив Кировской области
 ВЕВ — Вятские епархиальные ведомости
 ВГВ — Вятские губернские ведомости
 ПККВГ — Памятная книжка и календарь Вятской губернии
 ТВУАК — Труды Вятской ученой архивной комиссии

- ¹ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. Глава 7. URL: palomnic.org/ippo/h/4/5/ (дата обращения: 5.01.2015).
- ² Сведения о составе Вятского отдела ИППО стали публиковаться в ПККВГ, начиная с 1899 г. По не известным причинам в период с 1894 по 1898 гг. Вятский отдел ИППО не указывался наряду с иными учреждениями и обществами Вятской губернии.
- ³ Вятские епархиальные ведомости (далее — ВЕВ). 1894. № 3. Отд. офиц. С. 41–42.
- ⁴ Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества // ВЕВ. 1894. № 3. Отд. офиц. С. 44.
- ⁵ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. Глава 7. URL: palomnic.org/ippo/h/4/5/ (дата обращения: 5.01.2015).
- ⁶ Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества // ВЕВ. 1894. № 3. Отд. офиц. С. 47; Балдин К.Е., Создание местных организаций Императорского Православного Палестинского Общества (1890-е гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 4 (12). С. 8–16.
- ⁷ Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 28.
- ⁸ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. Глава 7. URL: palomnic.org/ippo/h/4/5/ (дата обращения: 5.01.2015).
- ⁹ Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 10.
- ¹⁰ Отчет Вятского отдела ИППО за 1899/1900 год. Вятка, 1900. С. 40.
- ¹¹ Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 46.
- ¹² Отчет Вятского отдела ИППО за 1903/04 год. Вятка, 1904. С. 38.
- ¹³ Отчет Вятского отдела ИППО за 1906/07 год. Вятка, 1907. С. 16.
- ¹⁴ Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 11.
- ¹⁵ Вносящие единовременно значимые суммы получали особый знак на голубой ленте для ношения на шее.
- ¹⁶ Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества // ВЕВ. 1894. № 3. Отд. офиц. С. 47.
- ¹⁷ Отчет Вятского отдела ИППО за 1906/07 год. Вятка, 1907. С. 23–28.

- ¹⁸ Список лиц, записавшихся в члены ИППО в Вятском отделе до 8 февраля 1894 года // ВЕВ. 1894. № 4. Отд. офиц. С. 71–77.
- ¹⁹ Балдин К.Е. Создание местных организаций... С. 8–16.
- ²⁰ Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 14–19.
- ²¹ Отчет Вятского отдела ИППО за 1906/07 год. Вятка, 1907. С. 23–28.
- ²² Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 10.
- ²³ Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 22.
- ²⁴ Отчет Вятского отдела ИППО за 1903/04 год. Вятка, 1904. С. 8.
- ²⁵ См., напр.: Вифлием во дни Спасителя и ныне // ВЕВ. 1895. № 24; Веселицкий А., свящ. Беседа-чтение о Св. Земле-Палестине // ВЕВ. 1903. № 6–7 и др.
- ²⁶ Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 7–8.
- ²⁷ Отчет Вятского отдела ИППО за 1899/1900 год. Вятка, 1900. С. 10.
- ²⁸ Отчет Вятского отдела ИППО за 1899/1900 год. Вятка, 1900. С. 11.
- ²⁹ См., напр.: Отчет Вятского отдела ИППО за 1906/07 год. Вятка, 1907. С. 5–8.
- ³⁰ Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 6, 7.
- ³¹ Отчет Вятского отдела ИППО за 1899/1900 год. Вятка, 1900. С. 20–21, 23.
- ³² Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 27.
- ³³ Отчет Вятского отдела ИППО за 1903/04 год. Вятка, 1904. С. 19.
- ³⁴ Отчет Вятского отдела ИППО за 1906/07 год. Вятка, 1907. С. 7.
- ³⁵ Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 30.
- ³⁶ Отчет Вятского отдела ИППО за 1903/04 год. Вятка, 1904. С. 14.
- ³⁷ Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 23.
- ³⁸ Наставление православному русскому паломнику, отправляющемуся для поклонения к святым местам в Иерусалим и на Афон // ВЕВ. 1895. № 21. С. 890–898.
- ³⁹ Панин А.Н. Преосвященный Алексий (Опоцкий). Пастырь, педагог, проповедник. Н. Новгород, 2014.
- ⁴⁰ Отчет Вятского отдела ИППО за 1899/1900 год. Вятка, 1900. С. 10, 50.
- ⁴¹ Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 4.
- ⁴² Отчет Вятского отдела ИППО за 1903/04 год. Вятка, 1904. С. 3, 4.
- ⁴³ Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского Общества 1 мая 1916 г. // Сообщения ИППО. 1916. Т. 27. С. 182.
- ⁴⁴ Отчет Вятского отдела ИППО за 1900/01 год. Вятка, 1901. С. 23–24.
- ⁴⁵ Отчет Вятского отдела ИППО за 1899/1900 год. Вятка, 1900. С. 5.
- ⁴⁶ Отчет Вятского отдела ИППО за 1898/99 год. Вятка, 1899. С. 5.
- ⁴⁷ Отчет Вятского отдела ИППО за 1899/1900 год. Вятка, 1900. С. 6.
- ⁴⁸ Гусев Н.Г. Путешествие во Святую землю // Вятские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1900. № 7. С. 272–295; № 8. С. 333–355; № 9. С. 402–425; № 10. С. 455–471; Трапицын А., свящ. Из впечатлений паломника во Святую землю // Вятские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1895. № 4–6, 8–11, 17–18, 21; 1896. № 6, 13, 22; 1897. № 21; 1898. № 15; 1899. № 1.
- ⁴⁹ Вятские епархиальные ведомости (далее — ВЕВ). 1894. № 3. Отд. офиц. С. 41–42.

ПУБЛИКАЦИИ

Записка А.П. Бутенева об избрании Салоникского митрополита Каллиника Александрийским патриархом (1858)*

О. Е. Петрунина

Значительная часть карьеры известного русского дипломата Аполлинария Петровича Бутенева (1787–1866) прошла в Константинополе, где он служил в качестве временного поверенного в делах (1829–1830), затем посланника (1830–1843). В годы его службы происходили важные события в русско-турецких отношениях: в годы первого египетского кризиса (1830–1833) А.П. Бутенев убедил султана обратиться за помощью к России и затем способствовал заключению Ункяр-Искелессийского договора, устанавливавшего двусторонний контроль над черноморскими проливами.

После Крымской войны А.П. Бутенев вновь был направлен в Константинополь для возобновления двусторонних дипломатических отношений (1856–1858). Поскольку к этому времени уже было ясно, что Церковь является мощным инструментом укрепления российского присутствия на Востоке, то А.П. Бутеневу было поручено действовать и в этом направлении. Ему удалось добиться не только восстановления, но и расширения российского духовного и консульского присутствия на Востоке: возобновило свою деятельность российское генеральное консульство в Бейруте, открылось консульство в Иерусалиме, там же вновь заработала Русская духовная миссия, которую на этот раз возглавил епископ Мелитопольский Кирилл (Наумов), было положено начало поддержке массового паломничества из России в Святую Землю¹.

По окончании Крымской войны возобновили свою деятельность и российские консульские учреждения в Египте. Генеральным консулом туда был назначен другой выдающийся дипломат — Николай Карлович Гирс (1856–1858), будущий министр иностранных дел. За короткое время своего пребывания в Египте он сумел прекрасно разобраться в тонкостях взаимоотношений

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-01-00306-ОГН).

местных религиозных общин и оказать посильную поддержку униатам, пожелавшим перейти в православие². В его отсутствие в жизни Александрийской патриархии произошло важное событие: скончался патриарх Иерофей II (1847–1858) и началась борьба за избрание нового главы Церкви.

Подробности этой борьбы и процедуры выборов нового Александрийского патриарха отражены очень слабо, а иногда и совсем не отражены в работах историков греческой общины в Египте³, опубликованных сборниках документов⁴, трудах историков Церкви⁵. Важные сведения о борьбе за патриарший престол в 1858 г. и ходе выборов содержатся в хранящихся в АВПРИ дипломатических документах. Среди них особую ценность представляют донесения А.П. Бутенева в МИД и лично А.М. Горчакову, а также составленная им аналитическая записка, в которой сведены воедино связанные с этим делом события.

Записка А.П. Бутенева охватывает период от кончины патриарха Иерофея II 1 января 1858 г. до конца того же месяца, когда были объявлены официальные результаты выборов нового патриарха. В документе освещены преимущественно события, происходившие в Константинополе, ставшем главным центром церковно-политической борьбы по данному вопросу, имеются сведения о настроениях и противоречиях в среде египетских греков. В нем указаны основные церковно-политические силы, принимавшие участие в борьбе за александрийский патриарший престол: это различные группировки внутри Синода Константинопольской церкви, а также Иерусалимский патриарх Кирилл II. Подробное изложение событий дает красочную картину расстановки сил в Фанаре, методов и мотивов принятия решений Константинопольской церковью. Из Записки А.П. Бутенева можно узнать и о роли российской дипломатии, прежде всего, самого автора Записки, в этом деле. Документ был составлен российским посланником в тот момент, когда казалось, что вопрос о новом александрийском первоиерархе решен окончательно, и потому в нем не рассмотрены события, последовавшие за отказом избранного патриархом митрополита Салоникского Каллиника принять свое избрание.

ЗАПИСКА⁶ ОБ ИЗБРАНИИ АЛЕКСАНДРИЙСКИМ ПАТРИАРХОМ САЛОНИКСКОГО МИТРОПОЛИТА КАЛЛИНИКА

Немедленно по получении от вице-консула Залемана известия о смерти Александр[ийско]го патриарха Иерофея, я попытался довести его до сведения Вселенского патриарха⁷, который ничего еще не знал о случившемся. После сверх того продолжавшейся распри, происходившей между Египетской церковью и Вселенской патриархией по поводу избрания умершего патриарха

в 1845 и 46 годах⁸, я счел нужным прежде всего просить Его Святейшество приостановиться с данными распоряжениями по этому делу до получения официального известия о смерти Его Блаженства и разъяснении желаний Египетской церкви и паствы о назначении ему преемника.

Вместе с тем мне казалось нелишним узнать личные мнения пребывающих здесь патриархов, Вселенского и Иерусалимского, о порядке замещения второстепенных престолов, упраздняемых смертью патриарха, и о степени участия, предоставленного Великой (Константинопольской) церкви по древнему преданию и обычаю в важных делах наречения ему преемника.

Голос Иерусалимского Кирилла⁹ имел для меня в сем случае особенный вес, потому что при поставлении ныне умершего патриарха Иерофея в 1847 году Иерусалимский владыка, бывший в то время еще епископом Лиддским¹⁰, находился и сам в числе трех выборных епископов, наряженных в Александрию от других Восточных патриархов для поставления покойного Иерофея.

Вот сущность сведений, сообщенных драгоману моему патриархом Иерусалимским:

Особенность Александрийской кафедры заключается в том, что, по малому числу подведомственных ей епископов, она лишена постоянного и правильного Синода, которому, обще с представлениями народа, предоставлялось бы право законного наречения патриарха, — подобно тому, как это соблюдается в Иерусалимской и Антиохийской патриархиях, которые обе, хотя и уступают первенство Вселенскому престолу, но имеют правильное и самостоятельное синодальное устройство.

При всем том Иерусалимский патриарх вполне признает за Египетской церковью право самостоятельного избрания своих патриархов, согласно с утвержденной соборными постановлениями независимостью Александрийского престола.

В порядке чиноначалия Александрийская кафедра занимает даже первое место после вселенской и глава ее носит исстари титул Папы и Судьи вселенной (Πάπας καὶ Κρητὴς τῆς Οἰκουμένης)¹¹.

Со своей стороны Константинопольский патриарх, не отрицая право независимости Александрийского престола, изъявляет, однако, свое желание, чтобы, по отсутствию синода, Египетская церковь предоставила Вселенскому престолу избрание будущего патриарха. Притязание это он выставял не как право, а как желание, условленное необходимостью верить управление Александрийской церкви человеку более достойному, нежели каким был покойный, и, во всяком случае, лицу, известному Вселенской церкви. Три епископа, составляющие ныне египетскую иерархию, Илиупольский, Ливийский и Фивайдский, — продолжал патриарх, — не внушают доверия Великой церкви. Этим признанием исключалось уже само собой избрание одного из высших чинов египетского духовенства, но не исключалось право

местной Церкви указать от себя на другие, более достойные лица. Напротив, в оглашение этой неприкосновенности свободного выбора патриарх соглашался с тем, чтобы местная община назначила от себя желаемого кандидата с условием, чтобы выбор ее был предложен на заключительное одобрение Вселенского престола.

На основании этих же самых начал — т.е., свободного выбора местного духовенства и паствы и утверждения Вселенской церковью — и был возведен на престол умерший ныне Александрийский патриарх Иерофей, как явствует из донесений Миссии нашей в Константинополе в Министерство Ин[остранных] дел в 1845–1847 гг.

В то время, по смерти в 1845 г. патриарха Иерофея I, Константинопольский престол назначил ему немедленно преемником Кюстендильского епископа Артемия, тогда как Египетская церковь и община выбрали от себя каирского архимандрита Иерофея. Два года тянулись соблазнительные прения по этому случаю. Египетская церковь, защищая права своего кандидата, на том основании, что он назначен был еще на патриаршество еще покойным его предшественником и что назначение это утверждено единодушным согласием местного духовенства и паствы, потребовала окружным посланием ко всем православным Церквам, в коих числе и Св[ященны]й Синод, против злоупотреблений власти Вселенского престола, и Императорское министерство, признавая требования Египетской церкви законными, предписало в то время Миссии употребить свое посредничество для склонения на оные Константинопольской патриархии. Тем не менее, для освящения прав народного кандидата потребовалось добровольное отречение епископа Артемия и утверждение архимандрита Иерофея Вселенской церковью сперва в переходной степени Ливийского епископа и, наконец, в патриаршем сане.

Весть о смерти блаженнейшего Иерофея, сообщенная Миссией Вселенскому и Иерусалимскому патриархам, успела между тем распространиться в Фанаре, и вопрос о назначении ему преемника начинал уже возбуждать взаимную зависть и соревнование между членами Синода, когда получено было мною прилагаемое у сего в копии донесение упр[авляющ]его Ген[еральны]м Конс[ульство]м нашим в Египте от 16/28 января № 7. Описывая подробности смерти и погребения усопшего патриарха, г-н Залеман доложил в то же время, что Каирская и Александрийская общины обращаются ныне же к Вселенскому патриарху со смиренной просьбой утвердить одного из трех предлагаемых кандидатов: 1) бывшего Константинопольского патриарха Григория¹²; 2) Салоникского митрополита Каллиника¹³; 3) архимандрита Св. Гроба Дионисия Клеопу¹⁴, покоряясь заранее выбору Вселенской церкви.

Частным образом г-н Залеман уведомлял, что кончина патриарха возбудила в Каире и Александрии разные интриги и притязания; что до прибытия

будущего патриарха управляет текущими делами Престола за отсутствием епископов александрийский архимандрит Стефан; что, боясь следствий долгого безначалия и, в особенности, прибытия Илиупольского епископа, известного своим беспокойным характером, старейшины общин Каира и Александрии решились не медлить долее [с] избранием и были обнадежены Саид-пашой¹⁵ в содействии его у Порты в пользу народного выбора; но, в то же время, наученные опытом предшествующего избрания и понимая, что выбор, сделанный ими в отсутствии и без участия высшего духовенства не может иметь непререкаемой силы правильного синодального решения, они согласились между собой по совету Русского и Греческого Ген[еральных] Консульств не слишком упорно настаивать перед Константинопольской церковью на неприкосновенности своего права, а предоставить ей назначение будущего патриарха.

При всей, однако, умеренности одного решения и наружном виде покорности, Египетская община все же ограничивала произвол выбора Вселенского патриарха предварительным указанием трех желаемых ею кандидатов.

Во главе этих трех стоял бывший Константинопольский патриарх Григорий. Удаленный от Вселенского престола в 1840 году по настойчивому требованию английского посла¹⁶, он с тех пор проживает в селении Арнаут-киой¹⁷ на Босфоре, пользуясь незначительной пенсией [в] 2500 пиастров в месяц от турецкого правительства. По странному совпадению обстоятельств имя его уже было произнесено между некоторыми членами Синода как наиболее достойного преемника умершему патриарху Иерофею. Выбор этот, если бы мог состояться, представлял бы во всех отношениях надежные ручательства в будущем. При нынешнем распадении Александрийской церкви, преданной на жертву партиям и лишенной стройной иерархии, для известной мне личности патриарха Григория, для его непреклонной стойкости и пастырской ревности открывалась обширная и спасительная деятельность. Но тот же непреклонный характер его заставлял меня опасаться, что, решившись провести остаток дней своих в скромном уединении и упорно отрехшись от предложенной ему уже раз Антиохийской патриархии¹⁸, он и теперь откажется от трудных забот управления Александрийской паствой.

Не считая себя вправе официально вмешиваться в дело исключительно духовного избрания, а между тем понимая всю пользу, какую могла бы извлечь Православная церковь от выбора в патриархи Григория, я поспешил уведомить патриархов Вселенского и Иерусалимского о высказанном в пользу его единодушном желании египетской общины, присовокупляя, что Миссии было бы приятно, если бы они содействовали этому выбору. Не получив еще упоминаемого в донесении г. Залемана прошения александрийской и каирской общин, патриарх Константинопольский оставался пока в неизвестности о том, что происходит в Египте. Он и многие чины Синода обнаружили по-видимому искренне радость о таком счастливом

выборе, называя его благословением для Церкви и прося меня поддержать его перед Портой. Иерусалимский патриарх еще с большим увлечением одобрил этот выбор, обещаясь (по личным своим отношениям к великому визирю) содействовать о том в Порте, а, с другой стороны, написать убедительное письмо к патриарху Григорию, чтобы превозмочь ожидаемое от него упорство в принятии предлагаемого ему сана.

Это было тем более необходимо, что на первые доверенные мои внушения в том же духе патриарх Григорий успел уже отозваться невозможностью и нежеланием вступить вновь на деятельное поприще пастырского служения. Что касается меня, то я почел за лучшее не входить в Портю ни с нашим представлением в пользу патриарха Григория уже потому, что не обещал себе пользы от такого посредничества; оно могло бы, напротив, воскресить старинные предубеждения турецкого правительства против уважаемого пастыря, коего преданность России никогда не подлежала сомнению. Мне казалось приличным держать себя в стороне и предоставить нашим патриархам действовать в пользу Григория согласно с изъявленной ими на то готовностью.

Я только поставил себе в обязанность в видах охранения самостоятельных прав Александрийского престола обратить внимание Вселенского патриарха на необходимое, по моему мнению, для законности выбора совокупное участие в оном как духовенства египетского, так и мирян, — между тем, мне было уже известно из предшествующих донесений г. Залемана, что три епископа, подчиненные Александрийской патриархии, по отсутствию своему из Египта, не могли иметь участия в народном избрании.

Из числа этих епископов Фивайдский Никанор находится ныне в России для сбора добровольных подаяний в пользу Александрийского престола¹⁹. Первоначально и его имя внесено было в список народных кандидатов, с полным, однако, изъятием двух других епископов, Илиупольского и Ливийского.

Илиупольский епископ Тимофей выслан был из Египта покойным патриархом Александрийским за личные происки, проживал некоторое время в изгнании и, неожиданно явившись в Александрии без всякого предварительного разрешения, отправлен был Его Блаженством к Вселенскому патриарху с просьбой задержать его в одном из подведомственных ему монастырей. Из сведений того, Илиупольский епископ отослан на Афон, где находится и теперь на церковной епитимье.

Третий епископ, Ливийский Афанасий, пользуется еще меньшим доверием египетской общины. Лет шесть назад он был отправлен в княжества²⁰ для управления тамошними имениями, преклоненными Александрийскому престолу. Сколько мне известно по частным слухам, заслуживающим вероятия, он в течение нескольких лет своего пребывания в княжествах не представлял удовлетворительных отчетов в своем управлении и вследствие того в последнее время смещен был с должности по распоряжению

патриарха. При всем том, находясь ныне в княжествах, он вздумал предъявить свои мнимые права на Александрийское престолонаследие.

Об этом заключить можно было из полученной мною телеграфической депеши комиссара нашего в княжествах от 23 января/3 февраля, в коей, уведомляя меня о смерти Александрийского патриарха, г. д[ействительный] с[татский] с[оветник] Базили²¹ просил от имени Ливийского епископа как законного преемника умершего патриарха об ограждении прав независимости Александрийского престола от произвола Вселенской патриархии.

По наведении мною справок, права Ливийского епископа на преемство Александрийского престола оказались ни на чем не основанными. Но притязания его объясняются следующими обстоятельствами.

Летом прошедшего года один из знатных старейшин Александрийской общины и вместе с тем бельгийский консул в Александрии Цициния²², пользуясь своим личным влиянием на покойного патриарха Иерофея, вознамерился утвердить преемство Александрийского престола за Ливийским епископом Афанасием, которому он обещал отличие это в возмездие за оказанные ему услуги в княжествах. Согласившись наперед с патриархом, который, по родственным связям своим с епископом Афанасием, также наклонялся на его сторону, Цициния предложил общине выбрать этого архиерея в преемники патриарху, подобно тому, как это сделано было для прежнего Ливийского епископа, предшественника Афанасиева. Но Александрийская община единодушно проголосовала против этого выбора, и после разных неудовольствий с обеих сторон патриарх должен был отказаться от своего намерения, а Цициния, сверх того, лишился доверия общины. Обо всем этом Миссия была в свое время официально уведомлена Генеральным консулом нашим в Египте с[татским] с[оветником] Гирсом.

Тем не менее, я счел излишним предупредить патриарха об опасности, которой могли бы угрожать Церкви возобновленные притязания Ливийского епископа. Хотя и исключенный лично из списка избираемых, он мог бы, предъявляя права свои как избиратель протестовать против выбора египетской общины, не освященного согласием высшего египетского духовенства.

В таком положении находились дела, когда давно ожидаемое прошение Каирской и Александрийской общин поступило наконец к Константинопольскому патриарху. До тех пор ни Великая церковь, ни Порта не знали ничего положительного ни о числе, ни об имени предлагаемых кандидатов. Фуад-паша²³ получил от египетского Саид-паши одно только официальное уведомление о кончине Блаженнейшего Иерофея. Вселенский патриарх поставил себе в обязанность известить Портю об этом событии и о предстоящем новом избрании. В предупреждение распрей, которые могли бы возникнуть по этому случаю между Египетской церковью и Вселенской патриархией, Фуад-паша предлагал нарядить трех депутатов от здешней Церкви в Александрию или же вызвать трех выборных от египетских общин для

совокупного обсуждения этого вопроса и миролюбивой по оному сделки. Исполнение этого плана остановлено было получением вышеупомянутой просьбы египетской общины.

Замедление в доставлении этой бумаги произошло от того, что она отправлена была эпитропами общины не прямо к Его Святейшеству, а через здешнего поверенного их русского подданного Спандони, принимавшего горячее участие и в прежнем избрании 1845–1847 гг. Предварительно же вручению этого официального акта Вселенскому патриарху, г. Спандони доверенным образом сообщил нам его содержание. Из препровождаемого у сего русского перевода этого прошения, внесенного в актовую книгу Александрийской общины, Министерство благоволил усмотреть, что оно подкреплено подписями всех эпитропов²⁴ общин Каира и Александрии с приложением печатей и, следовательно, имеет всю полную силу формального акта.

На другой же день, 24 января, мне стало известно, что содержание этой бумаги заметно охладило ревность высшего греческого духовенства в пользу избрания патриарха Григория. Иерусалимский патриарх не мог скрыть чувство удовлетворенного самолюбия, когда узнал, что в числе кандидатов назначено и зависящее от него духовное лицо, архимандрит Клеопа. Он отзывался уже не с таким жаром об избрании патриарха Григория, находил неудобным писать к нему увещательное письмо, угадывал наперед его отречение и в таком случае не скрывал желания действовать в пользу своего архимандрита Клеопы своим личным влечением. Вселенский Синод, в свою очередь, распался на несколько партий. Митрополиты Эфесский, Халкидонский, Гераклеяский, Дерконский²⁵ продолжали стоять за Григория. Патриарх начинал колебаться. Он, казалось, не отвергал и Григория, но охотнее склонялся на выбор второго кандидата, Салоникского митрополита Каллиника. Выбор этот, очищая архиерейскую вакансию, давал бы Вселенскому престолу возможность переместить нескольких епископов из одной епархии в другую и воспользоваться по этому случаю значительным денежным взносом от каждого. Один Халкидонский митрополит, связанный старинной дружбой со Святейшим Григорием, продолжал еще действовать в пользу его на ум патриарха.

Другая партия в Синоде, известная под именем Хиосской²⁶, сгоряча отвергала всех трех кандидатов, избранных народом. Стоящий во главе оппозиции, как и всегда, Кизический митрополит Иоаким готовил на патриаршее место Артского митрополита Софрония. Но, видя невозможность выступить из числа трех назначенных кандидатов, он и Никомидийский митрополит²⁷ согласились на выбор и Каллиника, с тем только чтобы при последующих за тем перемещениях досталось какое-либо место Тырновскому митрополиту Неофиту, пользующемуся покровительством Никомидийского и проживающему здесь без дела после изгнания его из Болгарии²⁸.

Узнав в тот же день (24 января) о всех этих интригах и полагая, что согласие патриарха Григория, по-видимому, не сказавшего еще своего последнего слова, пресекло бы вовремя все корыстные домогательства одним уже авторитетом его имени, я счел своим долгом сделать последнюю попытку, чтобы склонить его к принятию патриаршего сана.

Естественный к тому случай представился мне в приближении дня его именин. В этот день, т.е. 25 января, все высшее греческое духовенство имеет обычай являться к нему с поздравлением. Нужно было ожидать, что Константинопольская церковь воспользуется этим случаем, чтобы сделать патриарху Григорию предложение на счет Александрийского престола. Вследствие этого я поспешил заблаговременно послать к нему драгомана Миссии Мостраса вечером 24 января поздравить его с наступающим праздником и, если можно, уговорить его принять предлагаемое ему назначение.

Григорий благодарил за участие, но остался непреклонным. Он сослался на здоровье, на желание сохранить душевный свой мир. Когда возражения эти, служившие только предлогом, без труда были опровергнуты, когда г. Мострас стал убедительно просить Его Святейшество согласиться для пользы всего Православия, во имя великих интересов нашей Церкви, не скрывая от него, что согласие его будет, конечно, вполне одобрено Императорским Правительством, патриарх Григорий продолжал упорно отказываться, но причины отказа его приняли более определенный и серьезный характер. Он энергически протестовал против укоренившегося в Александрийской церкви преобладания мирян, против вкравшихся в оную разных нововведений. Так, напр[имер], замысленное ныне в Александрии переложение греческого церковного пения на более музыкальный напев казалось ему уже важным отклонением от чистоты отеческих преданий. Упрямая стойкость его и властолюбие, воспитанные прежними преданиями Констан[тинополь]ской церкви, когда она была еще независима от нынешних посторонних влияний, нелегко могли бы ужиться и с современными условиями в Александрийской патриархии. Сознывая это внутреннее противоречие, он решительно отказывался на старости лет от неравной борьбы со всеми новыми началами, внесенными в Церковь.

Это же самое повторил он на другой день и г-ну Спандони, не скрывая, впрочем, своего мнения, что, если бы он, со своей стороны, согласился быть патриархом, то Порты не допустит такого избрания. Подозрительным также казалось ему молчание Вселенского патриарха, от которого он не получал еще никакого ни уведомления, ни предложения по этому делу. Он начинал сомневаться даже в желании патриархии возвести его на Александрийский престол. Тщетно ждал он в это утро обычного посещения патриарха и членов Синода. Они прислали только диаконов для поздравления, уклоняясь осторожно от личных визитов.

Сомнения патриарха Григория вполне оправдались. Уже накануне этого дня решено было как в патриархиях, так и в Порте отстранить его от предстоящего избрания. Все это сделано было с крайней поспешностью и втайне не только от Миссии, но даже и от некоторых членов Синода. Двое суток кипит в Фанаре необыкновенная деятельность. Мне неизвестно, кто первый из патриархов подал голос в Порте против избрания Григория. Вернее всего, что они согласились между собой, и каждый, ввиду собственных выгод, действовал против него. Знаю только, что в тот самый день, когда поступило в патриархию прошение египетской общины, т.е. 24 января, Конст[антинополь]ский патриарх в разговоре с Фуадом счел долгом напомнить ему о тех политических затруднениях и неприятностях, которым подвергалась Великая церковь во время управления ею патриарха Григория. Довольно было этого намека, чтобы устранить уважаемого святителя. В то же время Иерусалимский патриарх решительно действовал в пользу своего кандидата архимандрита Клеопы. Орудием в этом деле употреблен был некто грек Адосидис, пользующийся доверием как великого визиря, коего он сопровождал на Парижской конференции, так и министра ин[остранн]ых дел и недавно назначенный ими секретарем в Танзимат²⁹. Адосидис объяснял в Порте, что из трех предложенных лиц патриарх Григорий должен быть устранен по тем же причинам, на которые ссылался, со своей стороны, и Константинопольский патриарх; что другой кандидат, митрополит Каллиник, по слабости здоровья не выдержит климата Александрийского; что по настоятельным нуждам Египетской церкви не следует медлить [с] избранием ей патриарха и потому всего лучше назначить теперь же состоящего здесь налицо архимандрита Клеопу, за которого ручается и Иерусалимский патриарх как за человека, лично известного ему с самой выгодной стороны. Но, действуя в этом смысле у Порты, Иерусалимский владыка предвидел затруднения со стороны Вселенского патриарха, который при избрании Клеопы лишился всех денежных выгод, сопряженных с открытием вакансии на Салоникскую кафедру и с последующими затем перемещениями нескольких архиереев. Зная это, Иерусалимский патриарх старался через того же Адосидиса задобрить и склонить в свою пользу Вселенского обещанием полного вознаграждения за понесенный убыток. Склоняясь по-видимому на такие внушения, Константинопольский патриарх изъявил притворное согласие, и выбор Клеопы утвержден был 25 января одобрением великого визиря.

А между тем митрополиты Кизический и Никомидийский вели уже тайные переговоры с Константинопольским патриархом о выборе Каллиника на выгодных условиях для Тырновского митрополита и епископа Ксантского³⁰, пользующихся их покровительством. Никомидийский митрополит, один из богатых членов Синода, обещал, говорят, патриарху 500 000 пиастров за его содействие. Переговоры эти ведены были так искусно, что оставались до конца тайной не только для Иерусалимского патриарха, но даже для некоторых членов

Синода, митрополитов Дерконского и Халкидонского, которые все еще не теряли надежды на выбор Григория. Сговорившись между собой, патриарх и два члена Синода стали действовать в Порте. Избранный накануне архимандрит Клеопа был ей описан как человек негодный, набравшийся неизвестно какого духа в Германии (где он, уже будучи диаконом, слушал лекции в Лейпцигском университете), проживавший в Афинах в качестве преподавателя и обнаруживший мнения не вполне согласные с видами турецкого правительства. Ссылаясь в особенности на сделанное самой Портой распоряжение, чтобы Тырновский митрополит, удаленный из епархии своей по желанию народа, получил другое назначение, а этого невозм[ожно] было привести в исполнение без открытия вакансии в кафедрах, зависимых от Константинопольской церкви. Наконец, избрание в патриархи духовного лица не более как в сане архимандрита, из причта Иерусалимского и в числе кандидатов занимавшего теперь место, представлено было в Порте как явное нарушение права и чести Вселенской патриархии, в то время когда Салоникскому митрополиту принадлежало бесспорное первенство и духовного сана и избрания общины. Вследствие всех этих внушений великий визирь, уже давший слово Иерусалимскому патриарху в пользу Клеопы, с неудовольствием отказался от дальнейшего участия в этом деле и предоставил его решению Великой церкви.

Решение это последовало на другой день (27 января) в воскресенье при полном собрании Синода. Патриарх объявил к изумлению некоторых членов, что Порта отстранила от выбора патриарха Григория и предложил Каллиника. Дерконский митрополит просил отложить, по крайней мере, избрание до более зрелого обсуждения вопроса. Большинство Синода не поддержало его. Митрополит Каллиник наречен был патриархом Александрийским. Затем состоялись следующие перемещения: Салоникская епархия отдана была Тырновскому митрополиту, епархия Тырновская — епископу Митилинскому, вакансию его занял Ксантский епископ, а епархия Ксантская отдана епископу Лампсана Кизического. По известиям из Иерусалимской патриархии, денежный сбор, поступивший со всех этих епископов, простирался от семи- до восьмисот тысяч тур[ецких] пиастров.

Таким образом оба патриарха, Вселенский и Иерусалимский, которые еще так недавно называли избрание Григория счастливым событием для Церкви, сами же соединенными силами действовали против него. К сожалению, не могу не прибавить, что и в отношении к Миссии они не оказали того прямотушия, которое мы бы вправе были ожидать от них после откровенного к ним обращения в деле, столь тесно связанном с общей пользой всей Православной церкви.

Из всего вышесказанного я мог также убедиться, что патриарх Григорий, столь упорно отказывавшийся от чести избрания, известного ему по одним только частным слухам, поступил с благоразумной осторожностью и с полным знанием правил и характера мер, от которых зависело решение этого дела.

Я узнал об избрании Каллиника через драгомана Миссии Мостраса, посланного мной к Вселенскому патриарху для собрания сведений. Не имея никакой причины предпочитать одного другому из двух кандидатов, оставшихся после исключения патриарха Григория, тем более что преосв[ященн]ый Каллиник пользуется славой умного и кроткого пастыря, я желал только узнать, сделано ли было со стороны Церкви какое-либо предложение патриарху Григорию? Его Святейшество отвечал отрицательно, присовокупляя, что, проведая косвенным образом о его нежелании принять предлагаемый сан, Великая церковь сочла несогласным с достоинством своим подвергаться предвиденному его отказу.

Уклоняясь, впрочем, от всяких объяснений с Вселенским патриархом по поводу изъявленного им желания знать, остался ли я доволен избранием Каллиника, я обратил вновь внимание Его Святейшества на необходимость обеспечить законность этого выбора от могущих возникнуть протестов со стороны египетского духовенства. При этом я напомнил о деланных мною с самого начала внушениях не спешить с окончанием столь важного дела, пока не разъяснятся положительно желания египетской паствы и духовенства.

В ответ на сие Вселенский патриарх успокаивал меня уверениями, что со стороны египетских епископов нельзя ожидать никакого противоречия, тем более что они, не имея паствы в собственном смысле, носят только почетные титулы епархиальных епископов; что, узнав об избрании нового патриарха, они сами будут заискивать его доброго расположения; но что, во всяком случае, Великая церковь не оставит уведомить их о происшедшем.

[далее до конца листа зачеркнуто:]

Мне остается сделать одно замечание:

Донос Мин[истерств]у Ин[остранных] Дел о благотворном влиянии, произведенном по-видимому на Константинопольскую церковь пребыванием здесь русского архиерея³¹, — я не скрывал своих опасений про вызванное оным сближение с нашей Миссией, — едва ли устоит против корыстных устремлений и целей высшего греческого духовенства. К сожалению, на первом же опыте оказалось с новою силой, что мы можем рассчитывать на преданность к нам этого духовенства в таких только случаях, когда оно нуждается в нашей помощи и когда не замешаны в дело их материальные выгоды.

P.S. Перед самым отправлением почты сообщено мне было через г. Спандони доверенным образом прилагаемое у сего в русском переводе ответное письмо Константинопольского патриарха и Синода к общинам Каира и Александрии. Г-ну Спандони как поверенному помянутых общин в Константинополе письмо это вручено было самим патриархом для доставления по принадлежности. Усматривая из содержания оно, что Вселенская церковь присваивает себе как бы исключительно участие в избрании митрополита Салоникского, обходя даже молчанием сделанное ей египетской

общиною предварительное предложение трех кандидатов, я не премину обратить внимание Его Святейшества на необходимость включения в ответное письмо его к общинам всех нужных оговорок для ограждения самостоятельных прав Александрийского престола и затем возложить на исключительную ответственность патриарха Кирилла³² неприятные последствия, которые могли бы произойти от несоблюдения сих законных форм.

АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1858. Д. 327. Лл. 86–95.

- ¹ Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М.: Индрик, 2013. С. 333–335.
- ² См. об этом: Петрунина О.Е. Унииаты Египта после Крымской войны и российская дипломатия // Каптеревские чтения. Вып. 15. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 118–127.
- ³ Κηπίδης Γ. Ἑλλήνες ἐν Αἰγύπτῳ. Ἡ συγχρόνου Ἑλληνισμοῦ ἐγκατάστασις καὶ καθιδρύματα ἐθνικά. 1766–1892. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ, 1892; Ραδόπουλος Ρ. Εἰσαγωγή εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Ἑλληνικῆς Κοινότητος Ἀλεξανδρείας. 1830–1927. Ἀλεξάνδρεια, 1928; Politis A.G. L'Hellénisme et l'Égypte moderne. T. 1–2. Paris, 1929–1930; Σουλογιάννης Ε. Η Ἑλληνικὴ Κοινότητα τοῦ Καΐρου. Αθήνα: Κότινος, 2001; Καμαλάκης Σ. Η ευεργετικὴ προσφορά τοῦ Αἰγυπτιώτη Ἑλληνισμοῦ. Αἰγυπτιώτες ἐκθνικοὶ ευεργέτες. Αθήνα: Ἀγγελάκη, 2012.
- ⁴ Порфирий (Успенский). Александрийская патриархия. Сборник материалов, исследований и записок, относящихся до истории Александрийской патриархии. Т. 1. СПб., 1898; Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910; Соколов И.И. Александрийские документы, относящиеся к истории православной церкви в Египте в XVIII и XIX столетиях // Православный палестинский сборник. 1916. Т. XXI. Вып. 2 (62); Καλλιφρων Β.Δ. Ἐκκλησιαστικά, ἢ Ἐκκλησιαστικὸν δελτίον. Τ. Α'-Δ'. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1869–1870; Δελικάνης Κ. Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχιεποφυλακείου σωζόμενα ἐπίσημα ἐκκλησιαστικά ἔγγραφα, τὰ ἀφορώντα εἰς τὰς σχέσεις τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου πρὸς τὰς ἐκκλησίας Ἀλεξανδρείας, Ἀντιοχείας, Ἱεροσολύμων καὶ Κύπρου (1574–1863). Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1904; Mansi I.D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. T. XLII. Synodi orientales. 1865–1874. Parisiis, 1910.
- ⁵ Порфирий (Успенский). Состояние апостольской, православно-кафолической церкви египетской в первой половине девятнадцатого столетия. // Труды Киевской духовной академии. Май 1868. С. 197–248; Октябрь 1868. С. 34–77; Декабрь 1868. С. 153–188; Соколов И.И. Избрание патриархов Александрийской церкви в XVIII и XIX столетиях: Исторический очерк. Пг., 1916; Χρυσόστομος (Παπαδόπουλος). Ἱστορία τῆς ἐκκλησίας Ἀλεξανδρείας (62–1934). Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Πουρνάρα, 2009²
- ⁶ Черновик.
- ⁷ Константинопольский патриарший престол тогда занимал Кирилл VII (1855–1860). По свидетельству его современника С. Византиоса, «человек ученый и мирный, но

- неспособный нести трудности своего положения» (Βυζάντιος Σ. Ἡ Κωνσταντινούπολις Ἡ πτρίγραφὴ τοπογραφικὴ, ἀρχαιολογικὴ καὶ ἱστορικὴ τῆς περιωνύμου ταύτης μεγαλοπόλεως. Τ. Β'. Αθήνησιν: Κορομηλάς, 1862. Σ. 547).
- ⁸ После смерти Александрийского патриарха Иерофея I (1825–1845) Константинопольская патриархия поспешила избрать на вакантный престол митрополита Кюстендильского Артемия несмотря на то, что покойный патриарх, в соответствии со сложившейся традицией, назвал имя своего преемника — архимандрита Иерофея (Стафилопатиса). Кандидатура Артемия и образ действий Фанара вызвали резкий протест со стороны греческих общин Египта, поддержанный правителем страны Мухаммедом Али. Тем не менее, египетским христианам понадобилось два года на то, чтобы отстоять права своего кандидата, ставшего патриархом Иерофеем II (1847–1858).
 - ⁹ Кирилл II (Критикос) (1795–1877) — патриарх Иерусалимский (1845–1872). В то время Иерусалимские патриархи практически постоянно проживали в Константинополе. Это вело к ослаблению контроля с их стороны за состоянием дел в патриархии, поэтому позже Кирилл II переехал в Иерусалим.
 - ¹⁰ Неточность: блаж. Кирилл был архиепископом Лиддским в 1838–1845 гг. В марте 1845 г. избран Иерусалимским патриархом. Архиерейская хиротония и чин избрания Иерофея II на Александрийский престол были совершены тремя представителями других восточных Церквей: митрополитом Смирнским Афанасием (Константинопольская церковь), митрополитом Бейрутским Вениамином (Антиохийская церковь) и архиепископом Севастийским Фаддеем (Иерусалимская церковь). См. Δελικάνης Κ. Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχιεποφυλακείου σωζόμενα ἐπίσημα ἐκκλησιαστικά ἔγγραφα, τὰ ἀφορώντα εἰς τὰς σχέσεις τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου πρὸς τὰς ἐκκλησίας Ἀλεξανδρείας, Ἀντιοχείας, Ἱεροσολύμων καὶ Κύπρου (1574–1863). Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1904. Σ. 109–111.
 - ¹¹ Титул «Судья Вселенной» Александрийский патриарх Феофил II (1010–1020) получил за разрешение спора между византийским императором Василием II Болгаробойцей (976–1025) и Константинопольским патриархом Сергием II (998/1001–1019). Зримым подтверждением этого титула стало ношение Александрийским первосвященником двух епитрахилей во время совершения литургии.
 - ¹² Григорий VI (Фуртуниадис) (1798–1881) — патриарх Константинопольский (1835–1840, 1867–1871).
 - ¹³ Каллиник (в миру Константинос Кипариссис) (1800–1889) родился в селе Скотина в Пиерии (Македония), в детстве учился и жил в монастыре Богородицы Олимпиотиссы Элассонской епархии, почему также иногда называется Каллиником Олимпийским или Олимпийцем. С 1830 г. был протосингелом митрополита Митиленского Порфирия, в 1843–1853 гг. — митрополитом Митиленским. В 1853 г. перемещен на Салоникскую кафедру. См. подробнее: Παπανικολάου Β. Καλλίνικος Ολυμπιώτης, Πατριάρχης Ἀλεξανδρείας (1800–1889). Ελασσόνα: Ἱερά Μονὴ Ἀγίας Τριάδος Σπαρτοῦ Ὀλύμπου, 2015.
 - ¹⁴ Дионисий Клеопа (1816–1861) — греческий церковный ученый, член Святогробского братства, руководитель Патриаршей школы, затем богословского училища Св. Креста в Иерусалиме (1852–1855), профессор Афинского университета (1856–1857), свято-

- гробский экзарх на Кипре (1858–1860). В 1861 г., когда Александрийский патриарх Каллиник выразил желание оставить престол, имя Клеопы опять звучало в числе кандидатов на его место (см.: Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. VII. Часть 1854 года и годы 1855, 1856, 1857, часть 1858 и годы 1859, 1860 и часть 1861-го. СПб., 1901. С. 327).
- ¹⁵ Мухаммед Саид-паша (1822–1863) — четвертый сын Мухаммеда Али, правитель (паша, вице-король, хедив) Египта (1854–1863).
 - ¹⁶ Конфликт Григория VI с британским послом Стратфордом Каннингом был вызван желанием патриархии воспрепятствовать возросшему протестантскому прозелитизму среди православного населения Османской империи и находившихся под британским протекторатом Ионических островов. Подробнее см.: Χαμχοῦγας Χ. Ὁ Οἰκουμενικός Πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως Γρηγόριος ΣΤ΄ ὁ Φουρτουνιάδης ἐν μέσφ ἔθνικῶν καὶ ἐθνοφυλετικῶν ἀνταγωνισμῶν. Διδακτωρική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 2006. Σ. 197–223.
 - ¹⁷ Древнее греческое поселение на берегу Босфора, неоднократно менявшее свое название, ныне уважаемый пригород Стамбула. Дошедшее до современности турецкое название Арнауткиой напоминает о заселении его албанцами после взятия Константинополя турками. Постепенно эти албанцы были полностью ассимилированы местными греками. Возникшее в XIX в. греческое название Μεγα Ρεβμα указывает на интенсивность течения Босфора в этом месте. Подробнее см.: Γεννάδιος Ἡλιουπόλεως. Ἱστορία τοῦ Μεγάλου Ρεύματος. Σταμπούλ, 1949.
 - ¹⁸ Традиция, в соответствии с которой действующий патриарх мог назвать имя своего преемника, имела не только в Александрийской, но и в других восточных Церквях (кроме Константинопольской). Своим преемником Григория VI желал видеть Антиохийский патриарх Мефодий (1823–1850), но тот отказался под предлогом нездоровья. См.: Титов В.П. О православии на Востоке. Нынешнее положение дел. (Первая записка константинопольского посланника В.П. Титова от 19 января 1848 г.) // Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910. С. 775–776.
 - ¹⁹ О деятельности епископа Фиваидского и будущего Александрийского патриарха (1866–1869) Никанора в России см.: Герд Л.А. Россия и Александрийский патриархат в 1840–1870-х гг. (по материалам петербургских архивов) // Петербургский исторический журнал. № 1(17). 2018. С. 139–162; Петрунина О.Е. Основание Александрийского подворья в Москве и его первый настоятель митрополит Фиваидский Никанор // Каптеревские чтения. Сб. ст. Вып. 16. М., ИВИ РАН, 2018. В печати.
 - ²⁰ Молдавия и Валахия, вместе часто называемые Дунайскими княжествами.
 - ²¹ Константин Михайлович Базили (1809–1884) — российский дипломат, востоковед, писатель греческого происхождения. В 1839–1853 гг. был российским консулом, затем генеральным консулом в Бейруте. Участвовал в Парижском конгрессе, завершившем Крымскую войну (1856), затем был русским комиссаром в международной комиссии по политическому устройству Молдавии и Валахии.
 - ²² Стефанос Зизиниас (франц. Этьен Зизиния; 1805–1870) — греческий предприниматель и дипломат. Происходил с о. Хиос, жил в Египте, имел гражданство Франции и

занимал пост консула Бельгии. Владел значительной частью земли в Александрии, им был построен ряд общественных зданий, в частности, театр. До сих пор один из роскошных районов города носит его имя. Был главой греческой общины Александрии (1854–1857), лишился этого поста в связи с описываемым инцидентом.

²³ Керчеджизаде Мехмед Фуад-паша (1814–1869) — османский государственный деятель, министр иностранных дел (1852–1860, 1867–1869), великий визирь (садразам) (1861–1866).

²⁴ Эпитропы — зд.: члены правления общины.

²⁵ Эфесскую кафедру занимал Паисий II (1453–1872, Халкидонскую — Герасим (Дзермиас) (1853–1875), Гераклеюскую (Ираклийскую) — Панарет (1848–1878), Дерконскую (Деркскую, Деркийскую) — Герасим (Пурнарас) (1853–1865). Митрополиты этих кафедр принадлежали к числу т.н. геронтов — митрополитов ближайших к Константинополю епархий, бывших постоянными членами Синода, имевших прямой доступ к султану и зачастую определявших принятие решений Синодом и патриархом.

²⁶ Хиосская партия — группировка в Синоде Константинопольской церкви во главе с митрополитом Кизическим Иоакимом (Коккодисом) будущим патриархом Иоакимом II (1860–1863, 1873–1878), уроженцем о. Хиос. Кизический митрополит входил в число геронтов.

²⁷ Никомидийскую кафедру тогда занимал Дионисий (Котакис) (1840–1877), один из богатейших членов Синода. После его смерти его имущество стало предметом длительной тяжбы между патриархией и родственниками митрополита. Наряду с Герасимом Халкидонским и Иоакимом Кизическим пользовался наибольшим влиянием. (Σταματόπουλος Δημήτριος. Διονύσιος Κωτάκης Νικομηδείας // Εγκυκλοπαίδεια Μείζονος Ελληνισμού, Μ. Ασία, 2002. URL: <http://www.ehw.gr/l.aspx?id=4110>) (дата обращения: 09.07.2018).

²⁸ Неофит Византиец (? — 1880) — митрополит Тырновский (1840–1846, 1849–1857). Противодействовал болгарскому национальному возрождению, поэтому болгарская общественность дважды добивалась отозвания его с Тырновской кафедры. После избрания Салоникского митрополита Каллиника Александрийским патриархом возглавил Салоникскую кафедру (1858–1874), где продолжил антиболгарскую политику.

²⁹ Танзимат — политика реформ, проводившаяся в Османской империи начиная с 1839 г. Здесь речь идет о Совете танзимата, административном органе, координировавшем эту политику.

³⁰ Митрополит Ксанфийский (Ксантийский) и Перифеорийский Мелетий (1848–1858).

³¹ Накануне этих событий Константинополь посетил направлявшийся в Иерусалим в качестве начальника Русской духовной миссии (1857–1863) епископ Кирилл (Наумов) (1823–1866).

³² В окончательном тексте письма Кирилла VII египетским грекам упоминается их послание Константинопольской церкви с просьбой помочь в избрании нового патриарха, но ничего не сказано о том, что блж. Каллиник был избран в соответствии с волей египетских общин. Письмо опубликовано в: Δελικάνης Κ. Στο ίδιο. Σ. 135–136.

АФОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1859–1860 гг. В ДОКУМЕНТАХ И ПИСЬМАХ ЕЕ УЧАСТНИКОВ*

О. Л. Соломина

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится архив Петра Ивановича Севастьянова, более 20 лет собиравшего коллекцию христианских древностей, как в Европе, так и на Ближнем Востоке¹. На Афон Петр Иванович совершил пять поездок — небольшие, ознакомительные в 1851 и 1852 годах и организовал три экспедиции: с мая по август 1857 года, с апреля по сентябрь 1858 года, наконец, самую длительную, продолжавшуюся 14 месяцев: с мая 1859 по август 1860 г. Последняя экспедиция была организована с помощью правительства и научной общественности², программу ее проведения составляла Археографическая комиссия министерства народного просвещения, при участии хранителя музея христианских древностей Академии художеств, архитектора А.М. Горностаева с указанием объектов архитектуры, скульптуры и живописи, которые необходимо зафиксировать в афонских монастырях, и филолога, историка, доктора греческой словесности Г.С. Дестуниса, обращавшего внимание на уникальные рукописи, которые могут быть найдены в библиотеках на Афоне³. В работе экспедиции приняли участие несколько художников — француз Эжен Воден, студент Академии художеств М.Ф. Грановский, будущий профессор Академии художеств художник Ф.А. Клагес; фотографы — француз Леборн и болгарин Х. Христофоров, топографы — русский Карл Зур и грек Спиро. Разместилась экспедиция в скиту Св. Апостола Андрея Первозванного, там же была организована фотолаборатория, по мере необходимости ее участники выезжали в монастыри и келлии по всему Афону. В мае 1859 года на Афон отправились Х. Христофоров, М. Грановский и К. Зур. Ранее туда приехали Ф.А. Клагес и Э. Воден.

* Исследование и публикация подготовлены в рамках гранта РФФИ № 17-04-00555-ОГН.

В архиве Севастьянова находятся письма всех участников экспедиции — Петр Иванович бережно хранил свою документацию. В архиве сохранился черновик письма Петра Ивановича Н.В. Калачеву, в котором он дает характеристику работы афонской экспедиции: «год жизни на Афоне, я не считаю в числе годов, определенных для меня в этом, годом плача... Здесь у меня столько работ, столько хлопот и частенько столько неприятностей, при постоянных лишениях, что уверяю вас, что труднейших годов я не имел во всю мою жизнь, и не представляю, как до сих пор жив и здоров... Я должен был посещать все монастыри и все церкви, избирать иконы и определять их значение и названия по остаткам нескольких букв, а за неимением их по соседним изображениям, осматривая библиотеки, изображения рукописи, а в них важнейшие места, заботиться о их получении и хранении, распределять работы между 8 моими сотрудниками, наблюдать и проверять и опекать их, между тем и не забывать и домашних трудов, ладить с художниками, и с монахами, не забывать бдения, часть мерюю в 15 часов, и хлопотами, чтобы достать сыру и яиц на кушанье, а зимой несколько месяцев быть в облаках и туманах, при 6 градусах комнатной температуры, и при том все работать, все работать...»⁴. Для сообщения были отобраны письма трех участников, дающие представление о тяжелом труде членов экспедиции, проблемах во взаимоотношениях с монастырями, с перечислением объектов, которые фиксировались или фотографировались.

Перед принятием на работу каждый ее участник подписывал «Условие для вступающих на службу в ученую и художественную экспедицию на Афон под начальством действительного статского советника Петра Ивановича Севастьянова», в котором обговаривалось, что «день занятий считается от 11 до 12 часов в сутки, а в случае необходимости и по праздникам. Каждый служащий в экспедиции должен вести ежедневный журнал работам и потребляемым материалам, из журналов будет составляться общий. Каждый обязывается честным словом не составлять никаких описаний или статей ни для себя, тем более для обнародования, ни во время экспедиции, ни после, ни даже передавать в письмах или впоследствии быть поводом для составления статей другими: обо всем, что касается или жителей, или местности того края, где будет проезжать или проводить работы экспедиция, ни даже делать каких-либо коллекций, или покупать какие-либо вещи, которые пожелал бы приобрести начальник экспедиции; все сочинения такого рода и все коллекции принадлежат начальнику экспедиции»⁵. И несмотря на такие суровые требования, участники экспедиции старались их выполнить, а при необходимости делать и другую работу. Так К. Зур, топограф, выполнял не только чертежи монастырей и храмов, но и рисунки и прориси церковной живописи. Остановимся на членах афонской экспедиции.

Михаил Феофанович Грановский (1833–1906). Окончив гимназию, с 1854 года учился в архитектурном классе Академии художеств. Работа в экспедиции была его первой самостоятельной деятельностью, мягкость и

деликатность его характера, трудолюбие и талант, все эти качества были оценены афонскими насельниками. После отъезда экспедиции летом 1860 года, Грановский остается на Афоне для продолжения работ по копированию уникальных памятников. В письмах Грановского П.И. Севастьянову перечислены объекты рисования, дано подробное описание отправляемых в Россию экспедиционных предметов, перечислены монастырские новости. С марта до конца 1861 года перестают приходить письма от Севастьянова. Для молодого художника это большой удар — он не знает, что делать дальше. Лишь в начале 1862 года приходит письмо Севастьянова и деньги, на которые художник мог покинуть Афон. Публикуемые документы показывают нам художника Грановского в начале творческого пути. С Афона он направился на Святую Землю, где приобрел новых учителей. Он получает предложение архитектора М.Н. Эппингера остаться его помощником при постройке русских богоугодных заведений. М.Ф. Грановский задержится в Иерусалиме на 10 лет, заочно получив звание свободного архитектора, принимает участие в создании Русских Построек. Возвратившись в Россию в 1872 году проектирует Преображенский собор для Тихоновой Калужской пустыни, Крестовоздвиженский храм Белокопытовского Казанского Боголюбивого женского монастыря, Казанский храм Калужского Казанского женского монастыря⁶.

Как же получилось, что Севастьянов потерял связь с Афоном? Весной 1861 года Севастьянов вернулся в Петербург, где в апреле в залах Музея древнерусского искусства Академии художеств была устроена выставка памятников его собрания. Во время выставки возник конфликт между Севастьяновым и Академией художеств. Последняя считала, что все, привезенное исследователем, — в том числе и собираемая им на свои деньги с 1851 г. коллекция древностей — должно рассматриваться как имущество экспедиции 1859–1860 гг. и должно быть передано в Музей древнерусского искусства Академии художеств. Эти древности удерживаются в Академии, оскорбленный Севастьянов переезжает в Москву, где открывается Московский Публичный и Румянцевский музей, а на базе оставшейся части Севастьяновской коллекции организуется отделение Христианских древностей. У занятого вопросом о судьбе своей коллекции в России, у Петра Ивановича не хватает времени на молодого художника, забытого на Афоне. Следует отметить, что в оставшиеся до смерти годы Севастьянов уже не вернется на Афон. Останется фотолaborатория, которая будет постепенно разрушаться, пока на ее базе монахи Русского Пантелеимонова монастыря не откроют свою.

Федор Андреевич Клагес (1817–1900). Выходец из обер-офицерских детей. В 1841 г. — оканчивает Академию художеств с серебряной медалью 2-й степени и получает звание свободного художника. Участвовал в постройке Пулковской обсерватории, в комиссии по возобновлению Зимнего дворца, в строительстве Мариинского дворца, заменяя главного архитектора Штакеншнейдера на время его командировки, в Москве в комиссии по

построению храма Христа Спасителя. С 29 ноября 1850 г. оформляет отпуск за свой счет на 3 года за границу — в Италию, Сицилию, Грецию, Турцию, Испанию и Англию.⁷ Уехав за границу, не торопился с возвращением домой, в Европе встретил Крымскую войну, к 1859 году паспорт был просрочен. Участие Клагеса в Афонской экспедиции было взаимовыгодно: Севастьянов получал опытного художника, а Клагес — возможность вернуться домой с официальными документами. Так, в письме к Севастьянову он пишет: «Осмеливаюсь утруждать вас покорнейшей просьбой, в случае, если напишете Ее Высочеству Марии Николаевне, а именно: находясь при экспедиции под начальством Вашего Превосходительства, желал бы, чтоб просрочка паспорта моего не имела бы никаких, для вас и для меня неприятных последствий, и для этого покорнейше вас прошу о ходатайстве для выдачи мне нового паспорта для проживания за границей, бессрочного. Если вам для того необходимы сведения о старом, то могу сказать, что он мне был выдан четвертого, пятого или шестого февраля 1851 года, а по прошествии трех лет я получил два раза годичную отсрочку».⁸ По возвращению домой Федор Андреевич преподавал в Академии художеств, был удостоен звания академика, и лишь перед выходом на пенсию вспоминает о своей работе в Афонской экспедиции «с 7 марта 1859 г. по 7 сентября 1859 г.», для увеличения своего послужного списка, прикладывая копию свидетельства, выданного ему П.И. Севастьяновым: «Адъюнк-художник российской императорской Академии художеств Федор Клагес в течение полутора лет 1858 и 1859 годов находившийся при образованной по высочайшей воле, под управлением моим, на Афоне экспедиции, для розыскания византийских памятников и снятия с них копий, во все время своего служения, при прекрасном поведении, оказывал постоянное усердие и совершенное знание своего дела, в удостоверении чего и выдаю ему сие свидетельство 7 сентября 1860 года. Русский скит Святого Андрея Первозванного на Афоне».⁹

Карл Карлович (Иванович) Зур. К сожалению, не осталось никаких свидетельств о жизни этого участника экспедиции. Принят на работу «по рекомендации вдовы генерал-лейтенанта Кермен»¹⁰ 7 апреля 1859 года, а отчислен 7 марта 1860 г.¹¹ 20 июня 1860 года отправился в Россию через Одессу¹². Можно предположить, что в экспедиции Зур показал себя не с лучшей стороны, о чем говорится в его недатированном письме и ответном черновике письма П.И. Севастьянова: «Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович. Вполне чувствуя вину свою, я не смею приносить никаких оправданий, как только просить вас о прощении позволить мне остаться при вас на условиях, вами мне предложенных, которые я всеми силами постараюсь выполнить, и вы можете быть уверены, что вы не найдете более случая быть мною недовольным. Благодарю вас покорно за доброту, которую вы мне теперь оказываете, давая мне возможность поправить мою ошибку. Карл Зур». В сохранившемся черновике ответа П.И.

Севастьянов идет на компромиссы: «Отстраняя словесные объяснения, как бесполезные, и для меня, и для вас тягостные. Я предлагаю вам: или остаться здесь до окончания работ, или немедленно [возвратиться] назад. Если вы желаете остаться, то вместе с тем примите на себя обязанности:

1 Жить мирно и покойно, как следует благопристойному человеку, не нарушая спокойствия других, а главное, не вредя самому себе ни физически, ни морально.

2. Трудиться и исполнять работы, которые вам будут даны, добровольно.

Если вы <решите> ехать, то вам будут даны билеты на пароход до Одессы, согласно условию.

Если вы не можете возратить денег, забранные вами вперед, но мною не принадлежащих, то я пополню их своими»¹³.

Не смотря на недовольство К. Зуром, с ним была достигнута договоренность, что по возвращении в Петербург он продолжит работы, начатые на Афоне, т.е. подготовит топографические планы: «Монастыри: 1. Русрик; 2. Ксиропотам; 3. Григориат; 4. Дионисиат; 5. Филофей; 6. Каракалл; 8. Котломуш; 8. Ивер; 9. Ставроникита; 10. Пантократор; 11. Зограф; 12. Хиландарь; 13. Костамонит; 14. Дохиар; 15. Ксеноф.

Скиты: 16. Рождества Богородицы; 17. Св. Анны; 18. Кавсокалива; 19. Скит Предтечи молдав.; 20. Предтечи Иверский; 21. Св. Пантелеймона; 22. Пророка Илии; 23. Дмитрия; 24. Богородицы; 25 Ксенофский; 26. Вершина Афона; 27. Карту Афона и топографическое описание всех монастырей и скитов»¹⁴. Насколько были выполнены эти планы, сейчас трудно сказать. В фонде сохранился общий план Афонского полуострова, планы монастырей и Кареи — всего 8 карт, выполненных К. Зуром.¹⁵

Документы, приложенные ниже, показывают, что большая часть работы по копированию стенной живописи и икон была выполнена М.Ф. Грановским и Ф.А. Клагесом, топография полуострова и монастырей проводилась К. Зуром.

№ 1

Севастьянов П.И. Наставления гг. Христофорову, Грановскому и Зуру, отправляющимся в ученую и художественную экспедицию на Афон

[апр. — май 1859 г.]

По прибытии на Афон ... гг. Грановскому и Зуру отправиться в Русский скит Св. Андрея Первозванного и там, с содействия игумена Виссариона, доставив ему письмо, заняться: г. Грановскому — планом и рисунком внутреннего расположения собора Кареи.

№ 2

Письмо Зура К. Севастьянову П.И.

Афон 20 мая / 1 июня 1859 г.

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович!

18 мая мы, благодаря Богу, приехали на Афон благополучно, где на другой день встретились с Воденом, с человеком, вполне заслуживающим уважения и дружбу, и потому вы не удивитесь, если мы в первый же день сошлись превосходно и назвались четырьмя братьями. Одного между нами еще нет, а именно отца, если позволите вас так назвать, которого мы все ждем с нетерпением.

Мы остановились все трое в ските св. Андрея Первозванного, как вы нам приказали; Христофоров же должен был невольно остаться, против вашего желания, с нами вместе, потому что в Ватопеде нет места даже и Водену, который тоже перебирается к нам, и так мы все четверо вместе.

Завтра праздник Вознесения Христова, и потому мы начнем наши работы послезавтра.

Закупки, порученные вами, сделаны, кроме столовых часов, которых мы не могли найти в Константинополе по вашему желанию. Повара мы тоже не взяли, потому что мы думали жить порознь, и он был бы совершенно лишний, но так как мы теперь все четверо вместе, то мы уже как-нибудь обойдемся без него до вашего приезда. Послать в Константинополь письмо, чтобы нам выслали повара, мы не можем, потому что господин Тимофеев уверил нас, что вы будете в Константинополе, мы оставили там письмо на ваше имя, в котором мы писали, что повар не взят и потому очень легко может быть, что привезете теперь повара с собой.

Одно что нас беспокоит, что закупки сделаны без соглашения, как вы приказали, с отцом Феодоритом, которого мы не нашли в Одессе, все же остальное исполнено по возможности точно.

Затем имею честь остаться покорнейшим слугой Вашего Превосходительства Карл Зур.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 43. Л. 1–2об.

№ 3

Письмо Зура К. Севастьянову П.И.

Афон 29 мая / 10 июня 1859.

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович!

По отъезде нашем из Константинополя г-н Тимофеев уверил нас, что вы ему писали письмо, в котором обещались быть в Константинополе.

Исполняя ваше желание, я писал по прибытию нашем на Афон, письмо в Афины, но так как письмо мое могло не застать вас уже в Афинах, я нашел нужным писать вам то же самое почти и в Константинополь. Мы прибыли на Афон 18 мая благополучно, на небольшом судне «Богородица», парохода не было возможности ждать, потому что едва ли представился бы скоро случай какой-нибудь, чтобы пароход остановился бы у Афона.

По желанию вашему мы остановились в Серае, Воден и Христофоров тоже с нами, потому что в Ватопеде не хотели держать даже одного Водена, а двум не было бы никакой возможности; комната, которую ему дали для работы так мала, что трудно повернуться в ней одному, и потому он решился работать с Христофоровым в Серае, именно делать фотографические снимки с древних книг Ватопеда.

Грановский и я тоже начали свои работы, благодаря Богу, успешно. Я видел в Ватопеде работы Водена, которые вас порадуют, потому что такой работы я нигде не видал, это снимки с мозаики сделаны совершенно в новом роде.

Мне нужна цепь, которую я думал, по вашим словам, найти здесь, но ее нет, потому что, Воден говорит, она отослана между прочими вашими вещами в Москву.

Закупки, которые вы поручили нам делать, сделаны, кроме столовых часов, которые мы не нашли по вашему желанию.

Так как мы не нашли отца Феодорита в Одессе, то мы без него должны были делать все покупки.

Всегда готовый к услугам вашим. К. Зур.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 43. Л. 3–4.

№ 4

Расписка Зура К. Севастьянову П.И.

8 мая 1859 г., находясь в Константинополе, мы встретили там лекаря Шутца, который, по его словам, ехал по вашему назначению в Иерусалим, чтобы видется с архимандритом Порфирием по общему вашему с архимандритом делу, причем он, не имея денег для дальнейшего путешествия, просил нас ссудить ему, говоря, что вы приказали ему, в случае нужды взять у нас в Константинополе, сколько ему будет нужно. Мы ничего не знали, что он находится уже вне вашего распоряжения, нашли нужным выручить его из затруднительного положения, вследствие чего и дали ему 17 полуимпериалов, которых с моей стороны были даны только два. Карл Зур.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 43. Л. 5.

№ 5

Письмо Грановского М.Ф. Севастьянову П.И.

19 июня 1859 г. Лавра Св. Афанасия. Афон

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович! По приезде нашем в Лавру Св. Афанасия, мы начали работы согласно программе вашей — с небольших вещей: Христофоров для начала снял несколько стереоскопических видов: фиалы и проч., потом снял фотографию с нескольких крестов, с древней ладанохранительницы с эмалью и двух жезлов Св. Афанасия. Потом он просил еkkлисиарха и алтарничего позволить ему снять фотографию с большого запрестольного креста с драгоценными камнями, с железного креста Св. Афанасия и с Честного и Животворящего Креста и некоторых из ковчегов с мощами, а также с церковной утвари, но они не могли дать без дозволения старцев-антипросопов. Вследствие этого, Христофоров решился просить антипросопов и отца Мельхиседека позволить снять фотографию с упомянутых выше святынь, но они ответили следующее: «Большой запрестольный крест нельзя снять с места, потому, что он залит оловом»; Честное Древо Животворящего Креста и мощи в ковчеге не соглашаются выставить даже в самой церкви, считая это за великий грех. Евангелие, которое сарацины 3 раза бросали в огонь — они говорят, что это басня, что такого Евангелия в их Лавре не было и нет, рога от ядов также нет.

После этого Христофоров просил отца Мельхиседека дозволить снять фотографию с хризовул, но он отвечал, что некоторые из старших епитропов в отсутствии, а без их согласия он не решается дозволить. На просьбу Христофорова позволить мне списать копию с икон: Еммануила (наз. «игрушка царицы Феодоры») и мозаического образа Св. Иоанна Богослова, старший и первый антипросопы — отец Кирилл и отец Мельхиседек сначала не соглашались, но потом, согласившись на предложение Христофорова сделать пробу в присутствии их, — они пожелали видеть, как я буду списывать копию. Для этого приказали принести простую икону, и когда ее принесли, то я в присутствии всех старцев написал кальку с иконы Спасителя на Papier Glace и покрыл красками на обороте. Убедившись, что нет никакого вреда иконе, они приказали потом принести икону Еммануила, игрушки царицы Феодоры, в наш архондарик. Списав копию с которой, я отнес и отдал ее отцу Мельхиседеку и показал копию всем старцам. Одоблив мой труд, они приказали тотчас принести мозаический образ Св. Иоанна Богослова, который вручил мне отец Мельхиседек. Копию этого с образа я пишу красками в полную силу и постараюсь передать характер мозаики.

По случаю приближающегося праздника 5 июля, дня Св. Афанасия Афонского, в Лавре его делаются большие приготовления, чистят церковь,

и все приводят в порядок. Старший антипросоп отец Кирилл, заведующий экономической частью, спрашивал о нас Стефана (прислуживающего Христофорову) — когда мы уедем? — до праздника, или после. Если перед праздником поедем, то чтобы приискали для себя мулов или лодку, потому что монастырские будут заняты. При том он говорил еще, что к празднику им нужен будет архондарик, занимаемый нами. Позволения калькировать в церкви и в трапезной мы еще не просили, потому что икона Св. Иоанна Богослова еще не сдана, копия с которой не окончена.

Из прилагаемого при сем письме параграфа вашей программы, вторую строку никто из нас не мог разобрать, а потому покорнейше прошу вас пояснить ее.

Оставаясь в ожидании Вашего приказания, что делать, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга Грановский.

Приписка Ф. Клагеса:

О ходе моих работ, милостивый государь Петр Иванович, могу вам только писать, что из заданной мне вами программы, остается найти древние греческие гробницы, о которых здесь никто ничего не знает; начертить те части из параклисов, которые достойны замечания, наложить многодельный, приготовить рисунки церкви для расписания икон, львиные фигурки в фиане, описание в Ахе мною произведены предметов и поверный план монастыря, последнюю работу не знаю, делать и нам, как вымерить ... , для чего мне необходима лампада и много времени.

Присутствие ваше здесь необходимо и в ожидании скорого вашего приезда или ответа

С истинным почтением честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга Ф. Клагесс.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 13, ед. хр. 38. Л. 1–3об.

№ 6

Письмо Зура К. Севастьянову П.И.

[1859 г.]

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович.

Вчера вечером я приехал в Ватопед и просил благословение у старцев монастыря для производства в оном моих работ, на что они не согласились, но чтобы вы написали об этом, как в письме о том же. Они, кажется, подозревают, что не для вас.

На этой неделе я надеюсь быть дома, и представить вам отчет в моих работах.
Жду ваших приказаний с нетерпением.
Ваш покорный слуга Зур.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 43. Л. 6–6об.

№ 7

Письмо Зура К. Севастьянову П.И.

Дохиар 23 августа [1859 г.]

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович.

Извините меня, что я не оправдал себя перед вами, надеясь быть через три недели в Ватопеде, но я сам обманул себя, думая, что съёмка на этой стороне полуострова также легко достанется, как и на той; хотя три недели уже прошли, а я только успел сделать Ксенофский скит, монастырь начать Дохиар.

Я очень заохотил Ксеноф к новым образам для их мраморного иконостаса, и потому они сегодня соберут собор и с общего решения вы, может быть, приобретете эти две мозаики Св. Георгия и Св. Дмитрия, которые действительно стоят двух новых образов в серебряных ризах.

Благодаря Руссик, я [неразб.] с собою схимонаха Митрофана, который хорошо знает местность, границы, дороги и все подробности в топографическом описании.

Неделю тому назад в Дохиаре был какой-то художник, хромоногий француз, как выражаются дохиарцы, наделал им неприятности, почему они теперь и ко мне недоверчивы, впрочем, я стараюсь их уверить, что я не имею никаких дел и отношений с этим французом, почему и прошу вас препокорнейше выслать письмо из Протата, как можно скорей; в Кутлумуш я не могу показаться, потому что игумен меня вовсе не знает, а вы знаете греков.

За тем остаюсь с глубочайшим уважением к вам, Вашего Превосходительства, покорный слуга Карл Зур.

PS. В пятницу я отправляюсь в Костамонит, если получу письмо от Протата, потом в Зограф, где и буду ждать ваших дальнейших распоряжений.

Прошу вас покорно мне прислать десять рублей, я все, которые у меня были, роздал на бакшиш. Извините, дурно написал, потому что я торопился в поле.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 43. Л. 7–7об.

№ 8

Отчет Грановского М.Ф. о работе на Афоне.

[1859].

Рисунки окончены:

1. План церкви Св. Андрея Первозванного и Покрова Богородицы.
2. Восточная стена Собор[ной] церк[ви] Протата.
3. Копия с иконы Богоматери Триручницы — Хиландар.
4. Копии с 3-х эмалевых образков на Евангелии (Хиландар)
5. Буквы и заставка с того же Евангелия.
6. Восемь калек на диоптической бумаге стенной живописи Собор<ной> церк<ви> Протата (с черновых калек Водена).

Рисунки церкви Протата — не оконченные:

1. План церкви Протата.
- Стенная живопись.
2. Два листа, подготовленных красками — Южной и Западной стен.
- Черновые рисунки
- 3-х стен — Северное, Южное и Западное Дьякономесто
- 3-х стен — Алтаря
- 3-х — Жертвенники и обоих приделов.
- Монастыря Хиландаря стенной живописи кальки не окончены.
- Внутри Трапезной — Спасителя с крыльями
- — и собор Архангелов.
- Снаружи Трапезной — 1, 2, 3-й и 7-й Вселенск[ие] Соборы
- — распятие монаха
- — исповедь грешника.

Кальки с икон.

1. Спасителя (привезен св. Саввою Сербским)
2. Богоматери, именуемой Поповская
3. --- — Молдавская
4. ---- Мозаичная.
5. С двух икон св. Трифона.

Кроме того, две катапизмы (церк[овные] завесы) и надпись на систерне. Монастыря Зографа кальки с икон (не окончены).

1. Богоматери Акафистной с 3-х чудотворных образов, Св. Георгия Победоносца стенной живописи.

Кальки с иконы Богоматери, проглаголавшей Св. Кузьме.

Монастырь Эсфигмен

1. Калька с иконы Спасителя (с надписью Зоодоты (?))

Монастырь Ватопед.

Кальки с мозаических образов:

1. Распятие Спасителя и

2. Св. препод. Анна, держащая на руках Пречистую Деву Марию. Обе кальки покрыты красками. Кальки с образов (м[онастырь] Ватопед).
1. Св. Троицы
2. Богоматери (оба из Константинопольского Софийского собора).
3. Спасителя и Богоматери («Игрушки царицы Феодоры»)
4. Св. Петра и Павла (из Константинопольского Софийского собора)
5. Смерть — стенная живопись из трапезной м[онастыря] Ватопед.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 26, ед. хр. 24.

№ 9

Письмо Клагеса Ф.А. Севастьянову П.И.

Хиландар 18 марта 1860 г.

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович.

Мы очень обрадовались, узнав из вашего последнего письма, что решили сделать занавес самым простым образом, потому что за нею много работы по причине мелких узоров одежд святых, она окончена, то есть исключая дополнения, которые можно сделать в Серае, другая начата сегодня и может быть окончена гораздо скорее. Эту и первую работу производит один Михаил Феофанович, хотя и попытался помогать ему, я со своей стороны с помощью бинокля окончил переписывать названия святых, в чем месящеслов, который изволили мне прислать, немного помог. Северный фасад всей церкви окончен карандашом, как и общий продольный, и два поперечных разреза церкви. Часть самая интересная южного фасада проложена красками и полагаем сделать красками в таком же роде часть северного фасада и агиазму.

Обещание ваше послать рекомендательное письмо на пароход, передано отцу Софронию, уехавшему прошедшее воскресенье, с отцом дьяконом Псалтырь передал я еkkлизииарху, как приказали, под расписку, он же изъявил за него чувствительнейшую благодарность, хотя и печать для его глаз мелка. Образа над гробницей св. Симеона прикреплены и будучи очень ветхи, боятся снять и не дали обещания на то. Стараясь исполнить вашу просьбу, отец Леонтий начал сделать осмотр библиотеки, но с тем, чтобы один из нас написал бы то, что нужно для составления каталога, на что я и согласился, для ускорения этой работы, которая требовала бы человека более сведующего, чем я. А кроме того, много требует времени, в два присеста, то есть в три часа мы успели записать только семьдесят четыре книги, которых около двухсот.

Все вещи, означенные вами в письме, мы получили в исправности и покорнейше вас благодарим за скорое доставление нам необходимых материалов.

Что же касается до последнего известия вашего письма, то осмеливаюсь сказать, что подобные камни не попадут в ваш огород, когда узнают бросающие, что у вас есть теперь две знаменитые занавеси святых древности, в особенности последняя (по моему мнению, чисто византийская). Стенная живопись Моисея и Аарона, коих желали иметь копии, находятся на арках, идущих с колонн на стену именно чрез иконостас, так что снизу их не видно в целости. Скалькировать, кажется нет возможности, без некоторого удобного предварительного устройства и то еще с большим затруднением.

Михаил Феофанович честь имеет засвидетельствовать вам глубочайшее свое почтение, и я с истинным уважением и всею преданностью.

Честь имею быть вашего превосходительства всепокорнейший слуга Федор Клагес.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 15, ед. хр. 42. Л 1–2.

№ 10

Письмо Клагеса Ф.А. Севастьянову П.И.

Хиландарь 23 марта 1860 г.

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович.

В понедельник вечером я получил письмо Матвея Павловича, из которого я узнал желание ваше получить другие хризовулы с печатями, но, к сожалению моему, я должен известить вас, что здесь решили не присылать вам их, не имея первых двадцати восьми обратно, и отец Леонтий, самый услужливый и благонамеренный из здешних монахов, имеющих голос и вес, вследствие того решения вас покорнейше просит прислать полученные вами хризовулы, чрез человека верного, как например, отца дьякона, находящегося при кунаке Хиландарском в Карее, которому и будут переданы здесь по прибытию другие вами требуемые, для доставления вам.

К величайшему моему сожалению, милостивый государь Петр Иванович, имею известить вас в моих записках обстоятельства, которые не могут сделать вам удовольствия, как и подлежащая, за то взамен стараемся услужить вам, по силам, работаю от нас зависящей.

В конце настоящей недели положили приехать в Серай, если от вас не получим другого распоряжения, и, если иконы над гробницей Св. Симеона, и Б. Матери Еkkлизииарская не составят предметы, необходимые быть срисовываемые.

Исключая зубной и головной боли часто меня посещающие, мы благодаря Бога здоровы и вскоре, надеюсь лично засвидетельствовать вам свое глубочайшее почтение, которым честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга Федор Клагес.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 15, ед. хр. 42. Л. 3–3об

№ 11

Лавра. 5 июня 1860 г.

Письмо Клагеса Ф.А. Севастьянову П.И.

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович.

В конце прошлой недели я поджидал прибытия моих товарищей, и надеюсь, что не болезнь кого-либо причиною, что их до сих пор нет. Работа моя идет до сих пор безостановочно, вследствие чего успел сделать план трапезы, план церкви без приделов, восемь филенок фиала (их двенадцать, считая каждую сторону отдельно) и перспективный вид фиала, стоя в дверях трапезы; все это начисто, а филенки, коих рисунок поважнее, обведены тушью с натуры, и одна часть орнамента скалькирована. Старцы каждое утро сидят на том же месте, где мы их нашли, подходят иногда смотреть мою работу, которая их весьма занимает. Измерения высот только сделал в трапезе, чтоб видеть, какое это произведет впечатление, заметно одно только любопытство. Теперь занимаюсь окончанием филенок, потом полагаю приступить к окончательному измерению и начертанию церкви, плана и разреза; если имеете новых поручений для меня, то покорнейше прошу их мне передать чрез этого же монаха, помощника моего архондара.

Отец Стефан услужливый добрый старик, от него я узнал, что поездка ваша в Ивер не столь поспешна была, как обнадеживали, но прибыли благополучно.

При сем посылаю обратно две жестянки, из коих одну покорнейше вас прошу мне прислать с сахаром, а кроме того — самое нужное, если готово.

Стараясь заслужить ваше одобрение, честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга Федор Клагес.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 15, ед. хр. 42. Л. 4–4об.

№ 12

Письмо Клагеса Ф.А. Севастьянову П.И.

Хиландарь, б.д.

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович.

Потеря времени невозвратимая, и потому я, чувствуя вполне неприятное ваше положение, спешу изъяснить неудачу в назначении отца дьякона, как доверенное лицо для пересылки хризовул, которого вы, вероятно, вотще искали. Но это произошло от того, что отец Леонтий не знал отсутствия его в Кунаке, для чего я его убедительно просил немедленно написать вам, кому можно будет вверять пересылку хризовул, изъясняя ему причину вами описанную.

В письме вашем, милостивый государь, назначено новое для меня занятие, то есть сделать подробное описание всех предметов, мною представляемых в рисунках, за которое тотчас же принимаюсь, но опасаясь не быть в состоянии окончить ее удовлетворительно и скоро, не имея к тому необходимый навык и предметов около пятидесяти.

Из последних писем, как ваших, и Матвея Павловича, я замечаю, что вам не доставили одного письма, посланного мною на ваше имя в Серай тотчас по полученной вами присланного бумаги, карандашей и серебра, оно, вероятно, отдано на Кунак.

Михаил Феофанович оканчивает икону Б. Матери Троеручицы, с которой для того сняли ризу, и я очень рад, что таким образом эта работа будет иметь надлежащую цену, необходимую для такого большого труда.

Стараясь безусловно заслужить благосклонное ваше обо мне попечение с глубочайшею преданностью честь имею быть Вашего Превосходительства всепокорнейшим слугой Федор Клагес.

PS. Покорнейше вас прошу, милостивый государь, извинить эти приписанные строки, потому что отец Леонтий меня просит написать вам, что извиняется в своей ошибке и напишет одному монаху отцу Герману, находящемуся в Пире Карейской, для получения от вас запечатанных хризовул, следовательно, вам не надо будет его искать, но он сам явится.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 15, ед. хр. 42. Л. 5 – 6об.

№13

Письмо Грановского М.Ф. Севастьянову П.И.

5 ноября 1860 г.

Скит св. Апостола Андрея Первозванного. Афон.

Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь Петр Иванович!

При всем моем желании исполнить ваше приказание — писать вам каждое 1-е число, я не мог исполнить этого, потому что пароходы от сильных и непрерывных ветров не могут приходить в назначенные сроки, так, напр[имер], 22 октября приходил пароход, но от сильного волнения не мог пристать ни в Руссике, ни в Дафне, и со всеми пассажирами, в числе которых был и отец Феодорит, ушел в Солунь. Со следующим пароходом, который должен прийти 5-го ноября, посылаю вам письмо, а рисунки, которые я намерен был послать вам в Париж с этим же пароходом, не решился посылать, узнав, что получить их вы можете не ранее первых чисел декабря, опасаясь при том, что посылка может прийти в Париж тогда, когда вы выедете из него, и потому посылку рисунков отлагаю до декабря, в первых числах

которого я постараюсь выслать их в Петербург через Константинопольскую миссию. Приготовленные набело кальки, которые я хотел послать вам, следующие: 1. Успение Божией Матери (фреска ц[еркви] Протата; 2. Тайная Вечеря, 3. Неверие Фомы, обе из церкви Протата; 4. Собор Архангелов, фреска в трапезной м[онастыря] Хиландаря и 6 одиночных фигур; все эти кальки нарисованы мной вновь, потому что кальки, заготовленные К. Зуром нарисованы весьма небрежно, как и все остальные его кальки, которые я отложил до получения от вас приказа: что с ними делать — перерисовывать ли их вновь, или окончить их как есть.

Журнал ежедневных занятий моих я начал вести с 1-го ноября, а за прошедший месяц, извините меня, я не вел его постоянно, а записывал только число дней, употребленных на каждую икону.

Считаю долгом уведомить вас, что по проверке мною калек, заготовленных набело Зуром, не оказалось черновых калек следующих: Умовение ног Спасителем и 3-х отроков в печи огненной, снятых с фресок ц[еркви] Протата, каковые, я полагаю, он увез с собой, основываясь на показании Леонтия, который видел у него в комнате свертки калек, когда он укладывал свои вещи.

Свидетельствуя вам свое почтение, отец Амфилохий просил меня передать вам, что он очень благодарен вам за память о нем, что он жалеет, что не имел возможности видаться с вами в день отъезда вашего, потому что его в это время избирали настоятелем м[онастыря] Кутлумуш, каковым и был утвержден 11 сентября, но по недоброжелательству лаврских антипросопов и по распоряжению Солуникского Хусны-Паши устранен от этого звания 17 октября, а на его место возведен прежний игумен, которого Паша заставил быть турецким подданным.

Освободившись от трудной и щекотливой обязанности игумена и имея свободное время, отец Амфилохий изъявляет свое желание, если вам угодно будет, ехать на остров Патмос в начале весны; в таком случае он просит вас написать письмо игумену м[онастыря] Руссика о испрошении благословения отпустить его и снабдить деньгами на путевые издержки. Отец Амфилохий нашел рукописные ноты в библиотеке Кутлумуша, ноты эти с подписью без поправки Оды царю Петру Алексеевичу, подобную Оде, находящейся в библиотеке м[онастыря] Руссика, в которой означено имя царя Павла I.

Братство скита Св. Апостола Андрея Первозванного в короткое время лишилось двух деятельных братьев — духовника своего отца Гервасия — в схиме о. Георгия, который в изнурительной болезни вроде холеры — умер в ночь на 28-е сентября, напутствованный причастием Св. Христовых Тайн. Другого брата — отца Пахомия, который со слезами вспоминал о вас перед смертью — он умер 18-го октября.

Свидетельствует вам почтение свое игумен отец Виссарион и отец Феодорит, приехавший 3 ноября, которого письмо прилагаю при сем.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга. М. Грановский.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 13, ед. хр. 38. Л. 5–8.

№ 14

Письмо Грановского М.Ф. Севастьянову П.И.

14 декабря 1860 г. Скит Серай, Афон

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович!

По отъезде Вашем, приступая к занятиям, я прежде всего привел в порядок все оставшиеся кальки и, отобрав лучшие из них и более замечательные — перерисовал набело; из коих раскрашенные послал 14-го числа декабря в С-Петербург по адресу, означенному в вашем письме: на имя Ее Императорскому Высочеству государыне великой княгине Марии Николаевне.

Посланные кальки следующие:

1. Успение Божией Матери — рулон
2. Тайная Вечеря — рулон.
- Обе нарисованы вновь
3. Осязание Апостола Фомы — нарисована вновь.
4. Св. Филипп Апостол — лики рисовал Гранов[ский]
5. Св. Моисей Пророк — одежды К. Зур
6. Моисей и Аарон
7. Кирилл и Александр
8. Иерофей Святитель
9. Евстратий мученик.

7–9 — нарисованы вновь.

С 3 по 9 один рулон.

Особый рулон — поясные.

1. Св. Иоанн Богослов — ст. жив. м-ря Пантократор.
2. ИС ХС (Тело Христово) — ст. жив. Лавры.
3. Георгий Победоносец — чудотв. икона монастыря Зограф.
4. Св. Димитрий великомученик
5. Св. Антоний Великий
6. Св. Иоанн Креститель
7. Св. Петр Апостол.

4–7 стенная живопись церкви Протата.

С 1 по 7 нарисованы вновь.

1 рулон — Собор Св. Архангелов (стенная живопись <м-ря>Хиландарь).

Кальки с икон — 1 рулон

1. ИС ХС — икона, принадлежавшая Св. Савве Сербскому (Хиландарь)

2. ИС ХС — икона, находящаяся в монастыре Костамонит

3–8 Иконы Божией Матери:

3. Достойно Есть — чудотворная икона церкви Протата

4. Софийская

5. Закланная

6. Проглаголившая

7. Утешение — в Параклисе.

8. В алтаре в иконостасе в соборе

С 4 по 8 находятся в соборе монастыря Ватопед.

При этом 1 рулон кальки с икон Божией Матери Проглаголившей, Утешение находятся в иконостасе алтаря, которые рисовал Воден. — Я послал эти кальки потому, что вы оставили их (перерисовать), или исправить, но исправлять я не решился, а нарисовал вновь.

Кроме того, особый рулон:

Неоконченные кальки со стен. жив. Протата:

Умовение ног Апостолам и Три отрока в печи огненной. Черновые кальки, которых не найдены; и о которых я писал вам в 1-м письме.

Все поименованные кальки нарисованы вновь. Все кальки церкви Протата нарисованы уже набело. Остались не раскрашенные:

ИС ХС в Синагоге

ИС ХС во чаше (Тело Христово)

Все — стенная живопись церкви Протата.

Кальки монастыря Ватопед не начинал рисовать. Ожидал от вас приказания на 1-е письмо.

Журнал ежедневных занятий Грановского за ноябрь месяц [1860 г.].

Число	Чем занимался всякий день
1	Раскрасил 2 полотна кальки стенной живописи Успения Богоматери
2	Раскрасил 2 полотна Протата Успение Богоматери
3	Нарисовал 1 полотно кальки стенной живописи Протата Осызание Ап. Фомы
4	Собрал оконченные кальки, укупорил и подготовил для отправления в Париж и написал письмо
5	Послал письмо вам в Париж, а посылка осталась. В этот день у меня болела голова от угара, так что не мог работать
7	Раскрасил кальку стенной живописи Протата Св. Дмитрий великомуч. После обеда нарисовал кальку стенной живописи Пантократора Св. Иоанн Богослов
8	День моего Ангела. Не работал
9	Раскрасил кальку — Св. Иоанна Богослова Пантократор и раскрасил 1 полотно кальки Протата Осызание Ап. Фомы.
10	Раскрасил 2 полотна кальки — Осызание Ап. Фомы.
11	Нарисовал и раскрасил (калька стенной живописи Протата) Св. Иерофей

12	Нарисовал икону Богоматери (в Ватопеде в иконостасе собора находится в алтаре (черновую кальку писал я).
13	Воскресение раскрасил кальку иконы Богоматери, приготовленную вчера
14	Нарисовал кальку иконы Богоматери Проглаголившей Царице Плакиде. Чудотворная икона находится в Ватопеде
15	Раскрасил кальку этой иконы и кальку стенной живописи Протата Св. Евстратий.
16/17	Рисовал кальку иконы Богоматери Достойно Есть.
18	Раскрасил кальку иконы Богоматери Достойно есть. Вечером нарисовал кальку иконы Богоматери Утешение, находящуюся в монастыре Ватопеде в параклите Утешение.
19	Раскрасил кальку этой иконы.
20	Нарисовал кальку стенной живописи Протата Св. Ап. Петра
21	Был праздник — не занимался
22	Нарисовал кальку св. Антония Великого и св. Иоанна Предтечи — стенная живопись Протата
23	Раскрасил кальку Св. Петра Апостола Протата. Вечером нарисовал кальку Иконы Божией Матери Закланной. Чудотворная икона в соборе монастыря Ватопеда
24	Раскрасил кальку этой иконы.
25	Нарисовал кальку иконы Божией Матери, называемой Софийской, находящейся в Ватопеде в соборе у колонны с северной стороны.
26	Раскрасил кальку этой иконы. После обеда не работал.
27	Воскресенье. Раскрасил кальку Св. Антония Великого
28	Перерисовывал вновь кальку иконы Богоматери Софийской, прежнюю кальку которой неосторожно разорвал
29	Весь день не работал, потому что невозможно было войти в комнату, в которой я занимаюсь, от дыму, который прошел сквозь пол внизу из прочанной, где лудили посуду к празднику.
30	Праздник Св. Апостола Андрея Первозванного — в этот день не работал

Отец Амфилофий и отец Феодорит свидетельствуют вам свое почтение, а также каймакан, свидетельствуя вам свое почтение просил (через отца Феодорита) напомнить вам обещание ваше — о исходатайствовании монаршей милости.

Посещавший Афонскую Гору — Солунский Паша отменил собрание антипросопов в Протате всякий день и установил фирманом собираться в Протате только игуменам монастырей и старшим перистосам четыре раза в год для решения важных дел под председательством каймакана.

Оставаясь в ожидании вашего письма с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорный слуга М. Грановский.

№ 15

Письмо Грановского М.Ф. Севастьянову П.И.

9 февраля 1861 г. Монастырь Руссик. Афон

Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь Петр Иванович!

В письме вашем вы пишете, что мало у нас снимков с иконописи на досках, что надобно списать кальки с чудотворных икон: Божией Матери в монастыре Дохиаре и св. Иоанна Предтечу в монастыре Дионисиате и другие иконы в прочих монастырях; а также пишете, чтобы покупать, как можно более старых образов, крестов и рукописей, хотя неполных. Желая исполнить поручения ваши, я решился предпринять поездку в означенные монастыри, на предстоящие путевые издержки и на покупку, если случится, икон, крестов и рукописей, я занял 10 русских полуимпериалов у отца Виссариона, и запаса всем необходимым, отправился в монастырь Руссик. 22 числа явившись отцу Макарию, я объявил ему о цели моего приезда и прочитал письмо ваше ему и духовнику отцу Иерониму и просил их дать мне лодку и драгомана, знающего греческий язык; каковым назначили отца Лукьяна, и, получив благословение отцов, на другой день поехал в монастырь Дохиар. 25 января испросив позволение списать кальку с иконы Божией Матери Скоропослушницы, я в тот же день списал ее, на другой день осмотрел собор и параклисы, и в одном из них нашел древнюю икону св. Иоанна Предтечи с историческим изображением жития его на рамке вокруг святого. Письмо иконы довольно хорошее, но местами испорчено. Я объявил экклисиарху, что желаю купить икону, экклисиарх спрашивал об этом главного эпитропа, но он не согласился продать. Поблагодарив эпитропа за дозволение списать с чудотворной иконы Божией Матери Скоропослушницы, я дал ему при прощании голландский червонец. Возвращаясь из Дохиара, я заехал в монастырь Ксеноф. Явившись к игумену, я просил его дозволить списать с чудотворного образа Божией Матери. Образ этот перенесся сам из монастыря Ватопеда. Получив благословение игумена, я пошел в собор, посмотрел образ — живопись порядочная, но образ покрыт ризой, которую я просил снять, доложив игумену, но он не согласился снимать и даже рамку со стеклом нельзя снять, потому что заделана наглухо. Из других икон не нашел ни одной замечательной. Приложившись к мощам, возвратился в монастырь Руссик; на другой день хотел было ехать в Дионисиат, но в ночь подул сильный ветер, продолжавшийся три дня; в это время я списал кальку с чудотворного образа св. великомученика и целбника Пантелеимона (живопись простая). 3-го февраля при попутном ветре поехал на лодке под парусом в монастырь Дионисиат. Игумен принял меня очень благосклонно и дозволил списывать со всех икон. Осмотрев в соборе все образа, я списал два замечательных образа св. Иоанна Предтечи, один из них не сгоревший в огне во время пожара, а другой — источающий великие чудеса. Других икон замечательных и старых крестов не оказалось.

Поблагодарив игумена за прием и дозволение списывать, дал ему русский золотой и возвратился в Руссик. И на возвратном пути из Дионисиата простудился, получил головную боль и кашель, до выздоровления остался в Руссике и пробыл четыре дня.

Все поименованные кальки, перерисовав набело, я постараюсь выслать вместе с другими с следующим пароходом в С-Петербург. Деньги 12.200 франков высланные вами на имя игумена монастыря Зограф отца Анфима получены все сполна.

Свидетельствуя вам свое почтение и оставаясь в совершенной преданности, имею честь быть ваш покорный слуга Михаил Грановский.

PS. Феодору Андреевичу свидетельствую мой душевный поклон.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 13, ед. хр. 38. Л. 13–14.

№ 16

Письмо Грановского М.Ф. Севастьянову П.И.

8 марта 1861 г.

Скит св. Апостола Андрея Первозванного. Афон

Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь Петр Иванович!

Письмо ваше из Берлина я получил 15 января, в котором вы пишете, что мало у нас калек с икон, писанных на досках, и назначили списать кальки с икон: Божия Матери Скоропослушницы в монастыре Дохиар и Святого Иоанна Предтечи в монастыре Дионисиате и другие замечательные иконы в прочих монастырях. Желая исполнить поручение ваше — списать кальки с упомянутых икон, — я ездил в означенные монастыри и, благодаря Бога, беспрепятственно списал кальки с сих икон, о чем подробно писал вам из Руссика 9 февраля.

Предполагая, что выставка драгоценных собраний и снимков афонских древностей будет открыта в начале великого поста и, желая выслать к этому времени снятые мной кальки с икон означенных выше, я тотчас по возвращении домой принялся перерисовывать их набело, окончив которые, посылаю вам в С-Петербург 8 марта на имя Ее Императорского Высочества государыни великой княгини Марии Николаевны с надписью — «Дела Афонской экспедиции».

Кальки, посланные в Петербург, следующие:

1. Св. Апостолов Петра и Павла — икона — из монастыря Ватопеда.
2. Св. великомученика Пантелеимона чудотворная икона монастыря Руссика
3. Чудотворная икона Божией Матери Скоропослушницы — Дохиара.
4. Чудотворная икона Божией Матери Поповской — находящаяся в монастыре Хиландаре.

5. Чудотворная икона Божией Матери, проглаголившей Св. Косьме
6. Чудотворная икона Божией Матери Акафистная — обе монастырь Зографа.
7. Чудотворная икона Св. Иоанна Предтечи главная
8. Чудотворная икона Иоанна Предтечи, не сгоревшая в огне во время пожара — обе иконы находятся в монастыре Дионисиате.
9. 1-й и 7- Вселенские соборы — стенная живопись в монастыре Хиландаре.
10. ИС ХС в синагоге — стенная живопись церкви Протата.

Кальку с иконы Божией Матери Акафистной — я не раскрасил, потому что икона так черна, что нельзя разобрать какого цвета одежды. Икона эта также не сгорела в огне во время пожара.

С другой иконы Божией Матери Акафистной, находящейся в монастыре Дионисиате — невозможно списать кальки, потому что икона так черна и притом покрыта остатками мира, источенного от всей иконы, что очертания ликов нельзя разобрать.

Так как у нас действительно мало калек с икон, писанных на досках, то чтобы исполнить недостаток их, я предполагаю на 3-й неделе великого поста поехать в следующие монастыри: Симонопетр, Св. Павла, в скит св. Анны, в монастырь Каракалла и другие, в которых надеюсь найти древние и замечательные иконы, с которых и постараюсь списать кальки, и, перерисовав их набело, выслать, если успею к Пасхе.

Извините меня, что не писал при этом письме журнала моих занятий, потому что не успею и боюсь опоздать с письмами, ибо отец Феодорит, Иван Васильевич Усачев и другие поклонники сейчас отправляются в монастырь Руссик, куда пароход придет с рассветом.

От всей души желая Вам успеха в полезных предприятиях ваших и с истинным почтением и совершенною преданностью, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорный слуга Михаил Грановский.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 13, ед. хр. 38. Л. 15–16.

№ 17

Письмо Грановского М.Ф. Севастьянову П.И.

2 мая 1861 г. Афон

Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь Петр Иванович! Напечатанное в «Северной Пчеле» известие о выставке ваших драгоценных собраний афонских древностей в императорском Зимнем дворце, в котором, при обозрении выставки государем императором и его августейшей супругой, вы удостоились поднести государю драгоценный дар монастыря

Зографа — глаголическое Евангелие, которое государь принял с величайшей благодарностью и пожертвовал оное в Императорскую Публичную библиотеку — доступную для всех желающих видеть, это необыкновенное археологическое сокровище; известие это невыразимо обрадовало игумена Зографского монастыря архимандрита отца Анфима с братией и многих русских, в том числе и меня, живущих на святой Афонской горе.

Желая знать замечание государя императора, на что особенно обратил он благосклонное внимание свое при обозрении выставки трудов вашей экспедиции — собрания драгоценных афонских древностей, я осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство написать мне письмо, в котором прошу вас изложить подробности и замечания о выставке трудов вашей Афонской экспедиции: государя императора и его августейшей фамилии, знатоков-художников и собственное ваше, которое необходимо для меня, как руководство в занятиях моих.

В письме вашем из Берлина от 20 декабря вы написали замечание ваше, что в собрании вашем афонских древностей оказалось мало калек с икон, писанных на досках, и указали, притом, с каких икон надо было списать кальки, а именно с чудотворных икон: Божией Матери Скоропослушницы в монастыре Дохиаре, Св. Иоанна Предтечи в монастыре Дионисиате, Божией Матери Акафистной и Божией Матери Достойно Есть, присовокупив далее, и с других икон в прочих монастырях, замечательных, или по чудесам, или по древности, или по исполнению; и далее просили покупать, как можно более древние иконы, кресты, рукописи — пергаменты и другие священные предметы церковной утвари. Желая исполнить ваше поручение, я ездил в означенные вами монастыри и списал кальки с икон Божией Матери Скоропослушницы, св. Иоанна Предтечи и еще св. великомученика Пантелеимона, и вместе с другими кальками выслал в С-Петербург 8 марта.

В письме моем при сей посылке 8 марта, я писал вам, что я предполагал на третьей неделе великого поста предпринять путешествие в монастыри, в которых я не был прежде, а именно: в монастыри: Ксиропотам, Симонопетр, св. Анны, св. Павла, Каракалла, Филофея и др. прочие монастыри, в которых я надеялся найти древние иконы, замечательные, или по чудесам, или по особенному характеристическому сочинению и исполнению, и списать в них кальки, а также приобрести, если найдутся древние иконы, кресты, рукописи, и другие предметы священной церковной утвари.

Но предположение мое не осуществилось: предпринять путешествие в означенные монастыри в продолжение великого поста нельзя было, потому что частые и продолжительные службы в церкви во все дни великого поста во всех монастырях, препятствовали бы мне заниматься в церкви. При том же я простудился и долго страдал от стеснения в груди и от зубной боли, от которой избавился тогда только, как вырвали у меня 2 зуба. И эта несносная болезнь препятствовала мне даже работать, так что в течение всего

великого поста я не работал, а потому покорнейше прошу ваше высокопревосходительство не считать мне жалования за два месяца: за март и апрель. Теперь же слава Богу — я здоров и решаюсь с Фоминой недели отправиться в путешествие в означенные монастыри и по возвращении домой напишу вам отчет о моих занятиях и о результате моего путешествия.

Не имея собственных денег на путевые издержки и на покупку, при случае, древних икон, крестов, рукописей и прочей церковной утвари я просил игумена св. Андреевского скита — отца Виссариона, дать мне денег на расходы и получил от игумена Виссариона — 19 февраля десять русских полуимпериалов, о которых я упоминал в письме моем к вам от 8 марта. Кроме этого, я получил от игумена о. Виссариона еще десять русских полуимпериалов для уплаты жалования слуге Леонтию за 7 месяцев и 22 дня — 32 руб. 25 коп. серебром, который по требованию своей матери пошел в свое отечество, для пособия своим родственникам в рабочее время.

Независимо от сего, я занял у игумена о. Виссариона собственно для себя десять русских золотых на покупку меховой шинели у Семена Григорьевича. Занять эти деньги я решился, потому что прежнее жалование мое я издержал по мелочам: на покупку провизии в Карее, на покупку белья, на переделку 2-х пальто и на разные мелочи. Упомянул же я об этом займе, потому что игумен о. Виссарион настоятельно принуждал меня — просить вас прислать мне денег на необходимые расходы. Вследствие сего я осмеливаюсь почтительнейше просить ваше высокопревосходительство прислать мне денег, если можно, от 50 до 100 рублей серебром, в счет жалования, для уплаты долга моего и на непредвиденные расходы.

Накануне Св. Пасхи приехал на Св. Гору Афонскую архимандрит отец Порфирий и поселился в монастыре Руссике, на праздник Пасху я ездил в монастырь Руссик и виделся с архимандритом Порфирием, долго беседовал, или лучше сказать слушал совет его: по его словам, для дополнения экспедиции вашей надо сделать точные копии с икон и фресок в полную силу красками, хотя по одному образцу каждой школы, или каждого рода живописи, сохранившейся на Афонской горе. Школы он разделяет на Критскую, Фессалоникскую, Палестинскую, собственно Византийскую и Сербскую и проч. По поручению вашему я спрашивал у него зрительную трубку вашу, он ответил, что забыл ее в Одессе, где находятся его все вещи, которую он обещался выписать из Одессы.

Свидетельствуют вам свое почтение: о. Иероним, о. Макарий, о. Азария, о. Серафим и прочие отцы Русской обители.

И я, свидетельствуя вам свое почтение и, оставаясь в совершенной к вам преданности, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорный слуга Михаил Ф. Грановский.

№ 18

Письмо Грановского М.Ф. к Севастьянову П.И.

1 января 1862 г. Афон

На листе помета карандашом рукой П.И. Севастьянова: «Получ. 4 февраля»

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович!

Вчера накануне Нового года я имел счастье получить ваше письмо от диакона Хиландарского монастыря отца Евстафия, который прибыл благополучно, письмо это сколько обрадовало меня, столько же и удивило, потому что вы пишете, что вы отвечали на письма мои, тотчас по получении их, но я удивляюсь и не понимаю, где же эти письма задержаны? Потому что я в продолжение более года получил только одно ваше письмо, писанное вами из Берлина от 20 декабря прошлого 1860 года, которое я получил 15 января 1861 года с того же времени до настоящего дня 1 января 1862 года я получил только одно письмо со вчерашним парохомом.

В письме вашем вы пишете, что в ответе вашем на мое письмо от 2-го мая, вы приложили письмо к игумену Зографского монастыря отцу Анфиму, в котором Вы просили его выдать мне денег 100 рублей серебром; но до сих пор не получив письма вашего, я не имею никакого известия от игумена о. Анфима относительно денег и не знаю, получил ли он письмо ваше или нет? (И обо всем этом постараюсь узнать подробно). Об этом я напишу отцу Анфиму письмо и попрошу его уведомить меня немедленно, и получив ответ, я со следующим парохомом напишу вам письмо подробно (обо всем, отвечу на все пункты вашего письма). Далее в письме вашем вы пишете: «Перед отъездом моим с Афона, вы сказали мне, что можете остаться (на Афоне) только до апреля месяца, потому в это время вы предполагали поехать в Иерусалим и я никак не предполагал, чтобы вы для моих работ остались столько времени на Афоне». На это я отвечаю вам, что я давно желал съездить в Иерусалим и даже я хотел послать вам письмо с прошедшим парохомом, но, по счастью, парохом скоро пошел, и я не успел послать вам мое письмо. Теперь же я уведомляю вас, что с 1 марта настоящего года я желаю исполнить данный мною обет Богу — съездить в св. град Иерусалим и поклониться Святому и Живонаначальному Гробу Господню и всем окрестным святым местам, и уповаю на милосердие Божие, надеюсь получить там исцеление от недуга моего душевного и телесного. Обновившись же духом и телом, я поспешу возвратиться в Св. Афонскую Гору, и тогда готов приняться за дело, как дело Божие и во славу Божию. При сем от души, искренне благодарю вас, что предупредили мою просьбу, я хотел в письме моем просить вас выслать мне деньги 250 рублей серебром в счет жалования за истекший год, на издержки для путешествия в Иерусалим, но теперь получил ваше письмо и при нем кредитное письмо на имя старцев Руссика или Зографа, по этому письму я

получил деньги в Руссике от духовника отца Иеронима, только позвольте получить не 150 руб. а двести пятьдесят, потому что на путевые издержки в Иерусалим и обратно недостаточно 150-ти рублей, при том я желаю уплатить долг скиту Сераю — 80 рублей серебром из числа 250 рублей, которые надеюсь получить. От духовника о. Иеронима, получивши же оные, я со следующим пароходом вышлю вам расписку в получении денег, за подписью духовника о. Иеронима, и письмо с подробным реестром всех ваших вещей, из коих более ценные и необходимые нужные для фотографии я постараюсь выслать с будущим пароходом.

О результатах занятий моих я писал вам прежде в 6-ти письмах в виде отчета, и которых вы не упоминаете, сколько вы получили их числом. В следующем письме я напишу вкратце отчет в занятиях моих (за все время) за истекший год.

С наступлением нового года от всей души желаю вам успеха в трудах ваших, предназначенных для пользы Церкви, любезного отечества нашего, за все труды ваши да воздаст вам Господь Бог сторицей. Пожелав вам всякого блага, я с истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой, худ<ожником> М. Феофановичем Грановским.

1862 года января 1-го дня.

Извините, что письмо написано несвязно, я спешил подать на пароход сейчас отходящий. (Монастырь Руссик). Духовник отец Иероним и о. Макарий свидетельствуют вам свое почтение и поздравляют с Новым годом.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 13, ед. хр. 38. Л. 19–20.

№ 19

Письмо Грановского М.Ф. Севастьянову П.И.

25 января 1862 г. Скит св. Апостола Андрея Первозванного. Афон¹

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович!

Получив письмо ваше от хиландарского диакона о. Евстафия во время бдения под Новый год, я в самый день нового года написал вам ответ на письмо ваше вкратце, теперь, исполняя обещание, пишу подробное. В письме вашем — вы пишете, что на письма мои вы тотчас получения их отвечали мне и даже, отвечая на письмо мое от 2-го мая месяца, вы приложили в нем письмо к игумену Зографского монастыря отцу Анфиму, в котором вы просили его выдать мне 100 рублей серебром, о которых я писал вам прежде. На это я долгом считаю ответить вам, что со дня отъезда вашего с Афонской горы,

я получил от вас только два письма. 1-е — из Константинополя, писанное вами пред отъездом вашим в Париж, 2-е — из Берлина, писанное 20-го декабря 1860-го года, которое я получил 15-го января 1861 года, с этого времени я не получал более писем до самого Нового 1862 года. Признаюсь вам откровенно, что я, не получая столь долгое время от вас писем и не имея никакого известия о вас от иеромонаха о. Паисия, непостижимою неизвестностью этой я приведен был в крайнее недоразумение, так что чрез это я потерял было прежнюю энергию в занятиях моих и совершенно расстроился духом, при том же, занимаясь прежде долгое время мелкой живописью и почти лежа грудью над столом, я изнурил себя до такой степени, что чувствую теперь сильную боль в груди и, если в таком состоянии буду продолжать занятия мои долее, то наверное могу получить чахотку, и потому, опасаясь расстроить здоровье свое окончательно, я осмеливаюсь почтительнейше просить Ваше Превосходительство уволить меня от занятий моих на три месяца (помета Севастьянова «навсегда») для поправления здоровья; в течение же означенного времени я желаю исполнить данный мной обет Богу — съездить во Святой Град Иерусалим, поклониться Святому Гробу Господню и всем окрестным святым местам и, уповая на милосердие Божие, надеюсь получить там исцеление от недугов моих — душевного и телесного.

Обновившись же духом и телом, я поспешу возвратиться в Св. Афонскую Гору и тогда готов с любовью и усердием приняться за дело, как дело Божие и во славу Божию.

Далее, в письме вашем, вы пишете следующее: «Пред отъездом моим с Афона, вы сказали мне, что можете остаться только до апреля месяца, а в этом месяце вы предполагали поехать в Иерусалим и я никак не предполагал, чтобы вы для моих работ остались столько времени на Афоне».

Согласитесь со мной, Ваше Превосходительство, что я, не получая целый год писем от вас², не мог решиться выехать в Иерусалим без ведома вашего и при том, не имея денег на путевые издержки³. Теперь же получив письмо ваше и при нем ваше кредитное письмо на 150 рублей серебром, которое я, будучи в монастыре Руссике вручил духовнику отцу Иерониму, который изъявил свою готовность выдать мне деньги при отъезде в Иерусалим, по получении денег я немедленно уведомлю вас. При сем позвольте мне выразить вам искреннюю мою благодарность за присланное вами кредитное письмо, дающее мне возможность исполнить теперь обет мой Богу — поехать в св. г. Иерусалим⁴.

Письмо ваше сколько удивило, столько же и обрадовало меня тем, что вы получили посланные мной рисунки, которыми, как вы пишете, все были довольны. При всем моем желании исполнить вашу просьбу — купить сколько можно подлинных оригиналов, икон, древ. крестов, рукописей и церковной утвари, — я решительно ничего не мог приобрести, потому что во всех монастырях и келлиях греки, как бы сговорились, не продавать и не менять икон

и прочей утвари, ни на какие предметы. Например, в монастыре Дохиаре я нашел на чердаке очень замечательную икону св. пророка Иоанна Предтечи, с изображением на широких полях рамки жития и чудеса его; живопись древняя, но исполнена хорошо, только во многих местах испорчена. Списать кальку с этой икону весьма трудно и, при том много потребовалось бы времени, а потому я решился просить эпитропа, чтобы продали икону, но он не согласился, потом предлагал ему взамен, что угодно из церковной утвари, или выслать в монастырь из России новую икону по желанию их, но и на это предложение он не согласился, отговариваясь тем, что по завещанию старцев обители никто не может продать или променять церковную вещь без согласия всего собора. Подобно этому ответили мне в Лавре Св. Афанасия и в скиту Св. Анны, в котором я нашел деревянный резной крест наподобие креста Св. Константина. Крест оный не уступили мне ни на какие предложения. Далее вы пишете, попросить отца Амфилохия составить для вас каталог медицинским рукописям Лавры и Ватопеда, в этом отношении просьба ваша остается неисполненной, потому что бывший сотрудник ваш отец Амфилохий рукоположен в сан архиерея в Патриархии Александрийской, уже более 4-х или 5-ти месяцев.

Если вы желаете, чтобы я нарисовал на глаз копии с чудотворной иконы Иверской Божией Матери, то потрудитесь написать письмо Иверскому архимандриту отцу Даниилу и попросите его позволить мне списать копию⁵; тогда по возвращении из Иерусалима я готов с любовью исполнить просьбу вашу — написать копию, если хотите масляными красками в полную силу, как в оригинале.

Исполняя поручение ваше, я составил опись всем инструментам и вещам, из коих более ценные вещи и инструменты фотографические и топографические я выслал в Петербург, адресовав на имя «Ее Императорского Высочества государыни великой княгини Марии Николаевны», с надписью сбоку: «В Константинопольскую миссию русского посольства для пересылки в Петербург по означенному адресу с девизом «Дела Афонской экспедиции», в 4-х ящиках за №№ 1, 2, 3 и 4. Посылая вещи ваши в Константинополь, я написал короткое, но почтительное письмо генеральному консулу Николаю Ивановичу Черняеву, в котором просил его сделать зависящие от него распоряжения, чтобы вещи оные не осматривали в таможенных: Константинопольской и Одесской и переслали их, как есть в Петербург, по означенному адресу.

Посланные вещи следующие:

Ящик № 1 (снизу): два ружья, револьвер, пороховница большая жестяная, пороховница и дробовница кожаные, пороховница и дробовница кожан. Поясная отвертка, два свистка, две пистонницы, форма для выливания пуль, дорожный карманный прибор, спичечница. (Сверху). Капсул фарфоровых 8 штук.

Инструменты фотографические: объективов отдельных 4: самый большой, средний, малый и раздвижной с кремальеркой.

Инструменты топографические: аледада, бусоль, эккер, компас, нивелир, спидометр и отвес, и еще карандашей фабера 32 дюжины, карандашей цветных 1 дюжина. Карандаши № 1 я выслал, потому что они не годятся для рисования — слишком мягки и крошатся.

Ящик № 2 (снизу). Стереоскоп английский весь аппарат в ящике, стереоскоп французский с двойным объективом и раздвижной камерой, большая гуттаперчевая ванна 1, кюветка гуттаперчевая 1, шамбр-нуар большая 1, копирных рамок со стеклами — 4, три рамки с кольцами для объективов, винты деревянные от копирных рамок (в пачке), пружины стальных от копи. Рамок — (в пачке), винты от шамбр-нуар и другие мелочи.

Ящик № 3. Шамбр-нуар с ящиком — 1. Принадлежащий к ней станок — 1. Винты и гайку от этого станка я забыл уложить в ящики при осмотре вещей турецким таможенным чиновником, после я приделал эти винты и гайку снаружи ящика сбоку под крышкой, запасных складных шамбр-нуар без рам — два, шасси вставных больших — три, стереоскопных шасси — три, диафрагмы деревянные вставные в шасси, кюветок гуттаперчевых — 7, томпаковый лист для разогревания воска — 1, сломанные две крышки от объективов.

Ящик № 4 (снизу) Кисейный полог от мустик — 1; кусок черной шерстяной материи, жилеты, пальто, между ними уложены мелкие вещи (уложены по стенкам), завернутые в фуфайки: стеклянные линейки, угольник, песочные часы, градусник, другой градусник спиртовой, янтарный мундштук, портсигар, складные подсвечники, две чайные серебряные ложки, 6-ть серебряных крестиков и образки, четки, микроскоп и стереоскоп, инструменты прибор, параллельная линейка, две бритвы, французский метр, 5 книг французских о фотографии, 1. Stereoscope Album Illustrirtes Reisebuch. Von C. F. Iahn, 2 стекла увеличит. Сверху белье ваше в ящике, 4 рубашки с манишкой, 6 ночных, подштанники, носки, платки и простыни. Все прочие вещи, оставшиеся в скиту, уложены в ящиках за №№ и с описью, что в них находится, опись всех вещей я вышлю после с другим пароходом.

При сем присовокупляю список книг церковных и вещей, которые о. Виссарион и о. Феодорит покорнейше просят вас пожертвовать для обители: в новую церковь Петра Митрополита церковные книги: служебные месячные Минеи — 12-ть. Пролог — 2 книги, Апостол — 1 книга, Типикон — 1 книга, Следованная Псалтирь в ¼ — 1 книга, Часослов — 1 книга, Ирмологий — 1 книга.

Для больницы: хирургические инструменты в сафьяновом складном футляре, карманный прибор, машинную клистирную трубу — прибор в ящике. И на время — куб для дистиллированной розовой воды, тиски и машинку для нарезывания винтов. Карусельную лампу, другую такую же лампу я выдал по приказанию вашему для трапезы.

Многие келлиоты приходили ко мне и просили продать некоторые церковные книги: Добротолюбие, которой 4 экземпляра, Пролог — 2 книги, Евангелие в переплете и Четьи-Минеи — 12 книг, но без позволения вашего я не мог решиться продать их, не зная, при том, ценности их. Список всех книг я вышлю вместе с описью остающихся вещей в Скиту. К сему же приложу журнал занятий моих за прошедшие годы, с Нового года весь январь месяц я не занимался, а потому прошу вас не считать жалования мне с Нового года до возвращения моего из Иерусалима, в который я предполагаю выехать на этой неделе с будущим парходом в субботу 27 числа.

При отъезде вашем с Афона вы поручили мне свезти в Иерусалим драгоценные воздухи и Покров, пожертвованные на Гроб Господень. Теперь, отъезжая в Св. Иерусалим, я беру воздух и Покров с собой, и если Господь Бог сподобит мне грешному благополучно достигнуть Св. Града, то я сам лично вручу оные преосвященному Кириллу и объясню ему, что вы поручили передать ему. По приезде в Иерусалим я напишу вам письмо.

Оставаясь в почтительном к вам уважении и совершенной преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга художник М.Ф. Грановский.

Приписка: Игумен Виссарион, о. Феодорит и вся братия свидетельствуют вам свое почтение.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 13, ед. хр. 38. Л. 21–24.

¹ На листе помета рукой П.И. Севастьянова: «На конвер. 12 марта, получено 13 марта. Что за безумие? Вот второе письмо в целых 8 листов, а о работе ни слова!»

² Помета П.И. Севастьянова: «в сентябре упл. Грановскому получ. 2 письма с сентября до Х прошло 7 месяцев»).

³ Помета П.И. Севастьянова: «как об отце Виссарионе».

⁴ Помета П.И. Севастьянова: «Хорошо еще, что теперь 250 руб.?».

⁵ Помета П.И. Севастьянова: «писать уже поздно».

№ 20

Письмо Грановского М.Ф. Севастьянову П.И.

8 февраля 1862 г. Монастырь Руссик. Афон

Ваше Превосходительство, милостивый государь Петр Иванович!

Считаю долгом уведомить вас, что я получил деньги по кредитному письму вашему от монастыря Руссика 1862 года января 26 день и в получении денег я подписался на обороте кредитивного письма вашего, которое

духовник отец Макарий выслал в Петербург 1862 г. 8 февраля сборщику своего монастыря иеромонаху Макарию, который обязан письмо ваше представить вам по востребованию вашему.

Содержание расписки, означенной на кредитивном письме следующее: «По сему верующему письму я получил от монастыря Руссика денег сто пятьдесят рублей сереб. русскими полуимпериалами, считая полуимпериал по курсу — пять рублей и пятьдесят копеек серебром (вместо семидесяти пяти к.с., которым я написал по ошибке и зачеркнул) — 1862 года января 26 дня, в получении означенных денег свидетельствую свой подписью. Х[удожник]. М. Грановский».

Получив деньги, я решился исполнить обет мой — поехать в Св. Град Иерусалим для поклонения Святому Гробу Господню и всем окрестным святым местам, и завтра (1862 г.) 8-го февраля на пароходе «Олег» отправляюсь в Иерусалим. Спутники, едущие со мной — два монаха монастыря Руссика — монах о. Лукиан и старец схимонах о. Горгоний, оба они прекрасного характера, люди степенные и воздержанные, и я условился с ними ехать в Иерусалим и обратно на Афон вместе на совокупных издержках в дороге. Случай ехать с ними вместе, как нельзя более, благоприятен для меня, потому еще что один из них, — монах о. Лукиан умеет говорить на греческом и турецком языках и при том весьма опытен в путешествии.

Если милосердый Господь Бог сподобит меня грешного достигнуть благополучно в св. Иерусалим, то я намерен просить преосвященного Кирилла — испросить мне дозволения (от кого будет зависеть) — списать кальки и, если можно копии с чудотворных и замечательных икон. А по возвращении из Иерусалима на Св. Афон, я буду просить Иверского архимандрита о. Даниила дозволить мне списать копию на глаз с чудотв. ик. Иверской Божией Матери, о которой вы упоминали в вашем письме.

Принося искреннюю мою благодарность Вашему Превосходительству за присланное вами кредитивное письмо, которое дало мне средства для путешествия, отправляясь в которое я остаюсь неизменно в почтительном уважении и совершенной преданности к вам, имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой

Художник Михаил Ф. Грановский

Свидетельствуют вам свое почтение Зографский игумен архимандрит о. Анфим, монастыря Руссика духовники: отец Иероним, духовный отец Макарий, от. Серафим, о. Азария.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 13, ед. хр. 38. Л. 25–26.

- ¹ См. ф. 269 — Архив П.И. Севастьянова и ф. 270 — Собрание П.И. Севастьянова
- ² Средства выделены на экспедицию были выданы Св. Синодом — 9 тысяч руб., императрице Марией Александровной — 7 тыс. руб., вел. кн. Марией Николаевной — 3000 руб., М.Н. Погодин объявил сбор денег на экспедицию — см.
- ³ ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 26, ед. хр. 5
- ⁴ ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 9, ед. хр. 20, л. 1–2об. — Письмо П.И. Севастьянова от 6 мая 1860 г.
- ⁵ ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 26, ед. хр. 8.
- ⁶ Биографические сведения — см. Боголюбивая обитель на реке Любуше / Сост. Мо-
нахиня Иосифа (Егасова) — М.: 2017, с. 291–321
- ⁷ РГИА. Ф. 789, оп. 14, лит. «К», д. 35, л. 1–3.
- ⁸ ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 15, ед. хр. 42, л. 6
- ⁹ РГИА. Ф. 789, оп. 14, лит. «К», д. 35, л. 121, 122.
- ¹⁰ ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 9, ед. хр. 39. — письмо Севастьянова от 20 июня 1860 г.
- ¹¹ ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 26, ед. хр. 27, л. 16–17
- ¹² ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 9, ед. хр. 39.
- ¹³ ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 43, л. 9 об. — 10.
- ¹⁴ ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 26, ед. хр. 27, л. 11–11об.
- ¹⁵ ОР РГБ. Ф. 269/1, изо.

ПИСЬМА РУССКИХ АФОНСКИХ МОНАХОВ к П.И. СЕВАСТЬЯНОВУ*

Кирилл Вах

П.И. СЕВАСТЬЯНОВ И РУССКИЙ АФОН

Петр Иванович Севастьянов родился в 1811 г. в г. Краснослободске Пензенской губернии. Его отец был купцом 1 гильдии, владельцем винных откупов и золотопромышленником. Основа семейного благосостояния была унаследована и П.И. Севастьяновым. Он был человеком не бедным. В юности его учителем был М.М. Сперанский. Севастьянов закончил юридический факультет Московского университета, служил на юридическом поприще в различных государственных учреждениях. При этом примерно 10 лет (1841–1850 гг) много путешествовал по России и Западной Европе. Из всех поездок Петр Иванович привозил дорожные записи и альбомы рисунков. Можно сказать что Севастьянов стал профессиональным путешественником и был в этом качестве признан у себя на родине. Русское географическое общество в 1850 году избирает его в состав своих действительных членов.

В 1851 г. Пётр Иванович, получив наследство, вышел в отставку и пустился путешествовать по Христианскому Востоку, где прежде никогда не был. Он посетил Грецию, Египет, затем Сирию, Палестину и, наконец, Афон. Знакомство с Востоком и в особенности со Святой Горой произвели на него неизгладимое впечатление. Тогда же он начинает покупать памятники древнего христианского искусства. Впервы приезд, в 1852 г., он провел на Афоне всего неделю, но и за эти считанные дни посещает 15 из 20 главных монастырей.

Коллекционирование, чтение научной литературы, осмысление истории Христианской Церкви — этим Севастьянов занимается почти четыре года Крымской войны. Все это время он деятельно готовится к новому

* Исследование и публикация подготовлены в рамках гранта РФФИ № 17-04-00555-ОГН.

путешествию на Афон. В эти годы Севастьянов приходит к мысли о необходимости систематической фотофиксации афонских книжных памятников. Сама идея применить новое техническое изобретение для научных целей принадлежала, скорее всего, В.В. Стасову, с которым Севастьянов был хорошо знаком. О возможностях светописа он мог узнать от другого своего петербургского приятеля фотографа С. Левицкого. Но фактическая разработка этой идеи и ее применение — были заслугой именно Петра Ивановича Севастьянова. С конца 1856 г. Севастьянов изучает искусство фотографии в Париже у фотографа Беллока, закупает необходимые материалы и оборудование и в марте 1857 г. вновь отправляется на Афон, поселяется в Андреевском скиту, на благоустройство которого вносит значительное пожертвование. В частности П.И. Севастьянов дает деньги на строительство храма во имя св. Петра митрополита Московского. Для создания необходимых условий он оборудует в Андреевском скиту помещение под фотомастерскую и начинает свои первые фотографические опыты. Он снимает виды монастырей и древние рукописи, осматривает библиотеки афонских обителей, систематизирует увиденное, сверяет с научной литературой, делает собственные открытия. Его с большим и вниманием и теплом принимают в Русике, а библиотекарь и руководитель канцелярии Русского Пантелеимонова монастыря о. Азария, знаменитый в будущем издатель актов Русика, со своей стороны включается в работу Севастьянова, разыскивая для него редкие документы и рукописи в различных хранилищах Афона. В октябре 1857 г. Севастьянов покидает Афон и возвращается в Париж; устраивает фотовыставку отснятых рукописей, среди которых сенсационные снимки Зографского Евангелия — славянского глаголического памятника XI в. 5 февраля 1858 г. Севастьянов читает в Парижской академии надписей свою знаменитую лекцию «О светописа в отношении к археологии».

Теперь прервем на некоторое время историю афонских исследований Петра Ивановича, чтобы посмотреть в каком контексте воспринималась его деятельность в России.

Повышенное внимание российских властей к начинаниям Севастьянова, было в значительной степени обусловлено историческим моментом.

Ф.И. Буслаев охарактеризовал начало 1860-х гг. в России как «эпоху возрождения» христианских древностей¹. Это «возрождение» в России во многом опиралось на основание, созданное русскими учеными в предшествующее десятилетие. Сюда относится и открытые при российских университетах кафедры славяноведения и последовавшие вслед за тем многочисленные филологические путешествия на Афон, в славянские земли Западной и Южной Европы, в европейские владения Османской Турции, продолжавшиеся примерно 10 лет с 1843–1844 по 1853–1854 годы. Чтобы быть точным нужно упомянуть и о некоторых полуофициальных

паломнических путешествиях представителей российского дворянства (Дашкова, Муравьева), осуществлявших контакты с Христианским Востоком и доносивших информацию о христианских древностях до правительственных сфер Петербурга.

Собственно история художественно-археологической экспедиции началась в 1852 г. вероятно без прямой связи с Севастьяновым. Вернувшись из второго путешествия по Востоку, А.Н. Муравьев составил для обер-прокурора Синода графа Протасова записку, где предлагал командировать на Афон художника, способного зарисовать древности, являвшиеся по его словам лучшими образцами византийского церковного искусства и которые со временем могли быть безвозвратно утрачены. По представлению графа Протасова предложения Муравьева были одобрены Николаем I, но их реализации помешала Крымская война.²

Крымская война (1853–1856), которую в России называли войной за святыне места, стала катализатором, многократно усилившим в российском обществе интерес к христианским древностям и к истории древней Христианской Церкви.

Вместе с тем эта война развеяла прежние стратегические и геополитические иллюзии российской власти и поставила на повестку дня ряд новых и непростых вопросов: о способах восстановления Россией своего политического влияния на Христианском Востоке и путях дальнейшего церковно-дипломатического взаимодействия с греческими восточными Патриархатами.

Появившиеся в первые несколько лет после завершения войны различные проекты «возвращения» России в новых исторических условиях на Христианский Восток объективно отвечали запросам общества и интересам государства. Зарождались они как частная инициатива но их реализацией занимались конкретные государственные учреждения, которые даже конкурировали между собой за возможность предложить и реализовать свой собственный проект на Христианском Востоке.

Всеобщее увлечение планами на Востоке не миновало и членов императорской фамилии, которые часто сами были авторами подобных инициатив. Постоянный и неподдельный интерес ко всем таким предприятиям питала императрица Мария Александровна, создавшая при дворе неофициальный дамский комитет помощи христианам в Турции и взявшая под свое попечение Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме.

В конце 1856 г. великий князь Константин Николаевич отправляет на Афон и в Иерусалим чиновника Морского министерства Б.П. Мансурова с заданием подготовить проект новой гуманитарной и коммерческой деятельности России в местах массового русского паломничества: именно в Иерусалиме и на Афоне.

В марте 1857 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков, не желая отстать от великого князя, инициирует восстановление деятельности Русской

Духовной Миссии в Иерусалиме и берет церковно-дипломатическую деятельность на Христианском Востоке под контроль МИД.

Вскоре со своими предложениями выступил Российский Синод. Поскольку паломничество было занято Морским министерством, а церковно-дипломатическое представительство по традиции оставалось прерогативой МИД, в духовном ведомстве обратили взор в сторону духовного образования и сбора информации о положении Православных Церквей и вообще христиан на Востоке. Вспомнили о старом проекте А.Н. Муравьева. Ссылаясь на него, новый обер-прокурор граф А.П. Толстой во всеподданнейшем докладе Александру II (8 июля 1857 г.) предложил отправить на Афон синодальную Художественную экспедицию, с прикомандированием к ней двух учеников Санкт-Петербургской духовной семинарии, снабдив экспедицию соответствующей инструкцией, «чтоб издержки были отнесены на счет Духовного Ведомства».³ Император изъявил согласие на осуществление этого предприятия. Целью экспедиции было копирование памятников древней афонской живописи, на что предполагалось потратить 3600 руб. серебром.

На предложение Синода откликнулась великая княгиня Мария Николаевна — августейший президент Академии художеств. 23 февраля 1858 г. к графу А.П. Толстому обратился ее академический секретарь М.И. Рейнгардт, сообщивший о намерении августейшего президента командировать на Афонскую гору «сведущих и благонадежных художников» для изготовления копий с икон, фотографических и хромофотографических снимков в интересах созданного при Академии художеств Класа православного иконописания. Рейнгардт писал, что Мария Николаевна готова выделить половину средств, необходимых на афонскую экспедицию, если Синод согласится на участие Академии в этом предприятии. Результаты, добытые экспедицией, должны были быть разделены поровну между двумя ведомствами. Поскольку намерения Синода и Академии художеств совпадали, граф А.П. Толстой предложил соединить оба предприятия в одно, назначив для руководства экспедицией «ученое» духовное лицо. Его выбор пал на архимандрита Порфирия (Успенского).⁴

Из последующей переписки видно, что со стороны Академии художеств к участию в деле ранее уже был привлечен находившийся в этот момент в Париже П.И. Севастьянов и студент академии француз Эжен Николя Воден. Вероятно, Севастьянов отправил в Петербург проект новой экспедиции на Афон, который и был передан архимандриту Порфирию. На основании его архимандрит Порфирий написал подробный труд: «Указания русским художникам при посещении Св. Горы Афонской», законченный 16 марта 1858 г.⁵

Из Парижа Севастьянов и Воден поехали в Лондон, где закупив все необходимое, в апреле 1858 г. отправились на Афон. Именно в этот период Севастьянов обучает фоторемеслу двух иноков Андреевского скита и Пантелеимонова монастыря, положив тем самым начало русской фотографии

на Святой Горе. В конце августа, проинструктиввав монахов-помощников, остававшихся на Святой Горе, с грузом негативов, прорисиями фресок и икон, с несколькими подлинными предметами Севастьянов выехал в Россию. В пути едва не приключилась катастрофа: возле Смирны пароход сел на мель, от крена судна с палубы багаж пассажиров свалился за борт, и только Петр Иванович предусмотрительно успел на руках перенести свой увесистый тюк в лодку.

В России Севастьянова ждали. Видеть его выставку желали в Московском университете, Академии наук, Синоде. В залах университета выставка работала с 11 по 17 января 1859 года. Показать все 1500 фотокопий было невозможно, но и то, что экспонировалось, производило на посетителей большое впечатление. Профессор Шевырев восторженно и с долей юмора писал: «Тут грамоты сербские, болгарские, русские..., евангелие глаголическое, минеи четьи греческие с миниатюрами, евангелие грузинское, географии Птолемея и Страбона... Мы их рассматриваем и изучаем благодаря подвигу нашего соотечественника. Отныне не надо вырывать листы и безобразить рукопись. Фотография, искусство добродетельное, охраняет эти сокровища и успокаивает эгоизм искателей всего редкого»⁶.

В день открытия выставки общим собранием Русского археологического общества Севастьянов был избран в его члены. Выставка затем переехала в Петербург, в здание Синода, где успешно демонстрировалась более месяца. С этого времени экспедиция Севастьянова была взята под опеку ученых и правительства. Приказом по Министерству народного просвещения Петр Иванович был определен на службу в Археографическую комиссию.

В конце 1858 г., П.И. Севастьянов доложил великой княгине Марии Николаевне о необходимости продолжить работы на Святой Горе. Затраты на их проведение он оценил в 16 000 руб.⁷ Частичные расходы вновь принял на себя Синод (9 000 руб.), а императрица Мария Александровна выделила из личных средств оставшуюся сумму 7 000 руб.⁸

Программу для деятельности новой афонской экспедиции должен был разработать, упоминавшийся уже Порфирий (Успенский). Из помет на принадлежавшей Севастьянову рукописи «Указания русским художникам» архимандрита Порфирия видно, что он познакомился с ней уже после возвращения с Афона в конце 1858 г. «Указания» написаны поэтическим языком и мало напоминают техническое задание. Однако для нас интересны как выбор и классификация памятников искусства, так и их оценки. Многочисленные пометы на полях рукописи, сделанные Севастьяновым, позволяют сказать о его собственных представлениях. Например, против слов Порфирия об особенностях размещения приделов в афонских храмах, где говорится, что приделы устраиваются не по сторонам от главного алтаря, а отдельно в западной части церкви, так, что середина храма остается свободною для совершения богослужения, а входят в эти приделы прямо

из центра, Севастьянов пишет: «Не везде и не всегда. Такое встречается и в России». И далее, когда Порфирий заключает, что «такое помещение приделов достойно подражания» Севастьянов возражает — «нет не достойно: в церквях не следует заводить клетки с перегородками». Кроме этого в рукописи встречаются пометы И.И. Срезневского и Антонина (Капустина). В нынешнем виде она представляет собой скорее диалог между знатоками афонских древностей чем инструкцию.

Первым практическим заданием, выдвинутым Порфирием, было снятие точных чертежей и планов всех афонских построек: «В живописном обозрении Афона, после храмов Божиих, желательно видеть чертежи, рисунки и изображения всех тамошних монастырей и скитов, богатых келий и убогих калив, пещерных затворов и древних развалин, житниц и мельниц, фонтанов и водопроводов, страшных темниц, сторожевых башен, средневековых бойниц и укрепленных ворот..., приморских зданий..., каменных пристаней..., мостов...» и т.д. Вряд ли подобное полное обследование всего, что существовало на Афоне отвечало задачам Академии художеств. Из последующего упоминания Порфирием «будущего повествователя судеб Афона» можно предположить, что он рассчитывал таким образом собрать иллюстративный архитектурно-художественный материал для собственной работы над первой подробной историей Афона.

В своих замечаниях Севастьянов везде ограничивает и конкретизирует задачи, которые широкими мазками расписал архимандрит Порфирий (Успенский).

Чтобы выполнить все пункты инструкций, потребовался целый штат сотрудников. Состав экспедиции оказался интернациональным. Не считая Севастьянова, среди прочих семи ее членов было два живописца — француз Эжен Николя Воден, работавший на Святой Горе с мая 1858 года, и студент Академии художеств М.Ф. Грановский; памятники зодчества изучал третий художник, в будущем — профессор Академии художеств и один из оформителей храма Христа Спасителя Ф.А. Клагес; фотографии — француз Леборн и болгарин Христофоров, владеющий восточными языками; топографы — русский М.П. Зур и его помощник грек Спиридо. Предполагалось приглашение палеографом-консультантом архимандрита Порфирия Успенского, но он не смог присоединиться к экспедиции.⁹

О том какой ценой давалось Севастьянову исполнение задуманного им дела мы узнаем из письма к Н.В. Калачеву от 8 мая 1860 г. «...Труднейших годов я не имел во всю мою жизнь и не надивлюсь, как до сих пор жив и здоров. Труд свыше моих сил... Я должен посещать все монастыри и церкви, осматривать библиотеки, избирать рукописи, а в них важнейшие места, распределять работу между восемью сотрудниками, ладить с монахами, не забывая бдений, часто мерю в пятнадцать часов, и хлопотать, чтобы достать сыру и яиц, а зимою быть постоянно в облаках и туманах при шести градусах комнатной теплоты, и при том все работать, все работать».¹⁰

Однако с поставленной задачей Севастьянов справился с честью и осенью 1860 года представил отчет президенту Академии Художеств, великой княгине Марии Николаевне.¹¹ Всего с помощью фотографии, кальки и восковой мастики в двенадцати монастырях было скопировано 200 фресок, 50 живописных, эмалевых, рельефных и резных икон, 10 мозаик, 800 книжных миниатюр, около 100 печатей, собрано около 100 подлинных крестов, сняты общие виды монастырей, интерьеры, алтари, колокола, окна, колонны, образцы кладки, составлены планы монастырей и карта всего полуострова. В числе фотографий экспедиции насчитывалось 3500 негативов, содержащих снимки с пяти тысяч страниц актов, рукописных и старопечатных книг.

Большинство материалов, которые П.И. Севастьянов вывез с Афона, сосредоточилась в Московском Публичном и Румянцевском музеях, Академии Художеств и Публичной библиотеке в Петербурге. Кроме того, фотокопии и отдельные подлинные памятники попали в Русское географическое общество, Археографическую комиссию Академии Наук, Императорское археологическое общество, Музей императора Александра III (Русский музей), а также в частные руки. После революции, когда отделения и музеи христианских древностей были расформированы, многие иконы и вещи из собрания Севастьянова передали в Эрмитаж и Государственный исторический музей, где они постепенно растворились в запасниках.¹²

Начавшееся с недавнего времени постепенное выявление вещей из собрания христианских древностей П.И. Севастьянова, изучение и публикация его архива, должны послужить в конечном итоге решению важной задачи: восстановлению утраченного труда всей жизни неутомимого энтузиаста в области христианской археологии — его многотомной книги «Ключ христианской археологии». Наглядным воплощением этого труда и являлось собрание подлинников, копией, фотографий, рисунков и слепков христианских памятников, собранных П.И. Севастьяновым.

Не менее важной задачей представляется и написание полной биографии Петра Ивановича Севастьянова, основанной на материалах его архивного фонда, хранящегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Среди документального наследия большую часть занимает многочисленная переписка, как семейная, так и деловая. Заметное место в этой переписке занимают письма представителей афонских монастырей: греческих, русских и славянских.

По этим письмам можно проследить круг интересов Севастьянова на Святой Горе и обнаружить источники, связанные с приобретением им икон, рукописей и других предметов. Письма характеризуют отношение афонцев к работе Севастьянова, их собственные взгляды на принадлежавшие им древности.

Однако была и другая сторона во взаимоотношениях между афонскими монастырями и П.И. Севастьяновым. В обмен на возможность работать в

своих хранилищах и церквах афонцы рассчитывали использовать Севастьянова, которого именовали не иначе как «генералом», в качестве ходатая перед российскими властями о разрешении им собирать милостыню в России. Наиболее откровенно и прямо высказывали ему свои просьбы беднейшие монастыри, вроде Симонопетра, Зографа и Хиландара.

Взаимоотношения с русскими обителями было немного иным. Как ни странно, но в архиве П.И. Севастьянова практически не сохранилось переписки с представителями Ильинского скита, братия которого в основном состояла из украинцев. В тот момент Ильинский скит был гораздо богаче Андреевского. Из-за относительной молодости в нем не было «замечательных для археолога предметов»,¹³ интересовавших Севастьянова. Можно предположить, что отношения между ними не сложились, а причин для их выстраивания путем обычных финансовых пожертвований у Севастьянова не было.

Совсем не так обстояло дело с отношениями между Севастьяновым и старцами Андреевского скита, именовавшегося в ту пору Ново-русским. Доброе имя скита еще не стало широко известно на родине его основателей. Даже не смотря на то, что ктиторм его был знаменитый и авторитетный в вопросах Православного Востока А.Н. Муравьев. Андреевцы терпели нужду и заботились главным образом о том, что бы поддерживать старое патриаршее здание — Серай, не оставляя впрочем мысли о том, что их время придет. И первым таким явлением нового лучшего времени для них стало прибытие Петра Ивановича Севастьянова. Еще в первый его приезд на Афон андреевцы постарались завязать с ним самые теплые отношения. Когда Севастьянов в 1857 г. после Крымской войны вернулся на Святую Гору, андреевцы сделали все, что бы он поселился у них в скиту. Не смотря на собственные стесненные обстоятельства Севастьянову выделил столько помещений, сколько ему было необходимо для работы. И Петр Иванович не остался в долгу. Кроме многочисленных поручений, которые он обещался выполнить и выполнял в Петербурге в интересах Андреевского скита, он щедро жертвовал собственные средства на обустройство обители. Благодаря его поддержке российские власти в 1860 г. разрешили Андреевскому скиту сбор пожертвований в России. В 1861 г. в Россию прибыл сборщик о. Паисий, с которым у Севастьянова сложились искренние и доверительные отношения. Он привез с собой чтимый в скиту образ Божией Матери «В скорбех и печалех утешение», которая, как мы узнаем из писем Паисия, уже в России начала мироточить и подавать исцеление больным.

Другой стороной переписки Севастьянова со старцами Андреевского скита была попытка их получить разрешение на строительство часовни в Петербурге. Этот вопрос Петр Иванович не смог решить. Но широкую известность в России скит св. апостола Андрея приобрел именно с его помощью. Уже через много лет после кончины Петра Ивановича в 1875 г. купчиха Анна Ульяновна Джамусова пожертвовала скиту землю и дом для

строительство афонского подворья в Петербурге. Большой двухэтажный храм был построен лишь в 1889–1893 гг. Это объясняет то, с каким постоянством и как часто серайские отцы именуют его благодетелем и ктиторм обители. Ведь именно Севастьянов оказал скиту поддержку в тот самый момент, когда она была нужнее всего.

Время с 1857 по 1862 гг. было наиболее важным для всего Русского Афона. Греки, не смотря на свою подозрительность, в этот период относились к русским на Афоне достаточно терпимо. Положение русских обителей укреплялось, хотя нельзя сказать, что русские монашеские общины получали от своих кириархальных монастырей все легко и просто. Протат (коллегиальный орган управления Афоном) довольно скептически относился к усилению русского присутствия на Святой Горе и споры иной раз приходилось решать с привлечением Константинопольского Патриарха. Характерный след начавшихся трений представляет собой документ, посвященный вопросу стоянки русских пароходов у монастырской пристани Русика.¹⁴

Поддержка, не столько финансовая, сколько политическая и дипломатическая, была для русских обителей Афона вопросом их существования. В ней нуждались не только новые или маленькие русские обители, но и даже Русский Пантелеимонов монастырь. Отец Иероним (Соломенцев), духовник русской братии монастыря, еще за долго до Крымской войны, методично и систематически встраивал взаимоотношения и с русским посольством в Константинополе, и с Российским Синодом в Петербурге, и с видными российскими чиновниками и меценатами. В этом же ключе старцы Русика строили свое взаимодействие с Севастьяновым. Впрочем ему охотно помогали во всех его научных проектах. Особенно для нас интересны письма к Севастьянову многолетнего письмоводителя Русика, историка и археографа, первого библиотекаря обители монаха Азарии (Попцова).¹⁵ Можно предположить, что именно работа П.И. Севастьянова с актами Русика дала о. Азарии толчок для подготовки к изданию Актов Пантелеимонова монастыря.

Таким образом, несмотря на кажущуюся разрозненность афонской переписки П.И. Севастьянова мы имеем дело с ценным и пока еще не исчерпанным источником по истории взаимоотношения и взаимовлияния Афона и России.

Письма, отобранные для настоящей публикации, принадлежат насельникам двух русских обителей: Русскому Пантелеимонову монастырю и Русскому Андреевскому скиту. Печатаются по подлинникам, хранящимся в архиве П.И. Севастьянова в ОР РГБ. Орфография оригинала по возможности приведена к современной. Датировки унифицированы. Письма сгруппированы по двум обителям, а внутри по их авторской принадлежности и по хронологии соответственно. В случае с письмами старцев Пантелеимонова монастыря, поскольку они писались почти всегда коллегиально или по благословению о. Макарием (Сушкины) было принято решение поместить их без разбивки.

РУССКИЙ СВЯТО-ПАНТЕЛЕИМОНОВ МОНАСТЫРЬ

ПИСЬМА ИГУМЕНА ГЕРАСИМА, ДУХОВНИКА О. ИЕРОНИМА
(СОЛОМЕНЦЕВА) И О. МАКАРИЯ (СУШКИНА)

Ваше Превосходительство, достопочтенный Петр Иванович!
Мир и спасение Вам!

С подателем сего письма, честь имеем препроводить Вашему Превосходительству так давно ожидаемые Вами вещи, которые были отысканы нашими монахами в турецкой таможне в Константинополе и привезены сюда, всего четыре места. Г. Новиков отвечал нам на понуждение нами к отправке вещей Ваших так, что г. Усачев и не объявлял ему о них, даже и в Константинополе он не хотел адресовать на доверенного г. Новикова, а потому они были с трудом отысканы с помощью г. Тимофеева, но все ли они получены, этого нам неизвестно, и что получено, то и отправляем.

При засвидетельствовании Вам нашего глубочайшего почтения с искреннейшим желанием здравия, благополучного долгоденствия, а паче всего душеспасения.

Честь имеем быть, Вашего Превосходительства, смиренными богомольцами.

По благословению старцев иеромонах Макарий.

Св. Гора Афонская,
Монастырь Руссик.
1857 год, июня 28 д.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 1-1об.

Ваше превосходительство достоуважаемый Петр Иванович!
О Господе радоваться!

27-го сего месяца в нашем монастыре имеет быть годовое торжество в память и честь заступника и покровителя обители нашей св. великомученика и целбника Пантелеймона. Таково торжество, конечно, составит особенное для нас утешение, наполнит сердца наши духовною радостью. А известно, что радость не бывает полною, или даже можно сказать, что она не может и быть радостью, если исполненный радостными чувствами не хочет

поделиться ими с другим кем-нибудь. Поэтому мы, желая иметь вполне приятные сердечные ощущения при предстоящем у нас торжестве, просим Вас пожаловать к нам разделить с нами наше торжество. Мы уверены, что вы, как близкий нам по духу и следуя внушению божественного Апостола: радоваться с радующимися, почтите радушный наш привет утешительным для нас ответом — удостоите нас благосклонным своим посещением.

При чувствах полного к Вам уважения, остаемся искренне Вам благожелательными русского св. великомученика Пантелеймона монастыря архимандрит Герасим.

Русский духовник Иероним, а по благословлению его иеромонах Макарий.

Афон. Русик.
1857 г. июля 25.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 60. Л. 1-1об.

Ваше превосходительство достоуважаемый Петр Иванович!
О Господе радуйтесь!

В предстоящее воскресенье, 27 сего месяца в нашем монастыре имеет быть годовое торжество в память и честь заступника и покровителя обители нашей св. великомученика и целбника Пантелеймона. Каковое торжество, конечно, составит особенное для нас утешение, и наполнит сердца наши духовною радостью. Но известно, что радость не бывает полной, если исполненный радостными чувствованиями не хочет поделиться ими с другим кем-нибудь. Поэтому мы, желая иметь вполне приятные сердечные ощущения при предстоящем у нас торжестве, просим Вас пожаловать к нам разделить с нами оное. Мы уверены, что вы, как близкий нам по духу и следуя внушению божественного Апостола: радоваться с радующимися, почтите радушный нам утешительным для нас ответом — удостоите нас благосклонным своим посещением.

При чувствах полного к Вам уважения, остаемся искренне Вам благожелательными Русского св. великомученика Пантелеймона монастыря архимандрит Герасим.

Русский духовник Иероним, а по благословлению его иеромонах Макарий.

1858 г. июля 24.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 60. Л. 2-2об.

Ваше Высокопревосходительство, Петр Иванович!
Мир и спасение Вам!

Послание Ваше я имел честь получить, но отвечать с посланным Вашим тотчас я не мог, ибо вся братия в то время были у литургий, которую совершал соборне с нами о. архимандрит Порфирий, теперь честь имею известить Вас, что капитан судна, который возьмет Ваши вещи, был у нас и берет у нас несколько находящихся поклонников, с которыми пошел подписывать паспорта, а завтра утром рано, мулы придут к Вам и возьмут вещи для перевозки в арсану Русского монастыря.

Вчера приехал из Константинополя наш монах и говорил, что пароход «Ласточка», на котором прибудут несколько пассажиров и прибудут на 4 августа, не смотрим, а по прибытии его, тотчас будет дано знать Вашему Высокопревосходительству.

При сем честь имею засвидетельствовать Вам мое глубочайшее почтение с желанием здоровья и всяческих успехов в Ваших полезных для любезного Отечества наших занятиях.

Поручая Вас и себя державному заступлению Царице Небесной, честь имею быть, Вашего Высокопревосходительства, смиренный богомолец иеромонах Макарий.

Св. Гора Афон.
Мон<астырь> Русский
1858 год, августа 3 д.

P.S.: Отец наш игумен свидетельствует Вам свое глубочайшее почтение, а о. Иероним на келлии, где и отец Азария. О. Порфирий занимается усердно, как говорит, составлением жития Преп<одобного> Антония по древним актам Эсфигменского монастыря.

И<еромонах> М<акарий>.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 3–4.

Ваше Превосходительство достоуважаемый Петр Иванович!
О Господе радуйтесь!

В обители нашей 27 сего месяца имеет быть годовое торжество в память и честь заступника и покровителя оной св. великомученика и целителя Пантелеймона. Торжество это, конечно, составит для нас особое утешение,

и исполнит сердца наши духовною радостью. Надеюсь на Ваше душевное к нам расположение, мы уверены, что вы и следуя внушению божественного Апостола: радоваться с радующимися и как близкий нам по духу, не откажетесь разделить с нами предстоящее это наше торжество, и удостоите нас своим посещением.

Оставаясь в надежде этой, прибываем при чувствах полного к Вам уважения и глубокой почтительности, искренне Вам благожелательным русского на Афоне монастыря архимандрит Герасим.

Русский монастырь.
1859 г. июля 24.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 60. Л. 3–3об.

Ваше Высокопревосходительство.

При сем честь имеем принести от всей обители нашу благодарность Вашему Высокопревосходительству за приглашение нас к торжественному молебну о здравии, благоденствии Его Императорского Величества Александра Николаевича в день его тезоименитства. Вам известно, как это русскому сердцу дорого, но прилучившиеся обстоятельства не позволяют прибыть к сему торжеству как отцу игумену так и отцу духовнику Иерониму, а также и моему недостоинству. Отец игумен чувствует слабость здоровья, которое оказалось сегодня после бдения, а отец духовник Иероним тяжело болен, а потому то и я сомневаюсь отлучаться, да и сам духовник как бы ни желал для сего торжества сделать более приличия духовного, но не может. Опасаясь за свое здоровье, так сильно слабое. А от смиренной обители нашей мы отправляем для присутствования при молитвенном славословии о здравии императора, из числа братий наших, старших иеромонаха Анатолия, схимонаха Серафима и монаха Азарию с засвидетельствованием Вашему Высокопревосходительству от лица обители нашей искреннейшей благодарности и глубочайшего почтения, а обитель наша тоже совершит соборне молебное пение, о благоденствии государя императора, как и всегда имеет обычай совершать таковые в торжественные дни Императорской фамилии.

Полученные с пароходом деньги и что еще находится в ящиках, препровождаем при сем с нашими собратиями.

Честь имеем быть, Вашего Высокопревосходительства, смиренные богомольцы, готовые к услугам, с истинным Высокопочитанием и любовью о Христе Русского Пантелеймонова Монастыря за слабостью

здоровья, игумена Герасима и духовника Иеронима, недостойный иеромонах Макарий.

Св. Г<ора> Аф<он>.
М<онастырь> Р<усский>.
29 ав<густа> 1859 г.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 5–6 об.

Ваше Высокопревосходительство.

Принося боголюбию Вашему истинную нашу благодарность за христианскую любовь и усердие к смиренной нашей обители, мы радуемся и вместе благодарим Господа, что благодать его послала нам видеть в лице Вашего Высокопревосходительства, среди иноческой русской семьи на Афоне — ангела утешителя! И вполне чувствуя благородство души Вашей и христианскую настроенность в исполнении евангельской заповеди, в коей весь закон и пророцы висят, мы всегдашнюю и приятную обязанностью имеем возносить о Вас ко Господу щедрот и Его Всепетой Матери свои смиренные молитвы о здравии, долгоблагоденствии, паче же о душеспасении Вашем и о вознаграждении Вас во времени и в вечности.

К сему примите также нашу искреннюю признательность за радушное принятие наших собратий, при торжестве устроенном присутствовавших Вашему Высокопревосходительству от обители нашей! Посланные Вами с ними деньги сто полуимпериалов мы получили и билеты сохранной казны при сем препровождаем, а равно и Вашу записку от 19 ч<исла> сего августа.

При истинном глубокопочитании имеем честь быть Ваши искренние благожелатели и смиренные о Вас богомольцы.

За болезнью игумена Герасима и русского духовника Иеронима недостойный иеромонах Макарий.

<PS> Отец игумен чувствует себя лучше, а духовник в одном положении.

И<еромонах> М<акарий>.

Руссик.
1859 г. августа 31 дня.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 7–8.

Ваше Высокопревосходительство.

Посылая при сем принадлежащие Вашему Высокопревосходительству книги, вынутые из трех ящиков, с истинным к Вам уважением и глубокопочитанием пребуду смиренный о Вас богомолец. Духовник Иероним.

Мон<астырь> Руссик.
1859 год. сентября 19 дня

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 60. Л. 5

Ваше Превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

О госпode радуйтесь!

Наступающего октября месяца 1 числа сего года имеет быть в обители нашей годовое торжество во славу Покрова Владычицы мира Пресвятой Богородицы — и торжество собственно русское. Зная Ваше к нашей обители расположение, мы уверены, что и Вам не неприятно будет поучаствовать в сем духовном торжестве обители нашей. Посему, питая себя такою надеждой, мы усердно просим Вас удостоить своим присутствием предстоящее наше торжество, и разделить с нами нашу духовную радость.

О. Петр в субботу отправился в Константинополь и поручил нам при случае передать Вам от него поклон и душевное уважение.

Надеясь скоро лично видиться с Вами, пребываем с чувствами полного к Вам уважения и глубокой почтительности Русского на Афоне монастыря архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

Русский монастырь.
1859 г. сент<ября> 28.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 60. Л. 6–6 об.

Ваше превосходительство!

По случаю наступающего праздника иже во святых отца нашего Митрофана, первого епископа Воронежского и чудотворца, во смиренной обители нашей в честь сего святителя она и храма имеет и совершает празднество в день преставления его (23 ноября). Имея когда Вас по духу близкого к

нам, честь имеем покорнейше просить Вас, Ваше Высокопревосходительство, отпраздновать с нами смиренными праздник святителя русского и тем утвердить нас. Мы уверены в благорасположении Вашем, а потому и надеемся на Ваше прибытие к нам.

Честь имеем быть с истинным почтением Вашего Высокопревосходительства смиренные богомольцы Русского святого великомученика Пантелеймона монастыря архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

М<онастырь>Руссик.
20.11.1859 г.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 60. Л. 7.

Ваше Высокопревосходительство, Петр Иванович!
Христос Воскресе!

В бытность Вашего Высокопревосходительства в нашей обители, вы изволили говорить, что у Вас имеется карандаш и прочие принадлежности для литографии, которыми вы благоволили обещать нас снабдить, то покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство пожаловать нам для литографий, что вы и благоволите вручить сему подателю монаху Каллистрату, чего ожидаю с искреннейшею Вам благодарностью.

При желании Вам здоровья и счастливого успеха в Ваших трудах для Святой Церкви.

Честь имею быть с истинным высокопочтением Вашего Превосходительства смиренный богомолец Русского монастыря св. великомученика Пантелеймона, иеромонах Макарий.

Св. Гора Афонская.
Русский Монастырь Св. великомученика Пантелеймона.
1860 г. мая. 1 д.

P.S. Простите меня за ошибки в писании.
И<еромонах> М<акарий>.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 9–9об.

В Главную контору Русского Общества Пароходства и Торговли.

Небезизвестно Вам, что подлежащие ведению Вашему русские пароходы сначала, как стали делать на Афон рейсы свои, являясь сюда, приставали и пристаю к монастырю нашему. Но, местное начальство наше, и духовное и светское — турецкое, по своим причинам, нашло нужным, чтобы пароходы Ваши, являясь сюда, приставали не к нашей — в частное место, а к общей здесь, государственной пристани, именуемой «Дафна», — где обыкновенно и производятся таможенные и карантинные формальности, поэтому неоднократно и рекомендовало нам, чтобы мы предложили о том капитанам ходящих сюда компаний Вашей пароходов. 12 января сего года был на Афоне с званием инспектора заграничных русских пароходов агенства капитан 1-го ранга В. Романов. В бытность его здесь, мы передали ему о воле здешнего начальства касательно ходящих сюда русских компанейских пароходов, и он этому не противился. Сверх сего, так кап. г. Романов предлагал нам принять на себя здесь хлопоты агентские и мы от этого не отказались, то по мысли этой тотчас по отбытии его отсюда, мы наняли, для складки на время с пароходов грузов у находящегося недалеко от Дафны монастыря Ксиропотамского, в прилежащем к ней его магазине небольшой угол за 1500 турецких пиастров в полгода, начиная с февраля месяца. Но потом видим, что ходящие сюда компании Вашей пароходы по-прежнему опять пристаю к нашему же монастырю. Итак, мы желаем знать: последует ли от Главной конторы касательно сего какое-нибудь распоряжение? Очень почтительно и просим оную нас уведомить.

Святой горы Афонские Русского св. великомученика Пантелеймона монастыря русский духовник Иероним с братией.

С подлинным в копии верно. Подпись.

Св. Гора Афонская
Русский монастырь.
1860 г. мая 2. № 101.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 61. Л. 1–2.

Ваше Превосходительство, многоуважаемый Петр Иванович!

Извольте полюбопытствовать статью мою, о которой вы мне говорили, чтобы я ее Вам доставил. Там только что наделано грамматических ошибок в ней, а в одном месте сделан пропуск, от которого теряется не только смысл речи, но и сама сущность оной. Разумеется, в этом виноват не редактор, а типографщик.

Глубоко уважающий Вас монах Азария.

1860 г., мая 17.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 31.

Ваше Высокопревосходительство, Петр Иванович!

Сим честь имею известить Вас, что Матфей Павлович отправился, я выдал ему билет до Смирны и просил приемщика взять билет до Одессы из Смирны — это будет выгода более 5 <рублей> сереб. А к нам прибыл Петр Ив<анович> Соломон и Константин Карлович Зе<дергольм>. Когда Вы будете в скиту, желают знать. Остаюсь с истинным глубокочтением, Вашего Высокопревосходительства, иеромонах Макарий.

Афон.
1860 г. <июнь>

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 14.

Ваше Высокопревосходительство, Петр Иванович!

Честь имею поздравить Вас с праздником Рождества Святого Иоанна Предтечи Крестителя Господня и сим честь имею уведомить Вас, что Петр Ив<анович> Соломон между разговором сказал, что в пяток и субботу и воскресенье, он еще не может выезжать от качки на пароходе и усталости, а там два дня желает говеть, и уже начнет свою поездку с 30 числа, то как вы благоволите диакона Амфилохия тотчас прислать Вам и вы пока успеете съездить в Лавру посмотреть Ваших трудов начатки там. Впрочем, покорнейше прошу простить меня, может быть, мой совет не совсем к месту, но надеясь на Ваше благорасположение, я так и пишу.

Честь имею пребыть с глубокочтением, Вашего Высокопревосходительства, готовый к услугам, с любовью о Христе недостойный иеромонах Макарий.

М<онастырь> Р<усский>
24 июня <1860 г.> 12 ч<асов>.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 18–18об.

Ваше Высокопревосходительство, Петр Иванович!

При сем честь имею препроводить Вашему Высокопревосходительству готовальник и платок данный Вами мне, за который приношу Вам мою искреннейшую благодарность.

Покорнейше прошу Вас благоволите мне одолжить книгу о. Порфирия «Описание афонских монастырей», напечатанную в журналах Министерства народного просвещения.

Отец Акакий 1 ч<исла> прейдет к Вам для поправки печи.

При засвидетельствовании Вам моего глубочайшего почтения, с желанием Вам здравия и благополучного успеха в подвигах Ваших для пользы Святой Церкви, молитвы оной низведут на Вас благословение от Всемогушего Бога в Троице славимого.

Честь имею быть, Вашего Высокопревосходительства, готовый к услугам, недостойный Иеромонах Макарий.

Святая Гора Афонская.
Монастырь Русский.
1860 года июля 5 д.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 10–10об.

Ваше Высокопревосходительство, Петр Иванович!

Почтенное письмо Ваше я имел честь получить, в коем изволите извещать о кончине любезного братца Вашего Василия Ивановича, скончавшегося печальною смертью и оставившего по себе пятерых сирот. Сердечно соскорбим Вам о сей потере и душевно болезнуем о оставшихся малютках. Все вообще отец игумен, духовник и братия о таковом печальном событии, сочувствуем Вам и 19 сего июля будет совершена божественная литургия и панихида и братия протянут по четки о упокоении души новопреставленного Василия, да сподобит его Господь Царствия Небесного и упокоит в недрах Авраама Исаака, Иакова и со всеми святыми. А Вам да продлит Господь жизнь на многие лета в добром здравии, душеспасения для пользы Церкви, отечества и ближнего.

С 19 числа имя новопреставленного раба Божия Василия тоже по положению св. обители нашей в продолжении 40 дней будет поминаться на всех богослужениях о упокоении души его.

О. игумен, духовник и аз недостойный свидетельствую Вам наше глубочайшее почтение с желанием всех благ.

Поручая Вас милости Божией, заступлению Царицы Небесной молитвенному Ея и св. великомученика Пантелеймона, предстательству навсегда с истинным глубокочтиманием и любовью о Христе. Честь имею быть, Вашего Высокопревосходительства, готовый к услугам, смиренный богомолец, недостойный иеромонах Макарий.

18 июля 1860 г.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 12–13.

Ваше Высокопревосходительство, Петр Иванович!

Препровождается к Вам и отец Амфилохий, а о чем я сообщал Вам, то это так и будет до 30 числа, они не поедут и просят покорнейше где возможно замолвить словечко и о нас, и о чем нужно сообщите и нам, при искреннем желании Вам здоровья, благополучия, а паче всего душеспасения и отличного успеха в великих предприятиях Ваших.

Честь имею быть, Вашего Высокопревосходительства, с истинным глубокочтиманием, недостойный иеромонах Макарий.

26 июля 1860 г.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 15.

Ваше превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

О госпде радуйтесь!

27-го сего месяца, как уже Вам известно, в обители нашей имеет место быть годовое торжество в честь и славу заступника и покровителя оной св. великомученика и целителя Пантелеймона. Зная Ваше к нам расположение, и всегда считая Вас близким себе по духу, мы уверены, что вы не откажетесь по сему случаю разделить духовную радость с нами — радующимися. Почему усердно Вас и просим пожаловать на предстоящее наше духовное торжество, и надеясь скоро иметь личное приятное с Вами свидание, просим при этом объяснить нашему посланному, когда прислать за Вами животных.

При чувствах полного к Вам уважения остаемся искренними Вашими благожелателями, Русского на Афоне монастыря архимандрит Герасим.

Русский духовник Иероним, а за отлучкой его и по благословлению иеромонах Макарий.

Афон, Руссик.
1860 г. июля 25.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 14, ед. хр. 60. Л. 8–8об.

Ваше Высокопревосходительство, Петр Иванович!

Почтенное письмо Ваше к отцу духовнику он получил, и вот послал меня известить Вас ответом на письмо г. Штейгера, и я не имел чести Вас застать и потому лично не мог передать нашего мнения касательно вопроса о пароходах. Если вы с этою почтою будете отвечать г. Штейгеру, то вот наш ответ на его письмо.

1-е, как он пишет, что требование приставания пароходов у пристани Дафна точно ли было от правительства турецкого, Вашему Высокопревосходительству было известно, что это требовал не только ага, но и самый Протат еще с замечанием и преимущественно это было во время пребывания здесь на Афоне эсфименского архимандрита Нила, который даже говорил, что, на что устроена пристань, и <что> приход пароходов на Афон сделает его местом не пустынным.

О всем этом мы объяснили бывшему здесь г. Романову. Он то и сказал, что пароходы наши для ответа будут ходить несколько в Дафну и если найдут удобным, то продолжат. И вследствие этого г. Романов пригласил нас содействовать им и направлять обязанности агентства. Получив его приглашение, мы наняли в Ксиропотаме угол магазина для складки грузов. Но как известно, что пароходы не являлись после того в Дафну, потому должно полагать более, что они были разнообразны, и приходили не в свое время.

Далее г. Штейгер просит Ваше Высокопревосходительство узнать это дело и сообщить им, а также и мы просим сообщить им, о требовании <приставать> в Дафну турецкого правительства и Протата как оно и было. Но теперь по многократности требований оно замолкло, убедясь, что пароходы ходят не по какому-либо предмету к Руссику, а собственно по удобствам приставать там и сдавать грузы и пассажиров, особенно во время когда бывает просрочено.

В Дафну не успеет явиться не приемщик, не пассажиры, приезжающие и отъезжающие, преимущественно же русские не найдут себе места, а это иногда бывает очень поздно или рано, как уже и случалось прошлый год. 2 февраля пароход, опоздав сколько-то дней, и вместо вечера явился утром,

хотя он и давал сигнал, но это было почти в два часа утра, т. е. по полуночи, по-европейски и вынужденным не нашелся подойти к самому монастырю, и до света сдал груз и поклонников. А к тому же они и сами очень часто изменяются. Вследствие этого в настоящее время, видя затруднительность, мы решились построить магазин с гостиницею для удобного приема с пароходов груза и видя, что препятствие от начальствующих остановилось, надеемся, что пароходы русские будут приходить постоянно уже к Руссику, по неудобству приставать в Дафну, по чрезвычайной глубине места и неспособности в случае просрочки.

Агентские обязанности мы принимаем на себя, в таком собственном виде, как теперь мы содействуем. Хозяин товара может сам сдать и принять груз без всякой нашей ответственности, как было до сих пор, а также и билетов пассажиров. Магазин же теперь уже будет свой монастырский (которого наем необходим бы был, потому что куда же девать грузы, ежели пароход явится не в свое время, а тем более, когда прошлую зиму сдавали таковые два и три груза, принявши все на один пароход). Так хозяин товара не будет ждать две, три недели или более. Жалованье пусть положат приличное приемщик свое, а люди и лодки имеют ценность, а равно и магазин. Сообщая Вам все это, я очень жалею, что мне не пришлось видиться с Вами лично, и если Ваше Высокопревосходительство не будете отвечать с этою почтою г. Штейгеру, то благоволите мне дать знать, явиться к Вам для личного переговора, даже мы попросили бы Вас не отвечать до личного переговора. Простите, что я дожидаясь питал себя надеждою видеть Вас лично. И потому торопился писать, да и нечем было, а потому быть может, что и пропустил, а дожидаться не могу. Призывает меня обязанность должности в монастыре, тем более, что завтра будет пароход.

При засвидетельствовании Вам моего глубочайшего почтения, с желанием здоровья и всех благ, с истинным и глубоким уважением, честь имею быть, Вашего Высокопревосходительства, готовый к услугам, иеромонах Макарий.

<1860 г.> августа, 10 д. вечер.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 19–20.

Ваше Высокопревосходительство, Петр Иванович!

Честь имеем принести Вашему Высокопревосходительству поздравление с днем Тезоименитства Его Величества государя нашего императора самодержца всероссийского Александра Николаевича. Да дарует ему Господь Вседержитель ходатайством Преблагословенной Владычице нашей

Богородицы и св. благоверного великого князя Александра Невского здравие благополучное на многая лета и преуспение во всех благих предприятиях. Паче же Церковная Православная да укрепляется и умножается ради прославления имени Иисуса Христа и на славу царства его. Да покорит под ноги его всякого врага и супостата, да и мы поживаем в мире и тишине, вознося о нем смиренно верноподданнические молитвы о многолетнем царствовании его и всего Августейшего дома его.

Простите монашескому прошению! По случаю Вашего скорого отъезда, покорнейше просим Ваше Высокопревосходительство, аще возможно уделить для нашей убогой литографий от избытков остатка Вашего материалов, которые если и достаются, то с большим трудом, по нечаянии покупателей и еще по новости занятия; мы уверены, что возможно Вам, то Вы не откажите по доброте Вашей.

Честь имеем пребыть с истинным благоуважением и глубокопочитанием, Вашего Высокопревосходительства, готовые ко услугам, смиренные богомольцы: русский духовник Иероним, иеромонах Макарий.

Святая Гора Афонская,
Монастырь Русский.
1860 г. август 30 д.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 16–16об.

Ваше Высокопревосходительство,
достопочтеннейший благодетель, Петр Иванович!

Приятнейшим долгом поставляю себе поздравить Вас с приближающимся великаторжественным праздником Светлого Господа нашего Иисуса Христа Воскресения. Даруй Вам Господи сретить этот великий день в здравии и благоденствии, и впредь текущих достигнуть — многих, на многие лета!

О нашем пустынном житии, не знаю, чтоб Вам сказать, все идет своею чредою, даруй Господи, чтоб и на дальнейшие годы Св. Афон был таким же безмятежным прибежищем, ищущим спасения, каким он есть ныне.

Братство обители нашей благодатию Всевышнего, постоянно возрастает, а с тем вместе и потребности на содержание оного увеличиваются, по скудости же хлеба и прочих припасов в здешнем краю, по необходимости нам доводится заготавливать оные в России, но к сожалению, не имеем от русского правительства дозволения на выезд монахов наших в Россию для исполнения сего, без надлежащего же дозволения, посылать в Россию

весьма затруднительно, а между тем Ильинский и Серайский скиты имеют от Св. Синода сие право. Помня Ваше боголюбивое обещание похлопотать о предмете этом для нашего монастыря, простите, что я решаюсь беспокоить Вас смиреннейшею моею просьбою, когда будете видеться с известными Вам лицами, то Бога ради, не откажитесь со своей стороны передать им о крайней нашей нужде в помянутом дозволении. Ходатайство Ваше при помощи Божией, вероятно не останется тщетным.

В феврале я писал Вашему Высокопревосходительству, касательно русского к Афону пароходства.

Всеблагий Господь молитвами Пречистыя Своея Матери, да дарует Вам во всем благопоспешение, и да благословит Ваши труды подъемлемые во славу Пресвятого имени Его. С таковым искреннейшим желанием был и пребуду навсегда Вашего Высокопревосходительства, смиренный богомолец иеромонах Макарий.

Св. Афон,
Русский монастырь.
1861 г. апреля 8 ч.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 21. Л. 17–17об.

ПИСЬМА О. АЗАРИЯ (ПОПЦОВА)

Ваше Превосходительство Петр Иванович!

Со всем удовольствием спешу переслать Вам Григоровича, и, взамен взятого мной у Вас: «Слова кафолического православия римскому католичеству», «Камень соблазна»; потрудитесь прочитать, книжка, кажется, любопытная. Посылаю Вам еще «Указатель Афонских актов архимандрита Порфирия», — не угодно ли посмотреть, — сочинение в своем отношении примечательное. К этому прибавлю, если и еще в чем будете иметь какую-нибудь нужду до нашей обители, просим адресоваться; все будет исполнено, — чем богаты, весьма будем тем для Вас рады.

Остаюсь с чувством полного к Вам уважения монах Руссика Азарий.

Руссик.
1857 г. мая 3.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 1.

Ваше Превосходительство Петр Иванович!

Со всею готовностью посылаются Вам две части г. Давыдова, но только плана Афона при них неоказывается. Во время оно я видел планы, принадлежащие к этим книгам во монастыре Эсфигменском. Планы отличной работы, сняты с предметов г. Брюловым, и оттиснуты в Лондоне. Находятся ли оны там теперь, не знаю, ибо я видел их у проживавшего там русского монаха Августалия. Может быть это была собственность его, а не монастыря Эсфигменского. Старцы наши не воротились еще из отлучки.

Остаюсь с полным к Вам уважением и почтительностью монах Руссика Азарий.

Руссик.
Мая 14, 1857 г.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 3.

Ваше Превосходительство Петр Иванович!

Взятые мною у Вас номера «Пчелки» от 74–79, Вам же за лучшее считаю возратить. Извольте их получить. А остальные листы, если они Вами уже прочтены, потрудитесь с подателем переслать ко мне.

Читая последний лист греческой газеты, под эпиграфом: «Имера», я встретил там довольно замечательные известия. Думаю, что они занимательны будут и для Вас. 1) Новосильский, основавший кампанию черноморскую, основал тоже кампанию и в Каспийском море. 2) Черноморские наши пароходы с 9 мая начали ходить между Константинополем, Одессой и Смирной. На пути заходят в Тенедос, Дарданелы, Каллиполь. 3) В Топхане ученик военной школы турецкой без вины напал на второго драгомана нашей миссии г. Мостраса, и довольно его пообидел. След<овательно> касательно г. Тимофеева будьте покойны; до этого мы касательно Тимофеева беспокоились, ибо в предыдущем листе не было помечено фамилии пообидженного нашего драгомана.

С чувством полного к Вам уважения монах Руссика Азарий.

Руссик.
1858 г. июня 5.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 5–5об.

Ваше Превосходительство Петр Иванович!

Взятые мною у Вас листы «Северной Пчелки» от 80–84 прошу принять, а на место их потрудитесь послать другие, если они у Вас есть.

Поистине каждый век, каждый год, каждый месяц, даже каждый час не без чудес и своего рода странностей. Послушайте, что я вычитал в последнем листе греческой газеты, называемой «Телеграф Боспора».

Во Франции одна графиня по фамилии Соллез де Ланц, впрочем, это по-русски можно произнести и так: Соллец де Ланц, потому что греки по недостаточности своего против нашего алфавита наши «ц» и «з» изображают единой буквой: «Z». Спросите у Вашего француза, не знает ли он такой фамилии. Итак, эта графиня Соллец де Ланц была игумению одного монастыря женского, получала жалование годового 6000 франков, была принята в знатных домах, и вообще, пользовалась хорошей честью. При погребении этой пресловутой игуменьи оказалось, что она мужчина. Много лет, более 40, она скрывала себе под мужеским одеянием. А в Брюкене, наоборот, при погребении одного высокого чиновника военного департамента оказалось, что он — жена. По мне, последнее событие очень статочно,¹⁶ а о первом не знаю, что Вам сказать.

Душевно уважающий Вас монах Руссика Азарий.

Руссик.
1858 г. июня 12.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 7–8.

Ваше Превосходительство, Петр Иванович!

Уж прошу меня извинить, вчера утруждал я Вас своим обращением к Вам, но сегодня и опять пришлось Вас беспокоить. Посланный не умел исполнить хорошо данного ему поручения. Вчера послал к Вам, взятые мною у Вас листы «Северной Пчелы» от 80–84, и при них отправил записку, которой просил Вас потрудиться переслать ко мне новых листов, если они у Вас есть. И так как прошу Вас с подателем уведомить меня получили ли вы то и другое, а при этом благоволите препроводить и новенькие листики Эфирной Пчелушки.

Душевно почитающий Вас монах Руссика Азарий.

Руссик.
1858 г. июня 13

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 9–9об.

Ваше Превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

Препровождаю Вам при сем «Католических церковных служителей», довольно полюбавались ими. Вместе с ними отправляются к Вам пять актов нашего монастыря, все кроме одного, (который двенадцатого века) одиннадцатого века. Обыкновенно делают догадки о древности нашей обители, и вот Вам осязательные доказательства на этот предмет, чем прибегать к догадкам. Сообщите-ка нашему Министерству просвещения подлинниками почти посредством света, или сведения о таких документах, думаю, поблагодарят Вас за это. Это Вам посылается на первый раз, всех у нас актов есть, как я Вам говорил, до пятидесяти. У настоящих, посылаемых к Вам, актов, содержание отмечено только по-гречески, по-русски я и так хочу это сделать, поэтому и оставил эту работу до следующего времени.

По слову Вашему справлялся я о праздничной минее, к крайнему сожалению удовлетворить Вашему желанию не можем, за неимением оной, или нет, она есть, да только одна. А не, чтоб ни одной не можем. Можно выписать эту книгу, но когда она придет сюда?

В конец всего: вероятно, у Вас газеты с этой почты уже прочтены: потрудитесь препроводить их и ко мне. А что как подвизается отец наш Геронтий? — Простите!

Уважающий и почитающий Вас монах Руссика Азарий.

PS. Отца Порфирия все еще нет на Серае?

1858 г., июля 17.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 11–12.

Ваше Превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

При сем препровождаю Вам «Северную Пчелу» от 118–125 №. В настоящее время другого ничего незанудил, или лучше не успел Вам переслать. Прошу послать мне вместо посланных мною листов газеты, другие, пришедшие с прошедшею почтой. Конечно, они у Вас уже свободны.

Позвольте при этом приложить Вам мой совет, или как Вам угодно это назовите. Я уверен, что вы благоволите соизволить на приветствие обители нашей, пожалуйста на предстоящий у нас праздник; так, отправляясь из своей квартиры, прикажите, пребывающую при том в воскресенье почту препроводили к Вам в наш монастырь. Здесь мы, таким образом, соборне

прочитаем газетные известия. Я говорю только о газетах, а о прочем не мое дело рассуждать. Всякие новости общинно слушать приятнее.

Глубоко почитающий Вас монах Руссика Азарий.

1858 г., июль 24

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 13–13об.

Ваше превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

Возвращаю Вам газеты от 126–130 лист, и вместо их прошу послать новейших. У Вас теперь новых должно быть много. Присылаю Вам и желаемые Вами монеты, их и немного всего 14. Геронта их уступить никому не хочет, и потому по осмотре прошу их возвратить. Так я ему и обещал. Но одна между ними, завязанная отдельно, моя, она уступается мною Вам, дабы в собирающейся у Вас коллекции была ценная и моя крупица. Она, довольно по мне, замечательна. Не разгадаю, что знаменуют изображенные на ней колосья. Возвращаются Вам присланные Вами для о. Серафима стекла. Он с о. Порфирием, во звон к утрени, отправился на лодке рассматривать какие-то развалины некоего Франко Кастро. Это почти на перешейке Афонском. Хотели оттуда возвратиться в субботу. Отец Порфирий снимает видные находящиеся у Вас акты нашего монастыря, поэтому, если они у Вас уже свободны, потрудитесь препроводить их к нам побыстрее, если же еще не готовы, то позаботьтесь приготовить их к его приезду. А книги наши древние, что у Вас? Обратно присылается Вашему французу¹⁷ взятая у него о. Паисием литографическая краска. Так обязал о. Паисия француз. Калок, или судно с поклажею Вашей отправился уже в дорогу. Расписка от капитана при сем Вам прилагается. В конец всего позвольте Вам выразить мое недоумение. Помните, при отправке Вашей от нас, вы давали мне прочитать письмо последнее Меладинава, и когда я начал его читать, пришел в комнату о. Порфирий, он, прочитавши, оставил оное на столе. В суетливости при проводах я забыл тогда взять его со стола. А когда пришел в комнату, проводивши Вас, то уже не нашел его там. Теперь я в недоумении: не затерялось ли оно у нас? Или взято Вами с собой?

Душевно почитающий Вас монах Азарий.

1858 г. авг<уста> 7.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 16–17.

Ваше Превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович,
о Господе радуйтесь!

Поспешаю переслать к Вам Гагарина, Дестуниса и записки о. Порфирия. Извольте их получить. А прилагаемую при сем рукопись прошу Вас покажите о. архимандриту.¹⁸ Тут пишется в ней и, что для меня странное, чего я ни в бытность свою в России, ни здесь, не только не видал, но даже и не слышал. Не знает ли об излагаемом в рукописи этой предмете о. архимандрит? Рукопись эту посвятил нам один здешний афонский скитник, любящий тоже помянуть дни древние. По рассмотрении, прошу Вас потрудитесь переслать ко мне эту, странную для меня рукопись.

Пребываю с чувством полного к Вам уважения, монах русского монастыря Азарий.

1859 г. август 4.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 14–14об.

Ваше Превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

Неизбежная нужда заставила и меня обратиться к Вам за тем же, зачем вы ко мне обращались. Получили мы на днях письмо, но прочитать оно не умеем; посему покорнейше прошу Вас, протолкуйте нам, что тут пишется. Письмо это прилагаю при сем подлинном.

Было ли на Вашей стороне потрясение земли? Здесь были два столь сильных потрясения, что мы все не на шутку ужаснулись. Как Бог страшен во гневе своем здесь! Как же он будет так в вечном своем наказании нераскаянному грешнику!? О, это беда!

Пребываю с чувствами полного к Вам уважения монах Русского на Афоне монастыря Азарий.

PS. Объяснение прилагаемого при сем непонятого для нас письма можете сообщить нам, когда позволить Вам время. Но и еще, покорнейше Вас прошу, возьмите на себя труд разъяснит нам это письмо, чем премного нас обяжете. Не к кому здесь за этим обратиться.

Тот же.

PS. PS. Не отделан ли у Вас какой-нибудь план нашего монастыря, хотя бы в малом виде? Литограф наш хочет рисовать таковой, поэтому нужно бы ему для руководства иметь готовый. Если отделан уже

какой-нибудь, то благоволите прислать оный нам. По миновании нужды в нем, мы Вам его возвратим.

Тот же там.

1859 г. август 10, вечер.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 18–19.

Ваше Превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

Итак, делать нечего — опять за Вас. Присылаю к Вам при сем письмо наше к г. Жирару, и усердно просим Вас взять терпение и труд перевести оное на язык, понятный для этого Жирара. Да уж потрудитесь сделать и адрес к нему, чего мы тоже сделать не в состоянии, для этого еще раз присылаю к Вам подлинником письмо г. Жирара. После же всего этого пришлите к нам письмо к этому господину уже совсем готовое письмо для отсылки по принадлежности.

А по окончании всей этой работы, пришлите сюда опять подлинное письмо г. Жирара, так и нынешний наш русский ответ ему. Это потребуется впоследствии для воспоминания, что мы ему писали.

Всю же эту отсылку к нам пошлите с кем-нибудь из серайских на наш конак на Карее для передачи в монастырь.

Свидетельствуют Вам глубокое почтение о. духовник и о. Макарий, а геронта наш находится теперь на Карее по случаю ярмарки для закупки необходимого для обители.

Душевно уважающий Вас монах русского афонского монастыря Азарий.

1859 г. августа 18.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 20–21.

Ваше превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

Итак, прошу Вас побеспокоиться переслать с подателем этой записки, исполненные Вами для меня труды Ваши: снимки с нотных древних греческих книг. За что премного я останусь к Вам благодарный.

При этом благоволите препроводить ко мне и следующее: нотную греческую книгу, с которой вы делали фотографические снимки, и двукратно

доставленные Вам греческие хризовулы. Что, впрочем, тогда только вы можете сделать, если эти вещи для Вас уже не нужны; в противном же случае они могут оставаться у Вас и еще несколько времени.

Прошу извинить, сербских хризовулов в настоящую пору за множеством случившихся хлопот не успел для Вас отобрать. Впоследствии сам их к Вам доставлю.

С чувством полного к Вам уважения пребываю монах русского монастыря Азарий.

PS. Не лишним почитаю сказать, что было бы лучше, если бы вы, отправляемые ко мне посылки запечатали, дабы таким образом в посланце не могло родиться Евина любопытство, ибо от этого бывают своего рода искушения.

1859 г. окт<ября> 8.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 22–23.

Ваше Превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

Прибыв сюда, к прискорбию моему, не застал я дома ни Вам, ни о. архимандрита, тогда как мне нужно бы лично видеться с обоими Вами. Жаль. Для личного свидания я и прибывал сюда, а не для мертвого разговора на бумаге. Но уж делать нечего. Итак, извольте же выслушать меня. Ту посылку, которую мы с парохода получили для Вас, по приказанию Вашему, мы раскрыли. Что же там оказалось? Весь ящик набит принадлежностями дамскими, как-то: чепцами, юбками, крахмальными и некрахмальными, рубашками, какими-то эпанчами, и проч., и проч., и проч., там же оказался кругленький небольшой столик, в нем разных сортов пожепон и волон,¹⁹ ниток, бисеров и пр. и пр.! Ну, одним словом: во всем ящике нет ни одной вещи, которая бы принадлежала мужескому полу.

Когда мне показали эти вещи, никак я не хотел поверить, чтобы они принадлежали Вам. Поэтому, я непременно решился видеть самый ящик, вмещавший эти странности, и адрес на нем. Адрес этот я списал, и прилагаю Вам при сем. Сам я при приемке вещей не был, поэтому и не знал ящика. Оказались в столике разные бумаги и одна книга, которые я привез сюда — полюбуйтесь, может быть что-нибудь из них вы уразумеее. Привез Вам и вновь взятых актов, числом 17. Все это находится в одном мешке, который я передал Водену для вручения Вам. Кажется, наверно можно замечать, что тут случилась ошибка у пароходных. Итак, если вещи не принадлежат Вам, вы их известите, мы снова складе их в тот же ящик и

сдадим на пароход, привезший их, который в субботу из Царьграда придет. Бумаги и книгу тоже нам воротите. Туда же и они пойдут.

О. архимандриту прошу передать, что с письмом его я сам являлся к г. Акулову, сказал он, что чемоданов никаких у него нет чужих, а другое его письмо мною отослано в Россию. Будет ли еще ходить сюда Ласточка, того и сами сущие на ней не знают. Так мне сказали там.

Вот Вам новости! Все лучше, мы пошлем к Вам нарочного своего за получением от Вас ответа. А вы приготовьте оный, в случае Вашей отлучки, как это теперь случилось, передайте письмо Ваше кому-нибудь из Ваших. С посланным этим, усердно прошу Вас, пошлите ко мне Зографский свиток литургии. Я рассмотрю оный, и покажу Вам, сколько для меня нужно из него снять: ибо всего мне не нужно. Будьте покойны, как от Вас ко мне, так и от меня к Вам он пойдет со всеми предосторожностями. Снимки со свитка назначаются тоже для отсылки в Россию, как и снимки нотные, которые много уже приготовлены. За них душевно Вас благодарю. Тоже по свитке дело хотел было я здесь ныне покончить, но не так вышло.

Душевно почитающий Вас, монах Руссика Азарий.

Серай.

1859 г., окт<ября> 13.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 24–25.

Ваше Превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

И после пятидневного ожидания пароход не является из Константинополя. След<овательно> и Вам оттуда ничего нет. Посмотрим, что будет еще с пароходом, ожидаемом из Салоника. Тогда Вам скажем.

По желанию Вашему посылаю Вам ту книгу, в которой заключаются объяснения иероглифов. Объяснения эти находятся в начале книги на 12 страницах. Для большей видимости, страницы эти я обернул бумажною, слепивши ее облаткой. К сожалению, нет первого листа этих объяснений. О. Антонин списал эти толкования, списал их и о. Порфирий, и говорит, что о. Антонин предупредит его явить миру эти изъяснения, отпечатав их в Афинах. Действительно, объяснения хороши, я раньше в них не вник.

К этому, прошу Вас пошлите сюда с этими же нашими посланными находящуюся у Вас нашу икону св. Иоанна Предтечи. Она нужна для о. Порфирия. Он скоро хочет с нею расквитаться, и по миновании в ней нужды, она снова к Вам прилетит. О. Порфирий очень считает видной эту икону. За сим простите.

Почитающий Вас, афонского русского монастыря монах Азарий.

1859 г., ноября 6.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 26–26об.

Ваше Превосходительство, многоуважаемый Петр Иванович!

И еще помните у о. Макария Ватоп<едского> книги: Изъяснение на литургию и Дни богослужения в 2-х томах. Если остаются здесь еще какие-нибудь из Ваших книг, взятых у Вас о. Макарием, то вы, всего лучше, известите о том меня. Дело тогда скорее придет к концу. И теперь много подвинулось дело. О. Макарий по множеству дел забыл об этих книгах, след<овательно> они и еще надолго оставались бы под спудом. А я сам не знаю отчетливо и точно какие им взяты у Вас книги, потому и требуется, в случае нужды, от Вас об них указание и напоминание.

Глубокоуважающий Вас монах Руссика Азарий.

1859 г., ноября 30.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 27.

Ваше Превосходительство, многоуважаемый Петр Иванович!

О Господе радуйтесь!

Как-то совершилась поездка Ваша на Ксерксов канал, и чем она Вас порадовала? Поздравляю Вас со вступлением во святой Великий пост и желаю провести оный с истинной пользой для души Вашей.

Посылаю при сем к Вам 23 акта — 10 греческих и 13 турецких. Последних есть у нас и более, но я думаю, что и этих будет для Вас достаточно. А, если они Вам не угодны, то потрудитесь прислать их к нам обратно.

Душевно уважающий Вас монах Русск<ого> афонского монастыря Азарий.

1860 г., февр<аля> 20».

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 28–28об.

Ваше Превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

При сем посылаю Вам 7 актов молдаванских. Все они не старые, но их не худо Вам снять собственно для того, чтобы люди увидели, что молдаване и Валахи прежде писали буквами славянскими (или уж там совсем по-гречески), а не латинскими, как ныне это они делают. Это они стали делать недавно. Такого рода актов у нас и еще есть, если угодно, можно сообщить Вам. Печатей актовых, например, вы снимаете, на наших актах и нет. Есть сургучные печати при двух русских актах, если угодно, можно их Вам доставить. Есть и при других некоторых актах (греческих и славянских) печати, но восковые и пустые. Славянских актов у нас более нет, какие у нас есть, все уже у Вас перебивали.

Душевно уважающий Вас монах Азарий.

1860 г., марта 21.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 29–29об.

Ваше Превосходительство достоуважаемый Петр Иванович!
Христос воскрес!

Жалею, что я не получил Вас дома. Собирался я еще вчера к Вам, но ожидал пароход, чтоб явиться к Вам не с пустыми руками, однако ж его и сегодня не было, потому и пришлось двинуться с места, не дождавшись парохода. Верно, уж его и не будет в настоящую череду.

Старцы наши поздравляют Вас с праздником праздников и торжеством торжеств, и желают Вам провести онный с полною духовною радостью и удовольствием сердца и души.

Сходным образом желаю Вам того же и я, монах русского на Афоне монастыря Азарий.

Серай.
1860 г., апреля 6.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 30.

Ваше Превосходительство, многоуважаемый Петр Иванович!

Считаю уместным предупредить Вас, что если вы намерены в Лавру отправиться, то изъявляю и я согласие свое отправиться туда с Вами, и возьму с собой Амфилохия. Однако ж при этом, скажу Вам, что мы с ним не иначе поедem в Лавру, как прежде посетим Зограф и Ватопед, пожалуй, и Ивер. Это я делаю с тою целью, что, посетив прежде эти монастыри, мы с ним может быть, покончим свое дело, или, если и не кончим, так чтоб в Лавре заимствоваться самою какою-нибудь малостью: ибо, видите сами, отвозить туда обратно, взятое там составляет великое затруднение. А если б пришлось нам покончить дело свое до Лавры, то это было бы приятнее. Тогда в Лавру мы поехали бы только в сопровождении Вам, да удовлетворить своему любопытству. Итак, если мой маршрут сообразуется с Вашим предположением, то прошу принять онный. Выйдем мы из монастыря своего поутру в среду прямо в Зограф, потом в Ватопед. В четверг будем на Карее, тогда же и в Ивер. По пути в Зограф, думаю, впрочем, посетить и Костамонит.

Глубокоуважающий Вас монах Руссика Азарий.

1860 г., июня 6.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 32–33.

Ваше Превосходительство, многоуважаемый Петр Иванович!

Путешествие наше, благодарение Господу Богу, кончилось, и кончилось благополучно, впрочем, не без труда да и немалого. Теперь отдыхаем. Гости наши намерены отправиться от нас в предстоящую субботу.

Живописцы наши начали расписывать у нас собор. Давно уже они мне говорили, чтобы я взял у Вас рукопись нашу о живописи — подлинник, но всякий раз, видясь с Вами, забывал я напомнить Вам об этом. В чем я и виноват перед ними. Итак, теперь прошу Вас переслать эту рукопись с посланным. Еще, во время оно брал у меня Матвей Павлович описание путешествия г. Давыдова в двух книгах. У Вас ли теперь эти книги? Когда поехал отсюда М. П., решительно забыл я спросить его об этом. Если они у Вас — потрудитесь тоже и их передать ко мне. Да к этому приложите и лист «Листка», данный мною Вам. Гости непременно сделают видный этот лист, а у нас показать им нечего. Статью Романова они видели, так смогут прочитать и ответ на оную. След<овательно> потрудитесь все это разыскать, и с посланным переслать ко мне. А за прочими книгами сам я к Вам прибуду, и у Вас же поверю снимки с них.

Глубоко уважающий Вас монах Руссика Азарий

PS. Записки Волконского получены, и толк об них прекращается.

1860 г., июля 13.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 34–35.

Ваше Превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

Итак, покорнейше прошу приготовить для меня следующие листы разных книг: 40/24, 41/9, 41/10, 44/5, 44/6, 45/10, 45/11. Еще возьмите из находящейся у Вас хиландарской славянской два нумера, которых цифру я теперь не припомню; и возьмите два первых нумера, заключающих в себе понедельник Страстной седмицы. Также заставьте о. Амфилохия отыскать в находящейся у Вас рукописи котломушской понедельник Страстной же седмицы, и оный потрудитесь тоже приготовить. Пока и только. Если еще придется получить из Ватопеда книги, то, кажется, нужно будет взять и оттуда. Конечно, будущее не в нашей власти, но я говорю это так для предупреждения Вас.

За сим остаюсь с чувством глубокого к Вам уважения монах Русика Азарий.

Карей.

1860 г., августа 4.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 36–36об.

Ваше Превосходительство, многоуважаемый Петр Иванович!

К сожалению своему я не мог исполнить Вашего мне поручения — отыскать в ящиках Ваших снимаемую Вами икону. И не исполнил не по небрежению, а не нахожусь, как его исполнить. Вы сказали мне, чтоб я раскрыл ящик без ключа. Но из присланных Вами к нам ящиков один только с ключом, а прочие все без ключа. Все пересланные Вами к нам в разные времена, ящики находятся теперь у нас в одном месте. Под каким знаком нужный для Вас ящик, вы мне не сказали. Итак, раскрыл было я один из них скольких бесключовых Ваших ящиков — и не попал. Снова его закрыл, а других уж не дерзнул открывать, дабы напрасно не перераскрывать

многие. След<овательно> как вы теперь поступите, не знаю. Но раскрывать ящики, выкладывать из них вещи, и потом снова их туда складывать, и трудная, и неудобная. Сами вы это знаете.

При сем посылаю к Вам две посылочки на имя Волконского. Прошу их присовокупить к Вашей поклаже. По приезде Вашем в С-Петербург он к Вам за посылками явиться. Так ему будет написано.

Готовый к услугам Вашим с чувством глубокой к Вам почтительности, монах Руссика Азарий.

PS. По некоторому случаю мне потребовались чужие рукописи приводить к концу, поэтому находящуюся у Вас хиландарскую славянскую рукопись я должен получить от Вас в четверток. А если она у Вас уже готова, то еще бы и лучше получить и ближе.

Тот же.

1860 г. август 23.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 37–38об.

Ваше Превосходительство, достоуважаемый Петр Иванович!

И еще раскрыл я сундук один Ваш. Избрал из множества находящихся в нем икон одну. И посылаю ее к Вам. Та ли это икона, которую вы желаете получить?

Хиландарскую нотную рукопись благоволите же послать ко мне с посланным. Сколько вы из нее сняли, — пусть столько и будет, достаточно.

Отправили ли вы ныне послание Ваше к барону Штейгеру? В субботу едва ли мне потребуется по делам монастыря прокатиться до Салоника, а оттуда, кажется, придется побывать и в Константинополе. След<овательно> если оно еще не отправлено, то неблагоугодно ли будет Вам поручить оное мне для передаче ему?

Глубокопочитающий Вас монах Русика Азарий.

1860 г., августа 25.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 11, ед. хр. 5. Л. 39–39об.

ПИСЬМО МОНАХА ГЛИКЕРИЯ

Его превосходительству
Петру Ивановичу Севастьянову в Серае

Ваше превосходительство!

Основываясь на Вашем разговоре со мной, я осмеливаюсь теперь сказать Вам несколько слов об отце Дамиане. Он удаляется из Русика навсегда по причине собственных скорбей и знает по-гречески и Святую Гору вдоль и поперек. Если Вам угодно будет самим испытать его в личных услугах, то дозвоьте ему послужить при Вас в качестве *serviteur* во всех делах, касающихся домашнего туалета и внешних отношений с греками при списке фотографических видов.

Простите меня Ваше превосходительство, что я беспокою Вас, я пользуюсь удобным случаем угодить Вам. Отец Дамиан очень хороший человек, но в настоящее время скорбит по своим делам и требует для духа своего рассеянности и потому рад будет служить Вам со всею охотой.

Впрочем, располагаясь на Ваше доброе к нам расположение, как я, так и он просит милости не оставить и на будущее время Вашим милостивым вниманием.

Вашего превосходительства усерднейший слуга и богомолец м<онах> Гликерий.

Русик.
15 апреля <1859 г.>

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 13, ед. хр. 25. Л. 1–2об.

СКИТ СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО СЕРАЙ

ПИСЬМА ИГУМЕНА АНДРЕЕВСКОГО СКИТА О. ВИССАРИОНА
(ТОЛМАЧЕВА)

Высокопревосходительный господин
милостивый государь Петр Иванович!

Мир вам и благословение от Св. Афонские Горы. Исполняя ваше желание, я немедленно взял свидетельство от отца игумена Костамонитской обители для ясного удостоверения в точности вами полученной святыни, каковое

и прилагаю при сем, но без перевода на российский диалект, потому что вскорости не мог отыскать хорошего переводчика и оставил вам попросить в России ученых духовного класса

На две иконы св. мученика Меркурия и преподобного мученика Никодима (из которых сей последний писал первого образ) прилагаю о том свидетельство на русском диалекте.

Посылаю при сем по вашему приказанию через солунское российское императорское консульство для доставления вам посредством марсельского императорского консульства, и о получении прошу ваше превосходительство известить меня. Будучи в своем благословенном отечестве не забывайте нас странных.

О всем да поможет вам Бог и да сохранит вас во здравии и спасет.

Вашего Превосходительства милостивого государя моего и благодетеля настоятель Ново-Русского скита и <гумен> Виссарион с братией.

В добавлении сей жертвованной святыни просит игумен плащаницу, какие вам Бог возвестит.

Св. Афонские Горы Российский скит
во имя св. Апостола Андрея Первозванного.
Июня 10 дня 1852 года.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 1–1об.

Ваше Превосходительство
милостивый государь Петр Иванович, радоваться!

Первым долгом спешу поздравить вас с благополучным возвращением в благословенное отечество Россию! О сем я получил известие от нашего иеромонаха о. Феодорита, и еще приношу искреннейшую мою благодарность за ваше внимание, которое вы изволили оказать ему и нашей убогой обители, я же, видя таковое вашего превосходительства расположение, возымел смелость писать к вам, принося смиренно нашу благодарность.

Всеистинными судьбами всемилостивейшего творца нашего господи Бога! Мы еще и поныне благодаря его великое милосердие, и кровь находимся весьма благополучны, не менее того обязаны в чувствах веры и упований наших! И преблагословенной и все пречистой владычице нашей Богородице и присно Деве Марии, матери Бога и матери нашей всецелодобивийшей, которая и доныне неописанно покрывает нас всепокрывающим ее омофором! Слава столь всеблаготворительности Божией, и столь всемогущей о нем Матери его.

Много протекло времени, как мы имели счастье, что для нас пребудет незабвенно, видеть столь благотворительнейшую особу Вашего Превосходительства, в нашем убогом обителище, когда вы изволили посетить св. Афонскую Гору и обители, находящиеся на ней, в коем числе и наш убогий Ново-Русский скит во имя св. Апостола Андрея Первоз<ванного> и препод<обного> Антония Великого.

Ваше Превосходительство, в бытность вашу у нас в обители, по благотворительнейшей души вашей, изъявили усердие не оставлять нашу убогую обитель, усерднейшим вашим пособием! Но как ныне по столь бурным обстоятельствам, мы лишились многого со стороны благодетелей, а у нас все втрое и четверо дороже, так что не знаешь, что будет далее, ибо хлеб 1 око 3 (три) пиастра, не упоминая о другом чем. Посему имеет наша обитель великую в пособии нужду! То всеусерднейше вас мы убогие осмеливаемся просить оное Вашего Превосходительства усердное желание как Господь вам на сердце положит произвести. Чем премного одолжить нас изволите и убогий скит наш поддержать. Мы же сколько сил у нас достанет непременно долг поставляем навсегда продолжить смиренные наши молитвы да продлит Господь Бог много полезную жизнь вашу для блага ближнего.

Я имел счастье исполнить ваше желание и послал не оцененную вещь, а именно, кровь священномученика Харалампия, в виде перста и с обеих концов обложен серебром (древней работы), при оном также и свидетельство монастырское с священной печатью; и икону чудотворную великомученика Меркурия и преподобномученика Никодима Афонского иконописца. Оные вещи посланы 1852 года июля 1 дня через солунского консула Ангели г. Мустаксида, от которого я и получил в оное время бумагу, что он получил вещи сии. Ныне же монастырь Костамонит, ожидает исполнения вашего обещания, а именно хоругви и плащаницу. А за икону обещал я полное иерейское облачение и диаконское, ибо иначе не мог ону получить, как на обмен сими церковными вещами.

Итак, осмелившись прибегнуть под вашу щедроподательную руку, прося от щедрот ваших пособия и исполнения обещания вашего!

С истинным к вам высокопочитанием и чувством глубочайшей преданности! Пребыть долго, и честь имеем навсегда Вашего Превосходительства всеусерднейшие и смиренные богомольцы.

Настоятель скита игумен Виссарион со свей во Христе братией.

Св. Афонские г<оры> Ново-Русского скита Серая
во имя св. Апостола Андрея Первозванного и препод. Антония Вел<икого>
1855 г. июля 22.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 2–3об.

Ваше Высокопревосходительство, милостивейший благодетель!

Позвольте изъявить вам радость нашу и удовольствие, которое доставило письмо ваше к г. Иансону и он столь вежлив и уважителен, что немедленно известил меня о сем. Мы, не получая о вас никакого известия находились в сомнении о здравии вашем, но теперь благодарим Господа Бога и ежедневно молим его да продлит на многая лета многопользную жизнь вашу!

Г. Иансон передал мне вашу записку, в которой вы изволите писать, хотя и не ко мне, о выдаче денег 3 тыс. пиастров Иансону под его расписку, что я за счастье считаю исполнить ваше прошение, с великим моим удовольствием.

Еще спешу изъявить Вашему Высокопревосходительству искреннейшую мою и всей братии благодарность, ибо по ходатайству вашему монаст<ыря> Ватопеда проэсты исполнили общее наше желание о. игумене. Ныне прошу вашей помощи, с нетерпением ожидаем вашего возвращения.

Призываем на вас милость и благословение Божие. Остаюсь в ожидании возвращения вашего с глубокопочитанием и искреннейшей преданностью имею честь быть.

Вашего Высокопревосходительства смиренный молитвенник, настоятель ново-русского скита игумен Виссарион со всей во Христе братией.

Св. Афонския Г<оры>
ново-русский Свято-Андреевский скит.
1857 года сентября 26 дня

Осмеливаюсь и аз смиреннейший свидетельствовать нижайшее почтение смиренный иеромонах Паисий.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 4–5об.

Ваше Превосходительство высокий благодетель св. обители нашей!
Петр Иванович.

Благословение вам и всемогущая помощь от преславного жребия Царицы Небесной Святой Горы Афонской.

Честь и счастье имеем поздравить вас с новым годом и усердно желаем вам полных успехов во всех ваших делах. Мы получили известие, что вы благосклонно приняты были ее высочеством Марией Николаевной, и что сама императрица Мария Александровна желает видеть вас. Такие благоприятные слухи весьма радуют нас, и мы ежедневно молим Господа и

«Скоропослушницу Афонскую» о здравии вашем и благопоспешении. Смирнейше просим вас не оставить вашим милостивым вниманием и нашей св. обители, как и вы сами обнадеживали, в особенности в постройке часовни, или о пропуске в черноморские города для закупки провизии. Впрочем, великодушно простите нас, мы вполне уверены в вашем авторитете и в расположении к обители.

Испрашивая на вас благословение Божие и покровительство Царицы Небесной «Скоропослушницы Афонской», имеем честь и счастье быть с расположением и преданностью Вашего Превосходительства смиренные и усердные богомольцы Свято-Андреевского ново-русского скита настоятель игумен и <еромонах> Виссарион с братией.

Святая Гора Афон
14 января 1859 года

PS. Мы просим вас о нуждах наших особенной запиской, которую вы изволили взять с собой.²⁰

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 6–7об.

Л.8. Вверху рукой П.И. Севастьянова
помета о получении «30 мар. 1859 г.»

«Ваше превосходительство приснопамятный благодетель наш Петр Иванович!

Никогда не переставая возносить смиренные молитвы наши у престола благодати, да присно благословляет всеблагий Бог все благие действия, намерения и предприятия ваши — вместе наслаждая и возжеленным здравием, с радостью души поздравляю вашего превосходительства. И со всем тем, что только могло порадовать благое сердце ваше при свидании с коронными лицами, как объяснил мне достойный уважения г. Вода.

Благие успехи и радость вашего превосходительства сорадует и наши сердца, и молимся усердно ко Господу, да приложит вам таковых радостей еще и еще, — и для пользы просвещенного круга, и для славы рода вашего.

(л.8об.) Ваше превосходительство, Петр Иванович!

Я смиреннейше улаждаюсь надеждой, что убедительнейшая просьба моя к вам в отношении бедного нашего скита не будет бесплодна по великодушному обещанию вашему; уповаю, что ваше превосходительство радуясь в кругу высоких лиц, не минет помянуть и об нас смиренных. Нужды скита

вам известны, и они со дня на день умножаются, а особенно в настоящее время по случаю прекратившегося сбора милостыни. В добросердечной особе вашего превосходительства мы привыкли видеть отца, следственно и имя ваше обессмертится у нас во имени ктитора, которое, как вам известно, и провозглашается при каждом богослужении на ектениях о здравии и о спасении вашем и всех родственников ваших, которых имена вы изволили собственноручно написать. Всеискренне любя и уважая вас, как отца и благодетеля нашего, пребываем уверенными. Что и ваше превосходительство не будет совсем равнодушно к нам и обители, и, если возможно, будет не приминет случая улучшить (л.9) крайне бедное состояние юной собственно русской обители нашей.

Всегда благоговей к памяти присноуважаемого благодетеля, молитвенно воздеваем руки к всевышнему, да благословит все благие начинания ваши, и да продлит на многие лета многополезную для блага ближних жизнь вашу! С глубочайшим высокопочитанием и преданностью имеем долг честь и счастье быть.

Вашего превосходительства смиренный богомолец настоятель Ново-Русского Свято-Андреевского общежительного скита на св. Афонской горе. 1859 года февраля 10.²¹

Приписка рукой Виссариона: «Усердный и доброжелательный, и готовый к вашим полезным услугам навсегда игумен и. Виссарион со братией.

Ящичек ваш получил и..... в обитель отослал. А письмо себе ... взял посмотреть В.»

Л.9об. «PS. Свидетельствуем нижайшее наше почтение братцу вашему Николаю Ивановичу и приносим всеискреннейшую благодарность нашу за все их благодеяния, искреннюю благорасположенность к обители нашей. Просим и впредь будущее время милостиво их внимания к нашему смирению. Мир и божие благословение да будет с вами».

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 8–9об.

Его Превосходительству
действительному статскому советнику
Петру Ивановичу г. Севастьянову.

Ваше Превосходительство
милостивейший благодетель, Петр Иванович!

Имеем счастье все смиренное братство наше поздравить вас с настоящим торжественным днем тезоименитства его императорского величества

самодержца всероссийского благочестивейшего государя нашего Александра Николаевича! И как бы в присутствии, его изливая слезы благодарности, молим всеблагого Бога да продлит на многие лета многополезнейшего для блага россиян жизнь его и да благословит всеми благами дни и царствование его!

Благодетель наш! Примите и вы чувства признательности нашей за то счастье, каковое нам составили, в честь сего всерадостнейшего для русского сердца торжественного дня, представив трапезу всему смиренному братству нашему и прочим пустынным отцам, более умножив приятности сему духовному собранию и пиру своим личным присутствием, за все это из глубины души благодарим вас и молим Бога да умножит подобных вам сынов благословенная России, так верно преданнейших и пекущихся о пользе и благе отечества! Аминь

При сем столь благоприятном случае осмеливаемся всемирнейше предложить: благоволите Ваше Превосходительство осуществить сию радость и осчастливить обитель, обессмертив день сей и имя ваше для оной. Из всего видно, что так угодно было всеблаговому промыслу Божию предъизбрать вас и предназначить поддержать и упрочить существование сей юной собственно русской обители в Св. Афонской Горе, существование которой радует не только любезных соотечественников наших, но и единомышленников с нами греков. Но как вам известна крайняя бедность и недостаток удобств обители нашей ввергают в весьма стеснительное положение, и потому обитель и братию невозможно содержать без помощи соотечественников наших, а потому убедительнейше просим, благоволите благосклонно прочитав прилагаемое при сем письмо возлюбленного сотрудника и брата нашего иеромонаха Дорофея, вникнуть в тесное обстоятельство обители нашей и согласно письму и молению нашему помогите.

Причем имею честь быть в надежде, что вы, Ваше Превосходительство, для такого торжественного дня исполните всемирнейшее прошение наше.

Настоятель ново-русского общежител. Свято Андреевского скита игумен иеросхимонах Виссарион со всей во Христе братией.

Наместник иеромонах Феодорит
Духовник иеромонах Гервасий
Казначей иеродиакон Паисий.

Афон Андреевский скит».
Августа 30 дня 1859 года

Ваше Превосходительство, милостивейший благодетель Петр Иванович.
Мир и Божие благословение да придут к вам!

Долгом почли известить о себе, путешествие наше все идет, слава Богу. Благополучно, погода все время благоприятствует. В Константинополе пробыли мы не более, как один час, и поэтому, смиреннейше просим извинить, что мы сами не успели исполнить ваше поручение сделать покупку, а передали русиковскому иеромонаху Пахомию и при записке 7 полуимпериалов с тем, чтобы на остальные купил чаю. На пароходе заплатили 11 р. 85 коп., и расписку отослали к вам с о. Маркианом. Из Константинополя прямо сели на французский пароход и отправились в Сулин, слава Богу с некоторыми ознакомились и молитвами вашими с братией уже имеем пожертвованных два коня и свинку с боровком и это хорошо, хотя Господь помог бы на дорожный расход пособирать, буди его св. воля. Сегодня сей час отправляемся из Сулина на Завод, посмотрим, что там будет.

Ваше Превосходительство! Во все время путешествия нашего ежеминутно благодарим вас за милостивое внимание и все благодеяния ваши, ко всему прошедшему, не забудьте прибавить и обещанное вами. Просим вас сие сотворить любви ради Божией и для поддержания обители. Простите нас великодушно за дерзновение наше, мы знаем, что где владычествует человеколюбие, те руководствуются единым милосердием!

Всеискреннейше желаем вам во здравии игуменствовать и в делах ваших от Бога просим помощи и благих успехов. Не оставьте вашим покровительством и помощью в делах обитель нашу.

Поручая вас и себя милости Божией и благодатному покрову Царицы Небесной. Имеем честь и счастье быть Вашего Превосходительства смиренные богомольцы настоятель ново-русского Андреевского скита игумен иеромонах Виссарион.

г.Сулин. воскресенье.
1859 г. октября 3.²²

PS. Его Высокопреподобию всепречестнейшему многоуважаемому кир архимандриту отцу Антонину свидетельствуем нижайшее почтение и просим святых молитв.

Еще покорнейше просим засвидетельствовать от нас почтение всей компании вашей или братству.

Игумен иеромонах Виссарион.

Ваше Превосходительство высокий наш благодетель Петр Иванович!

Примите от смиренных иноков сей обители, благодарность за все оказанные вами благодеяния, благодарность не словесную, но сердечную, потому что язык беден для выражения признательности нашей к вам.

Будьте уверены, что каждый из братии нашей, глубоко чувствует и помнит ваше даяние, и мудрено его забыть: фиал этот, который вы соорудили и который мы сегодня освящаем, разве не есть бессмертный памятник ваших о нас заботах, тем более ощутительных для нас, что вы, следя за работами, не смотря ни на какую погоду, неутомимо трудились сами над ним. При виде этого, для нас драгоценного памятника, мы приходим в умиление, и невыразимая благодарность разливается в сердцах наших. Чувства эти сохраняются не только нами, но и нашими преемниками. Чувства искренней признательности и теплой любви к вам будут наследственными в нашей обители.

Ктитор и благодетель наш!

Смиренные наши иноческие молитвы о вас ежечасно, будут раздаваться под сводами нашей убогой церкви до конца существования нашей обители, потому что в ней память и о вас незабвенна, фиал этот будет для нас памятником ваших благодеяний и пребывания вашего среди нас, так щедро вами облагодетельствованных, в продолжении нескольких лет. Дай Бог, чтобы источник св. Петра митрополита, был бы не только украшением для нас, но и служил бы всем примером религиозных общепользованных трудов, в которых имя ваше бессмертно.

Возлюбленные отцы и братие, признательность сильна не словами, а чувствами и потому, вознесем из глубины нашего сердца смиренную и теплую мольбу к Отцу щедрот о благодетеле нашем.

Господи Царю Небесный и Благоутробный услыши глас молебный рабов Твоих здесь предстоящих, ниспошли Духа Твоего святого, освяти и даруй целебную силу источнику сему святого Петра митрополита.

Приими, Господи, яко фимиам благоговейное усердие раба твоего боярина Петра, любящего благолепие дому Твоего и ниспосли ему духа твоего святого всегда укрепляюще, исполняюще все деяния и начинания его благие. Благоденственные и мирные дни его, многопользованные для блага ближнего, здравии и спасении и во всем благое поспешение похвалять Господи рабу Твоему боярину Петру и сохрани его на многая лета!

Ново-русского Свято-Андреевского общежительного скита настоятель игумен иеросхимонах Виссарион со всей во Христе братией.

Иеродиакон Паисий.

Афон.

Месяца генваря 6 дня 1861 год

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 14–14об.

Ваше Превосходительство Петр Иванович!

В первых почтительнейше имею честь пожелать вам всякого благополучия в путешествии и скорого возвращения!

При сем уведомляет вас, вчерашнего числа приходил Свято-Павловского монастыря известный вам монах, объясняющийся по-русски, за находящимися у вас хрисовулами, которые им очень нужны, почему убедительно просил вас о сем известить, чтобы потрудились вы поручить г. Христе²³ выдать их, но только нужно не иначе, как антипросопу под расписку, потому что этот монах не имеет письма от игумена, впрочем, как вы заблагорассудите.

Причем честь имею быть вашим богомолец и смиренный послушник настоятель игумен иеро<монах> Виссарион с братией.

PS. Г. Христа слава богу поправился здоровьем, а Матвей Павлович уехал по назначению вашему и с собой взял о. Филарета нашего.

Ваше превосходительство!

Свидетельствуя глубочайшее мое почтение имею честь быть ваш смиренный послушник иеродиакон Паисий.

Серай.

Января 30, 1860 года.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 16–16об.

Ваше Превосходительство милостивый государь
и благодетель наш Петр Иванович!

Благодаря благодетеля всех Бога, удостоившего нас смиренных, принять, и по возможности сил наших, успокоить превосходительную и христоролюбивую особу вашу под кровом смиренной обители нашей, мы непрестанно с душевным удовольствием, будем вспоминать о вас и сетовать о разлуке с вами. Да благословит Бог все дела, намерения и предприятия ваши! О чем непрестанно будем мы возносить к Богу молитвы наши.

Милостивейший благодетель наш!

Естественное благосердие ваше и к нам недостойным явленная любовь, дали нам смелость прибегнуть к вам и умолять вас, оказать бедному скиту нашему следующую милость, чем увековечиться в нем незабвеннейшее имя ваше с именами первых его ктиторов. Вам довольно известно, что обитель наша не имеет совершенно никаких средств на содержание братии и окончание начавшихся построек, а посему, мы нашли вынужденными просить Св. Синод, дать нам позволение произвести сбор милостыни в России.

Прошение же наше осмелились поручить вам, прося, всепокорнейше ваше превосходительство — потрудитесь подать его в Св. Синод и, ежели будет возможно, передавайте, Бога ради, и устно о нуждах наших кому следует, как были вы очевидец всему.

Поручая вас и себя милости Божией и всеблаговому покрову Царицы Небесной, имеем честь долго и счастье быть ваше превосходительство вашими смиренными богомольцами, ново-русского общежительного Свято-Андреевского скита настоятель игумен иеросхимонах Виссарион о Христе с братией.

Св. Гора Афон.
Сентября 6 дня 1860 года.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 18–19 об.

Приснопоминаемый ктитор и благодетель обители нашей
высокопочтеннейший Петр Иванович!

Приближение праздника святого Андрея Первозванного, имени которому посвящена св. обитель наша, будет конечно, сопровожден общими нашими радостями. Вы как ктитор и благодетель, оставивший свои трехлетним пребыванием, незабвеннейшую память и попечение об устройстве обители, с удовольствием конечно вспомнит этот день, перенесясь мысленно в бывшее любимое ваше местопребывание, и когда в церкви, посвященной памяти ангела вашего св. Петра митрополита Московского чудотворца, будут возноситься молитвы ко Господу и его угодникам, чтоб еще более упрочилось благосостояние обители нашей, и которая, как крин посреде терния возрастал бы благолепием и украшением храмов Божиих, в которых в вечные времена будут раздаваться молитвы о незабвеннейшей для нас особе вашей, как виновник устройства новой святыни в нашей обители.

Душевно поздравляем вас с высокаторжественным сим праздником, и с пожеланием вам благоденствия и душеспасения в настоящей жизни. В обители нашей все благополучно, все здоровы, а отец Феодорит в начале сентября прибыл из России.

Еще имеем честь уведомить вас о следующем: вам известны мои уже преклонные лета и слабость здоровья, а потому прежде определенного времени смерти, я решился привести в исполнение давнее мое намерение передать игуменство достойному ученику своему иеромонаху Феодориту. Составив прошение, с общего согласия за подписом всех отцов обители, в один из следующих дней, подам оное на утверждение в Ватопедский монастырь.

Вас же, как ктитора и благодетеля, уведомляя об этом, прошу Вашего совета и согласия на общий наш выбор в должность игумена. О чем и просил всепокорнейше нас уведомить. Надеюсь видеть в том соизволением Ваше, просим вас быть в таком же благорасположении к обители и к новому ее игумену, как и всегда, чем и докажете всегдашнюю к ней вашу любовь и преданность.

Остаемся и пребудем вашими смиренными богомольцами, со всею о Христе братией, настоятель — Ново-Русского Свято-Андреевского общежительного скита игумен иеросхимонах Виссарион с братией.

Русский общежительный скит
св. апостола Андрея Первозванного и прп. Антония Великого.
Ноября 15 дня 1861 года
№ 690.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 20–21.

Ваше превосходительство!

Смиреннейше просим не оставьте вниманием вашим весьма нуждающуюся и как известно вам юную обитель нашу, и при случае благоволите, если будет возможно исходатайствовать через трехгодичное время свободный пропуск в Россию для сбора милостыни иеромонаху и монаху 2-м, ибо другого средства к содержанию обители мы не имеем. Во вторых полезно было бы для обители иметь часовню в С.Петербурге или в Москве. И 3-е. О келлии, именуемой Бербарадка Хиландарского монастыря. Впрочем, вам довольно хорошо известны нужды наши.

Еще необходимо нужно иметь паспорта на проезд в Одессу во всякое время для покупок и для получения вещей.

Ново-русского Свято-Андреевского скита игумен иеро<монах> Виссарион со братией.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 22

Свидетельство

1852 года июня 10 дня Святые Афонские Горы российского скита во имя св. Апостола Андрея Первозванного от игумена оного о. Виссариона, Его

Превосходительству Петру Ивановичу господину Севастьянову, в том, что по просьбе и желанию их достать им для памяти и благословения, что-либо от святые горы Афона из ее священных древностей, врученные им две иконы (на дереве писанные масляной краской) св. великомученика Меркурия и преподобномученика Никодима (из которых сей последний писал образ первого). Свидетельствую о истинных сего вместе с нижеподписавшимися со мною келлиотами (или отшельниками) подписом нашим. Преподобномученик Никодим проживал здесь во Афоне в отшельничестве и занимался иконописною работою отчего и снискивал себе пропитание и уделял другим от своих трудов, по ревности и желанию мученического венца, пострадал за обличение от турок близ Царьграда в небольшом городе Белграде. Его занятие и ученики и досель живут во Афоне на той келлии.

Святые Афонские горы российского скита настоятель Ново-Русского скита иг^{<умен>} Виссарион с братией.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 24–24об.

В Святейший правительствующий всероссийский Синод.

Русского общежительного скита святого Апостола Андрея Первозванного и Антония Великого (на Афоне) игумена Виссариона с братиею

П р о ш е н и е

Всегда питая чувства благоговения и благодарности к Святейшему Синоду, за милостивейшее внимание, изъявленное к смиреннейшему нашему прошению, в дозволении учинить в России сбор милостыни, который произвел нашего скита иеромонах Феодорит, с 1851-го по 1858 год, и составил на сумму немного более 15 000 руб. серебром.

В настоящее же время, мы смиреннейшие, претерпевая нужды, осмеливаемся с помощью святых предстателей обители нашей, почтительнейше объяснить о предметах, на которые употреблена вышеозначенная сборная сумма.

По просьбе нашей переведены Святейшим Синодом в монастырь Руссик 4550 руб. сер., за приобретение смежного участка земли, принадлежащего оному монастырю, который участок поступил в вечное владение скита; остальная же сумма израсходовалась на необходимейшие постройки, а именно: на два двухэтажных корпуса, вмещающие две малые предельные церкви, общую трапезу, несколько келий, странноприимное отделение и места для складки жизненных продовольствий и других хозяйственных предметов. Внутренняя же отделка сих построек по недостатку средств, еще и доныне не окончена.

К тому же ежегодный расход на содержание братии прежде простирался до 2000 руб. сер., а со времени минувшей войны, цены на все втрое возвысились; поэтому и расход ныне увеличился до 6000 руб. сер. и более. Также и курс на монету понизился на 30%, а цены, преимущественно на строительные материалы, более и более возвышаются. Положительный приход, от собрания земных плодов и процентов с капитала 9000 руб. составляющий 500 руб.сер., далеко не соответствует расходам.

Все сие приводит нас в крайне затруднительное положение, и при всем этом, предстоит нам наиважнейшая необходимость в созидании соборного храма, как по примеру прочих обителей, а более, по причине неместительности в настоящих придельных церквах, при богослужении братства нашего и посетителей, также для скита и общей больницы для престарелых и больных иноков.

Смиреннейше объясняя ограниченные средства и нужды обители нашей, мы без милости Святейшего Синода и щедрот соотечественников и сынов благословенной России, лишены будем даже и дневного пропитания, а на необходимые означенные постройки, не предвидим никаких средств.

Посему, убедительнейше просим, внять молению нашему и всемилостивейше дозволить произвести сбор милостыни в России, на окончание наших построек и на содержание братства.

Питая себя надеждой на всемилостивейшую резолюцию Святейшего Синода,

Пребываем смиренными рабами и послушниками русского общежительного скита св. Апостола Андрея Первозванного и Антония Великого (на Афоне)

Настоятель игумен иеросхимонах Виссарион

Духовник иеромонах Гервасий

За казначея иеромонах Дорофей

Эконом монах Пафнутий

1860 года 7 сентября.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 12, ед. хр. 63. Л. 26–27об.

ПИСЬМА ИЕРОМОНАХА,

В ПОСЛЕДСТВИИ ИГУМЕНА ФЕОДОРИТА (КРЕСТОВНИКОВА)

Во Святой Горе Афонской, ново-русского общежительного скита во имя Св. апостола Андрея Первозванного и преподобного Антония Великого, игумен с братиею Виссарион, убедительнейшее просит ходатайства управительства, для существования обители, имеет необходимость каждый

год послать одного доверенного старца с послушником в Россию на самое короткое время, в город Одессу, для получения процентов с капитала, а в городе Ростове покупки жизненных продовольствий о каковом пропуске вечно будет молить Господа св. обитель русская!!!

Означенный обители доверенный иеромонах Феодорит!

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 27

Милостивой Государь и благодетель наш! Петр Иванович!
Здравствуйте о господе!

Имею честь поздравить Вас и братца Вашего Николая Ивановича с Новым годом и в приятном и возновленном здравии и облачиться успехами в делах и предприятиях Ваших. Добрых успехов желаем, чтобы Господь утешил Вас за Ваши труды к благу ближнего и славу Божию и отечеству! Я счастьем считаю и утешением видеть Вас, хотя на пять минут на Николаевской железной дороги! И по Вашему совету желаю еще видеть Вас и в Москве и посоветоваться с Вами.

Посему предмету желаю побывать к 10-му числу января, может, что Господь и поможет сделать для св. обители и для Афона да поможет Вам Владычица заступница мира! Желаю и жажду с Вами видаться и побеседовать лично.

Вашего Превосходительства покорный к услугам иеромонах Феодорит афонский.

СПб Невская Лавра.
1-го числа января 1859 года.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 1–1об.

Ваше Превосходительство Высокий наш благодетель и ходатай!
Петр Иванович!

Спешу уведомить Вас, я совсем выехал из Петербурга. Едва, едва отвязался от своих дел и знакомых. Но! Касательно афонского прошения от игумена о. Виссариона, как Вы заметили, совсем противное смысла написано, то и г-н Муравьев тоже говорил, а равно и близкие г-на Обер-Прокурора,

совсем не советовали подавать, по этим замечаниям я не осмелился подать, а оставил на Ваше благоусмотрение и ходатайство. Мы уверены скорей Вашей заслуги Церкви и отечеству почтут, нежели наши, такие записки сами себе противоречащие.

При сем имею честь припроводить письмо афонское на Ваше имя адресованное, и мы сами спешим в путь, чтобы встретить Вас во Св. Горе Афонской, но очень слаб здоровьем, а Вам усердно желаем дела свои окончить отлично, во славу Божию и в пользу ближнего.

Вашего Превосходительства покорный к услугам иеромонах Феодорит афонский.

Москва. Высокопетровский монастырь.
23 февраля 1859 года.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 3–3об.

Превосходительнейший благодетель Петр Иванович!
Здравствуйте о Господе!

За счастье считаем поздравить Вас с наступившим Новым годом и с новыми благими успехами во всех делах Ваших. Ваше и Ваших сотрудников, желанные и душевные силы да обновятся, душевно, искренно желаем и молим Господа Бога! Мы, слава Богу, побывали в г. Солуни. Г-н Мустаксиди Вам свидетельствует почтение и заслугу, говорит, имел случай похлопотать, чтобы Ваши ящики не вскрывали в Солуни в таможне. Вами нам врученные письма и посылки в Афоне, мы вручили на пароходе Херсонес, в день праздника Рождества Христова, утром прибыли в Константинополь в русскую агенцию, все было затворено по случаю праздника.

На другой день праздника, Ваше письмо вручил Г-ну Агенту барону Штейнеру. Очень с удовольствием обещался все газеты и журналы и прочие принимать и посылать в Афон и наши, мне приказал объявить в почтовой конторе о сем и равно и Николай Иванович Г-н Чернявский принял Ваше письмо и наши бумаги, сейчас пойду к посланнику Фолоксу как лучше сделать сказал сегодня раз решено для обмена билетов во Одессе и обратно, за утро обещал выдать паспорта и за раз на пароходе поселить вообще, чтобы успеть нам. Ваш покорный к услугам недостойн. Иеромонах Феодорит и сотрудник м. Поладий.

Агенция <РОПиг>.
28 числа декабря 1859 года.

<PS> Ваше Высокопревосходительство. Примите и мои поклоны с пожеланием Вам всех благ от Господа. Грешный м<онах> Палладий.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 4–5.

Ваше Превосходительство,
милостивейший благодетель Петр Иванович!

При сем благоприятном случае долгом считаю уведомить Вас касательно поручений Ваших не мог лучшего сделать. Во Одессе не могли удовлетворить нашей просьбы, наконец решаемся послать прямо в Санкт-Петербург в Коммерческий банк Ваши все билеты с объявлением при отношении для обмена по силе объявления и затем высылке к Вам. А для своих непрерывных доход<ных билетов> ожидаем отсрочки или особого исключения для духовного ведомства, но едва ли сбудется. Для Вас, поспешим кое чего из провизии послать для масляной <недели>: некоторые исключительно для Вас, а другое поделиться с нашими отцами. А остальные предметы сами провезем с собой. Календари посланы во Одессу. Грязь непроходимая и постоянные дожди, сию да письма пишу.

Ваш искренний доброжелатель и покорный к услугам и<еромонах> Феодорит и монах Палладий афонский.

Одесса, дом К. Усачева.
23 января 1860 г.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 6–6об.

Ваше Превосходительство, высокий благодетель наш
Петр Иванович! Здравствуй о Господе!

При сем благоприятном случае имею честь засвидетельствовать наше глубочайшее высокопочтение и монашеской поклон. Письмо Ваше г-ну Тимофееву передал лично, благодарит за память Вашу. Г-н Черняев нам немедленно выдал паспорт на наше отношение на проезд. Покупки Ваши по скудости денег у нас и по двойной с лишкой ценности, означенной, лекарства половину купил до возвратного нашего пути, тогда еще купим остальную половину.

Барона еще не видел, сейчас пойду справлюсь не прислали ли Вашу провизию из Одессы. Если нет, то немедленно будет. О. Паисия ожидаем с прибылью, по словам о. Иннокентия из скита Св. Пророка Ильи.

Новостей особенных нет. В тихомолку кое что идет к своему назначению. Послан<ник> в Буюк-дере, архима<ндрит> в Брусе для излечения. В Колоколе есть статья о. архимандрита Антонина из виду оправдания.

Простите за празднословие! Прощайте, до свидания.

Вашего Превосходительства покорнейше к услугам недостойный иеромонах Феодорит афонский.

Здесь прилагаю счета, прошу присовокупить к прежнему. А другое лекарство передать по назначению.

И. Ф. афонский.

Пера
7 июня 1860 г.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 7–8.

Ваше Превосходительство, милостивой государь и благодетель
Петр Иванович! Здравствуйте о Господе!

При сем благоприятнейшем случае спешу уведомить Вас, я имел удовольствие получить от Вас письмецо, и притом два объявления, я немедленно ходил в контору Коммерческого банка. По Вашему письму и объявлениям справлялись. Мне совершенно сказали не имеют и не должны получить, разве по особому распоряжению или после должны получить, то Вам тогда скажем или по предписанию вышлем по принадлежности. Более ничего не скажешь.

Я сегодня отправлюсь на пароходе в Керчь и в Таганрог на один месяц. К половине августа должен обратно во Одессу. И нам было хлопот получать непрерывно доходные билеты и проценты по свидетельству. Должны были ехать в город Херсон для получения, да и еще годно для получения процентов, Я возвращусь с Таганрога <и> немедленно справлюсь о всем и Вас уведомлю. Я буду поспешать, чтобы Вас застать. Жалко будет ежели что-либо задержит, мы до сели во Одессе жили почти без всякой пользы для обители, а теперь, что Бог даст в Ростове теперь более всего занимает мысль, чтобы для приезда приобрести собственную квартиру для прожития приезжающим, а то очень трудно кое-где! Должны купить или пошлет Бог благодетеля. Приятно и необходимо для св. обители.

М. П. г-н Зуров приехал тихо и скромно обвиняя себя. Через два дня после нас отправится с троишниками до Москвы. Иван Васильевич все уладит и Вас

известит. За сим остаемся Вашими смиренными богомольцами и покорные к услугам всегда н. иеромонах Феодорит и монах Панкратий афонский.

Одесса, дом Усачева.
7 числа Июля 1860 года.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 9–10.

Ваше Превосходительство, милостивейший государь и ходатай наш,
Петр Иванович!

Благословение Божие и ангел хранитель да будет с Вами во все дни Вашего путешествия!

При сем благоприятном случае имею честь почтить Вас своей краткой запиской. Я будя во Одессе имел случай помочь о. Паисию во отправке всех вещей в Москву и его с человеком при транспорте в порядке для расходов дал ему тысячу руб. сер. и проводили благонадежно, закупил для обители всей провизии и для Михаила Феофановича. Отправился на пароходе Херсонес. В Константинополе немедленно справился о получении Ваших билетов и с о. архимандритом посоветовался не получая с почты, послать к Вам. Просили г-на Черняева. Обещался немедля послать неизвестно какие билеты, старые или новые. Из Константинополя <отправился> на том же пароходе и 22 числа октября, по случаю бури, не могли выйти с парохода ни одного человека. Занесло в г. Солунь и высадили до обратного рейса. И прибыли 3 ноября, благополучно во обитель. Слава Богу, дела все во отличном порядке, старец и братия все здоровы, кроме скончавшихся о. духовника Гервасия, Пахомия столяра и Анатолия. Теперь занялись расчетом мастеров и прочее. И наше путешествие, благодаря Бога, не без пользы на первый рейс. Жалко не то время года, зато умедили:

1-е. Для нас новости — неожиданные красота и порядочное помещение новой церкви св. Петра, вашего св. патрона. Да пребудет благословение св. Петра над Петром!

2-е. Приказали мне старец и вся братия засвидетельствовать Вам глубочайшие высокопочтение и монашеский низкий поклон и смиренные о Вас молитвы.

До нас посетил Гору Афонскую и нашу обитель солунский паша... со всем Протатом и со свитой. Очень любовался красотой новой церкви наружи и внутреннему убранству, в заключение сказал, что церковь василика и анбра (царска и великолепна), хотя много лишнего ему высказывал ватопедский антипросоп Даниил. Пройдя все коридоры афондарики Вашего помещения сам спросил, где желал устроить соборную церковь г-н

Севастьянов. Указали ему черту места и много в пользу обители сказал и намекал. Остался доволен и наконец приказал всем настоятелям монастырей собраться в Ватопеде для общего свидания и разных объяснений и наш о. игумен был особо пашею принят и обласкан.

Погода сырая и ветра сильные и бури зимние, я сейчас еду на пароход, последний груз должно пришел и Вам послать письма, мы Вам из Одессы писали вместе с о. Паисием. Я видел о. архимандрита Порфирия. Квартирует у викария Одесского Антония, сердится на русских, что о нем публиковали в газетах, из себя выходит. Антипросопа Даниила назначили в Солунь епитропом Афона. Бог с ним, добрый час. Сейчас зашли позвать пожелать Вам от всей святой обители и братии благополучного путешествия и окончания Вашего дела и возвращение в вожденном здравии в град св. Петра!

Вашего Превосходительства нижайший послушник и смиренные богомольцы, н<недостойный> иеромонах Феодорит афонский.

Св. Гора Афон
Русский скит
5 числа ноября 1860 г.²⁴

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 11–12.

Пресвятая Богородице спаси нас!
Ваше Превосходительство! Петр Иванович!

Мы не могли проминовать, чтобы и Вас не пригласить к настоящему нашему торжеству св. обители, к празднуемому дню св. апостола Андрея Первозванного. Смирренно просим, хотя мысленно разделить нашу радость, а равно и тем, что в Петровской церкви будет св. богослужение, что более усугубит о Вас свои и молитвы!

Правду Вам сказать, что мы Вашим молчанием очень прискорбны и во уныние. А равно такой Михайла Феофанович г-н Грановский, в велик<ом> недоумении, чем мы Вас не огорчили ли, чем. конечно, все мы заодно разделяем радость и скуку!

М<ихаил> Ф<еофанович> неутомимой и верной своему значению, повара своего прошлой год отпустил. Наш монах Иларию, кое-что ему прислуживает. Теску под угольным новым фандариком делать будут и он туды переместится для удобства. А когда Вы, с Божьею помощью и с царскою милостью и благоволением прибудете во обитель, то дня Вашего Превосходительства угольный левый фандарик со всем угодием отлично отделан, и назван генеральским отделением.

Помоги Вам царице небесная вождельно препроводить во славу Св. Церкви и к пользе нашей Св. Церкви. Истинно благодарим Вас вел<икий> благодетель, как нам и со своей стороны свидетельствует о. Поисий. Только скуп на свои письма; молчит о себе и о Вас. Мы все его побраниваем. Нечего, терпение.

Новая Петровская церковь у нас праздничная. А только недостаточно церковь наши книгами. Намерены у Вас попросить ежели будут излишки. Во обители все, слава Богу. Мы благополучно окончили свою поездку в Россию. По Вашей дорожке привезли рыбки, икорки и прочее для св. обители. Три мес<яца> провели в поездке.

К моему великому испытанию падает жребий настоятельства, на меня совершенно все напали! О. игумен и вся братия из русских и прочие. Я сознаюсь совершенно себе неспособен и не решаюсь взяться за свинцовый крест и тяжкое бремя. А прошу Вашего благоразумного совета и благоволения. А в случае моей неустойки, дать мне понятие. А при случае испросить и благословение Св. Синода для подкрепления немощных моих сил и поощрения.

Затем поручаю себя и Вас покрову Царице Небесной и предстательству св. Петра Московского чудотворца. Остаемся Вашего Превосходительства смиреннейшие, послушные богомольцы н<едостойный> и<еромонах> Феодорит афонский.

Лично передала, душевно уважающая Вас Любовь Кузьминишна г-жа Алфераки. Просила Вам передать свой покойного мужа портрет, здесь прилагаю Вам.

Н. И. Ф. А.

16 дня ноября 1861 года
Св. Афон, Русский скит.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 15–16об.

Высокопочтеннейший и многоуважаемый
благодетель наш Петр Иванович!

С прискорбием души имеем уведомить вас о кончине основателя русского скита на Афоне незабвенного нашего старца и игумена иеросхимонаха Виссариона, которая последовала после двухнедельной тяжелой простудной болезни 26 истекшего апреля во 2 часу пополудни, а 27 числа после вечера, отдавая персть персти отпевал надгробное и погребение совершал архиепископ Кирилл с 60 священнослужителями, и так остались мы скорбя о разлуке общего нашего наставника и отца и молясь ко Господу о упокоении души его со святыми просим вашего к нам благоволения.

Остаемся и пребудем новорусского Свято-Андреевского общежительного скита наместник и духовник, Вашими смирен<ыми> богомольцами иеромонах Феодорит и братия.

Иеромонах Дорофей.

Св. гора Афон
1 мая 1862 года

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 13, ед. хр. 91. Л. 1–1об.

Ваше Превосходительство,
милостивейший благодетель и ктитор наш, Петр Иванович!
Мир Вам и спасение!

Месяц август наступил. Еще немного времени и смиренная обитель наша будет праздновать день ангела Вашего св. Петра митрополита Московского. Этот день столь достопамятен между нами, смиренными иноками, столь славен и отличительный от других празднуемых нами дней, тем, что тогда, как Вам известно, была освящена, новая наша церковь. И во имя кого? Посвященная памяти Вашего ангела! О сколько может быть для Вас воспоминаний о прошедшем, сколько, в свою очередь, обитель, имеющая Вас главным виновником устройства оной святыни и ктитором должна пролить молитв во сей радостный для нее день, посвященный Вашему ангелу!

Примите же от нас на сей раз одно смиреннейшее поздравление, с пожеланием Вам всех возможных благ в настоящей и будущей жизни! Зато будут и молитвы наши ко Господу. Итак, любвеобильный благодетель и ктитор наш! Мы уверены, что Вы вполне милосердствуете о бедной обители нашей. При воспоминании о ней, конечно, более всего приходит Вам на мысль ее нужды и недостатки, которые — неизбежные спутницы ее на жизненном пути. Но мы благодарим Бога, что хотя некоторые из них прикроены Вашим старанием и любовью, доказательств на это много. Помянем хотя одно из них.

Вы старались в пользу нашу устроить в С-Петербурге на песках часовню. Бог да спасет Вас за такое предположение! Но вот по полученным вчерашнего числа письма от о. Паисия видим, что открыли препятствия исполнить Вам свое намерение. Жалеем и скорбим! Что делать? Видно еще не убо пришел час наш, в которой бы мы истинно возрадовались духом о подобном счастье, видно еще обитель наша должна влачить за собою бремя горести и бедности! Но доколе это?

Однако же мы не теряем надежды и от неудач наших не приходим в отчаяние. Если есть какая-нибудь надежда, то по возможности сил Ваших, потрудитесь еще похлопотать: авось Бог призрет на старание и усердие Ваше. Но

мы принуждены бываем испытать еще счастье. С будущей почтою намерены послать прошение о. Паисию для подачи в Святейший Синод, о том, чтобы позволено было нам произвести еще сбор в России, а Вас всепокорнейшее просим походатайствовать: быть может, Господь этим обрадует сердца наши, и будем ждать драгоценнейшего для нас Вашего письма обо всем уведомлении.

В обители у нас, благодаря Бога, все благополучно. Обыкновенная жизнь наша течет со временем. Об чем бы было думать? Конечно о будущности обители, ее недостатках, которые предаем Боголюбию Вашему.

Поручая Вас милостям Всеблагого Бога, остаемся Вашего Превосходительства смиренными боголюбцами.

Настоятель ново-русского Св. Андреевского общежительного скита, игумен Феодорит с братиею. Иеромонах Дорофей и Иеродиакон Варсофоний.

Августа 14 дня 1862 года.²⁵

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 17–18 об.

Милостивейший благодетель и ктитор наш Петр Иванович!
Мир Вам и спасение!

Со вступлением давно ожидаемого дня, в который празднуется великий во святителях св. Петр, ангел Ваш, мы смиреннейшие весело праздновали память его, прося в молитвах наших теплого его ходатайства у Царя Славы, быть неотлучно от собранного стада обители нашей. Все напоминало о прошедших и настоящих радостях: два года тому назад, сей храм Божий, в присутствии Вашем, при многочисленном собрании народа, был освящен. Что было тогда? Какая радость, какое торжество, особенно для русских!

Теперь же совершаем память всего этого. Много сожалеем мы о том, что Вас здесь нет при настоящем торжестве, но утешаем себя тем, что здесь нельзя ограничиваться одним каким-либо местом, и веруем, что Вы перенесетесь мысленно в пределы наши, участвуете с нами и в нынешнем, и во всех смиренных наших праздниках, дорогих всем. Словом, Вы с нами как и прежде!

С этими чувствами, обращаемся к Вам в сии драгоценные для нас минуты, поздравляем Вас со днем Вашего ангела, с пожеланием всего, чего желает доброе и благостное Ваше сердце. Да будет все любимое и желаемое с Вами отныне навсегда!

Теперь позвольте попросить боголюбие Ваше о следующем. С прошлою почтою мы писали к Вам о скорби нашей, которая постигла нас по случаю отказа часовни, и о намерении нашем войти прошением в Св. Синод, о разрешении дозволить нам произвести сбор милотины в России для поправки

ветхого патриаршего дома и устройства общей больницы с церковью для больных братий. С Божиею помощью, изложив, сколько могли, прошение о своих недостатках и нуждах послали его с сею почтою в С-Петербург к сотруднику нашему о. Паисию. При сем всепокорнейшее просим Боголюбие Ваше, благоволите, по возможности сил Ваших, походатайствовать пред владыками и прочими членами Святейшего Синода, о том, чтобы милость их почтили на нас смиренных, и просьбы наши были бы удовлетворены благосклонным их расположением на наши потребности и нужды. Пусть этим, хотя утешатся скорбыне сердца наши, и то о чем хлопотали, — верно не угодно Господу Богу. Что делать? Надобно смириться под Св. Его Десницу.

Затем поручаю Вас и себя покрову Царицы Небесной, остаюсь богомолец Ваш о Христе с братиею.

Настоятель ново-русского Свято-Андреевского общежительного скита, игумен Феодорит с братиею.

Смиренный иеромонах Дорофей.

Иеродиакон Варсофоний.

Монах Виссарион.

Св. Гора Афон
28 августа 1862 года

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 19–20.

Ваше Превосходительство, милостивейший ктитор и благодетель,
Петр Иванович!
Мир Вам и спасение!

Приятное Ваше письмо мы имели счастье получить 8-го сентября сего года. Оно было писано при самом отправлении Вашем за границу, было писано скоро, но в нем глубокое чувство любви и скорби. Любовь выразилась во многих словах: в желании нашей обители благ и пользы и истинного Вашего к ней попечения, скорбь о неудаче Вашего предположения относительно дела часовни. То и другое выразилось в письме Вашем самую живую речью. Благодарим Вас за участие, за хлопоты, за все.

Что делать, что враг рода человеческого преграждает путь ко всему доброму и благочестивому? Видно завидя пользу — позавидовал! С самого сотворения мира истина всегда была в борьбе с неправдою. Если последней и удавалось чем-нибудь омрачить красоту этой добродетели, то ненадолго: она снова возсиявала, как видимое нами солнце, выходя из густых и темных облаков. Веруем сему, что и нам смиренным не всегда пить чашу скорбей,

может быть, они приведут нас к должному назначению. В мире так устроено. В нем нет постоянства, но если есть на какое место благословение Божие, то она, конечно, обнаружится после подобных горестей.

Тоже надобно сказать и относительно всякого человека. Не будем же тужить о том, а отнесем все ко Всеустрояющей Деснице Вышнего. Он весть, что нам на пользу. Вы изволили писать о прощении, чтобы оно было послано через посольство, но мы до получения еще Вашего письма, послали отсюда оное прощение прямо по почте на имя о. Паисия в С-Петербург, для подачи им в Святейший Синод, и оно засвидетельствовано у русского консула. Жалеем, что оно Вас там не застанет. Впрочем, если обещались, то, может быть, и исполнят.

М.Ф. Грановского с тех пор нет в Афоне, он в Иерусалиме, и мы письмо Ваше перешлем туда. Рисунков никаких он не оставлял ни у нас, ни в Русике.

В обители нашей, Слава Богу, все благополучно. Также наша смиренная жизнь со своими правилами и обычаями. Много кое-чего прибавилось после Вас. Все покорнейше просим Вас — приезжайте сами посмотреть на Вашу обитель. Мы будем Вас ждать. Также все Отцы наши свидетельствуют Вам всеусерднейшее почтение и благодарят за память. Прилагаем еще при сем черновой рисунок на обитель.

Затем пожелав Вам доброго здоровья и в делах Ваших, хорошего успеха, остаемся Вашего Превосходительства, смиренными богомольцами

Настоятель ново-русского Св. Андреевского общежительного скита, смиренный игумен Феодорит с братиею.

Смиренный о Вас богомолец иеромонах Дорофей.

6 октября 1862 года
Св. Гора Афон
Русский Андреевский скит.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 21–22об.

Ваше Превосходительство, милостивейший благодетель и ктитор,
Петр Иванович!
Мир Вам и спасение!

Торжественно праздновали мы день св. апостола Андрея Первозванного. Тогда молитвы наши о ктиторах, молитвы о благодетелях были делом, как бы посвященным в этот радостный день. Но прошло то время, приближается другое — общее для всех торжество — это Новый год. Итак, поздравляем же мы Вас с оным новым наступающим годом, в котором желаем Вам душеспасения, здоровья и всего того, что желает доброе и благочестивое

Ваше сердце. Да будет год сей годом для Вас благословенным, как и всегда, в котором лучшие дни жизни Вашей, посвященные на пользу человечества принесут еще больший плод трудолюбия и искусства, относящихся также и к прославлению Святого Имени Божия. Все это делает Вам честь и славу, и вынуждает нас смиренных принести опять ко Господу за Вас молитвы в сей Новый год, как за ктитора и благодетеля нашего.

Примите от нас это чистосердечное приношение: оно соединенное со всегдашними к Вам благодарностями, будет служить залогом как к Вам преданности и готовности в будущее время быть Вашими служителями в духовном и вещественном отношении. Это еще более упрочит дружество между Вами и нами, что укрепит сердца наши, надежно на расположение Ваше на новый год и будущее время. Мы надеемся на Господа, что в будущем времени таится устройство обители нашей, и что вместе с сим временем, она процветет, как насажденное древо, требуя единственно воды благодетельства, но где ее взять?

Веруем, что Бог пошлет ее на будущее время. Теперь у нас начинается постройка: заложена гробовая церковь и келлия во имя всех Святых. При ней будет братское кладбище и усыпальница для костей, тут же назначается псалтырное чтение для поминовения братий и благодетелей наших. Прочее в нашей обители все по старому. Церковная служба совершается во храме Вашего ангела, литургия в малых церквах: у Св. Апостола Андрея и у Покрова Божией Матери.

Затем засвидетельствовали Вам всенижайшее почтение от лица всей смиренной нашей братии, остаемся Вашего Превосходительства, смиренными богомольцами.

Настоятель ново-русского Свято-Андреевского общежительного скита, игумен Феодорит с братиею.

Иеромонах Дорофей.

1862 года, декабря 25.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 23–24об.

Ваше Превосходительство,
приснопоминаемый благодетель и ктитор, Петр Иванович!
Мир Вам и спасение от Господа!

Благословение Божие и Пречистые Девы Богородицы Честного Ее Жребия — Св. горы Афонской — и от нашей смиренной обители, да пребывает с Вами во все дни многотрудной и многополезной жизни Вашей.

Горя усердием и преданнейшею любовью к особе Вашего Превосходительства, вверенная мне о Христе Господе нашем братия обители св. Апостола Андрея Первозванного, живо памятуя честь, соделанную Вами нам, — худым и грешным — двухлетним пребыванием у нас в Ските, с прискорбием сожалеет о том, что давно уже лишена внимания Вашего столь лестного для нас как тогда — в дни уже минувшие — так не менее чувствуется незаменимая потеря ныне...

Мы щедро пользовались приятнейшим расположением Вашим, которого никогда не считали себя достойными, тем более ныне не можем забыть, — когда лишаемся счастья получить известие о благоденствии Вашем, заключившееся, хотя бы в одной строке или в нескольких словах, и это было бы многоценным для нас утешением.

Только одна надежда на великодушие Ваше и уверенность в ту благую память дней, — проведенной жизни с нами, — льстят сердцам нашим, что вы не откажете нам откликнуться на слабый привет преданной и любящей Вас семьи русской в отдаленном от отечества крае... Мы хотим верить и привычка наша к дружбе Вашей окрыляет нашу веру в том именно, что Вы не позабыли нас совсем, не забудете, что Вы ответите нам хотя на это письмо.

В день памяти св. митрополита Петра Московского, день Вашего ангела, соборно, со всею о Христе братиею, воспет молебен о здравии и благополучии Вашего Превосходительства. Примите хотя поздно, усердное поздравление наше. Храм во имя патрона Вашего становится тесен для умножившейся братии нашей и давно уже не вмещает приходящих, на бдение, тутошных жителей св. обители и других мест Афонской Горы.

Французский ученый г. Миллер посещал нас дважды и гостил долго. Обогадив свое здесь любопытство археологическими разысканиями отъехал обратно в Париж. Осенью прошлого года посещал Св. Гору английский посланник г. Бульвер, был также и у нас в ските, заметно выразив нам особые ласки и внимание.

В настоящее время, с 8-го сентября у нас пролились обильные дожди, шедшие по четверо суток непрерывно, от чего виноградники афонские много пострадали.

Затем примите уверение в совершенном высокопочитании и глубоком уважении всей братии нашей, с каковыми неизменно имеем счастье пребывать, Вашего Превосходительства, Смиренные богомольцы.

Настоятель р<усского> Свято-Андреевского скита игумен Феодорит с братией.

Св. Гора Афон
1864 года, сентября 28 дня

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 24, ед. хр. 63. Л. 25–26 об.

ПИСЬМА ИЕРОМОНАХА ПАИСИЯ (ЛЕВИЦКОГО)

Ваше Превосходительство,
милостивейший благодетель, Петр Иванович!

Во первых, имею честь приветствовать Вас с Новым Годом и благополучным возвращением в Россию!

Недавно приятное известие неизреченно обвеселило сердца наши, о том, что по приезде Вашего Превосходительства в Санкт-Петербург, вы весьма благосклонно были приняты Его Императорским Величеством и всею Августейшею фамилиею, никто не может описать, описать той радости, каковую ощущали отец игумен и все мы убогия братья русского скита, заочно разделяя радость с Вами, из глубины души благодарим Господа за Его великие и неизреченные милости!

Но, что же, к сожалению радость моя очень была кратковременна, ибо неожиданно омрачилась глубоким прискорбием, чрез письмо почтенного отца Феодорита, в коем извещает нас, что имел счастье видеться с Вашим Превосходительством, и что вы при разговоре изволили изъяснить противное нашей надежде, т. е. неудовольствие на отца игумена, а более на меня непотребного, которое письмо я, боясь расстроить слабое здоровье старца, удержал, не объясняя ему ничего.

Ваше Превосходительство! Благоволите терпеливо выслушать мое оправдание, которое я никак не дерзнул писать, если бы оное было персональное, но ныне нахожусь вынужденным, ибо вижу, что наша и без того угнетенная бедностью обитель, должна будет невинно претерпевать неблаговоление Вашего Превосходительства. Итак, позвольте не выходя во все подробности, кратко описать причину, которая так растрожила Вас: не было сие умыслом нашим, но произошло собственно от незнания французского языка и от нетерпеливости г. Воды,²⁶ а в третьих, чрез неблагонамеренного драгомана Иосифа поляка, которого давно уже г. Вода изгнал. Когда г. Вода потребовал мулов для отъезда в Ватопед, не предупредив нас о сем прежде, о. игумен, желая для его спокойствия устроить лучшее, просил его отложить отъезд до другого дня, с тем, что прежде послать меня для предуготовления, он же не принимая слов, настоятельно (по выражению драгомана) требовал мулов, а другого ничего.

Тогда о. игумен принужден был выполнить его желание, к этому же искушению, мне никак невозможно было следовать с ним, ибо ожидали в м<онастыре> Пандоиратор. Итак он отправился. На другой или третий день присылают Ватопедские старцы лесничего с запиской довольно строгой, с требованием игумена в монастырь. Когда мы прибыли во оной собор (синакс) нас ожидал, и с негодованием возроптали на нас, как мы могли

прислать г. француза без дозволения и не предупредив их, объяснив нам многие причины, по которым они никак не могут держать г. Воду в монастыре, долее субботы (был вторник), о чем и приказали нам передать ему, и чтобы мы непременно прислали своих мулов.

В недоумении возвратились мы в скит. О. игумен немедленно поехал на Карею к андипросопу г. о. Антонию,²⁷ с афонскими предложениями хорошо Вам известными, объяснил ему все подробно, он так как человек довольно умный, не одобрил поступок их и написал им письмецо. Тогда отцы Ватопедские, видя свою ошибку, несколько исправили оную, ибо уже не упоминали ему, г. Воде, о выезде, но потребовали от его протатское свидетельство, которого он не имел. Тогда г. Вода приехал к нам и привез (копию) черновую и отец игумен выхлопотал оную, с помощью андипросопа, у бывшего ныне же епитропа в монастыре (он просил старца, чтобы рекомендовал о нем Вашему Превосходительству).

Теперь смиреннейше прошу Вас, Ваше Превосходительство, будьте милостивый и праведный судья, заслуживает ли отец игумен (а также и я убогий), Вашего негодования или нет? В справедливости же моих слов Всеведущий Господь Бог, да будет свидетелем. Ожидая Вашей милости!

Из глубины души, изливая теплейшие мольбы ко Всепрещедрому Владыке, да продлит на многие лета много полезнейшую для блага близких жизнь Вашу, и да благословит все благие начинания Ваши, причем долг, честь и счастье имею быть, Вашего Превосходительства, смиренный богомолец и послушник, иеродиакон Паисий.

Ново-Русского Свято-Андреевского Скита Ризничий.

<PS> Ваше Превосходительство! Простите великодушно за мое дерзновение, за все ошибки и многоглаголанье, но и еще две строки прибавляю, довольно Важные: чрез г. Иансона вы имели неудовольствие в м<онастыре> Хилиндаре, но этот г. ф<ранцуз> несравненно более навел бы неприятность Вам, а скиту такое искушение, которое Бог знает чем могло бы окончиться. Но отец игумен, по усмотрительности своей, предупредил оное, о чем и до ныне никто не знает. Когда изволите прибыть в Афон, тогда подробно узнаете. Усердный Ваш слуга и богомолец, и<еродиакон> Паисий.

Сие письмо посылаю без ведома, т. е. без благословения о. игумена.

1859 года, января 27 дня

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 1–3об.

Ваше Превосходительство,
милостивейший благодетель, Петр Иванович!

Во первых всеискреннейше желаю Вам вожделенного здравия и в делах Ваших добрых успехов! Причем, имею честь известить Вас, по прибытии нашем в славный град Кавалу в четверг 6 час., я немедленно, исполняя Ваше поручение, отыскал г. Петра Варда, имел удовольствие передать ему почтение, он очень был рад и благодарен, я просил его, так как знающего толк в табаке, чтобы он потрудился быть свидетелем при покупке, но он так добр и усерден, что просил меня убедительно уступить ему это поручение. Я предлагал ему деньги, но он не принял. Я сказал, надеюсь с Его Превосходительством лично видаться, с сим шкипером, с которым мы приехали, отправляет Вам посылку и французу два ока хорошего табаку. Причем, призывал на Вас мир и благословение Божие! Имею счастье и честь быть Вашего Превосходительства, усерднейший слуга и богомолец, иерод<иакон> Паисий.

Кавала.
1859 г., июля 5. Пятница.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 4–4об.

Ваше Превосходительство!

Спешу почтительнейше известить Вас, по прибытии моем в Константинополь 21 сего апр<еля>, первым долгом я почел исполнить Ваше поручение, т. е. Купить Zine²⁸ и с первым пароходом отправить, но к величайшему моему сожалению, никак не мог отыскать сего метала, при всем моем старании, ибо я все обошел, лавки, находящиеся в Галате, и некоторые в Константинополе.

Теперь осталось одно, просить извинения, которое и надеюсь получить, зная Ваше великодушие.

Простите Ваше Превосходительство! Прилагаю при сем письмо отцу игумену, которое смиреннейше прошу передать.

В Константинополе новостей никаких нет, кроме грязи и дождей, погода довольно неприятная от путешествий дальних приходится воздержаться.

Душевно пожелаю Вам здравия, во всех начинаниях Ваших успехов.

Имею честь быть, Вашего Превосходительства, смиренный послушник иеродиакон Паисий.

Сотрудникам Вашим всем вообще свидетельствую почтение и желание успехов в их делах и всех земных благ.

Простите путешественников на французском пароходе, стоящих и в <...>.²⁹

Константинополь.
1860 года, апреля 23. Суббота.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 6–7.

Пресвятая Богородица Спаси нас!

Ваше Превосходительство, Милостивейший мой Благодетель, Петр Иванович! Благословение Божие да будет с Вами!

Почтительнейше извещаю Вас, морское плавание нами совершено благополучно, осталось сделать еще маленькое путешествие, променат в 35 дней до Москвы. Господь да поможет, надеюсь на молитвы святых отцов афонских. По прибытии моем в Одессу, через неделю я было захворал, но Господь вскоре даровал мне здравие, и я немедленно, т. е. завтрашнего числа выезжаю из города Одесса на двух тройках, вещи застраховал в первоначальной Одесской транспортной конторе на сумму 20000 руб. сер., по коп. сер. с рубля, за провоз вещей с пуда 1р. 50 к., всего составляет за застраховку 100 руб. сер. и фрактовых 177руб. 75 коп.сер. Отец Феодорит приехал, справлялся о билетах, еще не получены, должно быть находятся в Петербурге, я серий не мог достать, они здесь очень редки.

Более не нахожу чего Вам писать, опасаясь, чтобы не отяготить Вас чтением. О вещах прошу Вас, вполне быти покойны, сколько возможно, употребляю все мое старание и силы к сохранению оных, и надеюсь на милость Божию и покровительство Царицы небесной.

Затем, имею честь быть, преданнейший послушник Вашего Превосходительства и смиренный богомолец, н<едостойный> иеромонах Паисий.

Искренно желающий Вам всякого благополучия и здравия.

<11 октября 1860 г.>³⁰

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 8–8об.

Ваше Превосходительство, Милостивейший Благодетель,
Петр Иванович!
Мир и Божие благословение да будет с Вами!

При выезде моем из Одессы, которой последовал 13 числа сего месяца, о чем я имел удовольствие писать Вам (от 11 ч<исла>), стараясь по возможности исполнять Ваше желание, чтобы чаще уведомлять Вас о следовании нашего транспорта, я хотя и имел намерение писать из Елизаветграда, но по случаю ночного приезда, не мог исполнить.

До сего места, теперь почтительнейше имею удовольствие уведомить Вас, Ваше Превосходительство! Путешествие наше, благодаря Царицу Небесную, пока благополучно, но только весьма медленно, надеюсь, что молитвами св. отец афонских, достигнем желаемого. Погода от 16-го числа испортилась, пошел снег и довольно холодно, признаюсь, если погода не переменится, то придется пострадать от тесноты (места моей подвижной комнаты пространство имеет 1 арш. ширины и 1 длинны, к тому же есть и вещи со мною) и хлада, все эти неудобства, с любовью готов я переносить, только чтобы Бог помог вещи сохранно доставить. Дней в 25 надеемся достигнуть Москвы. Впрочем, какое будет время, я думаю, когда достигнем Москвы, пробить несколько времени там, а если можно, то дожидаться Вашего приезда в С-Петербург. О сем покорнейше прошу Вас уведомьте меня, как Вам угодно будет. Пишите в Москву на имя Дмитрия Семеновича г. Лепешкина, на Пятницкой улице, с передачею мне.

Затем, всеискреннейше, желая Вам благоденственного здравия и во всем благих успехов, поручая Вас и себя милости Божией и Всеблагому Покровительству Царицы Небесной, имею честь и счастье быть, Вашего Превосходительства, смиренный послушник и богомолец, г<решный> иеромонах Паисий афонский.

Город Кривенчук.
Октября 22 дня, 1860 года.³¹

P.S.: Сопутник мой Петр Дундов, свидетельствует Вам глубочайшее почтение, он очень благодарен за милости, оказанные ему, и я премного Вас благодарю, что Вы послали его, а то мне бы очень было трудно в дороге.

Благодарение Богу, от Одессы уже 420 верст. Снег выпал, дорога трудная.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 10–11об.

Пресвятая Богородица спаси нас!

Ваше Превосходительство, милостивейший благодетель, Петр Иванович!
Мир и благословение Божие да будет с Вами во всем.

Милостью Всещедрого Бога и Царицы Небесной, наконец мы уже приближаемся к богохранимому граду Москве, о чем долгом почел известить Вас. Все путешествие наше было до сего дня весьма благополучно. Надеюсь на молитвы св. отец афонских, что Господь сохранит нас от всякого зла и на будущее время.

Я имел удовольствие прежде сего писать к Вам из г<орода> Кременчука 22 октября, которым просил Вас, чтобы Вы написали мне в Москву, как действовать, ожидать ли в Москве Вашего приезда или прямо ехать в С-Петербург, надеюсь, что Вы по благосклонности своей не замедлите ответом.

Вчерашнего числа, в г<ороде> Орле, я получил письмо из обители, очень краткое. Между прочим, весьма прискорбное, известный Вам трудолюбец, духовник о. Гервасий, преставился ко Господу 27 сентября, пострижен в схиму и наименован Георгием.

Других известий нет.

Итак, поручая Вас и себя о милости Божией и всеблаговому покрову Царицы Небесной, долг, честь и счастье имею быть, навсегда, Вашего Превосходительства, усерднейший послушник и смиренный богомолец, гр<ешный> иеромонах Паисий афонский.

Город Яценск, Орлов<ской> губ<ернии>
1860 г. ноября 15 дня.

P.S. При сем имею честь поздравить Вас с Постом, если Господу угодно, то мы через 6 дней будем в Москве. Спутешественник Петр свидетельствует Вам глубочайшее почтение.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 12–13.

Ваше Превосходительство,
милостивейший благодетель, Петр Иванович!

Во первых, воздав благодарение Всеблаговому Богу, спешу известить и Вас, после претрудного 38-дневного путешествия, наш транспорт благополучно прибыл в Москву 21 ноября в ночи, а 22-го я сложил вещи в каменный со сводами магазин, к г. Лепешкину Николаю Васильевичу, надеюсь не на своды, но милостивою Владычицу и Покровительницу нашу.

К величайшему моему утешению, я смиреннейшей имел счастье получить приятнейшее и драгоценное для меня письмо Вашего Превосходительства от 1-го ноября, искренно благодарю Вас за великое ко мне недостойному благорасположение. Я несколько раз перечитывал письмо, и теперь постоянно имею оное пред глазами. Прошу и надеюсь получить извинение за мои краткие, но зато частые письма, ибо сие уже 4-е отправляю, не упоминая о том, которое на другой день приезда моего в Одессе передал на пароходе Церера для передачи Вам в Константинополе, хотя и не надеялся, чтобы оное могло еще застать в Конст<антинополе>, но в этом случае, имел ввиду русское «авось». Впрочем, оно ни к чему не послужило.

Ваше Превосходительство! Теперь еще об одном я имею сомнение, а именно, не спросил у Вас о цене вещей для застрахования и сам оценил в 20000 руб. сер. Почему и пришлось довольно дорого уплатить страховых, но 100 руб. сер., я даже не хотел, но меня напугали частыми пожарами на пост<оялых> лврах, а чтобы не быть после виновному, то я и решился без позволения Вашего уплатить страховые и надеюсь на великодушие Ваше, смиренно прошу извинения за столь дерзновенный мой поступок.

Совет прочих оправдался, проезжая дорогою нам пришлось несколько дворов видеть погорелых и один при нас загорелся, но Бог сохранил. Теперь ожидаю Вашего прибытия в Петербург, и когда Вы приедете, тогда и я явлюсь по приказанию Вашему.

Затем, пожелав Вам всякого благополучия в делах, имею долг, честь и счастье быть смиренно молящийся о душеспасении и благоденственном здравии Вашем, остаюсь Вашего Превосходительства, преданнейший послушник, н<едостойный> иеромонах Паисий с Горы Афонской.

1860 г., ноября 23 дня.
Москва.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 14–15об.

<Расписка>

Греческое рукописное Евангелие 11 столетия, для передачи Его Высокопревосходительству г. Норову, я получил 1861 года апреля 19 дня, которое обязуюсь передать немедленно.

Афонской иеромонах Паисий.

<19 апреля 1861 г.>

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 48. Л. 1.

Ваше Превосходительство, милостивейший благодетель
и ктитор смиренной обители нашей, Петр Иванович!

По возвращении моем из Тихвина, я поспешил явиться к Вам, надеясь, что еще Вы не уехали, но к величайшему моему сожалению, я лишился удовольствия лично видеть и поздравить с днем Вашего Тезоименитства, потому, хотя заочно, поздравляя Вас всеискреннейше желаю всякого благополучия и молитвами святителя Петра, а также и нашими смиренными, да благословит Вас Бог и да продлит на многие лета полнейшую жизнь Вашего Превосходительства!

Этот день и для меня священный, который я во всю жизнь должен вспоминать с благоговением, и для обители торжествен, по имеющемуся храму в честь св. апостола Христова Петра. Теперь честные старцы обители нашей духовно торжествуют и о Вашем благоденствии и душе-спасении, внесут смиренную молитву к Богу, Отцу щедрот и подателю всех благ. Я думаю и для Вас приятным воспоминанием будет 2-х летнее празднование на Афоне. Первое — на его вершине литургия, а второе во обители, сугубое торжество, день Святителя Петра, освящение храма и хиротония.

Извещаю Вас, Петр Дундов не здоров, хотя и ходит, а потому я буду навещать его каждый день, а если еще будет слабее, то и ночевать позвольте остаться. Впрочем, Вы не беспокойтесь, опасности нет, сегодня он будет у доктора. О паспорте моем я еще не узнавал, не знаю, что будет.

Ваше Превосходительство! Всепокорнейше прошу Вас передайте от меня глубочайшее почтение Николаю Ивановичу, Павлу Ивановичу и Елизавете Степановне, со всем семейством, а также и Елизавете Ивановне с семейством их, и всем Вашим родственникам, заочно благодарю их за оказанные ко мне милостивое внимание и благорасположение, которые для меня незабвенны навсегда.

Затем, поручая всех Вас милости Божией и покровительству Царицы Небесной, остаюсь с глубочайшею преданностью, Вашего Превосходительства, смиренный послушник и богомолец, иеромонах Паисий афонский.

С-Петербург, в квартире Вашего Превосходительства.
1861 года, августа 23 дня в 11 час. утра.

P.S.: Из Афона еще известия нет. Обер-Прокурор очень болен, остался в Задонске.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 16–17об.

Ваше Превосходительство!

Почтительнейше имею честь поздравить Вас с благополучным возвращением, извините, что я по утра не мог быть у Вас. Причина этому приезд г. Усачева, с которым вместе я приходил к Вам, постараемся завтра утром быть.

Вчера вечером приезжала ко мне генеральша Дубовицкая, и сама изъявила желание просить владыку о содействии его в начатом деле. Не знаю, время ли этому, располагаюсь на Ваше усмотрение.

Остаюсь Ваш покорнейший послушник гр<ешный> Паисий.

2 сентября 1861 г.
Вечер, 6 часов.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 18

Ваше Превосходительство!

Возвращаясь из Св. Синода, зашел и к Вам, известить. Паспорт через 5 дней получу, так сказали, а прошение Констамоническое,³² не мог узнать где, потому что не все были секретари. Прощение о часовне резолюция вышла недели через две, поступит к митрополиту П<етербургскому> Исидору, и от его будет зависеть все, что угодно будет Богу.

Остаюсь Ваш смиренный послушник, гр<ешный> Паисий Афон.

1861 г. сентября 4.

Если будите у г. Соломона, попросите его о содействии.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 19

Пресвятая Богородица, помогай нам.

Ваше Превосходительство, милостивейший благодетель, Петр Иванович!
Мир и Божие благословение да будет с Вами!

Вчерашнего числа, узнавши от Дундова о благополучном возвращении Вашем в Москву, спешу поздравить, а вместе и приношу всеискреннейшую мою благодарность, что Вы так великодушны, не забыли и о мне недостойнейшем,

упомянув в письме к Дундову, которое я имел удовольствие прочесть. Исполняя поручение Ваше, я осведомлялся в Св. Синоде о деле Констамонитского монастыря. Это было еще 11 сентября. Ему вышло разрешение на сбор. Паспорт я получил на следование к святым в России, местам сроком на 8 месяцев.

Прошение о часовне поступило к митрополиту 27 сентября. Но от него я никакого еще известия не имею. Он прошение должен представить с мнением своим в Синод, а потому частенько я похаживаю в оный, но все тщетно. Вчерашнего числа я слышал, что он желал видеть подателя, т. е. Вас и посылал искать, да Ваше присутствие могло бы ускорить дело к концу, но да будет Воля Божия. Я лично к митрополиту не являлся, но о ходатайстве просил известную особу г. Селезн^ева, и получил известие о его согласии на это дело. Все только, что будет зависеть он него, но вот уже прошел месяц, а известия нет. Дай Бог, чтобы приезд Ваш ускорился. Я имел намерение отправиться на богомоление к св. Тихону, но неизвестность дела меня удержала. Сюда приехал архимандрит о. Порфирий. Я имел удовольствие видеться с ним нечаянно, но поговорить еще не было случая. Он будет жить в монастыре у нас, тогда на свободе.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство, потрудитесь засвидетельствовать от меня, глубочайшее почтение Вашим родственникам, о которых и я смиренный в молитвах не забываю. Во первых, свидетельствую мое глубочайшее почтение многоуважаемому, благодетельнейшему Николаю Ивановичу. Всеискреннейше благодарю его за оказанное внимание, и теплый приют. Павлу Ивановичу и Елизавете Степановне с семейством, и всем знающим меня. Божие благословение и от меня смиренное поклонение, здравствуйте Господа.

Затем, поручая Вас и себя милости Божией и всеблаговому покрову Царицы Небесной, имею честь быть в надежде скорого свидания, Вашего Превосходительства, смиренный Богомолец, усерднейший послушник, иеромонах Паисий афонский.

P.S. 26 числа, вечером, получил я письмо из обители. У нас все, слава Богу, благополучно. О. Феодорит только что в сентябре возвратился. В ноябре 30 числа, будет торжество сугубое, т. е. праздник апостола Андрея и игуменства нового настоятеля. Буди, буди. Аминь.

Сию минуту получил известие, потрясающее душу мою. Владыка до сего времени был очень хорош в отношении этого дела, но теперь сделалась перемена, и говорит, что этому нельзя быть, ибо разные доходят до меня слухи, об этом ските и проч. Очень жалко, что нет Вас здесь. Бумаги поступили в Синод. Спешу туда следовать.

Невский мон^астырь.
Октября 27 ч^исла, 1861 года.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 20–21об.

Ваше Превосходительство!
Милостивейший благодетель, Петр Иванович!

Отец щедрот и Бог всякие утехы, да благословит Вас и все благие начинания Ваши.

Сего месяца 27 числа, я имел удовольствие писать к Вашему Превосходительству, и вкратце объяснил о ходе дела о часовне. В субботу же, бывши у Ее Превосход^ительстве^в Александре Алексеевне г. Селезневой, которая принимая живейшее участие, ходатайствовала в соизволении Его Высокопреосвященства м^итрополита^в Исидора, на устройении часовни в С-Петербурге, но он чрез Его Превосх^одительство^в Андрея Ивановича г. Селезнева следующие препятствия причины, объяснил:

Прошение не засвидетельствовано Патриархом, но к сожалению, Его Высокопреосвященству некому было объяснить, о даролюбии Владык восточных, да и окружающих их. Вам хорошо это известно. В подписи Его Святейшества не будет много затруднения, только для бедной обители, едва могущей содержаться скудною милостынею (без построек необходимых и внутренних поправок в ветхом Патриаршеском здании), очень дорого обойдется за это расплатиться, да и после уже каждый год требовать будут третью, если не более, часть Патриарху, из собираемых вдовичих лепт, не погрешу правду сказать, на суд... Тогда как это вовсе излишнее, ибо собственность. Каждый имеет полное право дарствовать кому угодно, без вопрошений. А прочие причины не заслуживают внимания по своей невероятности. Впрочем, Его Превосходительство Андрей Иванович скажет Вам совестно (официального отказа еще в Синоде не находится).

Ваше Превосходительство! Потрудитесь, если возможно, попросить соизволения Его Высокопреосвященства митрополита Московского, а если он благоволит изъявить согласие, тогда и С-Петербургский Владыко со всем усердием окончит в пользу обители. Это я так слышал. Затем, смиреннейше прошу простить меня, я в крайнем расстройстве духа, со скорбью пишу Вам эти строки. Надеюсь на Ваше великодушие, что Вы, как истинно пекущийся о благе собственно русской обители, примите всевозможное старание утешить скорбящих. Трудно, очень трудно добро творить, много препятствий встречается, но с твердым упованием на Бога, все в Славу Пресвятого Имени Его предпобеждается.

Все располагаю на Ваше благорассмотрение.

Поручая Вас и себя милости Божией и всеблаговому покровительству Царицы Небесной, и молитвам святителей.

Остаюсь в чувствах достодождной благодарности и глубочайшей преданности, Вашего Превосходительства, смиренный богомолец и

усерднейший послушник н<едостойный> иером<онах> Паисий афонский.

С-Петербург.
Октября 29 ч<исла>, 1861 г.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 22–23об.

14 купонных билетов, каждый в триста руб. серебром, всего на сумму 4200 руб. Четыре тысячи двести руб., предназначенные в случае разрешения на постройку Часовни, в пользу Св. Андрея Первозванного скита, сполна для хранения получил.³³

Иеромонах русского Свято-Андреевского скита, Паисий, Св. Афонской Горы.

Марта 23 дня 1862 года.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 40

Ваше Превосходительство, Петр Иванович!

Я справлялся в конторе агентства, самого Харичькина не видел, но узнал, что никакого распоряжения не было по письму Вашему. О чем имею честь сообщить. Сегодня был у г. Муравьева, но не застали его.

Затем, честь имею быть, Ваш смиренный послушник, греш<ный> Паисий иером<онах>.

Завтра после обедни буду к Вам.

1862 г., марта 24 дня.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 24.

Ваше Превосходительство,
милостивейший благодетель, Петр Иванович!

Со времени отъезда Вашего, из С-Петербурга, я не имею никакого известия о Вас, хотя и писал два раза. Не знаю, что и думать, кажется вины

пред Вами не нахожу, или чем мог бы навлечь на себя гнев, великодушной и благоснисходительной особы, Вашего Превосходительства. Несколько раз справлялся у г. Демута, но и там вотще был труд мой.

Но как человек, случается, наводит неудовольствие на себя без всякой умышленности, в таком случае и я неправ, а потому всемирнейше прошу Вас, Бога ради, простить за недоумение.

Спешу Вам сообщить новость, довольно скорбную для меня и всей обители. Добрейшего старца нашего отца Виссариона не стало. 26 апреля скончался. Благословил любящих и оставил мир, кленущим его. Да, сколь не прискорбна потеря его, но я уверен, что труды его не будут Богом забвенны и он будет молить и за гробом о благоустроении обители. Письмо, полученное мною из обители от нового настоятеля о. Феодорита я представил в Св. Синод. Причина же следующая, так как еще не последовало решение по поданному Вами прошению о часовне, паспорту же моему вышел срок, то я и прошу Св. Синод выдать мне паспорт на 6 месяцев для ожидания решения о часовне. Но меня спросили, имею я по этому делу доверенность от обители? Но форменной я не имел, потому и представил письма, одно при жизни старца, а другое по смерти его, которыми отцы просят проходить св. послушание как и прежде. Я показывал г. Олферьеву, он одобрил их. Теперь ожидаю решение о паспорте, я мог бы получить из Азиатского департамента, но мне хотелось возобновить дело, а то об нем совсем забыли, даже не знают где оно и находится! Говорят, что в Москве. Надеюсь, что это ускорит конец.

Затем, поручая Вас милости Божией и Всеблагому Покрову Царицы Небесной, да благословит Господь все труды Ваши благоприятными успехами. Остаюсь с искренними чувствами признательности, Вашего Превосходительства, смиренный богомолец, Паисий, иеромонах, Св. Г<оры> Афонской.

P.S.: Покорнейше прошу передать мое глубочайшее почтение Николаю Ивановичу, Павлу Ивановичу с супругой и чадами, и Елизавете Ивановне со всем семейством их. Да благословит Вас Господь.

На днях я ездил с о. архимандритом Софронием в г. Тверь. Возвратился 12 ч<исла> и все это время нездоров. Здесь постоянные дожди и холод.

При сем прилагаю письмо из Обители, которое вчера вечером получил.

С-Петербург, Невская Лавра.
1862 г., июня 16 дня.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 25–26об.

Господи благослови!

Ваше Превосходительство, милостивейший благодетель, Петр Иванович!

Во первых, почтительнейше имею честь поздравить Вас с прошедшим торжественным днем Вашего ангела! Да сохранит Вас Господь предстательством милостивой нашей Покровительницы Владычицы Мира и молитвами св. патрона Вашего на многие, многие лета. Этот день для нашей юной обители и в особенности для меня, незабвенен по случаю освящения храма и рукоположения в иеромонахи, если бы Вы видели скорбь мою и уныние в сей день, признаюсь, я теперь как сирота без Вас и вне обители.

Одна молитва к Богу утешила меня и согрела сердце, из глубины души вспомнил о Вас, путешествующих. После скорбей бывает утешение, и мы будем ожидать, во своя приидохом и неприяша, а может быть обратятся к покаянию. Вчерашнего дня получил из обители письма, и Вам одно, которое и прилагаю. Но вот еще недоумение и скорбь для меня, я как Вам уже говорил, писал во обитель, чтобы немедленно прислали через посольство прошение в Св. Синод о сборе, а они отвечают: *Так как ты пишешь, чтобы не замедлить выслать прошение через посольство, а это весьма продлится долго, поэтому пришлем прямо к тебе, засвидетельствованное у консула прошение, которое и подашь*. Теперь не знаю, что будет. Может быть Господь не посрамит, умягчив сердца восстающих ныне. Впрочем, сомневаюсь, зная хорошо, что здесь основано все на формах, а не на любви к ближним.

Ваше Превосходительство, смиренно прошу Вас, если возможно будет чем, помогите. Объявляя Вам всю мою скорбь, не нахожу, что более писать, желаю слышать о Вашем здравии и делах, чтобы мне было великим утешением, надеюсь, зная Ваше великодушие и благосклонность, что не забудете искренно преданного и душевно уважающего Вас.

Затем, поручая Вас милости Божией и Покровительству Царицы Ангелов, имею честь быть, Вашего Превосходительства, смиренный богомолец, грешный иеромонах Паисий.

P.S.: Поздравляю Вас с наступающим великим Торжеством Тысячелетия, много чающих чего-то? В столицу лето возвратилось, погода стоит прекрасная. Кланяется Вам матушка моя и Марья Денисовна.

Отец архимандрит также свидетельствует почтение. Вчера проводил его в Нижний Новгород, думает и в Казань.

И. П.

Был у Петра, теперь ему несколько против прежнего лучше, стали показывать. Он сам напишет Вам подробно 15 числа.

5 сентября 1862 года.

С-Петербург, А. Невская Лавра.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 27–28об.

Ваше Превосходительство, приснопоминаемый,
милостивейший благодетель, Петр Иванович!

Благодать и мир Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, да будет с Вами!

Спешу почтительнейше известить драгоценное для меня письмо Ваше, от 26 сентября, я имел счастье получить, сколь оно меня порадовало и утешение доставило, право не в силах выразить вполне. Радуюсь, что Вас Господь хранит во всех трудных путешествиях. Вижу искреннейшее сочувствие Ваше во всех делах обители оной. Вы поскорбели, получив мое письмо, в котором я извещал, что старцы из Афона хотели выслать прошение на оное имя через консула, так и сделали 19 числа сентября. Я, при доверенности, подал прошение в Св. Синод, уныние мною овладело, но Слава Богу, на днях видел г. Соломона, он успокоил, сказал, что Синод соизволяет, и вот на будущей недели поступит к докладу государю, увидим, что Бог даст. Терпение убогих не погибнет до конца. Всеискреннейше благодарю Вас из глубины души, за участие, хотя я несколько и успокоился, но все же постараюсь быть у означенных особ известных Вам.

Ваше Превосходительство! Почтительнейше имею честь и счастье, поздравить Вас с Царскою милостью! Радуюсь сему от всего сердца. Впрочем, все труды Ваши, которым свидетель вся Афонская Гора, этим неудовлетворительно вознаграждены, но я более желаю Вам, чтобы Господь, видя ревность и благочестие Ваше, украшая земными почестями и регалиями, украсил бы в будущем Венцом Небесной Славы главу Вашу! О сем смиренная обитель и братство, не престанет Господа молить.

Затем, поручая Вас и себя милости Божией и всеблаговому покрову Владычацы нашей! Остаюсь в чувствах достойной признательности, с высокопочитанием и глубочайшею преданностью, милостивейший благодетель, Вашего Превосходительства, смиренный богомолец, усерднейший послушник, Паисий, иеромонах афонского русского общежительного скита святого апостола Андрея Первозванного.

P.S.: Что будет далее, немедленно сообщу. При сем прилагаю письмо из Обители, по толщине бумаги, конверт перемотан во избежание лишнего места.

У нас довольно холодно и уже снег повторился.

С-Петербург, Александро Невская Лавра.

1862 г., октябрь 3.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 29–30об.

Ваше Превосходительство, милостивейший ктитор, Петр Иванович!

Давно я не имел удовольствие беседовать с Вами, хотя заочно, (от 21 октября) но к прискорбию моему, как вижу из слов Константина Ивановича, оное письмо не дошло, причиною подозреваю свою ошибку на адресе, потому, что очень торопился. Я думаю, что Вам уже писал братец о свидании нашем, и что книга уже получена мною, 11 октября. Благодарение Всеблагому Господу, начало было первого месяца, несколько утешительно, но второй далеко неудовлетворителен. Впрочем, еще только две недели прошло, буду ожидать непредвидимого благоденствия.

Всесмиреннейше приношу глубочайшую мою благодарность за Ваше попечение о благе обители. Отец Небесный предстательством Царицы ангелов, да усугубит благодать свою на Вас и всей фамилии Вашей. Я очень рад, что имел удовольствие видеть и познакомиться с достопочтеннейшим братом Вашим Константином Ивановичем, который меня так утешил приветствием, что я не нахожу слов выразить моей благодарности, а сверх того, обещали сделать пожертвование, записать в книгу, на днях буду к нему. Не имея книги, я не понимал всей тяжести сего послушания, в другой раз, видя свою неспособность и застенчивость, изнемогаю духом, но что делать, терпение все преодолевает.

Вот уже 1 месяца, а я еще не привык. С нетерпением ожидаю о. Поликарпа. Просил о. игумена, чтобы выслал его ко мне, одному невозможно, а он человек опытной и всех благодетелей знает, также всеми любимый. Надеюсь, что после Нового года будет их к Св. Неделе. Нет, я один не могу свыкнуться с обычаем и жизнью Петербурга, мысль об Св. Афоне и уединении его, не покидает меня. Позвольте еще принести мою искреннюю благодарность, которая повторяется ежедневно по несколько десятков раз, за лисью шубу, я ношу ее с великою любовью, и особенную ощущаю приятность в 20 градусные морозы, которые, Слава Богу, у нас в Петербурге повторяются очень часто. Тогда Афон еще милее своей природою представляется. О. архимандрит Софроний в Перми, а его иеродиакон Гестафий, возвратился кланяющийся Вам. Самые решительные вести привез с Афона о новом игумене нашем, что им все довольны, как братья, так и соседи, и что внутренние и внешние упрвления усовершенствуются. Я радуюсь, да уверен, что и Вы разделяете это чувство.

Затем, поручая Вас и себя милости Божией и Всеблагому покрову Царицы Небесной, имею честь и счастье быть, Вашего Превосходительства, смиренный Послушник и Богомолец, грешный Паисий, иеромонах Св. Г<оря> Афонской.

С-Петербург
1862 года, декабря 3.

P.S.: По настоящее время сбор мой простирается до 800 руб. сер., Слава Богу! Но более не предвижу порядочных пожертвований.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 31–32об.

Ваше Превосходительство, милостивейший благодетель, Петр Иванович!
Мир и Божие благословение, да будет с Вами!

Много прошло времени после нашего прощания с Вами, добрый наш и незабвенный благодетель, несколько раз я имел удовольствие видеть черты руки Вашей и заочно беседовать, но выехав из С-Петербурга, да и не зная места Вашего пребывания, я должен был остаться в молчании. Наконец молчание меня утомило, я долго жаждал слышать о Вас, хотя словечко, где Вы, и как здоровье Ваше, но все было тщетно. Проезжая в Нижний, я заходил к Николаю Ивановичу, но к сожалению их не было. Писал из Нижнего, но не знаю, дошло ли письмо, там еще было приложенное французское, от художников академии франц<узской>.

Но вот ныне, по прибытии в С-Петербург, из г. Вятки, услышал от Хилендарского о. диакона Евстафия, что Вы в Москве. Я не могу Вам описать моей радости, если бы можно, все оставил и приехал бы с Вами повидаться, но впрочем, на следующей недели буду отправляться опять в Вятку. Долгом и обязанностью почитаю посетить Вас, и лично сообщить Вам радость Нашу и милость Владычицы: источник милосердия и благодати, исходит от Ея Пресвяты Иконы, находящейся при мне. Дивные дела и преславные: немые уста отверзлись, согбенные руки расправились и, не владевшие ногами, ходить стали. Простите меня, я утрудил Вас чтением. Пишу к Вам с душевною радостью, поверьте, благодетель наш, что это искреннейшее чувство моей к Вам признательности. Мы все Вас почитаем, как родного. Вы своим благорасположением, так нас привлекли. От радости, что имеется счастье писать, забыл поздравить и со Св. Четырехдесятницею. Желая Вам препроводить оную с духовной радости и сподобиться принять Святых Христовых Таин, во оставление грехов и в жизнь вечную.

Затем, поручая Вас милости Божией и Всеблагому покрову Царицы Небесной, остаюсь с высокопочитанием и преданностью, Вашего Превосходительства, смиренный богомолец, иеромонах Паисий афонский.

Свидетельствую глубочайшее мое почтение Николаю Ивановичу, Павлу Ивановичу, и супруге их, со всем семейством, Елизавете Ивановне и всему семейству.

Г<решный> П<аисий>.

С-Петербург
1864 года, марта 13.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 33–34об.

Христос Воскресе!

Ваше Превосходительство, милостивейший благодетель, Петр Иванович!
Мир Вам и спасение.

Имею честь поздравить Вас с прошедшим Высокопраздничным праздником. Вот, Слава Богу, я уже и в Вятке. Праздник провел в больших суетах и ныне, каждый день молебствия, узнали жители, что я готовлюсь в путь. Все желают, чтобы икона владычицы посетила дома их. Дивные дела Божие, любовь православных не ограничена о путешествии моем из Москвы до города Яранска. Я, как только приехал туда в Вербное Воскресенье, писал к Вам. Сегодня в Консисторию сдал собранные деньги и ожидаю получить новую книгу. На сих днях я отправлю Вам несколько экземпляров книжек о бывших исцелениях, совершившихся от чудотвор<ной> иконы.

Затем, поручая Вас милости Божией и Всеблагому покровительству Царицы Небесной, долг, честь и счастье имею быть с высокопочитанием и глубочайшею преданностью, Вашего Превосходительства, смиренный послушник и Ваш богомолец, иером<онах> Паисий.

Г. Вятка
1864 г., апреля 29.

Всей боголюбивейшей фамилии Вашей, свидетельствую мое глубочайшее почтение.

И. П.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 35–36.

Господи благослови!

Ваше Превосходительство, милостивейший благодетель,
многоуважаемый Петр Иванович! Мир Божий и благословение,
да будет с Вами во веки!

Давно желал я слышать, что-нибудь о Вас, и хотя издалека побеседовать с Вами, но не имел этого счастья. Недавно, узнавши, что Вы в Петербурге, и желая воспользоваться благоприятным случаем и свободным временем с душевным удовольствием берусь я за перо.

Во первых, почтительнейше имею честь приветствовать Вас с приближающимся высокопраздничным праздником, Рождеством Христовым, Богоявлением и Новым годом! Желаю Вам сии св. дни препроводить радуясь о Господе. Дай Бог, чтоб день Нового года, был предвестником будущих благих и радости духовной, чтобы все мрачное, прошедших лет забылось, и душа радости полна ко Господу любовью восполнилось!

Недавно я имел надежду лично поздравить Вас, но вдруг непременно желание пришло, несмотря на трудность пути, проехать далее. И я в Екатеринбурге, еще не ознакомился ни с кем, всякое начало трудно. Как Господь укрепляет Вас в подвигах полезных для общества? Я всегда воспоминаю неутомимые труды Ваши для славы Божией, любовь к смиренной обители, и благосклонное внимание ко мне не заслуживающему. Да, где бы я не был, неотдаленно места, ни время не изгладят из памяти моей честное и многоуважаемое имя Ваше, скрижаль сердечная не разбивается. Желал бы еще видиться с Вами, но не знаю как Царица Небесная устроит, и когда мое будет возвращение в Петербург, предполагаю быть к Св. Пасхе, но застану ли Вас там.

Впрочем, далеко задумал, что завтра будет не могу знать, лучше поручать все воле Божией, а он Отец Всещедрый, все строит нам на пользу. Покорнейше прошу Вас засвидетельствовать мое глубочайшее почтение Николаю Ивановичу, Павлу Ивановичу, супруге и всему семейству их, Елизавете Ивановне и всему семейству их, и всей фамилии Вашей.

Затем, поручая Вас милости Божией, и Всеблагому покровительству Царицы Небесной! Имею честь и счастье быть, усерднейший Ваш благожелатель, и о душевном спасении и благоденственном здравии Вашем, остаюсь всегда, Вашего Превосходительства, смиренный Богомолец, н<е-достойный> иеромонах Паисий.

P.S.: Зная постоянные труды Ваши, не смею беспокоить, однако должен выразить желание, как бы приятно было иметь от Вас известие о Вашем здравии и благоденствии. Это доставило бы мне утешение и радость. На случай присовокупляю адрес: в г. Екатеринбург, (Пермская губ.) Василию Филипповичу Бебенину, в гостинный двор в москательную лавку,³⁴ с передачею И<еромонаху> П<аисию>.

Давно не слыхал и о Петре Дундове, где же он?

Г. Екатеринбург.
1864 года, 11 декабря.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 37–38.

Ваше Превосходительство! Милостивейший,
многоуважаемый благодетель наш, Петр Иванович!

Долгом почел поздравить Вас с великою Св. Четыредесятницею, и пожелать Вам всего лучшего и душеспасительного. Молю Бога, да сподобит Вас приняться Св. Таин во освящение души и тела.

Затем, поручая Вас и себя милости Божией и покровительству Царицы Небесной, имею честь быть, преданнейший Ваш послушник и смиренный богомолец, греш<ный> Паисий, иером<онах> афонский.

<1865 г.,> февраля 19 чис<ла>. Понедельник.³⁵

<PS> В субботу был у г. Норова, просил его повторить ходатайство к митрополиту. Непременно хотел и при свидании с Вами объяснить слова митр.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 39.

Ваше Превосходительство, Петр Иванович!

Я не имел терпение до утра оставить письмо Ершова, а вместе с тем сообщаю: был у г. Муравьева, он очень старается в пользу нашего дела, велел передать Вам, что сего утра отправил письмо к Ахматову, в коем просил его обратить внимание и скорее решить в пользу, объяснив всю Важность благосостояния нашей обители, как собственно русский, а потому надеется, что Обер-Прокурор будет участвовать, но просил и Вас побывать у Яхонатова, и также и письмо к митр<ополиту> Филарету хотел приготовить. Надеется, что увидится с Вами. Болотов завтра утром доставит письма. Чертежи нужно непременно к завтрашнему дню подготовить. От Вас дополнительное прошение и, кажется, полезнее будет на имя Обер-Прокурора. Он тогда может ускорить, особенно когда увидит, что Митр. Исидор уже письменно изъявил свое согласие. Извините, что я утруждаю Вас. Все сие поручаю Матери Божией, на ее попечение и Вашего Превосходительства благоуслужение. Остаюсь Послушник Ваш и смиренный богомолец, иер<омонах> Паисий.

Простите, худо пишу, потому что темно.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 47. Л. 40–40об.

ПИСЬМА МОНАХА ПАХОМИЯ

Его Высокому Превосходительству,
милостивейшему государю, Петру Ивановичу,
От иеросхиомнаха Пахомия, жившего прежде в Серае пять лет.

Покорнейшее прошение.

По обету моему возымел я непреодолимое желание посетить Святый Град древний Иерусалим и облобызать те священные места, которые ознаменованы божественными стопами искупителя нашего Иисуса Христа. Искреннее желание мое видеть Святый Град Иерусалим стесняется в душе моей. Но за бедностью моей, я питаюсь благою надеждою, только на благосердие истинных христиан, чтущих Спасителя нашего Иисуса Христа. Во-первых, осмелился прибегнуть к Вашему Превосходительству. Но как для данного путешествия требуются значительные расходы, то всепокорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство, окажите христианское пособие, чем Вас заблагорассудит Отец Небесный. И если угодно будет Богу, удостоить меня достигнуть во Святый Град Иерусалим, поклониться Гробу Господню и святым местам, то пред великолепием святыни, пролью теплые молитвы о здравии Вашего Превосходительства. На что и буду ожидать Вашего милосердия, нижайший и грешный иеросхимонах Пахомий.

<Письмо без места и даты>.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 65. Л. 1–1об.

Его Высокопревосходительству, г. генералу Петру Ивановичу
г-ну Севастьянову.

Честь имею я Вас уведомить, и к сведению Вашего Высокопревосходительства, донести в том, что по приезде моем из г. С-Петербурга, меня еще не обрадовали.

Харьковское Епархиальное Начальство, о выдачи Иконы Божией Матери и по их предположению, они меня будут держать, и иконы не выдадут, покедова не последует Указ из Синода.

Ваше Высокопревосходительство, стою пред стопами у ног Ваших, и прошу Вас, будьте так добры, возьмите сей труд на себя, и похлопочите о Царицы небес<ной>, Божией Матери, чтобы по Вашему ходатайству, последовал указ. Нашего Монастыря и Афонские все дела в столе только право

не знаю я не заметил и Вам не могу разъяснить. А вы можете сами убедиться. А преосвященнейший архиепископ Харьковский и Ахтырский, сказал мне лично, если последует указ, то я не могу и одного часа удерживать.

Затем, остаюсь Ваш известный и помнящий о Вас в молитве, Схимонах Пахомий.

О Иконе объясняю о ее личности и окладе, т. е. двух личная Божия Мать в киоте, — и ковчежце с мощами принадлежащий к ней, только отдельно, и крест, в одном ковчеге, с мощами.

С одной стороны, Одигитрия Божией Матери, а с другой — Милующая.

Сия Святыня принадлежит Русско-Андреевскому Скиту на Афоне.

Прощайте Благодетель. Я о Вас помню, схимонах Пахомий.

Прошу уведомить меня.

<PS>Г. генерал, адрес пишите на Харьков, почетному гражданину, купцу, Первой гильдии Никите Акимычу г. Павлову, а с передачею монаху Пахомию.

1865 года, февраля 10 д.

ОР РГБ. Ф. 269/1, к. 18, ед. хр. 65. Л. 2–3об.

¹ Буслаев Ф. Новости русской литературы по церковному искусству и археологии // «Современная летопись» (Воскресные прибавления к Московским ведомостям). 1863. № 9. — С. 11.

² Муравьев А.Н. Записка об иконописании Афонском / Публикацию подготовили К.А. Вах и И.Ю. Смирнова // Православный палестинский сборник. Вып. 112. М., 2016. С. 387–394. Пивоварова Н.В. Еще раз об афонских экспедициях П.И. Севастьянова // Spicilegium Byzantino-Rossicum. Сборник статей к 80-летию член-корреспондента РАН И.П. Медведева. М., 2015. С. 232.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 232–233.

⁵ Рукопись архимандрита Порфирия с пометами П.И. Севастьянова и Антонина (Капустина) хранится в ОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 32. Д. 24. В настоящее время готовится к изданию О.Л. Соломиной и Ю.А. Пятницким.

⁶ Цит. по: Смирнова В.Б. Странствия Петра Севастьянова. http://www.strannik-it.ru/59924_76567_07_4_2015.html (Дата обращения 30.08.2018).

⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 29 (I отд., 2 стол). Д. 189. Л. 22–23 (из отношения секретаря императрицы Марии Александровны П.А. Морица обер-прокурору графу А.П. Толстому от 25 февраля 1859 г.).

⁸ Там же. Л. 35–36.

⁹ Цит. по: Смирнова В.Б. Странствия Петра Севастьянова. http://www.strannik-it.ru/59924_76567_07_4_2015.html (Дата обращения 30.08.2018).

¹⁰ Там же.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 8. Д. 7.

¹² Цит. по: Смирнова В.Б. Странствия Петра Севастьянова. http://www.strannik-it.ru/59924_76567_07_4_2015.html (Дата обращения 30.08.2018).

¹³ Антонин (Капустин). Заметки поклонника Святой Горы. М., 2013. С. 74.

¹⁴ Подробно об этом вопросе см.: Вах К.А. Деятельность игумена Герасима и о. Иеронима по устройению монастырской жизни // История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. Святая Гора Афон, 2015. С. 305–311.

¹⁵ См.: Бутова Р.Б. Архимандрит Антонин (Капустин) и Святая Гора Афон // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2(18). 2017. С. 79–80.

¹⁶ Т.е. очень может быть.

¹⁷ Имеется ввиду Никола Воден, член экспедиции П.И. Севастьянова, художник.

¹⁸ Имеется ввиду архимандрит Антонин (Капустин), который в 1859 г. несколько месяцев (с 20 июля по 18 октября) прожил на Афоне вместе с П.И. Севастьяновым.

¹⁹ Оборка из кружев, лент или легкой ткани на женском платье

²⁰ На листе 7об запись П.И. Севастьянова: Оставил в П-Бурге

²¹ На верхнем поле в начале письма помета о получении рукой П.И. Севастьянова: 30 августа.

²² Верху письма помета о получении рукой П.И. Севастьянова: 9/21 ноября 1859.

²³ Христо — болгарин, член афонской экспедиции П.И. Севастьянова в 1859–1860 гг.

²⁴ В начале письма отметка о получении: 21 Ноября/3 Декабря 1860 г. Париж.

²⁵ Письмо на бланке Андреевского скита. Исходящий номер 790.

²⁶ Имеется ввиду француз Эжен Никола Воден, художник, член экспедиции П.И. Севастьянова на афоне в 1858 и 1859–1860 гг.

²⁷ Сему честному Отцу Антонию мы некогда обещали пожертвовать икону Антония великого, да оной не имеем, он очень полезной был бы и для другого случая. (Прим. о. Паисия).

²⁸ Цинк, один из составных химических реактивов для фотографии.

²⁹ Фраза неразборчива.

³⁰ На верхнем поле первого листа письма помета о получении П.И. Севастьянова: В Париже 10 ноября. Датировка сделана на основании идентичного письма игумена Феодорита, помеченного той же датой.

³¹ На верхнем поле первого листа письма помета о получении П.И. Севастьянова: Получено 6/18 ноября 1860 г., Париж.

³² Т.е. прошение о разрешении сборов в России от монастыря Костамонит.

³³ Вероятно это расписка о. Паисия за пожертвованные П.И. Севастьяновым деньги на устройство часовни.

³⁴ Т.е. лавка, торгующая клеем, красками и химическими составами.

³⁵ Ошибка о. Паисия. 19 февраля приходилось на пятницу. В понедельник было 22 число.

ПИСЬМА АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА) к И. В. ПОМЯЛОВСКОМУ*

Л. А. Герд

Хранящиеся в фонде Ивана Васильевича Помяловского в Российской национальной библиотеке 11 писем архимандрита Антонина Капустина уже давно обратили на себя внимание исследователей.¹ Оба корреспондента — лица хорошо известные. Иван Васильевич Помяловский (1845–1906), филолог-классик, декан историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, основоположник латинской эпиграфики в России, автор многочисленных публикаций античных и византийских текстов. Архимандрит Антонин Капустин (1817–1894) — знаменитый деятель на христианском Востоке, нумизмат, палеограф, собиратель рукописей, начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1865–1894). Переписка, охватывающая период 1881–1891 гг., пришлась на время творческой зрелости обоих исследователей. Помяловский был профессором римской словесности в Санкт-Петербургском университете (ординарный профессор по кафедре классической филологии с 1884 г.) и членом учебного комитета при Св. Синоде; в 1887 г. он избран деканом историко-филологического факультета, в 1890 г. — членом-корреспондентом Императорской Академии наук. в Русском Археологическом обществе, секретарем которого Помяловский был с 1873 по 1885 год. У архимандрита Антонина к 1881 г. за плечами была 30-летняя служба на Православном Востоке (в Афинах, Константинополе и Иерусалиме) и колоссальный опыт непосредственной работы с рукописями, монетами и археологическими памятниками.

Начало переписки было положено письмом Помяловского к архимандриту Антонину от 19 сентября 1878 г. (РСЗ. Т. 2. М., 2017. С. 484–485).

Письма касаются предметов, непосредственно интересующих обоих ученых. В них обсуждается пересылка книжных новинок (в частности, Сборника греческих и латинских надписей Кавказа, опубликованного Помяловским к V археологическому съезду в Тифлисе). Центральным сюжетом становится подготовка к публикации второй части «Поездки в Румелию»

архимандрита Антонина, — путешествия, осуществленного им в 1865 г. В обычном для него беллетристическо-повествовательном стиле, Антонин излагает хронику своей поездки, перемежая множество бытовых деталей ценными наблюдениями по архитектуре, эпиграфике и истории Македонии, сопровождает издание чертежами, рисунками, прорисями надписей. Первая часть вышла в 1879 г., а вторая часть, подготовка которой стала предметом настоящей переписки, была опубликована в 1886 г.

В письмах Антонин упоминает встречи с учеными-паломниками в Св. Землю — профессором-искусствоведом А.В. Праховым, коллекционером и будущим директором Эрмитажа Д.И. Толстым.

Архимандрит Антонин был увлеченным нумизматом и собирателем монет. Его огромное собрание, сложившееся за время службы на Востоке, начиная с 1850 г., поступило в разные хранилища. Немало монет Антонин преподнес в дар мюнц-кабинетам русских Духовных Академий, Археологического общества, Императорского Православного Палестинского Общества, Императорского Эрмитажа. Впоследствии часть этих коллекций перешла в Государственный Эрмитаж и Национальный музей истории Украины. Созданный Антонином при Русской Духовной Миссии в Иерусалиме музей древностей был оставлен им Миссии по духовному завещанию. Нумизматические интересы Антонина отразились и в публикуемых письмах к И.В. Помяловскому: Антонин предлагает обогатить мюнц-кабинет Археологического общества «изрядной коллекцией и элладских, и малоазийских, и египетских древних монет, не говоря уже о римских и византийских» (письмо от 12 января 1883 г.). Из письма от 11 августа того же 1883 г. мы узнаем, что ящик с монетами был Антонином отправлен и, к его возмущению, вскрыт на одесской таможне. Особенную ценность представляла афинская декадрахма, о которой Антонин дает противоречивые сведения — то ли он передал ее Помяловскому через Д.И. Толстого, то ли пожертвовал В.Н. Хитрово для музея Палестинского общества.

Антонин, живо интересовавшийся новейшими археологическими находками в Палестине, старался поделиться ими с коллегами-соотечественниками. Так, он спешит сообщить Помяловскому (а через него Д.А. Хвольсону) об обнаруженной им заметке о знаменитой Силоамской надписи, открытой в Иерусалиме в 1880 г. (письмо от 12 января 1883 г.).

В письме от 12 декабря 1886 г. Антонин сообщает об отправлении Помяловскому «головой безносого Аполлона, найденной (предположительно) где-нибудь между Египтом и Палестиной», которая предназначалась в личную собственность его корреспондента, «несмотря на существующую на ящичке музейную надпись».

Отвечая на поздравление Помяловского по случаю 25-летнего юбилея служения в Иерусалиме, Антонин оценивает свою деятельность следующими словами: «Пребывание мое в Св. Земле было для меня не трудом, не тягостью, не подвигом, а постоянной радостью, отдыхом и незаслуженной наградой» (письмо от 26 ноября 1890 г.).

* Исследование и публикация подготовлены в рамках гранта РФФИ № 17-04-00555-ОГН.

I.

2 ноября 1881 г., Иерусалим.
Получено 26 ноября 1881 г. Ответено 15 декабря 1881 г.

Ответ на письмо Помяловского от 17 июня 1881 г. // РСЗ. Т. 2. М., 2017. С. 486–487.

Досточтимейший Иван Васильевич,
милостивый государь

Имея высокое удовольствие получить от Вас дорогой подарок в образе «Сборника греческих и латинских надписей Кавказа»², считаю долгом своим принести Вам сердечную благодарность за Ваше любезное внимание и благорасположение ко мне. Желал бы заслужить его каким-нибудь серьезным и действительно полезным трудом археологическим, но, имея в виду преклонность лет и соединенный с нею неизбежный упадок сил физических, сомневаюсь, чтобы мог что-нибудь сделать, достойное имени высокого общества, к которому имею честь принадлежать. Жатва здесь, конечно, многа, по слову Евангельскому, но сеятель-то плохой работник.

Насколько могу, спешу пересылкою 2-й части своей поездки по Румелии.³ Слабость зрения крепко мешает мне в моей работе, а никем не могу заменить в ней самого себя, чтобы переписка шла, напр[имер], под диктовку или иначе как. К вящей беде моей, с малых лет приучил себя к такому мелкому письму, что едва могу разбирать сам писанное мною собственной рукой с помощью очков, а сейчас еще и лупы. В настоящее время переписка статей на 100-й странице рукописи, имеющей вместить в себе 2-й том сочинения. Последние заметки, переданные начисто, относятся к городу Янине. За ними последует экскурсия в пресловутые монастыри Метеорские, возвращение в Янину, Додона, город Арта, Никополь, Превеза и возвращение морем, через Ионийские острова и Афины, в Константинополь. Изложение всего этого пути займет м. б. еще страниц 60–80 моего письма в известном Вам формате моих тетрадей. Рисунков ко второму тому, полагаю, наберется тоже листов на 6–7, как и в первом томе. И их мне неизбежно делать собственноручно. И та, и другая работа мне равно приятна и сподручна, но, к сожалению, состояние глаз моих не позволяет мне вести ее так скоро, как бы хотелось. В одном могу заверить Вас, что и минуты благоприятной не пропускаю, чтобы двигать вперед свое дело, уже мне самому порядочно наскучившее.

Если условие—*sine qua pop*—печатания 2-го тома представление рукописи его законченною, то я всячески желал бы умолиť Вас поручиться, где нужно, что к 1882 г. рукопись—так или иначе—будет представлена вполне законченной в Археологическое общество. Те же 53–100 страниц ее, которые уже теперь находятся на руках у меня готовыми к цензуре и к печати, могут быть высланы отсюда в всякое время.

Возобновляя свое заявление глубокой признательности Вашему чтимому Обществу и Вашему Высокоородию в частности, с душевною преданностью имею честь быть Вашим,
милостивый государь,
покорнейшим слугою
архимандрит Антонин

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 1–2об.

II.

Иерусалим, 3 марта 1882 г. Ответено 24 марта 82

Высокородие
досточтимейший Иван Васильевич,
милостивый государь

Не знаю, с какими глазами предстать перед Вами, пообещавшись Вам в прошлом письме своим всячески представить Вам к Новому году всю рукопись 2-го тома моей поездки по Румелии. К великому моему сожалению и огорчению, со времени отправки упомянутого письма моего к Вам, я не в состоянии был увеличить того, что было изготовлено уже мною, ни одной страницей. Воспалительное состояние глаз с каждым днем все усиливалось, и едва позволяло мне изготовлять самонужнейшие бумаги по службе своей, и хотя какую-нибудь держать переписку, вынуждаемую моим местом и положением. Теперь вот уже более месяца, по совету и настоянию своего доброго медика, лечусь от него прижиганием внутренности глазных век ляписом, и как будто начинаю чувствовать себя лучше. Дал бы Бог укрепить свое зрение. Первым делом, конечно, при ожидаемом улучшении его с моей стороны будет наивозможно поспешная переписка дальнейших частей статьи своей, за которую тысячу раз готов просить прощения и у Вас, и у наборщика, и у корректора, и у гравера, особенно если таковой есть стародавний знакомый мой, **В.А. Прохоров**.

В настоящее время решаюсь препроводить к Вам, досточтимейший Иван Васильевич, 14 листов рукописи от страницы 53-й по страницу 108-ю, присовокупляя к ним и 6 таблиц рисунков, за худое художество которых прошу у всего мира прощения. Есмь бо в полном смысле слова — самоучка. Fac-simile (*нрзб.*) записки мне доставлено, не помню кем, сравнительно в недавнее время. По-видимому, точность его удовлетворительна.

Поручая себя и свое дело Вашей обязательной благосклонности, с глубочайшим почтением и братским расположением души честь имею быть Вашим, м[илостивый] г[осударь],

нижайшим и преданным слугою

А[рхимандрит] Антонин.

Немало утешил меня своим посещением Адриан Викторович Прахов.⁴ К сожалению, он был тут на самое короткое время. Не пришлось не только наговориться с ним досыта, ни даже и просто поговорить о чем-нибудь, имеющем общий для нас интерес.

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 3–4.

III.

11 сентября 1882. Ответчено 4 октября 1882

Превосходительнейший и досточтимейший

Иван Васильевич,

милостивый государь

Имею, наконец, возможность сообщить Вам, что труд переписки моего путешествия по Балканскому полуострову близок к окончанию. Теперь я переписываю уже эпилог своей поездки, т. е. морской путь мой от Превезы до Константинополя через Афины, и остановился на 198-й странице всей рукописи 2-го тома. Остается теперь только прочесть, и где нужно исправить переписанное, и препроводить к Вам, чтобы ускорить начатие печатания. Хотелось бы мне дожить до сего утешения. Не напрасно это слово о «дожитии»: труженик покойный Макарий Московский⁵ однолесток мне был, и вероятно, не помышлял об угрожавшей ему полной отставке от всякого дела. Тут у нас недавно скончавшийся Патриарх Иерофей⁶ тоже был мой ровесник. Упал с лошади,-- положение чуть не ежедневное в моем роде службы,--и хотя не повредил себе ни одного члена, но уже не мог поправиться по преклонности лет. Грустно помышлять обо всем этом, но что делать?

Немало труда мне будет стоить перерисовка немногочисленных изображений из моей записной книжки, иллюстрирующих 2-й том, подобно первому. Очень пожалел я, узнав о кончине В.А. Прохорова, бывшего товарища моего по Екатеринославской семинарии, трудившегося с достойным покойного терпением, над моими самоучными снимками, приложенными к 1 тому путешествия.

Поручая себя незаслуженной благосклонности Вашей, с глубочайшим почтением и братским расположением души, честь имею быть

Вашего превосходительства

покорнейшим слугою

А[рхимандрит] Антонин

Если необходимо теперь же представить куда следует переписанные мною тетради 2-го тома, окажите дружескую услугу, известите меня о том, чтоб я не дожидался изготовления рисунков для отсылки к Вам рукописи.

Печатаются ли продолжение «Известий» Русского Археологического общества?

Нет ли возможности разжиться мне копиями древнейших монет русских времени Владимира Святого, Ярослава, Мономаха?..

Для нового университета Сибирского⁷ не потребуется ли собрание монет греческих, римских, византийских, еврейских? Или кто-нибудь уже пожертвовал таковые?

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 6–7.

IV.

12 января 1883 г. Ответчено 4 февраля 1883 г.

Превосходительнейший Иван Васильевич,

милостивый государь

Спешу поблагодарить Вас за нынешнюю посылку, которую я имел удовольствие получить вчера по австрийской почте. Меня несколько смущает мысль, что я все даром и даром получаю то и другое из высокочтимого Общества⁸, которого состою столько уже лет неплатящим членом. Будьте великодушны, просветите меня насчет сего, темного для меня, пункта.

Пробежав в «Известиях» Общества (том IX) статью о сокровищах минц-кабинета Археологического общества⁹, я проникнулся желанием узнать что-нибудь более подробное о богатствах сего кабинета. Статья не объясняет, все ли, находящиеся в владении Общества древние монеты она имеет в виду, или только какой-нибудь отдел, разряд, шкаф их. Судя по тому, что излагается к статье, нумизматическая коллекция Арх. Общества не представляет особенного богатства. Так, например, отдел македонских монет всего заключает в себе 8 монет, и в числе их только одну Александрову драхму. А я, помню, препроводил в Общество из Пирея целые пригоршни таких драхм в 1878 (если не ошибаюсь) году, собранных мной в Греции по рукам продавцов во время последней войны нашей с Турцией. Столько лет проживая на Востоке и имея частовременный случай приобретать древние монеты, я мог бы составить для минц-кабинета Общества нашего изрядную коллекцию и элладских, и малоазийских, и египетских древних монет, не говоря уже о римских и византийских, но я решительно не знал, чем в этом отношении богато Общество, и чего у него не достает.

Будьте благосклонны, досточтимейший Иван Васильевич, доставьте мне случай оказать малую услугу так великодушно внимательному ко мне Археологическому обществу. У меня найдется немало монет всех известных классов, и я счел бы просто счастьем для себя, если бы Обществу угодно было пожелать принять их — все, некоторые, какие именно.

Переписка 2-й части известного Вам труда моего доведена на днях до конца. Теперь, удосужившись от отчетных дел, вызываемых наступлением Нового года, я займусь неотступно приготовлением необходимых к ней таблиц, которых будет не менее, чем

в 1-й части.

Примите усердное поздравление с Новым Годом и сердечное пожелание Вам всего, что Вы считаете для себя дорогим и желанным.

С глубоким почтением, преданностью и признательностью честь имею быть Вашего Превосходительства

покорнейшим слугою

Архимандрит Антонин.

Д.А. Хвольсону¹⁰ я препроводил копии с всего, что у меня было под рукою, могущего интересовать его.

Судя по тому, что печатается на обложке к *Zetschrift des Deutsches Palatina-Vereins*, г. Хвольсон может выписать для себя в Лейпциге за 5 марок точный Abguss гипсовой Силоамской надписи¹¹. А стоит ему обязательно познакомиться с этой редкостью.

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 8–9 об.

V.

На бланке Духовной Миссии. Иерусалим 16 мая 1883 г. № 99

Ваше Превосходительство

милостивый государь

Честь имею доставить при сем к Вам с высокочтимым подателем сего, медиком наших здешних странноприимных заведений, г. Дионисием Феодоровичем Решетилло¹² небольшой ящик с древними монетами—еврейскими, эллинскими, римско-византийскими и другими, которые покорнейше прошу Вас передать в Императорское Археологическое общество, и ходатайствовать перед ним, чтобы оно благосклонно приняло это ничтожное мое приношение ему, в знак моего глубочайшего почтения к нему и живейшей признательности за его, в высшей степени лестное, внимание к малым трудам моим.¹³

С чувством сердечной преданности и глубокого уважения честь имею быть Вашего Превосходительства
Покорнейшим слугою
Архимандрит Антонин.

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 5

VI.

Иерусалим, 11 августа 1883. Ответ[ено] 6 сентября 1883.

Ваше превосходительство

Досточтимейший и дорогой Иван Васильевич,

милостивый государь

Г. медик заведений наших здесь Д.В. Решетилло, благополучно возвратившись сюда на днях, доставил мне несколько листов 2-й части поездки моей по Румелии, благосклонно переданных ему Вами для вручения мне. А ранее двумя часами я получил по почте от Вас пакет еще с двумя листами, так что я теперь имею удовольствие видеть и читать всего уже 11 листов, по 88-ю страницу, своего сочинения, с такою обязательностью и с таким терпением и великодушием печатаемые Вашим безграничным трудолюбием. Кое-как уладивши с своим, поминутно протестующим против всякого принуждения, зрением, я покончил всю свою рукопись, и теперь заканчиваю иллюстрирующие ее рисунки, коих набралось, по сей момент, числом 9 таблиц. Еще приобщена десятая таблица афинская, которая не доставила мне большого труда. По оплошности я потерял заметку об отправленных уже к Вашему П[ревосходительству] таблицах, и не могу теперь представить себе ясно ни числа, ни порядка, ни даже содержания их. Охридских должно быть две таблицы—с видами и планами, да Касторийская одна, да Преспанская одна. Есть ли особая, дополнительная к ним, таблица с надписями (почти исключительно Охридскими), не знаю. Так как их всех-то немного, то, может быть, я втиснул их между видами и планами других таблиц. Прибегаю потому к Вашей благосклонности, моля Вас не поставить в труд известить меня незамедлительно о том, что и как там есть.

Египетская непрошенная гостья застала меня врасплох с моею рукописью. Давно бы следовало, не дожидаясь таблиц, отправить ее к Вашему П[ревосходительству]. Теперь, по карантинным правилам, ей неминуемо грозит опасность предстать пред Вас измятою и изрезанною, если ее послать по почте. Послать же «с случаем» я никак не могу решиться. Эта-то скрупулезная нерешительность была причиной и того, что я не выслал ее

(по кр[айней] мере в весьма значительной части) к Вам с нашим доктором, который сверх чаяния оказался аккуратнейшим исполнителем поручений. Употреблю, впрочем, все возможные способы, чтобы доставить ее в Ваши дорогие руки целою и невредимою.

По рассказу г. Решетилло, в одесской таможне ящичек с древними монетами хотели рубить топором для вскрытия и осмотра, и кое-как он умолил вандалов иметь терпение и отвинтить крышку. Никакими мольбами он не мог уговорить чиновника не тревожить уложенных аккуратно билетиков. Все было вывалено разрозненно, перемешано. Не посетуйте потому на меня, превосходительнейший Иван Васильевич, если посылка моя дошла до Вас в таком переполюшенном виде.

Поручая себя и свое дело великой благосклонности Вашей, с глубочайшим почтением и братским расположением честь имею быть Вашим нижайшим и преданным слугою

А[рхимандрит] Антонин.

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 10–11

VII.

Яффа. Русский сад Св. Тавифы.
26 сент. 1883 г.

Превосходительнейший и досточтимейший
Иван Васильевич,
милостивый государь

Кое-как собрался я с силами, и посылаю Вам с сею же почтою, под страховкою, сверток, заключающий в себе листы Румелийской рукописи моей по 196-ю страницу включительно. Здесь при мне еще остается несколько листов, которые я не успел перечитать и, где нужно, поправить. К прежней слабости моего зрения присоединился в августе еще новый, доселе мне не ведомый недуг — боль в обеих руках от плеча до локтя, а иногда и до самых кистей ручных, возобновляющийся припадками, более или менее жестокими, при малейшем напряжении тела, даже при простой ходьбе. Медики здешние признают в печальном обстоятельстве этом кто — разновидность простудной лихорадки, кто — невралгию, кто-ревматизм. Г. медик заведений наших в Иерусалиме рекомендовал мне перемену воздуха, вследствие чего я вот уже около месяца живу в Яффе, в одном из садов здешних, и лечусь то внутренними, то внешними врачебными приемами, и в урывках между приступами болезни пересматриваю свою микроскопическую рукопись. Не зная, как

пойдет вперед недуг мой, я спешу препроводить к Вам то, что успел до сего дня пересмотреть, прося у Вас великодушного прощения в том, что еще раз, вопреки постановлениям о печати, не представляю, куда следует, труда своего законченным. Приложу всякое старание, чтобы вскорости выслать Вам и остальные листы в количестве 30-ти, или около того, страниц.

К посылаемым при сем листам приложены и 7 таблиц чертежей, иллюстрирующих мою quasi-археологическую поездку по древле-христианской земле, и, исключая двух или трех чертежей, сделанных моею неумелою самоучною рукой, некоторые рисунки остаются в виде набросков карандашом. Думаю, что для художника-гравера они не представят в себе предмета затруднений. Обратив их в акварели мне стоило бы теперь непосильного, и думаю — напрасного труда.

Возобновляя перед Вами заявление моей глубочайшей вседушевной признательности за Ваше благосклонное и столько ценное для меня внимание к труду моему, с почтением и братскою преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства

Покорнейшим слугою

А[рхимандрит] Антонин.

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 12–13.

VIII.

Иерусалим, 18 августа 1884. Ответчено 14 сентября 1884

Ваше Превосходительство,
досточтимейший Иван Васильевич,
милостивый государь

Прошу извинения, замедлил на месяц известить Вас о получении любезного письма, сопровождавшего несколько вновь отпечатанных листов моей поездки по Румелии. И выразить не могу, как я обрадовался им, и как я глубоко признателен Вам и высокочтимому обществу Археологическому за Ваше лестное, ничем мною не заслуженное внимание к моему устарелому и потерявшему интерес и свежесть труду. Из письма Вашего, к сожалению, я не мог узнать, получен ли Вами последний лист моей рукописи, переданный мною боголюбивому поклоннику св. мест Е[го] С[иятельству] графу Димитрию И. Толстому¹⁴ 9 апреля с. г. для вручения Вам? Хотя в письме Вашем и упоминается честное имя Его Сиятельства, но это не дает мне полного успокоения насчет отправленной мною посылки. Нечто даже странное является при этом. Вы пишете, что спутник графа г. Хр. Хр. Гиль¹⁵ передал Вам от меня несколько старинных монет римских, византийских и пр. Насколько

мне служит дряхлая память моя, я не передавал никакому спутнику графа никаких монет, а только самому его сиятельству вручил одну-единственную монету, декадрахм афинский¹⁶, который если бы в глазах настоящих нумизматов оказался несомненно подлинным, имел бы цену редкостной вещи, известной, если не ошибаюсь, только в двух экземплярах ученому миру. Вместе с монетою я передал Его Сиятельству и недосланные листы своей «Румелии» в рукописи с двумя-тремя таблицами, иллюстрирующими оные. Если найдется у Вас минута досуга, успокойте меня благою вестью о сохранном доставлении их до честных и золотых рук Ваших.

С нетерпением буду ожидать результатов Одесского археологического съезда.¹⁷ Тифлисский обещал мне прислать что-нибудь, имеющее быть изданным им, в награду за мои снимки факсимильные кое-каких здешних грузинских надписей, но остается при одном обещании. Утешаюсь только Вашим прекрасным «Сборником греческих и латинских надписей Кавказа». «Хорошего понемногу», гласит наша учительная пословица, (нрзб.) худыми временами.

Поручая себя благосклонности Вашей, с глубочайшим почтением и братским о Господе расположением честь имею быть Вашим, м. г.

покорнейшим и преданным слугою

А. Антонин.

Всякая, скоро или медленно действующая, машина требует часто временного досмотра. Поправки, подчистки, подмазки... Окажите благосклонность, наставьте меня—худого практика,—не требуется ли для надлежащего движения «Румелии» чего-нибудь посредствующего успеху дела? На той странице шла речь о «немногом из хорошего», на этой не место ли подумать о «худом из немногого», паче же—из ничего?

Желательно иметь адрес Е[го] С[иятельства] графа Ивана Ив. Толстого¹⁸, чтобы поблагодарить его за его великолепный, и для меня поистине драгоценный подарок мне.

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 14–15об.

IX.

Иерусалим, 18 ноября 1886 г. Ответчено 17 декабря 1886

Ваше превосходительство
высокопочтимый Иван Васильевич,
милостивый государь

Не могу передать Вам, с каким чувством вседушевной признательности прочел я любезные строки дорогой руки Вашей, известившей меня об

успешном завершении подъятого Вами великодушно жестокого (improbus) труда, заслуживающего более ценного и честного предмета занятий. Чего стоило даже прочесть мое микроскопическое писание, а Ваше неподражаемое терпение столько времени приготавливало его к печати, стойчески переносило всю безвыходную скуку, и прямо—злобу терзающей сердце корректуры, и не находя утешения даже в сознании, что тем приносите жертву на какой бы то ни было алтарь общественного служения. Поистине исповедую любви Вашей, что прочитывая страницы, присылаемые Вами мне и отпечатанных Вами листов моего пустословия, я умилялся до скорби, помышляя, что все это было предметом дорогой заботы Вашей, не знавшей м. б. покоя и отдыха. Я дал обет при этом изыскать способ сделать для Вас что-нибудь приятное, и братски простираю к Вам руку, прося Вас от искреннейшего сердца помочь мне в том, указавши, что может занимать боголюбивый и любознательный дух Ваш, и что подручно мне выполнить,—по моему положению в местах, полных всякого и разнообразного интереса. Да будет по мольбе моей!

Прилагаю при сем перечень вкравшихся во второй том моей «Поездки» опечаток, для указания их читателю, если таковой окажется, в его успокоение. Вероятно, найдете несколько из них настолько незначительных, что окажется возможность сократить число их.

С любопытством перечитываю «Описание древних и средневековых монет...» и пр., и не надивлюсь богатству археологических сведений Ваших, не говоря уже о безграничной преданности Вашей научному делу. Новый труд Ваш этот внушает мне мысль спросить Вас: не было ли бы для Вас желанным иметь собственную коллекцию древних монет какого-нибудь из известных отделов нумизматических? У меня, полагаю, нашлось бы довольно дубликатов, чтобы составить таковую. Благоволите без всякого стеснения высказать мне Ваше мнение о сем.

Мне кажется, что в числе переданных мною Е[го] П[ревосходительств]у В.Н. Хитрово¹⁹ для музея Пр[авославного] Пал[естинского] Общества древних монет была в своем роде немалая редкость: декадрахма Афин. О ней не упоминается в составленном Вами «Описании».²⁰ Правда, что, вручая ее высокопочтимому Василию Николаевичу, я заметил, что подлинность ее оспаривалась кое-кем в самих же Афинах, но все же, я думаю, можно было оставить ее в коллекции, хотя ради ознакомления любителей дела с предметом весьма редким и высоко ценимым, когда он имеет признаки подлинности.

В чувствах глубокого почтения, братски-сердечного расположения и живейшей признательности честь имею быть

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга
А. Антонин.

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 16–17об.

Х.

Иерусалим 12 декабря 1886 Отвеч. 29. Января 1887

Превосходительнейший и благосклоннейший

Иван Васильевич,

В ожидании пока Ваше Превосходительство удостоите меня отзывом на запрос мой о том, что бы я мог сделать приятного Вам, в засвидетельствование моей беспредельной признательности за подъятый Вами паче «египетского» труд печатания моих дорожных фантазий 1865 года, я препровождаю к Вам через благосклонное посредство подателя сего, г. медика здешних заведений наших Дениса Федоровича Решетилло, голову безносого Аполлона, найденную (предположительно) где-нибудь между Египтом и Палестиной,--в Вашу личную собственность, несмотря на существующую на ящичке музейную надпись. Благоволите принять сие мое приношение. Работа предмета весьма изящна. Что же касается отбитого носа у полу-бога, то после факта отсечения самой головы у его тела, это уже можно считать не заслуживающим внимания. Да чуть ли не в моде была на старом Олимпе отбивать брат у брата нос. Я помню, в Афинах можно видеть сотнями мраморные головы, наполовину безносые, — и божеские, и человеческие.

Е. П-ву, А. Ильичу Тимофееву, я препроводил для сообщения Вам еще три опечатки, усмотренные мною на последнем листе в томе моей Одиссеи.

Примите поздравления с наступившей по календарю зимою, у нас здесь все еще зеленою и относительно теплою (9°–10°). Решились бы Вы когда-нибудь собственными очами полюбоваться на такое зрелище

Ваш нижайший и преданный

Антонин.

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 18–18об.

XI.

Иерусалим, 26 ноября 1890. Отвечено 18 марта 1891

Ваше Превосходительство

дорогой Иван Васильевич, милостивый государь

Сердечным долгом считаю изъявить Вашему Превосходительству мою глубокую благодарность за Ваши сочувственные слова по поводу мнимого моего юбилея палестинского, доставленные мне услужливым повсюдным фактором планеты нашей, не помнящим родства и беспаспортным лжеименным электричеством аккуратно в сказанный ему срок. У Вас там, в великом свете, юбилеям «честь да место, красна ложка», по русской поговорке, у нас же, в глубоком захолустье, и в

голове не придет устраивать праздник ради того, что человек прозябал на одном месте, не двигаясь ни взад, ни вперед, какую-нибудь круглую цифру лет. Мне же, в частности, и совсем некстати было хвалиться таким обстоятельством. Пребывание мое в Св. Земле было для меня не трудом, не тягостью, не подвигом, а постоянной радостью, отдыхом и незаслуженною наградою. Мне ли было считать времена и лета, и считаться службою на **своеобразном** поприще, **на** котором нет места никакому состязанию, немыслима никакая конкуренция? Оттого вместо празднования 25-летия, я в припадающее для **него** число месяца прохлаждался в заветном месте Троичного Божоявления, у Дуба Мамврийского²¹, лакомясь виноградом,--потомком того, которого одну кисть когда-то поднимали и **несли** два человека! И в таких-то местах не жить, и не радоваться на свою жизнь?

С нижайшею просьбой обращаюсь к Вашему Превосходительству—не по ряду и не по уставу, конечно, но пусть будет извинением в том наше невежие, наша провинция. Благосклонное Археологическое общество выслало мне два тома его Записок (новая серия) и один (IV) том Записок отделения русской и славянской археологии. На обложках сих книг напечатано объявление о существующих в продаже изданиях оногo, в том числе и **о двух** моего досуга бывалого произведений, имеющих здесь кое-какой местный интерес, и не находящихся при мне. В помянутом объявлении не сказано, к кому именно следует обращаться **лицу**, желающему приобрести то или другое издание покупкою, каковым оказываюсь в настоящий момент я. По сей-то причине я и осмеливаюсь утруждать Ваше Превосходительство нижайшею просьбою обратиться, к кому нужно, **с объявлением** моим о желании приобрести некоторые из изданий Общества по указанному мною на обороте сего списку, на каковый конец я препровождаю при сем **взнос** 100 руб. кр. бил.

Когда-то я имел удовольствие получить из Общества оттиснутую отдельной брошюрой статью мою «О разрытиях внутри Российско-посольской церкви в Афинах» (Известия Императорского Археологического Общества. 1859. Т. II. Вып. 3. С. 130), с относящимся к ней планом указанной церкви и существующих под нею остатков древней постройки. Брошюрка эта пропала у меня, замотанная каким-нибудь археологом. Не отыскался ли бы где-нибудь в архиве Общества еще один экземпляр ее?

С глубоким чувством почтения, преданности и неизменной признательности честь имею быть В[ашего] П[ревосходительст]ва нижайшим слугою А. Антонин.

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 19–20. Опубл.: «У монаха везде своя родина и свой дом». Письма архимандрита Антонина (Капустина) со Святой Земли / Вступ. статья, публ. и примеч. Т.А. Богдановой // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. № 1. 2012. Ч. 1. Иерусалим, 2012. С. 183–184; Россия в Святой Земле: документы и материалы / Изд. подг. Н.Н.Лисовой. Т. 2. М., 2017. С.493–494.

- ¹ *Медведев И.П.* И.В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 207–240; *Гурулева В.В.* Архимандрит Антонин как нумизмат // Нумизматический сборник 1998. К 80-летию В.М. Потина. СПб., 1998. С. 240; *Ее же.* Русские коллекционеры памятников нумизматики на Православном Востоке (Вторая половина XIX-начало XX века) // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. Сборник научных трудов. К XX международному конгрессу византистов. Париж, 19–25 августа 2001 года СПб., 2001. С. 168.
- ² Сборник греческих и латинских надписей Кавказа / Сост. И.В. Помяловский для V-го археологического съезда в Тифлисе. СПб., 1881.
- ³ В 1879 г. вышла первая часть «Поездки в Румелию»: Поездка в Румелию. [Соч.] Архим. Антонина, чл. сотр. Имп. Археол. Общества. СПб., тип. Имп. Академии наук, 1879. Вторая часть, «Из Румелии», вышла в Петербурге в 1886 г.
- ⁴ Адриан Викторович Прахов (1846–1916), историк искусства, археолог. Изучал памятники древнегреческого, древнерусского и византийского зодчества. С 1873 г. преподавал историю и теорию изящных искусств в Санкт-Петербургском университете и Академии художеств. В 1879 г. защитил докторскую диссертацию «Зодчество Древнего Египта». В 1887–1897 гг. профессор Киевского университета, в 1884–1896 г. руководил внутренней отделкой Владимирского собора в Киеве. В 1881–1882 в компании с известным востоковедом князем С.С. Абамелек-Лазаревым и художником В.Д. Поленовым совершил путешествие по Египту, Судану, Палестине, Сирии, Греции и Европейской Турции.
- ⁵ Макарий (1816–1882), митрополит Московский и Коломенский (1879–1882). Историк церкви, наиболее известен своей 12-томной, неоконченной «Историей Русской Церкви» (СПб., 1883; 2-е изд. 1994–1996).
- ⁶ Иерофей, патриарх Иерусалимский (1875–1882).
- ⁷ Первый Сибирский Томский Императорский университет, заложенный в 1880 и открытый в 1888 г.
- ⁸ Императорское Русское Археологическое Общество.
- ⁹ *Прозоровский Д.И.* Описание древних греческих и римских монет, хранящихся в музее-кабинете Императорского Русского археологического общества // Известия Императорского археологического общества. Т. 9. СПб., 1880. С. 140–180.
- ¹⁰ Хвольсон Даниил Авраамович (1819–1911) — семитолог, профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (с 1855 г.), профессор Санкт-Петербургской духовной академии (1858–1883). Сведения, которые ему прислал о. Антонин, были необходимы для книги: «Corpus Inscriptionum Hebraicarum, enthaltend Grabschriften aus Krim und andere Grabschriften u. Inschriften in alter hebraischer Quadratschrift, so wie auch Schriftproben aus Handschriften vom IX—XV Jahrhundert» (СПб., 1884); то же на русском языке: «Сборник еврейских надписей», дополнительное издание, СПб., 1884
- ¹¹ Силоамская надпись — фрагмент текста, обнаруженного в туннеле, пробитом в скале при иудейском царе **Езекии** (715–687 гг. до Р.Х.). Туннель подает воду из источника Гихон в Силоамский водоем. Туннель был обнаружен Э. Робинсоном в 1838 г., а надпись **случайно** в 1880 г. **детьми** на расстоянии около 6 м от Силоамского водоема на камне

- в восточной стене туннеля. **Первым археологом, исследовавшим надпись, был Конрад Шик. Полный перевод ее был впервые осуществлен Ш. Клермоном-Ганно. В настоящее время находится в Музее Древнего Востока в Стамбуле.** О. Антонин имеет в виду следующую публикацию: *Socin A.* Eine neue Entdeckung in Jerusalem // *Zetschrift des Deutsches Pal stine-Vereins*. Bd. III. 1880. S. 54–55.
- ¹² Решетилло Дионисий Федорович (1845–1908), доктор медицины, автор руководств по лепрологии и рентгенологии. В 1879–1890 гг. заведовал больницей в Иерусалиме при русских странноприимных заведениях.
 - ¹³ Монет в ящике было несколько сотен, хотя их описи, к сожалению, не существовало. В 1925 г. эта коллекция вошла в собрание Эрмитажа. См.: *Веселовский Н.И.* История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб., 1900. С. 328; *Гурулева В.В.* Архимандрит Антонин как нумизмат // Нумизматический сборник 1998. К 80-летию В.М. Потина. СПб., 1998. С. 240; *Ее же.* Русские коллекционеры памятников нумизматики на Православном Востоке (Вторая половина XIX-начало XX века) // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. Сборник научных трудов. К XX международному конгрессу византистов. Париж, 19–25 августа 2001 года СПб., 2001. С. 168.
 - ¹⁴ Толстой Дмитрий Иванович (1860–1941), коллекционер живописи, историк искусства. Директор Императорского Эрмитажа (1909–1918).
 - ¹⁵ Гиль Христиан Христианович (1837–1908) — выдающийся российский нумизмат немецкого происхождения. Родился в Висбадене. В 1868 г. прибыл в Россию. Составленная им коллекция легла в основание одного из полнейших собраний русских монет, принадлежавшего графу И.И. Толстому. Его собрание греческих монет русского побережья Черного моря было единственным в своем роде; оно перешло в собственность великого князя Александра Михайловича. Х.Х. Гиль является автором ряда важных трудов в области русской нумизматики; он принимал участие в изданиях великого князя Георгия Михайловича по отечественной нумизматике.
 - ¹⁶ Декадрахма — золотая или серебряная монета, равная 10 драхам, 50 литрам, 60 оболам или 600 унциям. На аверсе монеты изображен правый профиль богини Афины, на реверсе — оливковая ветвь и сова. Монета появилась во время греко-персидских войн между 467 и 463 гг. до н. э. Ранее чеканку монеты связывали с Марафонским сражением, позднее с Саламином и Платеей, а сейчас с капитуляцией Тасоса в 463 г. до н. э. или битвой при Эвримедонте. До 1970 г. было известно всего 13 монет, в настоящее время около 40. Половина их находится в музеях, остальные — в частных собраниях. Образцы монеты (467–465 гг. до н. э.) хранятся в нумизматическом музее Афин, в Британском музее (см.: *Head B.V.* Catalogue of Greek Coins in the British Museum. Attica-Megaris-Aegina. London, 1888. Pl. III, 1). Монета до сих пор считается редкостью.
 - ¹⁷ Пятый археологический съезд состоялся в Тифлисе 8–21 сентября 1881 г., шестой — в Одессе 15 августа–1 сентября 1884 г.
 - ¹⁸ Толстой Иван Иванович (1858–1916), государственный деятель, археолог и нумизмат. Министр народного просвещения в 1905–1906 гг. С 1885 по 1890 гг. секретарь Императорского Русского археологического общества. Автор ряда работ по нумизматике.

- ¹⁹ Хитрово Василий Николаевич (1834–1903) государственный и общественный деятель. Основатель и секретарь Императорского Православного Палестинского общества (с 1882 г.).
- ²⁰ В середине 1880-х годов о. Антонин принес в дар Палестинскому обществу коллекцию монет, насчитывающую 564 экземпляра. Это собрание было опубликовано И.В. Помяловским (*Помяловский И.В.* Описание древних и средневековых монет, принесенных в дар Православному Палестинскому Обществу архимандритом Антонином, начальником Духовной Миссии в Иерусалиме // Палестина и Синай. Ч. I. Вып. 2. СПб., 1886). После Октябрьской революции монеты поступили в Академию материальной культуры. В 1924 г. Совет Академии постановил передать коллекцию монет Палестинского общества в Государственный Эрмитаж.
- ²¹ Участок у Мамврийского дуба (площадью 7.2354, 74 кв. м) был приобретен Антонином в 1868 г. на средства, пожертвованные из России. Антонин устроил в Хевроне обсерваторию и любил проводить там время. Поскольку древний дуб начал засыхать, он посадил от его желудей два молодых дубка, которые растут по сей день. 22 мая 1871 г. в Хевроне была отслужена первая литургия. В 1907 г. было начато строительство каменного храма (освящен в 1925 г.).

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЕКТА

Христианство и цивилизации Сирии, Месопотамии и Аравии в I — первой трети VII в.

Юрий М. Кобищанов (Москва)

ВВЕДЕНИЕ

Святая Земля христианства находилась на восточном пограничье Римской (Восточной Римской) империи. Здесь говорили на сирийском (арамейском) языке — родном языке Иисуса Христа и первых апостолов. Некоторые провинции сироязычного ареала переходили из рук римлян к персам и обратно, другие составляли буферные государства. В 614–614 гг. персидские войска заняли Сирию, Каппадокию, Палестину, в 616–618 гг. оккупировали Египет. Эти четыре провинции оставались под властью Сасанидов до 628 г., затем на несколько лет снова перешли к византийцам, а в 634–642 гг. были завоеваны арабами-мусульманами.

Сирия с Палестиной и Месопотамией, а также Египет, стали головной, важнейшей частью Христианского Востока. Положение Сирии, Палестины и Египта было двойственным. Их приморские города и старые колонии-полисы говорили по-гречески и принадлежали к романо-византийской цивилизации. Но с распространением христианства здесь началось возрождение местных древних языков и цивилизаций, уже христианских. Коптская церковь объединила коптский народ, в том числе многомиллионный класс египетского крестьянства. Что касается сирийского народа, то он был разделен на ряд областных субэтносов, связанных с той или иной церковью (несторианской, православной, монофиситской, позднее — также монофелитской) или сектой (субаев и пр.). Кроме того, часть Сиро-Палестинского региона и низовья Евфрата населяли арабы. После арабского завоевания этого региона и Египта сирийская и коптская цивилизации развивались в ассоциации с исламской цивилизацией.

На восток и юг от границ Римской империи: на Кавказе, в империи Сасанидов, в Южной Аравии, Южной Индии и Северо-Восточной Африке

(Мероитское и Аксумское царства), — находились страны внешнего, неримского мира. Самобытные и разнообразные цивилизации этих стран христианизировались в первую очередь благодаря деятельности сирийских христианских миссионеров, а также их учеников — армян, грузин, кавказских албанов, арабов, аксумитов. В процессе христианизации они интегрировались в системную общность, — ранний Христианский Восток, ранний даже по сравнению с тем же регионом в VI — первой трети VII вв. и позднее, когда деятельность сирийских миссионеров здесь достигла своего пика. Именно сирийские миссионеры и их ученики распространили христианство в зонах древних мероитской, китайской и центрально-азиатских цивилизаций. Кроме того, мероиты и аксумиты испытали мощное и стабильное влияние Египта.

В VI в. христианство продолжало распространяться на Кавказе, в частности, среди абхазо-адыгских народов. Наиболее активными миссионерами и здесь были сирийцы, особенно в ранние периоды. Прокопий Кесарийский ничего не говорит о Зихской епископии (хотя он знал, что зихи, или зехи (адыги), «утвердились» на Черноморском побережье¹). Зато он сообщает, что цари абасгов продавали красивых мальчиков-евнухов. «Поэтому-то большинство евнухов у римлян (византийцев. — Ю. К.) и главным образом в царском дворце были родом абасги. При ныне царствующем императоре Юстиниане все отношения у абасгов облеклись в более мягкие формы. Они приняли христианскую веру, и император Юстиниан, послав к ним одного из императорских евнухов, родом абасга, Евфрата именем, решительно запретил их царям» кастрацию. «Тогда же император Юстиниан воздвиг у абасгов храм Богородицы и, назначив к ним священников, добился того, что они приняли весь христианский образ жизни»².

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод с греческого С.П. Кондратьева. М., 1950 (Москва, «Книга по требованию», 2013). С. 383 (De bello Gothico, IV, 4, 1–3).

² Там же. С. 382–383 (De bello Gothico, IV, 3, 14–21).

Сирия и Месопотамия в III–V вв.

Алексей В. Муравьев (Москва)

В истории сиро-месопотамского региона в IV в. произошел ряд важных изменений, определяемых тремя факторами: римско-иранскими отношениями, распространением христианства и функционированием эдесского диалекта арамейского языка, называемого также сирийским. В культурном отношении сиро-месопотамский регион характеризует взаимодействие эллинистическо-римской, сиро-христианской и иранской культур. Это взаимодействие проявляется в языке, искусстве, литературе. В это время в контакте с греческим и средне-персидским происходит становление сирийского литературного языка. Сирийский формируется во II–III вв. как арамейский диалект Осроэны, на основе классического арамейского и разных форм городского греко-арамейского койнэ. Язык в сравнении с современным ему иудейско-арамейским упрощен и лишен заимствований из иврита. Вместо этого присутствуют грецизмы и иранизмы. Становление сирийского литературного языка имело далеко идущие культурные последствия: он стал одним из основных языков Христианского Востока и даже таким, которой выполнял отчасти роль медиатора между культурами: греческой и арабской, армянской и греческой и т. д. Именно поэтому сирийский мир (понятие условное) имеет не географические границы, но лингвистические: он определяется зоной функционирования сирийского языка.

К началу IV в. на Ближнем Востоке произошел ряд важных изменений. Сиро-месопотамский мир отчетливо делился на две части: римскую и иранскую. После реформ Диоклетиана из провинций *Syria* и Келесирия (др.-греч. *Κοίλη Συρία*, *Coelesyria*) был сформирован диоцез Восток. В 330–350 гг. из территорий Полной Сирии вдоль западного берега Евфрата и бывшей области Коммагена была создана Евфратская провинция, со столицей Иераполь (сир. Маббог). С иранской стороны в сиро-месопотамский регион входили провинции Арбайестан (арам. Бет Арбайе, Тур-Абдин), Гармакан

(Бет Гармай, Гарамея), Нодшираган, Сиярзур, Асурестан (Бет Арамае, Вавилония), Хузистан (Бет Хузайе, Сузиана, Элам), Майсан (Бет Маисан, Месена), Мад (Бет Мадае, Мидия), Парса (Бет Парсайе, Персия), Бет Катрайе (Катар), Бет Тайяйе (облсть Бану Лахм), Мазун (Бет Мазунайе, Оман), Бет Картавайе (Адиабена). В этих областях проживало смешанное население, говорившее в основном по-сирийски.

Граница между двумя империями была зоной постоянных конфликтов³. В 297 г. был заключен очередной договор между Диоклетианом и шаханшахом Нарсесом, который был вынужден сделать территориальные уступки. *лимес* прошел по затигрским городам Нисибину, Шиггару, Безабде. Христианское население этих городов изменило соотношение между религиозными группами в Эраншахре. Тем временем Диоклетиана в Риме сменил Константин, обратившийся после битвы на Мильвийском мосту в христианство и взявший на себя декларативно заботу о христианах Ирана. Это заставило шаха рассматривать христиан как клиентов Рима и принять жесткие меры, ставшие известными как «гонение Шапура».

Военные действия между Римом и Ираном открывались несколько раз и продолжались, то затихая, то возобновляясь до арабского завоевания. В 324 г. персы нанесли поражение Константину⁴, но затем ромеям удалось взять реванш⁵. Но Шапур II не собирался сдавать своих позиций. После смерти Константина и перехода власти к Констанцию военные действия возобновились. В 336 г. Нарсес захватил Амид, а в 337 персы осадили приграничный Нисибин (Νίσιβις, поздне-сирийская Соба). Констанций прибег к помощи арабов Лахмидов, с которыми он заключил в 338 г. федератский договор.

Констанций готовился к новой войне, но произошла она при Юлиане (361–363) и окончилась поражением ромеев и смертью императора. По договору в Пероз-Шапуре Римская Империя уступала Ирану полосу территории вдоль восточного лимеса и семь затигрских городов, включая Нисибин. Передвижения границ в IV в. не были, конечно, столь значительными, как в VII в., однако в результате неудачных кампаний 60-х гг. граница сдвинулась на запад и Эдесса оказалась одним из приграничных пунктов. В конце военных действий IV в. было решено построить крепость Дара (Феодосиополь) как новый форпост на границе с Ираном.

Гонения на христиан в Иране с политической точки зрения представляли собой зачистку государственного пространства от потенциальных предателей и шпионов, своего рода «пятой колонны». А. Кристенсен верно заметил, что зороастрийское духовенство было *intolerant mais pour les raisons politiques*⁶. Именно война между Римской империей и Ираном создала уникальную ситуацию, в которой христианская церковь Сирии получила мощный импульс развития.

Как заметил Ф. Миллар, установление административной структуры совпало с возникновением сирийского языка как языка большой культуры

и с распространением христианства в сирязычной среде. Епархии в имперской Церкви, как известно, повторяли деление территории государства на провинции и области (диоцезы). В Сирии церковная структура усложнилась от одной епархии в Осрэне со столицей в Урхой (Эдессе, теперь Урфа в Турции) до нескольких епархий к концу IV в. На Первом вселенском соборе 325 г. Сирийскую церковь представлял эдесский епископ Айталлаха (на кафедре 324/25–345/46). В сир. традиции ему приписывается сохранившееся лишь по-армянски послание «Ко христианам, иже во Персидских пределах суть»⁷. В нем дается историческая справка о римских императорах от Диоклетиана до Константина Великого, сообщается о ходе и итогах Никейского Собора, приводится Символ веры, имеющий текстуальные расхождения с Никейским Символом (по-видимому, подвергшийся интерполяции частью из древних сирийских исповеданий, частью — из Константинопольского Символа 381 г.), рассматривается вопрос о дате празднования Пасхи, причем осуждается вычисление этой даты, так как христиане празднуют Воскресение Господа на каждой Евхаристии, а не только раз в году. Учение о Св. Троице излагается христологически: «Тело Христово именуется Богом, а Его Божество называется Духом, и Силою, и Словом, и Светом»; все земные естества состоят из четырех элементов, сущность всех тварей, включая ангелов, ограничена их природой, а использование свободной воли делает их добрыми либо злыми.

В имперской половине сирийского мира епископии со своей структурой осуществляют не только церковную, но и светскую роль консолидации христиан. Христианские общины тяготеют к городам, из которых постепенно Эдесса, Эмес, Харран и ряд других становятся основными центрами сирязычной христианской культуры. Особенную роль играла именно Эдесса (македонское название города заменило более древнее — Урхой). Ее епископы становятся постепенно главными фигурами сирийского мира.

В области богослужения у сирийцев IV в. фиксируется большое количество элементов иудео-христианского происхождения. Так, употребляются опресноки (*азута*), богослужение восточно-сирийское еще не возникло как отдельная традиция. Мадраши мар Афрема могли свободно вставляться в богослужение, как *лелья* (ночное), так и *сапра* (вечернее). Отдельную службу представляет *куробо* или *ра'зе каддише* (святые Тайны), соответствующая литургии у греков.

Отдельно следует сказать об уже наметившемся культурном разделении внутри сирийского христианства на восточную и западную форму. Внешне это разделение проявляется уже в дифференциации алфавитов, которая оформляется впоследствии (VI–VIII вв.), но в ранее время политическая граница между Ромейской империей и Ираном уже диктовала некоторые различия. Впоследствии кроме разницы алфавита формируется и разница в произношении и даже в самой фонетике (восточные диалекты фиксируют

звук «о», которого не фиксируют западные). Но для IV в. пока эти различия лишь слабо намечены. Сирийский язык выступает как язык переводов и вообще культурного взаимодействия, что придает всей сиро-христианской культуре особый смысл. Она отныне выполняет транзитные функции для античной и персидской культур. А учитывая тот факт, что расцвет классического сирийского совпадает с расцветом религиозной письменности на средне-персидском, неудивительно многие иранские памятники так или иначе повлияли или сохранились на сирийском. Нельзя не упомянуть и христиано-арабскую среду, прежде всего Лахмидов. Племя Бану-Лахм и его филарх Мунзир известны по сирийским и греческим источникам. Арабы были федератами империи и защищали лимес. Арабские надписи Амр-аль-Кайса (Имрулкайса, см. ниже) показывают, что арабский язык уже существовал в это время в ранней письменной форме.

От ранней эпохи дошло некоторое количество сирийских эпиграфических памятников, из Эдессы, Апаimei и др. городов, которые позволяют изучать язык и культуру региона. Храмостроительство этой ранней эпохи в Сирии и Месопотамии не представляет из себя ничего особо выдающегося. В IV в. начинается история библейских переводов на сирийский язык. И хотя Пешитта в III в. еще не существовала, а в новозаветной области господствует Диатессарон (*ewanhelyon da-mgallette*), то есть сводное Евангелие-синопсис, составленное учеником Иустина Философа Татианом, уже существует в Нисибинской школе («Школе персов», как ее называли впоследствии). Здесь изучают Библию, делают новые переводы, изучают опыт *таргумов*, иудейских переводов на арамейский язык. Следы этого интереса видны в библейских комментариях мар Афрема.

Афрем (Ефрем Сирин, или Мар Афрем, как его называют по-сирийски)⁸ был наиболее значительной фигурой сирийского мира этого времени. Он родился и прожил всю жизнь в Нисибине, в Месопотамии, а умер в Эдессе (Урхой), столице области Осроэна. О жизни Афрема известно мало. Житие его написано поздно. Из него мы узнаем, что отец Афрема был языческим жрецом, который выгнал сына из дома за то, что тот стал христианином. Далее повествуется, что Афрем отправляется в пустынные горы, окружавшие Эдессу, чтобы там подвизаться в монашестве. Как показывают современные исследования, сирийская житийная традиция не оригинальна. В основном она повторяет топоры, происходящие из грекоязычной среды. Несколько источников были для житийной традиции основными: XL гл. Лавсаика, написанного Палладием Еленопольским ок. 420 г. и житийный цикл Василия Кесарийского. XL гл. Лавсаика Палладия на деле не представляет никакой исторической ценности. Эти тексты стремятся грецизировать и мифологизировать образ Афрема. В сирийской версии Палладия, созданной Ананишо и получившей в сирийской традиции название Рай восточных отцов, к уже указанной XL гл. прибавлены еще две апофтегмы, также не имеющие

особой ценности. Упоминает Афрема и константинопольский историк V в. Ермаий Созомен, хотя и он не имеет точных сведений о сирийском поэте⁶. Для мировоззрения Афрема характерно сочетание трех традиций: библейской (влияние иудейской традиции), месопотамской (стихотворения-диалоги) и эллинистической (богословская и философская культура). Темы его произведений — церковные праздники, события Библии, аскетизм.

Положение сирийских христиан в Иране кардинальным образом отличалось от их положения в Восточной Римской империи. Христианское население жило среди зороастрийцев (маздеев), что создавало напряжение, периодически прорывавшееся в конфликтах, а в 50-е гг. произошло гонение Шапура II, давшее целый сонм мучеников, среди которых Яков Рассеченный и Симеон бар Саббаэ. Последний был главой христианской общины и отказался платить удвоенную подать, наложенную шаханшахом. После нескольких месяцев заточения зороастрийские священники добились его казни.

Самым известным восточно-сирийским писателем этой эпохи был Афрат⁹ (сирийская форма персидского *Frahad*) (ок. 260 или 275 — после 345), родился в Персии, видимо, в семье зороастрийцев. Имя Афрат встречается не ранее IX в., в древнейших источниках и рукописях он именуется просто «персидский мудрец» (сир. *hakkima parsaya*). Сведения о жизни Афрата крайне скудны и содержатся в основном в его творениях. Георгий, епископа арабов (VIII в.), а также лексикон Бар Бахлуля (IX в.) и позднейшие историографы Илия бар Шинайя и Бар Эбрей называют Афрата «ученейшим знатоком Писания». Позднейшие предания о его епископстве в Ниневии и пребывании в монастыре Мар-Маттай, равно как и приданное ему традицией имя Иаков, могут происходить от смешения Афрата со св. Иаковом Нисибинским, хотя некоторые ученые считают их достоверными; отождествление Афрата с неким анахоретом Афратом, упоминаемым блж. Феодоритом Кирским в «Истории боголюбцев», невозможно хронологически.

Творчеством Афрата, писавшего на сирийском языке, завершился ранний период сирийской литературы¹⁰. Ему принадлежат 23 гомилии, написанные в 337–345 гг. и получившие название «Образцы», или «Примеры». Они пользовались популярностью среди сирийских христиан, были весьма рано переведены на армейский и геэз (гыыз) языки под именем творений Иакова Нисибинского и оказали некоторое влияние на армейское аскетическое богословие. Гомилии посвящены вероучительным, догматическим и экзегетическим темам: «О вере» (Гомилия 1), «О любви» (2), «О посте» (3), «О молитве» (4), «О покаянии» (7), «О воскресении мертвых» (8), «О пастырях» (10), «О Пасхе» (12), «О девстве» (18) и др. Богословие Афрата довольно архаично: он мало касается догматических споров, более всего занимаясь толкованием Священного Писания и вопросами аскетики. Строй его мысли тесно связан с семитическим строем языка, на котором он писал, и пронизан иудео-христианскими образами; Афрат использует для ВЗ

версию Пешитто, а для Евангелий «Диатессарон» Татиана; он пользуется и неким древним сборником новозаветных посланий, происхождение которого пока не выяснено. Афраат был, несомненно, знаком с еврейской (раввинистической и эллинистической) традицией толкования Священного Писания. Его риторика испытала влияние эллинистических образцов, вероятно к его времени уже ставших органической частью сирийской культуры. Отношение Афраата к иудеям и иудейской культуре — тонкий и сложный вопрос: с одной стороны, за интуицией и культурой Афраата определенно прослеживается иудейский фон, но не раввинистический, а скорее «неортодоксальный», вроде есеевского (см. ниже); в то же время именно Афраат выступает резким обличителем иудеев, обвиняя их в идолослужении и богопредательстве. Для Афраата характерен заметный ромейский патриотизм, что позволило С. Броку характеризовать его позицию как «разделенное подданство» (divided loyalties). Историософия Афраата основана на Книге пророка Даниила. То, что называют «символом Афраата», состоит в исповедании Единого Бога, сотворившего небо и землю и человека по подобию Своему, принявшего жертву Авеля, вознесшего Еноха, укрывшего Ноя за его праведность, говорившего с Моисеем о его смирении, «глаголавшего пророки» и пославшего в мир Мессию. Афраат ясно исповедует веру в воскресение мертвых, в то, что христиане силою св. Крещения наследуют бессмертие; Евхаристию он именует «возвращением в Едем». Ученики мар Афрема Балай и Кириллона продолжили развитие поэтических жанров в конце века.

В это время начинает писаться и распространяться апокрифическая литература на сирийском языке. Большая часть текстов была переведена с греческого, наиболее известным памятником этого времени считают «Учение Аддая апостола», в котором излагается история Эдесского Нерукотворного образа Христа и содержится история обращения в христианство всей Осроэны. Примерно к этому же времени относятся ранние редакции «Деяний Мари», просветителя Персии. Мученические акты Персидского гонения Шапура II, написанные в конце IV в. также представляют собой важные памятники раннесирийской литературы.

³ Очерк политической истории см. M.H. Dodgeon, S.N. C. Lieu. *The Roman Eastern Frontier and the Persian wars AD 226–363. A Documentary History*. L.-NY, 1991; G. Greatrex, S.N.C. Lieu. *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part II. AD 363–630*. L.-NY, 2002; A. Christensen. *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen, 1944, esp. Ch. 6, pp. 259–315; B. Dignas, E. Winter. *Rome and Persia in Late Antiquity*. Cambridge, 2007

⁴ Кедрин I, 496

⁵ Малала 13, с. 317, 17–318.3

⁶ Christensen, p. 266.

⁷ По мнению Д. Банди, этот документ не является подлинным и возник в среде сирийских христиан между 410 и 428 гг.

⁸ Наиболее свежая обзорная статья: Brock S. In search of ST. Ephrem // *Христианский Восток* 6 (XII) 2013, 13–77.

⁹ Schwen P. *Afrahat, sein Person und sein Verständnis des Christentums*. B., 1907; Ortiz de Urbina I. *Die Gottheit Christi bei Afrahat*. R., 1933; *Duncan E.J.* Baptism in the Demonstrations of Aphraat. Washington, 1945; *Vööbus A.* History of Ascetism in the Syrian Orient: A Contribution to the History of Culture in the Syrian Orient. Louvain, 1958. Т. 1. [CSCO 184. Subs. 14]; Neusner J. *Aphraat und Judaism*. Leiden, 1971; *Brock S.* Early Syriac Ascetism // *Numen*. Т. 20 (1973). P. 2; *Murray R.* Symbols of Church and Kingdom: A Study in Early Syriac Tradition. Camb., 1975; *Пугулевская Н.В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979. С. 125–130; *Афиногенов Д.Е.* Историософия Афраата // ВДИ. 1994. № 1. С. 176–187.

¹⁰ Произведения мар Афрема, находившиеся в сирийских рукописях, стали основательно изучаться и издаваться только в XVIII в., когда Рахмани предпринял попытку издать в Риме полное собрание всех дошедших до нас сочинений преподобного. Тогда-то и выяснилось, что создать единый корпус сочинений Ефрема практически невозможно, так как он распадается на несколько самостоятельных групп: сирийскую, греческую и латинскую. Вторую попытку издать все сочинения Ефрема предпринял в 1882 г. Т. Ж. Лами. В 1915 г. в Риме была сделана последняя попытка: С. Дж. Меркати издал первый том новой коллекции сочинений прп. Ефрема. Однако и данное предприятие закончилось изданием одного этого тома. С тех пор пути издания греческого корпуса и сирийского окончательно разошлись. Самую полную на сегодняшний день коллекцию сирийских сочинений прп. Ефрема издал в Левене доминиканец Эдмунд Бек. На настоящий момент известны его прозаические (проповеди) и поэтические (мадраше, мемре) тексты общим числом более 300. *Aphraatis Sapientis Persae Demonstrationes* / Ed. J. Parisot. P., 1894–1907 [PS 1, 1–2]; *Pereira E.* *Jacobi Episcopi Nisibeni Homilia de Adventu Regis Persarum adversus urbem Nisibis* // *Orientalische Studien*. ??? T. Nöldeke gewidmet. Gießen, 1906. S. 877–892; *Garitte G.* La version géorgienne de l'Entretien VI d'Aphraate // *Le Muséon*. Т. 77. 1964. P. 301–306; La version arménienne des oeuvres d'Aphraate le Syrien. Т. I–III / Ed. G. Lafontaine. Louvain, 1977–1980 [CSCO 382/83, 405/06, 423/24. Armen. 7–12]; *Sauget J.-M.* Entretiens d'Aphraate en arabe sous le nom d'Ephrem // *Le Muséon*. Т. 92 (1979). P. 61–69; *Baarda T.* Another Treatise of Aphraat the Persian Sage in Ethiopic Translation // *Neutestamentliche Studien*. Bd. 27 (1981). S. 632–640; *Aphraate le Sage Persan. Les Exposés* / Trad. et préf. M.-J. Pierre. P., 1988–89 (SC 349, 359) [фр. пер. с введ. и коммент.].

РЕЦЕНЗИИ

С ШУЛХАН-АРУХОМ К СВЯТОМУ ГРОБУ

(Рец. на книгу: Король М. Храм Гроба Господня. М., 2013. 304 с.).

Книга называется «Храм Гроба Господня», представлена издательством «ОЛМА» как «первая и единственная в России, посвященная Храму Гроба Господня», а автор ее, Михаил Король — как «поэт, эссеист и один из самых ярких израильских экскурсоводов».

В главе вступительной обсуждаются различные названия священного комплекса: Храм Гроба Господня или Храм Воскресения. Затем говорится: «В средние века для характеристики места чаще применялось слово «гробница», подчеркивающая локализацию абстрактного понятия «воскресения». И по сей день в русском языке более употребительным названием является Храм Гроба Господня». Увы, языковая ситуация характеризуется неверно. В православной греческой традиции и по сей день единственно употребительным является название Храм Воскресения. Именование Храм Гроба Господня принято в западной традиции, со времени крестоносцев. В русском языке оно утвердилось лишь с XIX в. и то не сразу.

Например, в древнейшем в русской рукописной традиции «Житии и хождении игумена Даниила» (1107) сразу после главки «О Иерусалиме» следует глава «О церкви Воскресения Господня»: «Когда вошел в город, путь сквозь город идет к святая святых на правую руку, а на левую к Святому Воскресению, где Гроб Господень». И далее: «Церковь же Воскресения Господня такова образом...» — и паломник описывает внутреннюю структуру и архитектуру церкви Воскресения¹. Гробом Господним он, как и авторы других древних *хождений*², называет только непосредственно Кувуклию. Так что дело не в условностях языка, а в конфессиональной определенности: у католиков Гроб, у православных — Воскресение.

Но это, по нынешним временам, вопрос терминологии. Более досадно, когда видишь на картинке одно, а в подписи под ней читаешь другое. Например, на с. 7 дано изображение печати короля Иерусалимского Балдуина I

(нач. XII в.), расшифрованное следующим образом: «На печати изображен и ХГГ (с левой стороны), и храм Господа на Храмовой горе, между ними цитадель Давида», при том, что на самом деле изображен один только храм Гроба Господня: его колоколья, его малый купол (Кафоликон) и большой — открытый в небо купол Ротонды. Странно, аналогичное изображение печати XIII в. (на с. 18) автор описывает правильно (во всяком случае, узнает на месте купол Ротонды). Аналогично, на с. 151 воспроизведена не «Греческая эпиграфика на стенах Кувуклии» (как подписал иллюстрацию автор), а ктиторская надпись архитектора Николая Комнина из Митилены — создателя нынешнего облика Кувуклии и всего Храма Гроба Господня после ремонта 1810 г. И перевод греческой надписи лучше бы автору вовсе не делать, тогда из «царского (т.е. султанского) зодчего» Николай Комнин не превратился бы в «Василия-подмастерье» (с.150).

Впрочем, до Кувуклии нам, читателям путеводителя, еще идти и идти, да и дойдем ли. В заключение предварительной главы М. Король задается вопросом, необходимым, в принципе, для экскурсовода: «Как выстроить маршрут для знакомства с ХГГ?» Ответ неожиданный: «Да никак! Двигайтесь хаотически, без всякой строгой последовательности, руководствуясь общим планом ХГГ, и «зависайте», привлеченные то дивной капителью, то престолом в полумраке, то необычной надписью на каменной притолоке» (с. 9–10).

Правда, несколькими страницами ниже автор возвращается к структуре книги и признается: «Выбрать порядок следования глав было делом непростым. С одной стороны, хотелось соблюсти принцип мозаичности и калейдоскопности, но при этом избежать хаотической случайности, с другой стороны. Выход был найден следующий: поверх общей схемы ХГГ была начерчена одной линией восьмиконечная звезда, более или менее захватывающая пространство плана. Более уместной фигуры для обозначения направления ознакомительного маршрута по ХГГ не придумаешь» (с. 16).

Забегая вперед, скажу, что для его замысла, может быть, действительно, уместней не придумаешь. Мы увидим, для чего автору все эти «мозаичности», «калейдоскопности» и даже «восьмиконечная звезда».

Удивлять так удивлять. Описание Храма Гроба Господня начинается почему-то с церкви святого Иакова, брата Господня, которая вообще-то вовсе не относится к архитектурному комплексу Храма. Тем более, что расположенные рядом приделы св. Сорока Мучеников «иже под колоколы» и св. Марии Магдалины отнесены Королем, по некоему каббалистическому принципу, к концу книги (церковь Иакова — первая глава, Сорока Мучеников — 59-я глава, Мария Магдалина — 60-я). Почему, не приложим головы.

Но, выйдя из церкви Иакова — через названную церковь Марии Магдалины и мимо Сорока Мучеников — экскурсовод ведет нас через двор к часовне Марии Египетской, а из нее — не сообщая, что для этого мы войдем в Храм Гроба Господня, не посмотрим ни направо, на Голгофу, ни налево, на

Камень Миропомазания, а почему-то проскочим сразу к приделу Тернового Венца. Такие «прыжки» будут совершаться и далее. Посетив подземную церковь Елены и придел Обретения Креста, мы выйдем к Разделению Риз (автор почему-то предпочитает «Раздранье Риз»), а от него — вдруг в коптский монастырь св. Антония. Притом, что для этого придется пройти в обратном порядке все увиденные уже нами приделы, выйти из Храма и подняться на кровлю св. Елены, только по которой и можно пройти к коптам.

И от коптов — еще один головокружительный прыжок — обратно в Храм, в тот амбулаторий, в котором мы останавливались у придела Разделения Риз. Теперь нам будет показан придел Лонгина Сотника, Аркады Девы и с севера введут нас в Ротонду. Но не думайте, что пригласят к Святой Кувуклии. Нет, нам покажут сначала второстепенный сирийский придел с погребальными локулами Иосифа Аримафейского и Никодима, и столь же второстепенную коптскую часовню Главы Господней (автор именует ее «приделом Изголовья Гроба»).

Тут вдруг снова выскакиваем из храма, пробегаем через двор — и в греческий Авраамиевский монастырь, на правой стороне двора. Затем по той же правой стороне — в армянский придел св. Иоанна Богослова, а за ним — в следующую дверь, в эфиопский придел Архангела Михаила. Но вместо того, чтобы пройти через этот «сквозной придел» снова на кровлю и посетить расположенный там эфиопский монастырь, мы опять виртуально «спрыгиваем» в пространство под Голгофой, где размещаются канцелярия и ризница храма. (Неужели экскурсовод так «изысканно» провел, с «подпрыгиваньями», по святыням храма хоть одну реальную группу паломников? Да кто бы позволил?) После долгих обсуждений о судьбе гробниц латинских королей Иерусалима, вождей крестоносцев, мы проходим в Кафоликон (автор почему-то предпочитает путающее читателей написание Католикон; с католиками этот соборный храм Иерусалимской Патриархии ничего общего не имеет). Выйдем из него и пойдем вполне нелогично через упомянутые Аркады Девы в приделы Уз Господних и Темницы с чудотворной иконой «Богородицы Скорбящей»...

И уткнемся в главу, игриво озаглавленную «Капелла неизвестного архитектора». Речь идет о санитарном узле, попросту говоря, о туалетных комнатах, существующих к северу от Храма Гроба Господня. Именно так, а не в составе Храма, как пытается нам представить Король.

Куда он отправится со своими паломниками дальше? А дальше — прямо к Кувуклии, к часовне Гроба Господня, святейшему месту в святом храме.

...Стоп. Неужели для этого нужен был столь витиеватый «маршрут», если можно назвать маршрутом тот прыгательный бег с препятствиями, который мы пытались описать выше?

И тут я вспомнил.

В конце 1960-х годов, когда только-только создано было в Москве Общество охраны памятников истории и культуры, молодой еще тогда Михаил

Петрович Кудрявцев делал в Обществе доклад о Плате реконструкции Москвы. Среди заданных ему вопросов был и такой, острый: почему общественные туалеты устроены в столице на месте снесенных храмов или рядом с еще не снесенными? Кто не помнит сортиров у входа в ГУМ, на месте взорванного Казанского храма (восстановлен в 1990-е годы), у входа в Спасские и Никольские башни Кремля, у северных дверей Успенского собора в Кремле. Михаил Петрович пожал плечами и рассказал, что в средневековой еврейской книге правил «Шулхан-Арух» (в переводе «накрытый стол») есть предписание на случай, если твое жилье оказывается по соседству с христианским храмом. Рецепт простой: оградись от него нечистотами. Кто-то не поверит. Мы можем сегодня проверить подобные «архитектурные» предписания, открыв указанную книгу с помощью интернета:

«Закон 60. Еврею строго запрещены всякое удовольствие или польза от храма акумов (т.е. гоев, неевреев), например, летом прогуливаться в его тени, слушать игру на органе, либо смотреть на прекраснейшую из его икон с целью наслаждения этим; Закон 61. Строжайше запрещается еврею строить для себя дом рядом с капищем (= храмом) акумов. Но когда в его владении уже находится такой дом, который стоит рядом с помянутым капищем, и этот дом рушится, тогда, при новой постройке, еврей должен немного отступить от капища, а промежуток заполнить человеческими извержениями; <...> Закон 64. Доброе дело, чтобы храмы акумов, а равно и все, к ним принадлежащее или для них сделанное, каждый еврей елико возможно старался уничтожить и сжигать, а самый пепел рассеивать по всем ветрам или же кидать его в воду. Далее, каждому еврею ставится в обязанность всякий храм акумов искоренять и во всяком случае, — давать ему позорные наименования; <...> Закон 70. Считается заведомо хорошим делом, когда еврей держится в стороне от храма акумов, по крайней мере, на 4 локтя (напр., когда его путь лежит мимо). Согласно с этим, весьма строго запрещается еврею наклонять голову перед названным храмом: например, когда заноза попала ему в ногу или же когда он уронил деньги наземь, так что вынужден нагнуться, в этом случае он должен повернуться к храму спиной. Когда у отверстия водного источника находятся христианские образа либо символы, тогда еврею не дозволяется пить отсюда»³.

Удивительно, однако, как точно соблюдал в своей книге «самый яркий из экскурсоводов» невероятные, казалось бы, для современного человека правила средневекового «накрытого стола». Вот почему понадобилось ему так хитро водить нас по Храму, завести в туалетную зону — и только оттуда выпустить к Святой Кувуклии. «Зависаем!»

Господи, лучше бы я не открывал этой книги!

... «И присвоили ему звание Короля».

Н. Н. Лисовой

¹ «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. СПб., 2007. С. 24–30.

² См., напр.,: Диакон Зосима, 1419–1422: «И обошел все святые места, что внутри церкви Святого Воскресения» (Книга хождений. М., 1984. С. 306–307); Гость Василий, 1466: «Пошли в Иерусалим, к большой церкви Воскресения Господня» (там же, с. 357); Купец Трифон Коробейников, 1584: «В том же граде стоит великая церковь Воскресения Христова, где Гроб Господень каменный» (Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988. С. 36); Проскinitарий Арсения Суханова, 1653: «Пошел Патриарх в великую церковь Христова Воскресения» (там же, с. 105).

³ Тексты Шулхан-Аруха воспроизводятся в интернете по книге немецкого священника-теолога Я. Эккера «“Иудейское зеркало” в свете истины» в русском переводе А.С. Шмакова (Ecker Jakob. *Der „Judenspiegel“ im Lichte der Wahrheit: eine wissenschaftliche Untersuchung*. Paderborn (Bonifatius-Verlag), 1884). Новейшие издатели средневекового свода дают сглаженный современный перевод и вовсе пропускают, без комментариев, целый ряд ритуальных предписаний, которые «могут восприниматься людьми, не знакомыми с еврейской традицией, как оскорбительные».

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

70-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИКА СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА КАРПОВА

1 января 2018 г. исполнилось 70 лет академику РАН Сергею Павловичу Карпову, члену Совета Императорского Православного Палестинского Общества, известному историку-византинисту, президенту исторического факультета МГУ.

Работы Сергея Павловича признаны во многих странах. Член-корреспондентом двух академий в Италии, член авторитетных научных сообществ в Европе и в Азии, он неоднократно приглашался для чтений лекций в ведущих университетах Италии, Франции, ФРГ, Нидерландов, США, Канады, Австралии, Болгарии, Греции, Кипра, Сербии, КНР и других стран.

Председатель ИППО Сергей Степашин сердечно поздравил юбиляра в поздравительном адресе, в котором было сказано:

«Уважаемый Сергей Павлович!

Примите мои самые искренние поздравления по случаю знаменательного события в Вашей жизни — 70-летия со Дня рождения! Сердечно благодарю Вас за многолетнее сотрудничество с нашим Обществом, за активное участие в его миротворческом служении!

Ваша подвижническая деятельность по развитию отечественного византиноведения снискала известность в широких научных и общественных кругах России. Ваши научные работы признаны во многих странах, Вы являетесь членом авторитетных зарубежных научных сообществ.

ИППО высоко оценивает Вашу научную и педагогическую деятельность, глубокие монографии, статьи и публикации, а также замечательные научно-просветительские программы и проекты, которые были созданы и реализованы Вами и с Вашим участием в Московском университете и Российской Академии наук. Вы возглавляете Национальный комитет византинистов Российской Федерации, Общество медиевистов и историков раннего Нового времени, а также являетесь председателем экспертного

совета Макарьевского фонда. Эта огромная деятельность по организации науки и исторического образования в России ставит Вас в ряды крупнейших деятелей культуры и науки нашего Отечества.

В настоящее время наше Общество восстанавливает свою деятельность на Сергиевском подворье в Иерусалиме, где предполагается открытие отделения Российского исторического института, основанного по Вашей инициативе. Уверен, что Вы примете участие в этой программе ИППО.

Желаю Вам крепкого здоровья, благополучия, новых творческих успехов в Вашей многогранной научной и общественной деятельности!»

ПРОФЕССОРУ ОЛЕГУ АЛЕКСЕЕВИЧУ КОЛОБОВУ — 70 ЛЕТ

26 июня 2018 г. исполнилось 70 лет Председателю Нижегородского отделения ИППО, члену Совета ИППО, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору исторических наук, профессору Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Олегу Алексеевичу Колобову. Он является известным ученым и специалистом в сфере международных отношений, в том числе на Ближнем Востоке, замечательным педагогом, научным руководителем многих международных молодежных проектов, старейшим членом ИППО, а также членом редколлегии «Православного Палестинского Сборника».

Председатель ИППО С.В. Степашин сердечно поздравил юбиляра в поздравительном адресе, в котором было сказано:

«Уважаемый Олег Алексеевич!

Примите мои самые искренние поздравления по случаю знаменательного события в Вашей жизни — 70-летия со Дня рождения! Сердечно благодарю Вас за многолетнее сотрудничество с нашим Обществом, за активное участие в его миротворческом служении и научно-просветительской деятельности!

Ваша подвижническая и неутомимая научно-исследовательская деятельность в сфере международных отношений на Ближнем Востоке, истории отечественной и зарубежной дипломатии, изучении процесса формирования внешней политики великих держав в новое и новейшее время снискала известность в широких научных и общественных кругах России и за рубежом. ИППО высоко оценивает Вашу научную, просветительскую и педагогическую деятельность. Вы автор более 600 замечательных монографий, учебников и статей, которые были созданы Вами за сорок пять лет плодотворной научной работы.

В 1974 г. Вашими трудами было воссоздано отделение нашего Общества в Нижнем Новгороде, которое с тех пор Вы бесценно возглавляете. В настоящее время Нижегородское отделение ИППО является одной из самых больших и системно работающих региональных структур Общества, во многом благодаря Вашей многолетней и самоотверженной деятельности, умению привлекать к работе отделения молодых и талантливых людей.

Уважаемый Олег Алексеевич, мы высоко ценим Вашу работу по развитию Нижегородского отделения ИППО и отстаиванию интересов русского присутствия на

Святой Земле и на всем Ближнем Востоке! Искренне благодарю Вас за Вашу замечательную деятельность и глубоко убежден, что Вы сможете и в дальнейшем сохранять прекрасные исторические традиции и развивать новые направления работы!

Желаю Вам крепкого здоровья, благополучия, новых творческих успехов в Вашей многогранной научной и общественной деятельности!»

Олег Алексеевич в мае 2018 г. стал лауреатом премии Императорского Православного Палестинского Общества имени Великого Князя Сергея Александровича. 26 июня с.г. в Вознесенском соборе Печерского монастыря игумен обители архимандрит Тихон (Затёкин) в сослужении братии совершил Божественную литургию, после которой состоялось чествование председателя Нижегородского отделения ИППО Олега Алексеевича. После поздравления архимандрит Тихон зачитал О.А. Колобову грамоту митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия: «Награждается Колобов Олег Алексеевич медалью Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви Святого благоверного князя Георгия Всеволодовича III степени за заслуги перед Святой Матерью Церковью». По оглашении грамоты о. Тихон вручил юбиляру медаль Святого благоверного князя Георгия Всеволодовича. После этого О.А. Колобова приветствовала предводитель Нижегородского Дворянского собрания О.Н. Полянская и вручила юбиляру орден Святого Станислава II степени, коим его удостоила Ее Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Мария Владимировна.

К 70-летию Александра Васильевича Назаренко

29 января 2018 г. состоялось торжественное заседание Научной секции ИППО, посвящённое 70-летию А.В. Назаренко — члену Совета ИППО, известному российскому учёному, историку и филологу, председателю Научного совета РАН «Роль религий в истории». Александр Васильевич является доктором исторических наук, специалистом по истории русско-западноевропейских связей Средневековья, истории политического строя Руси и ранне-средневековых государств Европы, а также истории Православной Церкви.

Торжественное заседание секции ИППО открыл заместитель Председателя Общества Н.Н. Лисовой, который выступил с докладом о научной деятельности А.В. Назаренко, отметив большой вклад юбиляра в разработку темы создания, существования и феномена православной империи, а также его вклад в историю русского православного паломничества. В завершение своего выступления Н.Н. Лисовой передал сердечный привет юбиляру от Председателя ИППО С.В. Степашина и вручил ему приветственный адрес и памятную медаль Великого князя Сергея Александровича. В поздравлении председателя ИППО С.В. Степашина говорилось следующее:

«Уважаемый Александр Васильевич!

Сердечно поздравляем Вас с 70-летием со Дня рождения! От всей души благодарим Вас за большую работу, которую Вы ведёте по развитию научной деятельности нашего Общества!

Мы знаем Вас как замечательного русского учёного, историка и филолога, а также общественного деятеля. Более двадцати лет Вы являетесь членом Императорского Православного Палестинского Общества и с 2003 года работаете руководителем Научной секции ИППО. Вы хорошо известны в России и за рубежом как один из виднейших отечественных учёных, занимающихся историей Древней Руси, Русской Православной Церкви, русско-византийских и русско-немецких связей.

Ваша научная деятельность по изучению культурного наследия Византии и Библейского региона закономерно привела Вас к сотрудничеству с Императорским Православным Палестинским Обществом. За пятнадцать лет руководства Научной секцией ИППО Вы много сделали для организации исследовательской деятельности, подготовки и проведения российских и международных конференций Общества, а также создания и публикации новых работ и архивных материалов по истории Святой Земли, канонических связей Русской Православной Церкви с Патриархатами Востока, русско-палестинских культурных контактов.

В этот замечательный день разрешите пожелать Вам многих лет жизни, здоровья, радости, любви и творческих успехов в Вашей многогранной научной и общественной деятельности!»

С приветствиями на торжественном заседании Научной секции ИППО выступили члены Совета Общества: М.В. Бибииков, Г.Г. Гагарин, Г.В. Веренич, секретарь Санкт-Петербургского отделения ИППО профессор М.В. Рождественская, которая огласила приветственный адрес юбиляру от директора Государственного Эрмитажа, председателя Санкт-Петербургского отделения Общества М.Б. Пиотровского. Также с приветственными сообщениями выступили секретарь Московского областного отделения ИППО Р.Б. Бутова и заместитель руководителя Научной секции Общества С.Ю. Житенёв.

К 100-летию Василия Григорьевича Солодовникова

8 марта 2018 года Василию Григорьевичу Солодовникову, известному советскому и российскому дипломату, учёному-экономисту и африканисту, Председателю Российского Палестинского Общества при АН СССР в 1981–1985 гг., член-корреспонденту РАН, исполнилось 100 лет со дня рождения.

В 1946 г. Василий Григорьевич окончил Академию внешней торговли. В 1961–1964 гг. работал заместителем Постоянного представителя СССР при ООН в Нью-Йорке. Известен как один из основателей и директор Института Африки АН СССР (1964–1976), справедливо считается одним из архитекторов советской внешней политики на африканском континенте. Последовательный борец с апартеидом, в 1976–1981 гг. В.Г. Солодовников занимал пост посла в Республике Замбии, а по возвращении на родину состоял главным советником МИД СССР (1981–1983). Является автором 6 монографий и множества статей по социально-экономическим и политическим проблемам развивающихся стран, а также международным экономическим отношениям.

Избранный председателем РПО при АН СССР Василий Григорьевич активно ставил вопросы возрождения деятельности Палестинского общества, возвращения российского национального достояния на Святой Земле. В 1985 г., по приглашению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, организовал и провел в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре первое и единственное совместное заседание Палестинского общества и Московской духовной академии.

В гости к Василию Григорьевичу в день его юбилея с поздравлениями от Императорского Православного Палестинского Общества приехали Сергей Байдаков, председатель Московского отделения Общества, заместитель Председателя ИППО, Д.О. Бурдыга, заместитель управляющего делами ИППО, С.Ю. Житенёв, заведующий научной библиотекой и архивом

ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ

**Памяти
Ольги Андреевны Белобровой
(28.08.1925 — 29.05.2018)**

29 мая 2018 г. скончалась Ольга Андреевна Белоброва. Она была, наверное, старейшим членом Императорского Православного Палестинского Общества в Санкт-Петербурге. Вступила в Общество еще в давние советские годы*. Что касается ее личного отношения к РПО, однажды, на мой вопрос, Ольга Андреевна очень горячо ответила: «Это идет из моей семьи, ведь мой дядя, Дмитрий Павлович, получил православный крест рыцарей Гроба Господня из рук Иерусалимского Патриарха». Позднее, я уточнил, что Патриарх таким образом отметил участие Дмитрия Павловича в спасении жителей Мессины от последствий землетрясения и цунами в декабре 1908 г. Этот крест с вложенной в него частичкой Животворящего Древа Ольга Андреевна передала в Эрмитаж, где он и хранится и выставляется на различных выставках до настоящего времени. В Эрмитаже такого экспоната прежде не было, и Иерусалимский крест Д.П. Белоброва и сегодня остается уникальным предметом в его богатейшем собрании.

В субботу, 2 июня, Ольгу Андреевну похоронили. Отпевание прошло в Князе-Владимирском соборе Санкт-Петербурга. Гроб вынесли на середину церкви, открыли крышку. Ольга Андреевна выглядела немного строже, чем в жизни, но ее белое ровное лицо на фоне белой материи, аккуратное, как у спящего крепким спокойным сном человека, менее всего напоминало о страдании. Скорее наоборот, в нем виделся свет. Я подумал, что более всего она похожа на невесту. Белый фон, белые цветы, которых было на удивление много, белый свет, именно свет, а не цвет, ее лица — невеста! — другое сравнение просто не приходило мне на ум.

* Ольга Андреевна Белоброва стала членом Российского Палестинского Общества при АН СССР (так оно тогда называлось) в январе 1974 г., в один день (их принимали большой группой) с Лисовым, В.Н. Залеской, И.П. Медведевым (ныне академиком), О.А. Колобовым, сестрами Миленой и Татьяной Рождественскими (называем лишь действующих членов).- *Ред.*

Собор, с его имперским объемом, производил, тем не менее, впечатление дома. Тут было спокойно и тихо. Прощались родственники и коллеги по работе, те, кто знал и любил Ольгу Андреевну. Нельзя сказать, что человеческий поток был неиссякаемым, но пришли, вероятно, все те, кто хотел увидеть ее в последний раз.

Ольга Андреевна была дочерью морского офицера, принадлежала к семье военных моряков, о чем всегда не уставала напоминать. Это было важно для нее. Отец ее, Андрей Павлович Белобров, оставил интереснейшие воспоминания, которые Ольга Андреевна опубликовала в 2008 г. Книгу можно назвать классическим и одновременно идеальным научным изданием источника по истории России периода революции и советских лет. Ольга Андреевна вместе с Варей Ромодановской, которая последние лет 15 была с ней неразлучна и которая, несмотря на разницу в возрасте (в 44 года), была и товарищем, и полноправным научным партнёром во всех ее исследованиях, — вдвоем они посетили многие места, о которых идёт речь в воспоминаниях, нашли следы деятельности или могилы упоминаемых людей, установили множество связей между известными и неизвестными событиями. Не говоря уже о количестве приготовленных ими фотографий, переваливших за 1200 шт. Так появился фундаментальный комментарий к воспоминаниям, имеющий самостоятельное

научное значение не ниже монографии. Но и текст воспоминаний, благодаря их совместной работе, стал документом эпохи, свидетельством о ней.

Когда я сам только познакомился с воспоминаниями А.П. Белоброва, и потом, когда работал над их изданием, было странное чувство, словно ты читаешь историю человеческой нравственности. Отец Ольги Андреевны никогда не состоял в партии, но по своему опыту и образованию всегда привлекался к активной работе, связанной с военно-морской гидрографией. Наконец, в звании капитана 1 ранга, Андрей Павлович был назначен на адмиральскую должность, так как партийных адмиралов с соответствующей подготовкой не нашлось, а беспартийных адмиралов в Советском Союзе не могло быть в принципе. Его никогда не вынуждали к тяжёлому нравственному выбору; во всяком случае в воспоминаниях об этом нет ничего. Но это не следует считать счастливой случайностью. Просто его авторитет и знания были востребованы. Если что-то и считать случайностью — то именно эту востребованность. Сам он не искал ни почестей, ни близости к власти и она платила ему тем же. Воспоминания отца Ольги Андреевны — это сага о том, что в СССР можно было просто честно работать и любить именно свою страну, а не политическую систему, и политическая система в данном случае готова была мириться с таким положением вещей.

Ольга Андреевна была и любимым и одновременно верным автором издательства «Индрик». Я познакомился с ней, кажется, 18 лет назад. Мы приехали в Петербург вместе с членом-корреспондентом РАН Герольдом Ивановичем Вздорновым. Среди его многочисленных научных знакомых, конечно, была и Ольга Андреевна. Мы пришли к ней в гости в ее квартиру на Карповке. Я оказался в доме, хранительницей которого была Ольга Андреевна. Именно хранительницей мемориала большой военно-морской семьи Белобровых. Фотографии на стенах, обстановка, библиотека — все было связано памятью.

Мы подружились, наверное, сразу. Ольга Андреевна умела распахнуть не только двери своей квартиры, но и сердце — удивительно доброе, заботливое, сострадательное. Очень скоро любой мой приезд в Петербург автоматически предполагал посещение и ее дома. Со временем это стало внутренним императивом каждой поездки. Первая половина 2000-х годов ещё оставалась довольно сложным временем в жизни научных сотрудников. В Петербурге было беднее по сравнению с Москвой. Во всяком случае мне так казалось. При этом радушный и полный стол в квартире Ольги Андреевны были хорошо знакомы многим далеко за пределами северной столицы. Во всяком случае мои посещения Ольги Андреевны всегда сопровождались

типично московским застольем: с дюжиной закусок и салатов, несколькими горячими блюдами и неизменным бульоном с индейкой. Ольга Андреевна ставила на стол морские рюмки для водки, принадлежавшие ее отцу ещё до революции. Но за столом в принципе не ощущалось никакой ностальгии по прошлому. Мы были увлечены настоящим и больше будущим. Сами придумывали и обсуждали научные проекты. Сами их реализовывали. Иногда за столом собиралась большая компания из сослуживцев, чаще учеников Ольги Андреевны.

Помню, как Герольд Иванович охарактеризовал значение научной деятельности Ольги Андреевны. Она — классик малого жанра. Ольга Андреевна написала много (даже очень много) статей на довольно узкие сюжеты, но вместе с тем никогда не уходила в частности науки. Все ее исследования, написанные иногда на двух-трёх страницах, это фундамент большой академической науки, но рассеянный в различных, иногда в мало известных и вовсе недоступных, научных сборниках. Так возникла идея собрать и издать наиболее важные ее труды. Оказалось, что кругозор автора был много шире, чем мы предполагали. Работать было не просто. Когда все получило свою структуру, стало очевидно и внутреннее единство, скреплявшее всю научную деятельность Ольги Андреевны, которое имел в виду Г.И. Вздорнов. В итоге в издательстве «Индрик» вышли две совершенно отличные книги. Редактором двух этих томов была одна из ее учениц Марина Анатольевна Федотова.

Все годы нашего знакомства Ольга Андреевна была больше, чем друг и автор. Я, как, наверное, и многие другие, находил в ее доме и материнскую ласку, и понимание, и добрый совет. В основе ее отношения к нам была любовь. Любовь простая, не требовательная и безусловно всеобъемлющая. Иначе я не могу этого объяснить.

Четыре года назад Ольга Андреевна заболела. Это случилось внезапно и бесповоротно. Нарушение работы сосудов головного мозга ограничило ее не только физическую, но и интеллектуальную деятельность. До последнего дня, когда случилось несчастье, мы буквально с трудом поспевали за стремительной поступью Ольги Андреевны. И вдруг она оказалась прикованной к постели, без возможности работать и полноценно общаться. Четыре года болезни. Она была и тихой, и скромной, и по-прежнему радушной тогда, когда могла дать нам об этом знать. Если она и должна была пострадать, прежде чем перейти в мир иной, она прошла это последнее испытание в ее жизни безукоризненно. Ольга Андреевна умерла во сне во вторник, 29 мая. Она осталась лежать и во время похорон с тихим, безмятежным лицом, в котором застыл свет, который был с ней всю ее жизнь, всех прощая, никого не осуждая.

Мир ее душе и вечная память.

К.А. Вах

**АКАДЕМИК РАН
СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ТИХВИНСКИЙ
(1918–2018)**

Первого сентября 2018 г. Сергею Леонидовичу Тихвинскому исполнилось бы 100 лет со дня рождения, но к великому сожалению, он скончался 24 февраля с.г., не дожив полгода до своего юбилея.

С.Л. Тихвинский (1918–2018) — выдающийся ученый и дипломат, востоковед, китаист, академик АН СССР с 1981 г., действительный член Российской Академии наук с 1991 г., Чрезвычайный и Полномочный посол СССР. Сергей Леонидович известен как специалист в области новой и новейшей истории стран Дальнего Востока, прежде всего Китая и Японии, и истории международных отношений. Его научный вклад отмечен Государственными премиями СССР (1982) и Российской Федерации (1999).

С.Л. Тихвинский родился в Петрограде, в семье врача, после окончания школы поступил на китайское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета. В 1938 г., сдав экстерном экзамены за IV курс ЛГУ, он был направлен на работу в НКВД СССР. В 1939 г. в качестве переводчика участвовал в беседе И.В. Сталина с Председателем Законодательной палаты правительства Китайской Республики Сунь Фо. Был участником Великой Отечественной войны. После войны до 1957 г. находился на дипломатической службе в Китае, Японии, Великобритании и представлял СССР в Генеральной Ассамблее ООН. Окончил аспирантуру Тихоокеанского института АН СССР, защитив диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук (1945). В 1951 г. участвовал в беседе И.В. Сталина, В.М. Молотова и других руководителей СССР с председателем ЦК Трудовой партии Кореи Ким Ир Сеном и членом Политбюро ЦК КПК Гао Ганом. Доктор исторических наук (1953).

В 1957–1959 гг. он работал заведующим отделом стран Азии Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР. В 1958–1980 гг. был профессором МГИМО,

заведующим кафедрой истории стран Востока (1959–1963). Занимая пост директора Института китаеведения АН СССР (1960–1961), руководил группой по написанию коллективной монографии «Новая история Китая». В 1961–1963 гг. работал заместителем директора Института народов Азии, в 1963–1964 гг. — Института экономики мировой социалистической системы, с 1966 г. — старшим научным сотрудником Института востоковедения. В 1965–1975 гг. был заведующим отделом Азии Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР, в 1967 г. получил дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного посла СССР. В 1968 г. он был избран член-корреспондентом АН СССР по Отделению истории (всеобщая история).

В 1968–1974 гг. был членом Исполнительного совета ЮНЕСКО от СССР, входил в состав международной комиссии по изданию семитомной «Истории человечества», ответственный редактор VII тома. С 1974 г. — главный редактор журнала «Новая и новейшая история». С 1975 г. был назначен начальником Историко-дипломатического управления МИД СССР, членом Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД и Коллегии МИД СССР (с 1977). В 1980–1986 гг. был ректором Дипломатической академии МИД

СССР. Избранный председателем Национального комитета историков СССР, Сергей Леонидович занимал этот пост в 1980–1994 гг. Действительный член АН СССР с 29 декабря 1981 г., академик-секретарь Отделения истории, член Президиума АН СССР (1982–1987), председатель Центрального правления Общества советско-китайской дружбы (1985–1991).

В 1971 г. С.Л. Тихвинский был избран Председателем Российского Палестинского Общества при АН СССР, работая в этом качестве до 1975 г. Он много сделал в непростых условиях советской действительности для развития Общества, прежде всего, в части научных исследований, при нём продолжился выпуск Палестинского Сборника, проводились заседания Научной секции и проходили научные конференции.

В последние годы, несмотря на преклонный возраст, он работал главным научным сотрудником Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, советником Президиума РАН, также был избран почётным президентом Ассоциации китаеведов.

Сергей Леонидович прожил долгую, сложную и интересную жизнь, отданную до конца Родине и отечественной науке, его имя навсегда останется в летописи российского востоковедения и китаистики. Члены Палестинского Общества будут всегда с благодарностью вспоминать большой вклад академика РАН С.Л. Тихвинского в развитие организационной и научной деятельности Общества.

Вечная память!

С.Ж.

АННА АРКАДЬЕВНА ДОЛИНИНА (1923–2017)

16 апреля 2017 года ушла из жизни Анна Аркадьевна Долинина, заслуженный работник высшей школы РФ, выдающийся арабист, талантливый переводчик, прекрасный преподаватель и Человек с большой буквы. Она ушла из жизни в своей квартире на Чкаловском пр., квартире хорошо знакомой ее друзьям, коллегам и ученикам.

Выпускница восточного факультета ЛГУ (СПбГУ), ученица известного арабиста И. Ю. Крачковского, А. А. Долинина пришла работать на кафедре арабской филологии в 1952 г.; свою научную работу она начала с исследования влияния классической русской литературы на развитие национальных литератур Сирии и Египта. Особое место в ранний период своей научной и переводческой деятельности А. А. Долинина уделяла сиро-палестинской литературе, в первую очередь, таким ее ярким представителям, как Джебран Халиль Джебран и Михаил Нуайме. Вторую половину жизни Анна Аркадьевна много работала над историей отечественной арабистики: ей принадлежит книга “Невольник долга” (1994), посвященная И. Ю. Крачковскому, и сборник статей “Арабески” (2010).

А.А. Долинина — автор талантливых переводов классической арабской поэзии — во многом, благодаря составленному ей сборнику “Аравийская старина” (1983), в который вошли переводы доисламских муаллаков, а также “Макамам” аль-Харири (1978) и аль-Хамадани (1999), российский читатель познакомился с лучшими образцами классической литературы стран арабского мира. Заслуги её получили признание не только в России, но и за пределами страны: в 2012 г. она получила премию короля Саудовской Аравии Абд аль-Азиза за выдающийся вклад в дело популяризации классической и современной арабской литературы в России.

За долгие годы своей работы на кафедре арабской филологии Анна Аркадьевна обучила и выпустила в большую жизнь не одно поколение

студентов, многие из которых навсегда связали свою жизнь с арабским миром. Для своих учеников она была и остается примером для подражания не только как прекрасный специалист, но и как человек: доброжелательная, внимательная, остроумная, умеющая найти подход ко всякому, но при этом принципиальная, кристально честная и с несгибаемой силой воли.

Анна Аркадьевна прожила долгую, интересную и очень непростую жизнь: на ее долю выпали и жизнь в блокадном Ленинграде и, позднее, в эвакуации, и послевоенные годы, тихие семидесятые и бурные девяностые, и через всю свою жизнь она смогла пронести доброту, порядочность и, как это ни удивительно, легкое отношение к жизни.

До последнего дня А.А. Долинина продолжала много работать: редактировать и переводить. В текущем году должны увидеть свет произведения, над которыми она только что закончила работать: новая редакция “Макам” аль-Харири, статья, посвященная проф. В.И. Беляеву, переиздание книги И.Ю. Крачковского “Над арабскими рукописями” с ее комментариями, а также переводы стихов аббасидского поэта Ибн аль-Мутазза. Также готовятся к публикации ее мемуары.

Светлая память об Анне Аркадьевне навсегда сохранится в сердцах ее друзей, коллег и учеников.

С. Ю. Гинцбург

Памяти Оли Лосевой

Я узнал о ее смерти в мае прошлого года. На Рождество 2017 г. я еще поздравил ее с праздником и получил ответ, правда, с горькой припиской о тяжелом состоянии, с просьбой о молитвах. На пасхальное приветствие ответа уже не было, и я не сразу придал этому значение. Лишь время спустя, незадолго до того, как сам лег в больницу на операцию, вдруг проснулся среди ночи с отчетливой догадкой. Включил компьютер, и нашел в сети некролог о кончине 18 марта Ольги Викторовны Лосевой.

...Мы познакомились ровно двадцатью пятью годами раньше. В 1992 г. отмечалось 900-летие Архангельского Евангелия (1092). Лидия Петровна Жуковская проводила где-то в декабре научную конференцию в Ленинке, посвященную этой филологической годовщине. Неожиданной «изюминкой» конференции стало выступление совсем еще молоденькой, 21 год, Оли Лосевой — с докладом о месяцеслове Архангельского Евангелия. Я задал вопрос о так называемых «латинствующих» памятях (Архангельское относится к числу содержащих такие нестандартные праздники). К моему удивлению, докладчица, которую я видел в первый раз, обратилась ко мне по имени-отчеству и очень четко, с глубоким пониманием материала, ответила на вопрос, даже намекнув вежливо, что и мои публикации ей известны. Когда кончилось заседание, мы с А.В. Назаренко тут же подошли к ней, чтобы поближе познакомиться.

Оказалось, что Оля Лосева со своей мамой уже несколько лет ходили в Политехнический на мои лекции по древнерусской книжности. Я давно был знаком с ее отцом, Виктором Ивановичем Лосевым, специалистом по рукописному наследию М.А.Булгакова. Ученица Л.П. Жуковской, она, кажется, в это время уже училась на первом курсе филфака МГУ. По наводке Жуковской, Ольга стала бывать у меня, консультироваться, а вскоре Лидия Петровна скончалась, как бы оставив мне свою любимую ученицу на руки.

Участники иерусалимской конференции ИППО, декабрь 2005 г.
Слева направо: О. В. Лосева, Л. А. Беляев, И. С. Чичуров, А. В. Назаренко,
О. А. Глушкова, Г. М. Прохоров, М. В. Рождественская, Н. Н. Лисовой

Я редко встречал такого трудолюбивого человека и у меня уж точно никогда не было другого такого талантливой ученика. Ей досталась непростая и, как говорят, непаханная научная проблематика. Л.П. Жуковская, всю жизнь занимавшаяся славянскими и древнерусскими Евангелиями, лишь краешком коснулась вопроса о месяцесловах, одного из неотъемлемых элементов древних Евангелий и Апостолов — прежде всего богослужебных. И попытка Жуковской исследовать этот особый жанр с помощью разработанной и привычной для нее лингвотекстологической методики не могла дать успеха. Месяцеслов, определяющий календарную структуру богослужения, указывающий место каждому празднику, памяти каждого святого в общем литургическом круге церковного года, в отличие от других памятников церковной письменности, характеризуется чрезвычайной «многообразностью»: ни один древний список не совпадает с другим, близкие схождения между разными рукописями чрезвычайно редки. А списков, и, значит, вариантов месяцеслова — сотни!

С одной стороны, это большое везение — с самого начала научной жизни получить собственный, столь большой и щедрый задел, но, с другой стороны, не случайно перед этим обильным и сложнейшим для анализа материалом даже у самых трудолюбивых филологов, не говоря уже об

историках, руки невольно опускались. Словом, у Ольги практически не было ни предшественников, ни конкурентов.

В 1995 г. она с отличием закончила исторический факультет МГУ. С 1997 г. стала членом нашего Палестинского Общества. В 1999 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Месяцесловы древнерусских Евангелий XI — XII вв.». В 2001 г. по этой диссертации была подготовлена и опубликована монография «Русские месяцесловы XI–XIV вв.» (в 2003 г. удостоена Молодежной премии фонда митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). И все эти годы она продолжала, в буквальном смысле слова, не покладая рук, работу по освоению своего, казалось бы, неизмеримого источникового моря.

Судите сами. Книга о русских месяцесловах построена на материале 152 Евангелий, 26 списков Апостола с привлечением 12 богослужебных сборников различного назначения, но календарно организованных (Обиходники, Часословы и т.п.). Между прочим, изученных и раскартотеченных собственноручно, нередко найденных и введенных в научный оборот впервые. На этом рукописном Монблане зиждится громоздкая и почти не поддающаяся классификации система церковных праздников и памятей, находящая конкретное воплощение в календарных разделах различных богослужебных книг — и ни в одной из жанровых разновидностей, тем более ни в одной из реально сохранившихся рукописей не представленная полностью. Достаточно сказать, что из 1040 праздников, содержащихся в Евангелиях и Апостолах XI — начала XV в., 272 памяти являются уникальными, т.е. встречаются каждая только в одном единственном источнике, 100 памятей упоминаются только в каких-нибудь двух. И лишь 80 праздников относятся, как назвала их О.В. Лосева, к «литургическому ядру» месяцеслова, т.е. встречаются в любых, даже самых кратких календарях.

К сожалению, с момента окончания университета, Ольга Викторовна никогда не пользовалась преимуществами академической работы — с библиотечными днями, возможностью постоянно посещать библиотеки и архивы, работать вволю дома за письменным столом. Семья была небогатая, даже и поступив в аспирантуру, Оля не имела дома компьютера. Можно только предполагать, насколько больше — при ее трудолюбии, упорстве и глубине взгляда — она успела бы сделать. Между тем, ее трудовая деятельность требовала повседневного, от и до, «присутствия». Одно время она была старшим научным сотрудником рукописного отдела Российской Государственной библиотеки, начиная с 2001 г., более 15 лет, Ольга Викторовна работала в «Православной энциклопедии».

Разумеется, ее талант и профессиональная хватка каждый раз были востребованы и получали признание. Благодаря широте своих научных интересов, эрудиции и свободному владению новогреческим языком, она вела в «Энциклопедии» несколько тематических направлений: византийская

и новогреческая агиография, история Греции в новейшее время, история Элладской Православной Церкви, выступая не только в качестве высококвалифицированного редактора, но и как активный автор статей. Ей принадлежит в совокупности более 1000 больших и малых статей в «Православной энциклопедии». Но ведь можно себе представить, что такое годы работы без продыха в жестком редакционно-производственном режиме...

И все-таки она находила силы и время для осуществления собственных научных замыслов, выступала с докладами на конференциях, печаталась в ученых изданиях — в том числе в «Православном Палестинском сборнике». В 2005 г. участвовала в большой иерусалимской конференции ИППО, это было ее первое и единственное паломничество в Святую Землю. Помню, как Оля в Иерусалиме переводила нам греческую речь Патриарха Феофила на приеме в Патриархии...

В 2009 г. вышла вторая ее серьезная монография — «Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV в.», посвященная памяти Л.П. Жуковской. Как и книга о месяцесловах, работа о русских прологах, также организованных по календарному принципу, отличалась невероятно широким охватом источников. Эти две замечательные книги, оставленные нам Олей Лосевой, стали ценнейшим вкладом в развитие русской агиографии — науки о святых и их литургическом почитании.

Светлым феноменом, имя которому было Оля Лосева, мы обязаны не только ее способностям и прилежанию, но и, прежде всего, ее традиционному религиозному воспитанию в семье, неизменной и осознанной ее жизни в Церкви. Еще в студенческие годы она увлеклась своеобразием и богатством греческой православной культуры. От рабочей необходимости знания греческого языка для углубленного понимания древнеславянской и древнерусской переводной письменности она, по собственному желанию, перешла — и по-настоящему пристрастилась — к изучению современного, новогреческого языка — и овладела им в совершенстве, так что в Греции потом не отличали ее от природных греков. В Москве она была прихожанкой и духовным чадом греческого митрополита владыки Афанасия (Киккотиса), настоятеля Александрийского подворья — при храме Всех Святых на Кулишках на Славянской площади. Позже вышла замуж за греческого преподавателя и уехала с ним на его родину.

... Чистая душа, не растратившая с годами юношеского восторга и максимализма, больно билась об окружающую черствость, томилась на холоде и равнодушии. В трудные дни болезни, почти до самой смерти, она находила утешение в работе над статьями для «Православной Энциклопедии», связь с которой не прерывалась. Но жить становилось тяжело, одиноко, грустно.

Прости нас, Оля.

Николай Лисовой

Научное издание

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 115

Ответственный редактор
д.и.н. Н.Н. Лисовой

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 938-01-00

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
21,5 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6